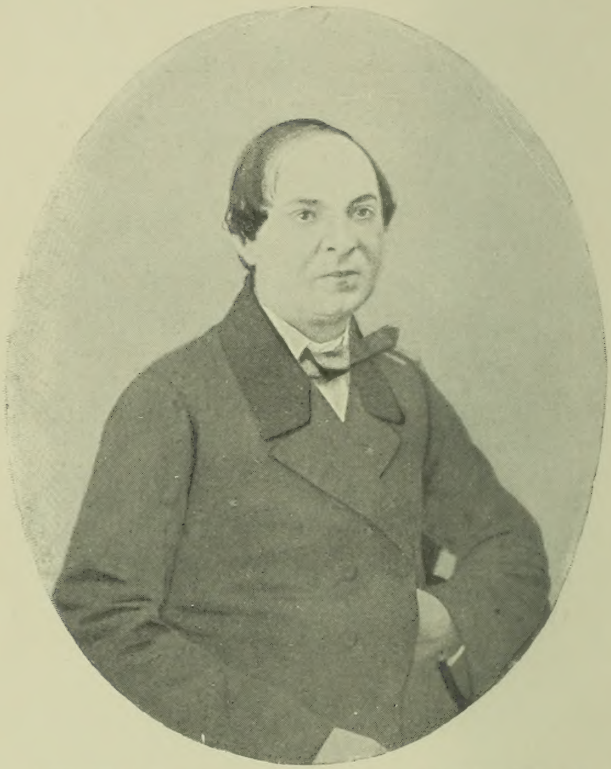
Сочиненія
А. Н. Островскаго



Сергѣй Васильевичъ Васильевъ,
артистъ Императорскихъ московскихъ театровъ.
(1827—1862.)

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Томъ восьмой.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Критически провѣрен. текстъ, біографія, приложенія, примѣчанія, портреты автора, его fac-similé и проч.,

подъ редакціей

М. И. Писарева,

съ критико-біографическимъ очеркомъ

П. И. Вейнберга.

Томъ восьмой.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ III—VII классовъ.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

891.72
085PA
t.8

Оглавленіе.

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ . 1

Снѣгурочка 143

Поздняя любовь. 257

Трудовой хлѣбъ. 357

Богатыя невѣсты 455

Приложеніе: 553

a) Застольное слово.

b) Записка объ устройствѣ русскаго національнаго театра.

Примѣчанія 565

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Лица:

Михей Михеичъ Крутицкій, отставной чиновникъ.

Анна Тихоновна, его жена.

Настя, племянница Крутицкаго.

Домна Евсигневна Мигачева, мѣщанка.

Елеся, ея сынъ.

Истукарій Лупычъ Епишкинъ, купецъ, лавочникъ.

Фетинья Мироновна, его жена.

Лариса, дочь ихъ.

Модестъ Григорьичъ Баклушинъ, молодой человѣкъ.

Разновѣсовъ, солидная личность.

Петровичъ, мелкій стряпчій изъ мѣщанъ.

Тигрій Львовичъ Лютовъ, квартальный.

Дѣйствіе происходитъ лѣтъ 30 назадъ, на самомъ краю Москвы.

Дѣйствіе первое.

Слѣва отъ зрителей уголъ полуразвалившагося, одноэтажнаго каменнаго дома. На сцену выходятъ дверь, каменное крыльцо въ три ступени и окно съ желѣзною рѣшеткой. Отъ угла дома идетъ поперекъ сцены заборъ, близъ дома у забора рябина и кустъ тощей акаціи. Часть забора развалилась и открываетъ свободный входъ въ густой садъ, за деревьями котораго видна крыша дома купца Епишкина. На продолженіи забора, посреди сцены, небольшая деревянная овощная лавка, за лавкой начинается переулокъ. У лавки два входа: одинъ съ лица, съ стекляною дверью, другой съ переулка — открытый. Съ правой стороны на первомъ планѣ калитка, потомъ одноэтажный деревянный домъ мѣщанки Мигачевой; передъ домомъ, въ разстояніи не болѣе аршина, загородка, за ней подстриженная акація. Въ переулокъ видны заборы и за ними сады. Вдали панорама Москвы.

Явленіе первое.

Епишкинъ и Петровичъ сидятъ у лавки и играютъ въ шашки. **Мигачева** стоитъ у калитки своего дома.

Епишкинъ.

Фукъ да въ дамки. Ходи!

Петровичъ.

Эхъ-ма! Прозѣвалъ.

Епишкинъ.

Ходи!

Петровичъ.

Ходи да ходи! Куда тутъ ходить? (Раздумывая.) Куда ходить?

Епишкинъ.

Ходи!

Петровичъ.

Пошелъ.

Епишкинъ.

Вотъ тебѣ карантинъ, чтобы ты не тарантилъ. (Входитъ Лютовъ.) Убери доску! (Петровичъ съ доской уходитъ въ лавку.)

Явленіе второе.

Епишкинъ, Мигачева и Лютовъ.

Лютовъ (Мигачевой).

Тамъ заборъ у тебя, а вотъ загородка! (Грозитъ пальцемъ.)

Мигачева.

Изъ какихъ доходовъ, помилуйте! Кабы у меня торговля или что, да не-чтобъ я... Ахъ, Боже мой! Я-бы только, Тигрій Львовичъ, для одного вашего удовольствія...

Лютовъ.

А? Что ты говоришь?

Мигачева.

Да развѣ-бъ я не окрасила? Окрасила-бы, очень-бы, очень-бы окрасила. А коли тутъ худо, въ другомъ мѣстѣ валится... а какая моя возможность? Чѣмъ я дышу на свѣтѣ?

Лютовъ.

Мнѣ что за дѣло! Чтобъ было окрашено!

Мигачева.

Будетъ, будетъ, только-бъ малость управиться. Хорошо тому, у кого довольно награблено, оченно ему можно быть исправнымъ обывателемъ. Вотъ съ

кого спрашивать-то надо. Красъ да мажь! У насъ кому любоваться-то? И народъ-то не ходитъ.

Лютовъ.

Безъ разсужденій! Вотъ если завтра не будетъ выкрашено, я тогда посмотрю.

Мигачева.

Вотъ и живи.

Лютовъ

(оборачивается къ каменному дому).

Ужь хоть-бы развалился совсѣмъ поскорѣе. (Пожимаетъ плечами и, махнувъ рукой, отворачивается.) Эхъ, обыватели!

Епишкинъ.

Тигрію Львовичу, наше почтеніе.

Лютовъ.

Здравствуй, Истукарій Лупычъ! (Подаетъ руку.) Тебѣ-то, братецъ, ужь стыдно! Заборъ-то не загородишь: вѣдь, точно ворота проѣзжія.

Епишкинъ.

Оно точно, что я оплошалъ: онъ маленько развалился, а мнѣ невдомёкъ было; такъ ваша-жь команда на дрова себѣ растаскала.

Лютовъ.

Загороди, братецъ.

Епишкинъ.

Вы себя безпокоить не извольте, будетъ въ порядкѣ. Признаться, теперь въ головѣ-то не то, объ этихъ глупостяхъ и думать-то не хочется.

Лютовъ.

Не глупости, братецъ, коли начальство тебѣ приказываетъ.

Епишкинъ.

Понимаемъ, Тигрій Львовичъ, да вѣдь ужь и обязанностей-то нашихъ больно много. Ежели счесть теперь всѣ повинности да провинности, оклады да наклады, поборы да недоборы, торжества да празднества, такъ, вѣдь, можно и пожалѣть по-человѣчеству. Съ одного-то вола семи шкуръ не дерутъ.

Лютовъ.

Развѣ я тебя не жалѣю? Я тебя-жь берегу; деревья у тебя въ саду большія, вдругъ кому-нибудь мѣсто понравится: дай, скажетъ, удавиться попробую.

Епишкинъ.

Вѣрно изволите говорить; мѣстоположеніе заманчивое для этого занятія. Такой садъ, что ни на что окромя и не годенъ. Я ужь и то каждое утро этихъ самыхъ фруктовъ поглядываю.

Лютовъ.

Ну, такъ ты народъ-то не искушай! Слѣдствіе, братецъ; понялъ? А и тебѣ этой бѣды не желаю.

Епишкинъ.

Ужь что говорить! Ну, да, думаю, Богъ милостивъ.

Лютовъ.

Кабы ты чистый человѣкъ, а то... Я, братецъ, ничего не знаю, я ничего не знаю, а, чай, слышалъ, какой разговоръ-то про тебя насчетъ притону-то?

Епишкинъ.

Мало-ли всякихъ разговоровъ-то! И про ваше благородіе тоже кой-что поговариваютъ; да мы, признаться, вниманія не беремъ и слушать-то.

Лютовъ.

Такъ ужь ты загороди; побереги хоть меня-то,

коль себя не бережешь; съ насъ тоже, вѣдь, спрашиваютъ.

Епишкинъ.

Не извольте безпокоиться! Стòитъ-ли объ такихъ пустякахъ разговаривать! Милости просимъ на полчасика! Особенной поподчивать могу.

Лютовъ.

Попозже зайду, теперь некогда. (Подаетъ руку.)

Епишкинъ.

Какъ угодно-съ. Завсегда рады, завсегда вы у насъ первый гость. Поискать еще такихъ-то благодѣтелевъ. (Лютовъ уходитъ.) Терпитъ-же, вѣдь, земля, Господи! (Уходитъ въ лавку; изъ лавки выходитъ Фетинья.)

Явленіе третье.

Мигачева и Фетинья.

Мигачева.

Здравствуйте, матушка, Фетинья Мироновна!

Фетинья (гордо).

Здравствуй!

Мигачева.

Куда Богъ несетъ?

Фетинья.

Такъ, для воздуху, у лавочки посидѣть. А ты куда?

Мигачева.

Куда мнѣ! Сына поглядываю.

Фетинья.

На что̀ онъ тебѣ?

Мигачева.

Поругать хочется, Фетинья Мироновна.

Фетинья.

Послѣ поругаешь, не къ спѣху дѣло.

Мигачева.

Боюсь, сердце-то пройдетъ; сердце-то у меня круто, да отходчиво. А теперь-бы онъ мнѣ въ самый разъ попался: въ разстройствѣ я.

Фетинья (подходя).

Что̀ такъ?

Мигачева.

Квартальный, матушка, разобидѣлъ; пристаетъ заборъ красить, отдыху не даетъ. Какіе мои доходы, сами знаете: одинъ домъ, да и тотъ валится. Четверо жильцовъ, а что̀ въ нихъ проку-то! Вотъ, Петровичъ — самый первый жилецъ, а и тотъ только за два съ четвертакомъ живетъ. Ну, опять возьмите вы подземельныя. Все-бъ еще ничего, да, вѣдь, домъ-то заложенъ, процентъ одолѣлъ.

Фетинья.

Заложенъ?

Мигачева.

Заложенъ.

Фетинья.

Скажите!

Мигачева.

Третій годъ я вамъ говорю, Фетинья Мироновна, одно и то же; а вы все будто не слыхали, да все удивляетесь.

Фетинья.

Ахъ, рѣдкости какія! Коли у меня такой характеръ, что̀-жь мнѣ дѣлать-то? А то такъ тебѣ и дать одной все по̀ряду говорить! Этакъ ты всю матерію скоро разскажешь. А нынче день-то годъ, пущай

поговоримъ, куда намъ торопиться-то; а время-то и пройдетъ, будто дѣло дѣлали.

Мигачева.

Помощникъ-то у меня, сами знаете, одинъ.

Фетинья.

Одинъ? И то, вѣдь, одинъ.

Мигачева.

Да и тотъ не важный, такъ, какая-то балалайка безструнная. Ну, еще по дому кой-что̀ хозяйничаетъ, а ужь на сторонѣ достать что̀-нибудь, на это разуму у него нѣтъ. Думала въ люди отдать, хоть въ лавку, да сама не при чемъ останешься. А онъ все-таки и подбѣлитъ, и подкраситъ, и подколотитъ.

Фетинья.

Чего-жь тебѣ лучше?

Мигачева.

За одно у насъ съ нимъ война, вдругъ провалится, неизвѣстно куда. Синицъ по огородамъ ловитъ, рыбу на Москвѣ-рѣкѣ ловитъ; а тутъ его, какъ на грѣхъ, нужно, ну, и пошла баталія.

Фетинья.

Молодъ еще. Женила-бъ ты его.

Мигачева.

Женить! Лестно взять жену-то съ деньгами, хоть съ небольшими; а кто-жь отдастъ за него, кому крайность?

Фетинья.

Нѣтъ, ты не говори. Бываютъ случаи. Другая дѣвушка и съ деньгами, да порокъ какой-нибудь въ себѣ имѣетъ: либо коситъ очень: одинъ глазъ на насъ, другой въ Арзамасъ, либо вовсе крива; а то, бываетъ, что разумомъ недостаточна, дурой не назо-

вешь, а и къ умнымъ не причтешь, такъ, полудурье; ну, вотъ и ищутъ жениховъ-то попроще, чтобъ невзыскательный былъ. А бѣдному человѣку поправка.

Мигачева.

Бываетъ людямъ счастье, да не намъ.

Фетинья.

У тебя все-таки сынъ, что̀ тебѣ горевать-то? Такъ развѣ когда, отъ скуки, поплачешься для разговору только для одного. А вотъ наша забота съ дочкой-то.

Мигачева.

Такъ вы съ деньгами.

Фетинья.

Чудна̀я ты, и съ деньгами не берутъ. (Со вздохомъ.) Мало-ль ее смотрѣли-то, Домнушка!

Мигачева.

Какая-жь причина? Такая ея красота...

Фетинья.

Ужь чего еще! Поглядѣть любо-дорого, самый первый вкусъ. Одно бѣда — разговоромъ нескладна. Кабы только съ глазъ брали, такъ, кажется, ее давнобы съ руками оторвали; а поговорятъ, ну, и прочь, и прочь. Войдетъ — удивитъ, убьетъ красотой всякаго; а скажетъ слово, такъ и сразитъ, такъ съ ногъ и сразитъ. А ужь какъ выдать хочется.

Мигачева.

Вамъ что̀, вы свою сбудете. А вы возьмите сосѣдку, вотъ мается съ дѣвушкой-то, вотъ гдѣ слезы-то!

Фетинья.

Ужь чѣмъ только онѣ живы, бѣдныя!

Мигачева.

Чѣмъ живы? Выработаютъ гривенникъ, купятъ калачика, тѣмъ и сыты.

Фетинья.

Какъ-бы, мнѣ кажется, у старика денегъ не быть; вѣдь, онъ чиновникъ, съ кавалеріей, гляди, пенсію получаетъ.

Мигачева.

Кто его знаетъ. Отъ него толку не добьешся, онъ и не говоритъ ни съ кѣмъ, только ругается да ворчитъ. Бродитъ весь день по Москвѣ, только ночевать домой приходитъ.

Фетинья.

Я разъ иду городомъ, а онъ у Казанскаго собора съ нищими стоитъ.

Мигачева.

Съ нищими? Вотъ, вѣдь, дѣла-то какія!

Фетинья.

Съ чего онъ въ такой упадокъ пришелъ?

Мигачева.

Всѣ только руки врозь, матушка. Его въ нашей сторонѣ всѣ знаютъ; у него здѣсь свой домъ былъ, лошади хорошія. Служилъ онъ въ какомъ-то судѣ секлетаремъ, ну, и отставили его за взятки, что ужь очень грабилъ. Анна Тихоновна сказывала, что и сталъ онъ съ той поры сумлѣваться, какъ ему жить безъ дохода. Продалъ домъ, лошадей, сталъ деньги въ проценты отдавать. И зажили мы, говоритъ, день ото дня хуже: переѣхали въ одну комнатку, прислугу всю онъ распустилъ, а тамъ ужь и кухарку сослалъ. И пришлось Аннѣ Тихоновнѣ самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потомъ и совсѣмъ, говоритъ, дома стряпать перестали, купимъ что-нибудь въ лавочкѣ и поѣдимъ, а когда и такъ

просидимъ. А теперь вотъ къ намъ въ сосѣдство перебрались; домъ-то этотъ еще съ француза въ тяжбѣ находится, такъ съ тѣхъ поръ безъ починки и безъ всякаго призрѣнія и стоитъ; такъ Михея Михеича задаромъ пустили, чтобъ онъ только на дворѣ присматривалъ, кирпичи подбиралъ да въ кучку складывалъ.

Фетинья.

Что̀ мы живемъ! Мы отъ жиру и Бога-то забыли, а ты попробуй, вотъ такъ поживи.

Мигачева.

Ну, старуха-то ужь притерпѣлась, а каково дѣвушкѣ-то?

Фетинья.

Да откуда она у нихъ взялась, скажи ты мнѣ на милость?

Мигачева.

Она Михею племянница родная, сирота. Какъ случилась съ нимъ бѣда, погнали его со службы, ее и взяла крестная мать, барыня богатая.

Фетинья.

Богатая?

Мигачева.

Богатая. И воспитывала ее съ дочерьми своими въ полномъ достаткѣ. Вотъ какъ выросла эта Настенька, и возненавидѣла ее барыня за красоту, что на Настеньку всѣ прельщаются, а на ея дочерей нѣтъ, и прогнала ее безъ всякаго награжденія. А прежде обѣщала замужъ ее выдать. Да мнѣ Анна Тихоновна сказывала, что у Настеньки ужь и женихъ былъ, молодой человѣкъ, хорошаго роду. Пріѣхала Настенька въ эту конуру разряженная, въ перчаткахъ... И сѣсть-то боиться, и дотронуться-то до всего ей гадко... Всплеснетъ, всплеснетъ вотъ такъ

руками, за голову ухватится, да и упадетъ безъ памяти. Больна съ мѣсяцъ лежала, насилу оправилась. Ну, разумѣется, дѣвушка избалованная, и кофейку, и чайку, того, другого, вотъ тетка-то всѣ ея платьица, колечки, сережки и продавала; за безцѣнокъ шло, даже жалость смотрѣть. А теперь ужь, видно, не до чаю, и хлѣбъ-то имъ сталъ въ диковинку. (Крутицкій показывается на крыльцѣ.) Вотъ старый куда-то собрался, изъ дому выползъ.

Явленіе четвертое.

Мигачева, Фетинья и Крутицкій.

Крутицкій

(въ полураствореннуюдверь).

Ты, смотри, никуда не смѣй! Боже тебя сохрани! Скучно дома, ну, выдь на крылечко, посиди. А съ крыльца ни шагу, слышишь ты! А? Что? Ну, хорошо. Такъ ты... того... сядь тутъ! Я, вѣдь, скоро, я бѣгомъ.

Мигачева.

Здравствуйте, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Здравствуйте! (Кланяется и хочетъ идти.)

Мигачева.

Что это вы, Михей Михеичъ, въ шинели?

Крутицкій.

Что тебѣ шинель? Что тебѣ шинель? Не твоя шинель.

Мигачева.

Да жарко.

Крутицкій.

Кому жарко, а мнѣ не жарко, я старичокъ. (Под-

ходитъ къ Фетиньѣ и говоритъ ей тихо.) Оставь дома, такъ ее и украдутъ, пожалуй.

Фетинья.

Ну, ужь кому она нужна?

Крутицкій.

Нѣтъ, ты не говори! Шинель хорошая. (Гладитъ по ворсу). Это я сшилъ, когда еще на службѣ былъ. Тогда у меня деньги были шальныя.

Фетинья.

Куда-жь ты ихъ дѣлъ?

Крутицкій.

Прожили. Безъ доходу живемъ; все проживаемъ, все проживаемъ, а доходиковъ никакихъ, вотъ и прожили.

Мигачева.

Мудрено что̀-то. По вашей жизни, вамъ и процентовъ-то не прожить съ вашего капитала.

Крутицкій.

Какого капитала? А ты почемъ знаешь, сколько у меня денегъ было? Кто тебѣ сказывалъ? Кто? Я тебѣ не сказывалъ, такъ ты и не болтай. (Фетиньѣ.) Какъ прожилъ? Много-то было, такъ не берегли: я шампанское пилъ. Ты думаешь, на чужія деньги? На чужія-то я его море выпилъ, а случалось, бывало, и на свои бутылочку купишь. По десяти рублей ассигнаціями за бутылку платилъ. Въ Сибирь меня надо за это сослать. Вино-то выпилъ, гдѣ оно? Тю-тю. А и денегъ-то нѣтъ. Вотъ какъ деньги-то проживаютъ! Взаймы давалъ, пропадали; жена у меня не берегла ничего. (Фетиньѣ почти на ухо.) Жена у меня мотовка. У! Мотовка!

Фетинья.

Не знаю я вашихъ дѣловъ.

Крутицкій.

Мотовка, мотовка! Я ее любилъ, я ей дарилъ, много дарилъ. У меня каждый день былъ доходъ; ну, бывало, иногда и подаришь ей то десять, то пять рублей. Береги, Анна! Вотъ и уберегла. Было мое время, каждый день все прибывало, все прибывало.

Мигачева.

Ну, какъ-же, я вѣдь помню; знала я, все знала.

Крутицкій.

Ничего ты не знала. Что ты могла знать? Никто не зналъ; жена — и та не знала. Я возилъ деньги домой, каждый день возилъ; а сколько я взялъ, съ кого я взялъ, никто не зналъ. Я злодѣй былъ для просителей, у меня жалости нѣтъ, я варваръ былъ.

Фетинья.

Вотъ тебя Богъ-то и наказалъ.

Крутицкій.

А другихъ, а другихъ? За что-жь меня одного? Всѣ брали, торговля была, не судъ, а торговля. Кто меньше, кто больше, а все-таки брали. Бывало, товарищи мнѣ говорятъ: „ты много берешь“. А вы, говорю, мало берете, ну, значитъ, вы дешевле меня свою совѣсть продаете. Хе-хе-хе!

Мигачева.

Эхъ, Михей Михеичъ, племянницу-то вы голодомъ заморили.

Крутицкій.

Какую племянницу? Чѣмъ мы ее заморили! Я къ тебѣ на кухню не хожу, горшковъ не нюхаю.

Мигачева.

Конечно, что не мое дѣло, а со стороны жалко.

Крутицкій.

Племянницу! Много всякой родни-то на свѣтѣ! Мы всѣ родня; всѣ отъ одного человѣка. Всякій о себѣ. Пусть работаетъ, я ей не мѣшаю.

Мигачева.

Ну, много-ли она выработаетъ, такая барышня воспитанная?

Крутицкій.

Вотъ языкъ-то у тебя безъ костей, вотъ ужь безъ костей; такъ и болтаетъ, такъ и болтаетъ.

Мигачева.

Хоть-бы вы побаловали ее чѣмъ-нибудь, такъ, малость.

Крутицкій.

Что-жь, малость! Ты вотъ все болтаешь, сама не знаешь что; потому что разума у тебя нѣтъ. Малость, малость! Ее только избалуешь, а себя обидишь. Малость дай! Все дай, все дай; а мнѣ кто дастъ? Всякій для себя. За что я дамъ? Какъ это люди не понимаютъ, что свое, что чужое? Сколько я ни нажилъ, все — мое. Пойми ты! Рубль я нажилъ, такъ всякая въ немъ копейка моя. Хочу, проживаю ее, хочу — любуюсь на нее. Кому нужно свои отдавать? Зачѣмъ свои отдавать? (Отходя.) Все я дай, а мнѣ кто дастъ? Попрошайки!

Мигачева.

Ну, заворчала, грыжа старая!

Крутицкій (возвращаясь).

А ты не болтай! Я не малость, я вотъ ей за приданымъ иду.

Фетинья.

Что-жь, ты его въ узелкѣ принесешь, все приданое-то?

Крутицкій.

Нѣтъ, не въ узелкѣ, а вотъ здѣсь. (Показываетъ на боковой карманъ.)

Мигачева.

Батюшки!

Крутицкій.

Да, вотъ я что для нея ... А ты нюхаешь по горшкамъ, что̀ ѣдятъ, болтунья пустая. (Уходитъ, ворча.)

Фетинья.

Пойти въ лавочку, никакъ мужъ чай пьетъ. (Елеся показывается изъ калитки, въ халатѣ, съ клѣткой.) Да вотъ сынъ-то, а ты ищешь! (Уходитъ въ лавку.)

Явленіе пятое.

Мигачева и Елеся.

Елеся (поетъ).

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробушекъ маленькій.

Мигачева.

Скажите на милость, а онъ дома былъ.

Елеся (громче).

Ахъ, братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко.

Мигачева.

У матери такое разстройство насчетъ забора, а онъ пѣсни поетъ. Погоди-жь ты! (Елеся, бросивъ клѣтку убѣгаетъ въ калитку, Мигачева за нимъ. Входитъ Настя; за ней, въ нѣсколькихъ шагахъ, Баклушинъ.)

Явленіе шестое.

Настя, Баклушинъ, потомъ Епишкинъ.

Баклушинъ.

Милая дѣвица, куда-же вы такъ торопитесь?

Настя (быстро оборачиваясь).

Стойте, стойте! Воротитесь, не ходите дальше, умоляю васъ!

Баклушинъ.

Боже милостивый! Настасья Сергѣвна, вы-ли это?

Настя (потупляя глаза).

Я, я; только вы не ходите за мной.

Баклушинъ.

Что̀-жь вы раньше не остановились, если узнали меня? Я версты двѣ бѣгу за вами.

Настя.

Я васъ не видала, не узнала. Ахъ, уйдите, уйдите!

Баклушинъ.

Скажите мнѣ, существо прелестное, какъ вы попали въ эту глушь? Вѣдь это край Москвы, это—захолустье.

Настя (обидчиво).

Не всѣмъ-же на Тверской жить; тамъ для всѣхъ и мѣста не достанетъ.

Баклушинъ.

Такъ вы здѣсь и живете?

Настя

(осматривая себя и конфузясь).

Отчего-же вы думаете, что̀ я непремѣнно должна здѣсь жить?

Баклушинъ.

Вы сами сказали.

Настя

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,что̀ вы! Я сюда пришла къ знакомымъ, у меня есть дѣло. Вы не вѣрите? Ну, право, право!

Баклушинъ.

Ну, не здѣсь, такъ не здѣсь; къ чему-же такъ ажитироваться? А гдѣ-же, позвольте узнать?

Настя (потупясь).

Зачѣмъ вамъ?

Баклушинъ.

Вотъ мило! Ужь не прятаться-ли вы отъ меня хотите? Съ какой стати, зачѣмъ?

Настя.

Я не прятаться ... Ахъ, право! Уйдите! Я не знаю.

Баклушинъ.

Отчего такая перемѣна? Нѣтъ вы скажите ...

Настя (со вздохомъ).

Что̀ я скажу? Это̨ не отъ меня. Мнѣ нельзя ... вотъ ...

Баклушинъ.

Вы хоть меня-то пожалѣйте! Ну, за что̀? Я все тотъ-же, такъ-же къ вамъ привязанъ.

Настя.

Все такъ-же? Правда-ли это?

Баклушинъ.

Божусь вамъ!

Настя.

Ну, такъ вотъ что̀: оставьте меня, мнѣ теперь некогда, я вамъ послѣ ...

Баклушинъ.

Когда послѣ? Гдѣ я увижу васъ?

Настя.

Я вамъ напишу, я знаю вашъ адресъ. Ступайте! Ступайте!

Баклушинъ.

Вы что-то скрываете отъ меня. Ну, да Богъ съ вами, и вамъ вѣрю. Вы, однако, измѣнились.

Настя (съ испугомъ).

Подурнѣла? Скажите, пожалуйста, подурнѣла! Ахъ, я такъ и знала.

Баклушинъ.

Успокойтесь, нисколько вы не подурнѣли; вы только похудѣли немного. (Епишкинъ выходитъ изъ лавки и садится на складномъ стулѣ.)

Настя.

Что-же вы стойте здѣсь? Мнѣ некогда, я за дѣломъ пришла.

Баклушинъ.

Идите за дѣломъ, я васъ подожду. У меня есть твердое намѣреніе проводить васъ до дому.

Настя.

Нѣтъ, нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ. Это невозможно. Я здѣсь до ночи останусь. Идите, идите, умоляю васъ!

Баклушинъ.

Ну, прощайте! Что съ вами дѣлать!

Настя.

До свиданія. (Дожидается, пока Баклушинъ уходитъ за уголъ лавки, потомъ убѣгаетъ въ домъ, гдѣ живетъ Крутицкій.)

Баклушинъ (возвращаясь).

Одна, никто ее не провожаетъ, ни человѣкъ, ни

дѣвушка! Безъ перчатокъ, въ такомъ платьѣ! Странно. Тутъ что-нибудь да кроется. Но, во всякомъ случаѣ, я очень радъ, что опять нашелъ ее; мнѣ безъ нея, не шутя, было скучно. (Епишкину.) Послушайте, почтеннѣйшій!

Епишкинъ.

Что вамъ угодно, сударь?

Баклушинъ.

Вы знаете эту дѣвушку?

Епишкинъ.

Дѣвушку-то? Я думалъ, вы про что путное спрашиваете. Не наше это дѣло. (Смотритъ въ другую сторону.)

Баклушинъ.

По-крайней-мѣрѣ, будьте такъ добры, скажите мнѣ, она здѣсь живетъ?

Епишкинъ (какъ-бы зѣвая).

О-хо-хо! (Показываетъ рукой, не глядя.) Вонъ живетъ!

Баклушинъ.

Покорно васъ благодарю.

Епишкинъ.

Не за что-съ.

Баклушинъ.

Можно войти въ лавку написать письмо? Я вамъ заплачу за бумагу.

Епишкинъ.

Пожалуйте! Тамъ мальчикъ вамъ подастъ. (Баклушинъ входитъ въ лавку. Изъ калитки дома Мигачевой выбѣгаетъ Елеся, растрепанный, въ халатѣ и останавливается подлѣ калитки; изъ калитки показывается ухватъ.)

Явленіе седьмое.

Епишкинъ, Елеся, потомъ **Мигачева.**

Елеся.

Но оставьте, маменька! Нехорошо! Эхъ, нехорошо! (Хочетъ войти въ калитку.)

Мигачева

(показываясь съ ухватомъ).

И не подходи; такъ, кажется, вотъ и разражу.

Епишкинъ (хохочетъ).

Хорошенько его, Домна Евсигневна! Хорошенько!

Елеся.

Къ чему это, маменька? Ну, къ чему это? Вотъ ужь къ вамъ это не пристало, всегда скажу, что не пристало. Но оставьте-же! Вотъ барышни смотрятъ. Ай, ай, ай! А барышни-то смотрятъ.

Мигачева (выходя изъ калитки).

Очень мнѣ нужно, что онѣ смотрятъ! Я никого знать не хочу.

Елеся.

А я-то, маменька, я-то! Меня-то пожалѣйте, — вѣдь я женихъ ...

Мигачева.

Ахъ ты, наказанье ты мое! Посудите только, добрые люди: дома денегъ ни копейки, а онъ чижей ловитъ, да на барышень любуется. Вотъ я тебя!

Елеся.

Позвольте, маменька! Да на что намъ много денегъ? Намъ вѣдь серебряныхъ подковъ не покупать, потому у насъ и лошадей нѣтъ.

Мигачева.

Какія серебряныя подковы! Какія лошади! Двугривеннаго въ домѣ нѣтъ, а онъ ...

Елеся.

Позвольте! Это вѣрно. Намъ теперь съ вами какой-нибудь двугривенный дороже каменнаго моста.

Мигачева.

Какой мостъ? Квартальный давеча страмилъ, страмилъ при людяхъ, что заборъ не крашенъ.

Елеся.

Важное дѣло! Кабы хитрость какая! А то взять голландской сажи — вотъ и весь составъ.

Мигачева.

Когда еще этотъ твой составъ будетъ!

Елеся.

Одна минута.

Мигачева

(ставитъ ухватъ у калитки).

Безъ денегъ-то? Наказанье ...

Елеся.

Сейчасъ умомъ раскину ...

Мигачева.

Какимъ умомъ, какимъ умомъ? Наказанье ты мое, данное! Дуракъ вѣдь ты у меня круглый, наказанье ты мое.

Елеся.

Что-жь, что дуракъ, маменька? Видно, родомъ такъ.

Мигачева.

Да отецъ-то былъ у тебя умный.

Елеся.

Я, маменька, не въ отца.

Мигачева (беретъ ухватъ).

Въ мать, что̀-ли? Дуракъ, дуракъ! Непочтительный! Неуважительный! Супротивникъ ты для всего настоящаго, что̀ по закону требуется.

Епишкинъ (хохочетъ).

Учи его, учи!

Мигачева.

Слышишь, что̀ добрые-то люди говорятъ, слышишь? Вонъ изъ моего дому, вонъ! Я и знать тебя не хочу.

Елеся.

Нѣтъ, вы, маменька, такими словами не шутите! Такія-то слова своему дѣтищу надо осторожно. Вы знаете, можно человѣка и въ тоску вогнать.

Мигачева.

Ахъ, скажите, пожалуйста, нужно мнѣ очень.

Елеся.

А въ тоскѣ куда-жь человѣку? Одно средство—въ Москву-рѣку.

Мигачева.

Что̀ ты, не грозить-ли мнѣ вздумалъ?

Елеся.

Не грозить, а прочитаютъ вамъ въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ ...

Мигачева.

Какія такія новости прочитаютъ?

Елеся.

Найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка ...

Мигачева.

Ишь вѣдь глупости ...

Елеся.

„Юноша цвѣтущихъ лѣтъ, прекрасной наруж-

ности". И тутъ еще добавлено: „такъ видно, что по непріятностямъ отъ родителевъ".

Мигачева (ставя ухватъ).

Скажите, пожалуйста, что̀ онъ городитъ! Не рада, что и связалась. Уйди ты отъ грѣха съ глазъ моихъ! (Идетъ въ калитку.)

Епишкинъ.

Домна Евсигневна! Ухватъ-то захвати!

Мигачева.

Ахъ, извините! Я, знаете, по своей горячности, замечталась очень, вотъ какое невѣжество на улицу принесла.

Епишкинъ.

Нѣтъ, ничего, что̀ за невѣжество! И ухватъ свою службу сослужитъ, какъ ничего другого подъ руками нѣтъ. Я тоже дома попросту.

Мигачева (беретъ ухватъ).

Ахъ, право! Вдругъ закипитъ, и сдѣлаюсь безъ понятія, даже людей совѣстно. (Уходитъ. Изъ лавки выходитъ Баклушинъ съ письмомъ.)

Явленіе восьмое.

Епишкинъ, Елеся и Баклушинъ.

Баклушинъ (Епишкину).

Я тамъ заплатилъ. Покорно васъ благодарю. Не можете-ли вы передать это письмо?

Епишкинъ (будто не слышитъ).

Чего-съ?

Баклушинъ.

Передать по адресу.

Епишкинъ.

Ахъ, баринъ! Борода-то у меня ужь посѣдѣла.

Баклушинъ.

Что мнѣ за дѣло до вашей бороды?

Епишкинъ.

А то и дѣло, что отдавайте сами. Ходили тоже и мы по этимъ самымъ дѣламъ, да ужь теперь у меня у самаго дочери двадцать-седьмой годочекъ пошелъ.

Баклушинъ.

По какимъ „этимъ дѣламъ?“

Епишкинъ.

Ну, что ужь! Вонъ парень-то безъ дѣла гуляетъ, пошлите его. Ему все равно, онъ у насъ не спѣсивъ.

Баклушинъ (Елесѣ).

Не можете-ли вы доставить письмо?

Елеся.

Кому-съ?

Баклушинъ.

Настасьѣ Сергѣвнѣ.

Елеся.

Барышнѣ-съ?

Баклушинъ.

Да, барышнѣ.

Елеся.

Истукарій Лупычъ, а по затылку нашего брата за эти дѣла не скомандуютъ?

Епишкинъ.

Снеси! Ничего.

Елеся.

Я снесу, Истукарій Лупычъ.

Епишкинъ.

Снеси! Баринъ на чай дастъ.

Баклушинъ.

Разумѣется, не даромъ. (Даетъ Елесѣ двугривенный.) Такъ отдайте письмо. Эта барышня у кого живетъ?

Елеся.

У тетеньки-съ.

Баклушинъ.

Чѣмъ онѣ занимаются?

Елеся.

Рубашки берутъ шить русскія ситцевыя на площадь на продажу, по пятачку за штуку.

Баклушинъ.

Что? Можетъ-ли быть?

Елеся.

Такъ точно-съ.

Баклушинъ.

Да, вотъ что. Такъ дайте письмо. (Беретъ письмо назадъ.) Ну, все равно, снесите! (Отдаетъ опять и уходитъ.)

Елеся.

Я отдамъ, Истукарій Лупычъ. (У двери Крутицкаго.) Получите письмецо! (Подаетъ въ дверь и подходитъ къ лавкѣ.)

Епишкинъ.

А двугривенный-то тебѣ годится.

Елеся.

И вотъ сейчасъ, Истукарій Лупычъ, голландской сажи на всю эту сумму, только побольше.

Епишкинъ.

Поди, отвѣсятъ тебѣ.

Елеся.

Вотъ, вѣдь, она, кажется, сажа; а и матери удовольствіе, и квартальному мило. (Уходитъ въ лавку.)

Епишкинъ (встаетъ).

Фетинья! (Фетинья выходитъ изъ лавки.)

Явленіе девятое.

Епишкинъ и Фетинья.

Фетинья.

Что̀ угодно, Истукарій Лупычъ?

Епишкинъ.

Допрежъ въ нашей сторонѣ смирно было, а теперь строкулисты стали похаживать, да записочки любовныя летаютъ.

Фетинья.

Что̀ вы говорите!

Епишкинъ.

Такъ точно... Значитъ, Ларису поскорѣй замужъ надо.

Фетинья.

Да разумѣется, надо.

Епишкинъ (вздохнувъ).

Такъ-то, братъ, вотъ что̀!

Фетинья.

Признаться, есть женишишко-то, да не по ней.

Епишкинъ.

Ну, да хоть ужь плохенькій, да только-бы съ рукъ скорѣй. Это вы только сами себѣ цѣну-то высоку ставите, да еще жениховъ разбираете! а по-нашему, такъ вы и хлѣба-то не сто̀ите. Коли есть

избранники, такъ и слава-Богу, отдавай безъ разбору! Ужь что̀ за товаръ, коли придачи нужно давать, чтобъ взяли только.

Фетинья.

Коли вы дочь свою къ товару примѣняете ...

Епишкинъ.

Товаръ-ли, не товаръ-ли, какъ хочешь ее поворачивай, все дрянь. (Уходитъ въ лавку, Фетинья за нимъ. Изъ лавки выходитъ Елеся. Лариса, разряженная, гуляетъ по саду подлѣ развалившагося забора.)

Явленіе десятое.

Елеся, Лариса, потомъ Фетинья.

Елеся.

Наше почтеніе-съ!

Лариса (постоянно держась прямо).

Здравствуйте! Тирановъ моихъ нѣтъ здѣсь?

Елеся.

Это вы на счетъ родителевъ-съ?

Лариса.

Они-то самые мои тираны и есть.

Елеся.

Почему вы такъ заключаете?

Лариса.

Я хочу завсегда у людей на виду быть, а мнѣ изъ дому выходу нѣтъ. Я собственно своего требую, чтобъ люди меня видѣли, потому зачѣмъ-же я наряды имѣю?

Елеся.

Это дѣйствительно-съ.

Лариса.

Маменька говоритъ, что я разговору не знаю. Коли хотятъ, чтобъ я знала разговоръ, дайте мнѣ настоящихъ кавалеровъ. А то какъ-же мнѣ знать разговоръ, коли все сижу одна и сама промежду себя думаю?

Елеся.

О чемъ-же вы думаете?

Лариса.

Я этого не могу сказать, потому мы съ вами довольно далеки другъ отъ друга. Имѣете такъ близко предметъ и сами себя отдаляете.

Елеся

И видитъ кошка молоко, да рыло коротко. Ежели-бы я только смѣлъ-съ ... Потому какъ я давно чувствую любовь.

Лариса.

Можетъ, ваша любовь безчувственная?

Елеся.

Какъ-же можетъ быть безчувственная, когда вы харуимъ.

Лариса.

Коли вы такъ чувствуете, отчего вы ко мнѣ не подойдете?

Елеся.

Стало-быть, мнѣ къ вамъ въ садъ поступить?

Лариса.

Поступайте! (Елеся переходитъ въ садъ. Фетинья выходитъ изъ лавки и садится на стулъ.) Вы умѣете цаловаться?

Елеся.

Похвастаться противъ васъ не смѣю; а такъ думаю, что занятіе немудреное.

Лариса.

Поцалуйте меня!

Елеся.

Даже очень пріятно-съ. (Цалуетъ Ларису. Фетинья прислушивается.)

Лариса.

Нѣтъ, вы не умѣете.

Елеся.

Да нѣчтобъ я такъ-съ, только званіе мое очень низко, такъ я сумнѣваюсь.

Лариса.

Коль скоро я вамъ позволяю, вы забудьте ваше званіе и цалуйте, не взирая.

Елеся.

Только за смѣлостью и дѣло стало. (Крѣпко цалуетъ Ларису, Фетинья заглядываетъ въ садъ.)

Фетинья.

О, чтобъ васъ! Напугали до смерти. Я думала, что чужой кто. Вѣдь, отъ Ларисы все станется. А это ты, мой милый!

Елеся (потерявшись).

Про-про-валиться здѣсь на мѣстѣ, не нарочно-съ. И самъ не знаю, какъ это я! Вотъ поди-жь ты! На грѣхъ мастера нѣтъ, Фетинья Мироновна.

Фетинья.

Ну, съ тобой послѣ. Ты только хоть ужь молчи-то. (Ларисѣ.) А тебѣ это среди бѣлаго-то дня и не совѣстно? На-ко! На всемъ на виду! Солнышко-то во всѣ глаза смотритъ ...

Лариса.

Вамъ давно сказано, что я не могу жить противъ своей натуры. Чего-жь еще? Чѣмъ-же я ви-

новата, когда моя такая природа? Значитъ, я всѣ слова ваши оставляю безъ вниманія! (Уходитъ.)

Фетинья.

Что̀ съ ней будешь дѣлать? Нѣтъ, ужь надоѣло мнѣ въ сторожахъ-то быть. (Уходитъ.)

Елеся.

Вотъ такъ разъ? Что̀-то теперь мнѣ будетъ за это? Чего мнѣ ожидать? Быть бычку на веревочкѣ! (Петровичъ выходитъ изъ лавки.)

Явленіе одиннадцатое.

Елеся и Петровичъ.

Елеся.

Адвокатъ, выручай! Попался, братецъ.

Петровичъ.

Въ какомъ художествѣ?

Елеся.

Купеческую дочь поцаловалъ.

Петровичъ.

Дѣло — казусъ. Какой гильдіи?

Елеся.

Третьей.

Петровичъ.

Совершенныхъ лѣтъ?

Елеся.

Ужь даже и сверхъ того.

Петровичъ.

По согласію?

Елеся.

По согласію.

Петровичъ.

Худо дѣло, да не очень. А гдѣ?

Елеся.

Въ саду у нихъ.

Петровичъ.

А какъ ты туда попалъ?

Елеся.

Черезъ заборъ, другъ.

Петровичъ.

Шабашъ! Пропала твоя голова.

Елеся.

Охъ, не пугай, я и такъ пуганный.

Петровичъ.

Непоказанная дорога — вотъ что! Тутъ съ ихъ стороны большая придирка.

Елеся.

Придирка?

Петровичъ.

Но и съ нашей крючокъ есть.

Елеся.

Какой, скажи, другъ?

Петровичъ.

Ты держись за одно, что ногами ты стоялъ на общественной землѣ.

Елеся.

На общественной?

Петровичъ.

На общественной. А только губы въ садъ протянулъ.

Елеся.

Облегченіе?

Петровичъ.

Большое.

Елеся.

Спасибо, пріятель! Чай за мной. (Уходятъ въ калитку. Анна Тихоновна и Настя сходятъ съ крыльца.)

Явленіе двѣнадцатое.

Анна и Настя.

Настя.

Ахъ, тетенька, голубокъ! Вотъ-бы поймать!

Анна.

Лови, коли тебѣ хочется. Дитя ты мое глупое, бѣда мнѣ съ тобой. Не съ голубями тебѣ, а съ людьми жить-то придется.

Настя.

Улетѣлъ. (Снимаетъ съ головы небольшой бумажный платокъ.) Ахъ, этотъ платокъ противный! Сокрушилъ онъ меня. Такой дрянной, такой неприличный, самый мѣщанскій.

Анна.

Что дѣлать-то, Настя? Хорошо, что и такой есть. Какъ обойдешься безъ платка?

Настя.

Да, правда. Отъ стыда закрыться нечѣмъ.

Анна.

Охъ, Настя, и я прежде стыдилась бѣдности, а

потомъ и стыдъ прошелъ. Вотъ что я тебѣ разскажу: разъ, какъ ужь очень-то мы обѣднѣли, подходитъ зима — надѣть мнѣ нечего, а бѣгать въ лавочку надо; добѣжать до лавочки, больше-то мнѣ ходить некуда. Только, какъ хочешь, въ одномъ легкомъ платьѣ по морозу, да въ лавочкѣ-то простоишь, прождешь на холоду! Затрепала меня лихорадка. Вотъ гдѣ-то Михей Михеичъ и досталъ солдатскую шинель, старую-разстарую, и говоритъ мнѣ: „Надѣнь, Аннушка, какъ пойдешь со двора! Что тебѣ дрогнуть!“ Я и руками, и ногами; бѣгаю въ одномъ платьишкѣ. Побѣгу бѣгомъ, согрѣться не согрѣюсь, только задохнусь, поневолѣ остановишься, сердце забьется, духъ захватитъ, а вѣтеръ-то тебя такъ и пронимаетъ. Вотъ какъ-то зло меня взяло; что-жь, думаю, пускай смѣются, не замерзать-же мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ, — взяла да и надѣла солдатскую шинель. Иду, народъ посмѣивается.

Настя.

Ахъ, это ужасно, ужасно!

Анна.

А мнѣ нужды нѣтъ, замеръ совсѣмъ стыдъ-то. И чувствую я, что мнѣ хорошо, руки не ноютъ, въ груди тепло, и такъ полюбила я эту шинель, какъ точно что живое какое. Не повѣришь ты, а это правда. Точно вотъ, какъ я благодарность какую къ ней чувствую, что она меня согрѣла.

Настя.

Что вы говорите, Боже мой!

Анна.

Вотъ тутъ-то я и увидѣла, что человѣческому-то тѣлу только нужно тепло, что теплу оно радо; а мантилійки тамъ да разныя вырѣзки и выкройки только наша фантазія.

Настя.

Тетенька, вѣдь, вы старуха, а я-то, я-то! Я, вѣдь, молода. Да я лучше ... Господи!

Анна.

А вотъ погоди, нужда-то подойдетъ.

Настя.

Да подошла ужь. Ужь чего еще! Я послѣднее платье заложила, вотъ ужь я въ какомъ платкѣ хожу. А давеча, тетенька, побѣжала я въ ту улицу гдѣ Модестъ Григорьичъ живетъ, хожу мимо дома, думаю: „неужто онъ меня совсѣмъ забылъ?“ Вотъ, думаю, какъ-бы онъ увидѣлъ меня изъ окна или попался на-встрѣчу; а про платокъ-то и забыла. Да какъ вспомнила, что онъ на мнѣ надѣтъ,—нѣтъ ужь, думаю, лучше сквозь землю провалиться, чѣмъ съ Модестомъ Григорьичемъ встрѣтиться. Оглянулась назадъ, а онъ тутъ и былъ; пустилась я чуть не бѣгомъ, и ногъ подъ собой не слышу. Оглянусь, оглянусь, а онъ все за мной. Платокъ-то, платокъ-то, тетенька, жжетъ мнѣ шею, хоть-бы бросить его куда-нибудь. А потомъ взглянула на башмаки. Ахъ!

Анна.

Ну, вотъ, видѣла ты, наконецъ, своего Модеста Григорьича?

Настя.

Да, видѣла. Думала, что, Богъ-знаетъ, какъ обрадуюсь, а только испугалась да сконфузилась.

Анна.

Кто онъ такой, скажи ты мнѣ?

Настя.

Да я не знаю.

Анна.

Вотъ хорошо! Хотѣла замужъ идти, а за кого—не знаешь.

Настя.

Да онъ милый такой.

Анна.

Все-жь-таки хоть званіе-то его знать надо.

Настя.

Какъ это? Вотъ который съ портфелемъ все ходитъ.

Анна.

Чиновникъ?

Настя.

Такъ, кажется.

Анна.

И онъ хотѣлъ жениться на тебѣ?

Настя.

Да. Маменька крестная хотѣла приданое дать.

Анна.

Онъ тебя любитъ?

Настя.

Охъ! Очень, очень любитъ.

Анна.

Ты почемъ это знаешь?

Настя.

Какъ-же мнѣ не знать! Онъ мнѣ, бывало, въ уголкѣ потихоньку каждый день про свою любовь говорилъ.

Анна.

Только про любовь?

Настя.

Да. У маменьки крестной ни о чемъ другомъ въ домѣ и разговору не было. Только про любовь и говорили, — и гости всѣ, и она сама, и дочери.

Анна.

Можно богатымъ-то про любовь разговаривать, имъ дѣлать-то нечего.

Настя.

Ахъ, какъ жаль, что у меня денегъ нѣтъ.

Анна.

Ну, а еслибъ были, что̀-жь-бы ты сдѣлала?

Настя.

Вотъ что̀: наняла-бы хорошенькую квартирку, маленькую-маленькую, только чистенькую; самоварчикъ завела-бы, маленькій, хорошенькій. Вотъ зашелъ-бы Модестъ Григорьичъ, стала-бы я его чаемъ поить, сухарей, печенья купила-бы.

Анна.

Ну, а дальше что̀?

Настя.

Дальше — ничего. Ахъ, тетенька, вы представить себѣ не можете, какое это наслажденіе — принимать у себя любимаго человѣка, а особенно наливать ему чай сладкій, хорошій! Вотъ онъ пишетъ, что нынче-же придетъ къ намъ. Что̀ мнѣ дѣлать, ужь я и не знаю. Дяденька идетъ. (Анна и Настя быстро уходятъ въ домъ. Крутицкій проходитъ за ними, не останавливаясь. Мигачева выбѣгаетъ изъ своей калитки, за ней выходятъ Елеся и Петровичъ. Фетинья выходитъ изъ лавки.)

Явленіе тринадцатое.

Мигачева, Елеся, Петровичъ, Фетинья, потомъ **Крутицкій, Анна и Настя.**

Мигачева.

Пришелъ, матушка, пришелъ. Что̀-то онъ принесъ — вотъ любопытно.

Фетинья.

Потерпи, узнаешь. Куда торопиться-то?

Мигачева.

Каково терпѣть-то! Неужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ деньги принесъ?

Петровичъ.

Кто-жь его знаетъ; человѣкъ темный, аредъ[1] какъ есть.

Елеся.

Алхимикъ.

Мигачева (подбѣгая къ окну).

Бранятся что-то. (Выходятъ изъ дома: Крутицкій, Анна, Настя.)

Крутицкій.

Идите, говорю вамъ! Идите! Вотъ тебѣ приданое! Вотъ, на! (Даетъ Настѣ бумагу.)

Настя.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за-что! Лучше я съ голоду умру, сейчасъ съ голоду умру!

Крутицкій.

Ну, умирай, умирай! Только ужь на дядю не жалуйся! Тебѣ стыдно у богатыхъ просить, стыдно? А не стыдно у дяди кусокъ хлѣба отнимать? Я самъ нищій. У нищаго тебѣ отнимать не стыдно?

Анна (беретъ у Насти бумагу).

Михей Михеичъ, побойся ты Бога! Что ты съ нами дѣлаешь?

Крутицкій (Фетиньѣ).

Вотъ онѣ какія! Вотъ онѣ какія! Онѣ глупыя. Я имъ хлѣбъ досталъ, хлопоталъ для нихъ, а онѣ упрямятся. Отецъ родной того для нея не сдѣ-

[1] Скряга, кащей.

лаетъ, а она бранится. Да вотъ, всѣ меня бранятъ; а, вѣдь, я имъ ... знаете что̀?

Фетинья.

Что̀-же за сокровище ты добылъ?

Крутицкій.

Да, сокровище. Вѣрно ты говоришь, сокровище. Я имъ свидѣтельство досталъ на бѣдную невѣсту. Вотъ я что̀! И священникъ подписалъ, и староста церковный подписалъ.

Мигачева.

Ахъ, ахъ, ахъ!

Крутицкій.

Пойдутъ по̀-городу, по лавкамъ, что̀ денегъ-то наберутъ! Какой доходъ! Счастье, вѣдь, это, счастье!

Фетинья.

Да, счастье ... на мосту съ чашкой.

Мигачева (подбѣгая къ Аннѣ).

Позвольте бумажку, полюбопытствовать!

Анна (подавая бумагу).

Да на что̀ вамъ? Вѣдь, вы читать не умѣете.

Мигачева.

Все-таки, интересно, помилуйте! (Разсматривая бумагу.) Ахъ, ахъ! Ну, вотъ, ужь чего вамъ лучше!

Петровичъ.

Постой ты! Подай сюда! (Беретъ бумагу.) Что̀ ты смыслишь? (Просматриваетъ бумагу, потомъ щелкаетъ по ней пальцемъ.) Вѣрно! Ничего, идите смѣло! По этой бумагѣ ходите смѣло. (Отдаетъ Аннѣ бумагу.)

Настя.

Что̀-жь, очень это стыдно?

Мигачева.

Да-таки порядочно. Какъ начнутъ страмить, такъ только держись, особливо прикащики.

Елеся (смѣется).

Прикащики? Прикащики проберутъ.

Настя.

А много денегъ собрать можно?

Мигачева.

Счастьемъ, вѣдь, это. Кто рубликъ дастъ, кто просто поклонится да рукой махнетъ, значитъ — проходи мимо; кто насмѣется въ волю; а добрые люди попадаются — и по десяти, и по двадцати рублей даютъ.

Настя.

Тетенька, мнѣ очень нужны деньги.

Фетинья.

Ступайте! Кому-жь не мило даромъ-то деньги брать! Случалось, что рублей и по сту набирали, особенно если дѣвушка повиднѣй, да на всякій разговоръ не стыдлива.

Крутицкій.

Какой доходъ! Какія деньги! Вотъ что я вамъ! Вотъ что!

Настя.

А мнѣ деньги очень нужны. Ужь какъ мнѣ нужны сегодня деньги! Ужь пойдемте, тетенька, что-жь дѣлать! Ахъ, несчастная я, несчастная! (Плачетъ.)

Анна (тихо Настѣ).

Ну, ничего! Ну, не плачь! Вотъ можно будетъ (Крутицкій прислушивается.) и платье выкупить, и платочекъ купить хорошенькій.

Крутицкій (отводя Анну къ сторонѣ).

Что ты, безумная? Что ты говоришь? Какіе платочки? Еще не видя денегъ, да ужь мотать задумала? Мотовка, мотовка! Ты ей и не показывай, что тебѣ дадутъ, ты всѣ мнѣ неси! И Боже тебя сохрани!

Анна.

Она, благородная дѣвушка, за деньги-то такой стыдъ принимать будетъ, а мы у нея ихъ отнимемъ!

Крутицкій.

Что ее жалѣть-то! Не родная дочь. А ты, что покрупнѣй-то, и зажми въ рукѣ-то, и зажми! Жаль тебѣ ее? О, мотовка! (Злобно.) Анна, если я узнаю, что у тебя были въ рукахъ большія деньги, да ты ихъ изъ рукъ выпустила ...

Анна.

Что ты при людяхъ-то, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Въ петлю тебя, въ петлю!

Фетинья.

Вотъ-бы вы и шли; самое время теперь, всѣ купцы въ городѣ.

Анна.

Пойдемъ, Настенька.

Мигачева.

Да постойте! Какъ вы пойдете? На все нужно порядокъ знать. Вы, Анна Тихоновна, впередъ идите; а вы, Настенька, такъ шага три сзади, такъ и идите. Платочкомъ-то поприкройтесь для скромности. А если кто захочетъ на васъ полюбопытствовать, поманитъ васъ, вы и подойдите и платочекъ откройте. Ну, идите въ добрый часъ.

Фетинья.

Постойте! Какъ вы бумагу-то держите? Такъ, вѣдь, нехорошо. Все, вѣдь, это надо знать, коли ужь пошли за такимъ дѣломъ. Надо въ чистый платокъ завернуть. Нѣтъ у васъ? Вотъ возьмите мой, только назадъ принесите; а то вы, пожалуй. (Завертываетъ бумагу въ платокъ.) Да вотъ такъ, противъ груди и держите! (Отдаетъ бумагу.) Вотъ такъ, вотъ! Ну, и ступайте! Дай Богъ счастливо. (Анна и Настя медленно уходятъ.)

Мигачева (Елесѣ).

Елеся, Елеся, погляди! Ведутъ ее, бѣдную, какъ овечку. Ахъ, какъ интересно!

(Занавѣсъ.)

Дѣйствіе второе.

Декорація та же.

Явленіе первое.

Мигачева у калитки, **Фетинья** у лавки, **Крутицкій** сходитъ съ крыльца, **Анна** за нимъ.

Фетинья.

Вернулись, что̀-ли?

Мигачева.

Охъ, вернулись.

Фетинья.

Принесли что̀-нибудь?

Мигачева.

Еще не слыхала. Вонъ Михей Михеичъ; спросить-бы у него, да боюсь.

Крутицкій.

Кто хозяинъ-то, кто? Кто у васъ большой-то? Какъ вы смѣли купить безъ позволенія? Нынче и хлѣбъ-то дорогъ, и хлѣбъ-то надо по праздникамъ ѣсть, а вы чаю да тряпокъ накупили. Чай пьютъ! Вы меня съ ума сведете! Набралъ я тебѣ липоваго цвѣта на бульварахъ, съ полфунта насушилъ, вотъ и пейте.

Анна.

Она на свои купила.

Крутицкій.

Какія у нея свои? Откуда у нея свои? У нея нѣтъ своихъ, всѣ мои, — я ее кормлю. Да ты врешь, ты затаила деньги, затаила!

Анна.

Не вѣрь, пожалуй, Богъ съ тобой, а я тебѣ всѣ отдала.

Крутицкій.

У, мотовка!

Мигачева

Позвольте, Михей Михеичъ, сколько-же вамъ Богъ да добрые люди?

Крутицкій.

Не подходи!

Мигачева.

Ужь и спросить нельзя! Кажется, не великъ секретъ! Не краденыя деньги.

Крутицкій.

Отступись, говорю! Что̀ тебѣ до чужихъ денегъ? Иль ограбить меня хочешь? Меня и такъ ограбили. (Аннѣ.) Обманули меня! Чаю захотѣли! Есть у васъ липовый цвѣтъ и изюмцу есть немножко, я у бакалейной лавки подобралъ. Онъ чистый, я его перемылъ. А то чай! Чего онъ сто̀итъ? Вотъ я посмотрю, сколько вы завтра принесете? Я самъ съ вами пойду.

Мигачева.

Она завтра не пойдетъ; что̀ ей за неволя мучиться.

Крутицкій.

Не пойдетъ, — изъ дому выгоню, ночью на улицу выгоню. (Уходитъ. Настя выходитъ на крыльцо съ гребенкой въ рукѣ, причесывая голову.)

Явленіе второе.

Фетинья, Мигачева, Анна и Настя.

Настя.

Что-же вы, тетенька! Попросите поскорѣй у кого-нибудь самоварчика-то. Нашъ подать нельзя, онъ никуда не годится. Мы здѣсь будемъ пить чай, подъ деревьями, здѣсь хорошо. Я пока пріодѣнусь немножко; я того и жду, что Модестъ Григорьичъ придетъ. (Показываетъ шелковый платокъ.) Тетенька, вотъ платочекъ-то! Ахъ, душка, какой милый!

Анна.

Милый, милый! А ты не забывай, что намъ завтра опять идти.

Настя.

Нѣтъ, ужь завтра я не пойду. Хорошенькаго по-немножку; я и нынче не знала, ворочусь-ли живая. Да вы-бы сами-то пріодѣлись.

Анна.

Во что мнѣ?

Настя.

Да хоть немножко! Хлопочите, тетенька, поскорѣй, скоро вечерни. (Уходитъ.)

Мигачева (подходя къ Аннѣ).

Ну, матушка, Анна Тихоновна, разсказывайте! (Фетинья подходитъ медленно и важно.)

Анна.

Что разсказывать — дѣло обыкновенное. Одолжите намъ самоварчикъ.

Мигачева.

Послѣ трудовъ-то хотите чайку напиться? Это хорошо. Извольте, извольте. Ужь я и посуду свою дамъ, и столикъ. Елеся, Елеся! (Выходитъ Елеся.)

Явленіе третье.

Анна, Мигачева, Фетинья и Елеся.

Елеся.

Что̀ вамъ, маменька?

Мигачева.

Вынеси столикъ сюда и чайникъ съ чашками, да поставь самоваръ. Накрой вонъ тамъ, у крылечка, да поскорѣй поворачивайся!

Елеся.

Спѣши-не-спѣши, а поторапливайся. (Уходитъ, напѣвая „чижикъ“, и потомъ впродолженіи сцены приноситъ столъ и приборъ чайный.)

Мигачева.

Еще чего не нужно-ли? Хоть весь домъ возьмите, Анна Тихоновна, только ужь разскажите, не томите! Измаялась!

Анна.

Да, право, занимательнаго немного; вотъ развѣ одинъ случай.

Мигачева.

Ахъ, такъ и случай съ вами былъ?

Анна.

Заходимъ мы въ одинъ магазинъ, въ амбаръ-ли. ужь не знаю; хозяинъ такой видный, важный, стоитъ за конторкой, что̀-то пишетъ. Ну, мы поджидаемъ, когда онъ кончитъ. Онъ попишетъ, взглянетъ на насъ, да опять писать примется. Мы стоймъ, прикащики посмѣиваются. Вотъ онъ кончилъ, кивнулъ намъ головой и указываетъ рукой на дверь. Я хотѣла подойти, бумагу подать: „знаю, знаю, говоритъ, мы въ эти дѣла не входимъ“. Я было заговорила, что я благородная: „вамъ, говоритъ, ска-

зано, кажется; ну, и довольно съ васъ; мнѣ теперь некогда, а пожалуйте въ другое время". А самъ закричалъ на парня, который у двери стоитъ: „ты, говоритъ, что̀ смотришь? Впередъ не допускать до меня просящихъ!" Такъ мы со стыдомъ и вышли. Прошли немного, только глядимъ, этотъ купецъ догоняетъ насъ. Поклонился такъ учтиво и сталъ разспрашивать; разспросилъ все подробно и адресъ записалъ; я, говоритъ, навѣщу васъ сегодня вечеромъ изъ городу. Какъ у меня, говоритъ, своихъ дѣтей нѣтъ, такъ желаю быть этой дѣвушкѣ благодѣтелемъ. И даетъ мнѣ десять рублей.

Мигачева.

Однако-же, это довольно хорошо.

Фетинья.

Надо-жь куда-нибудь имъ деньги-то дѣвать.

Анна.

Потомъ поговорилъ немножко съ Настенькой, такъ хорошо, солидно и ей далъ пятнадцать.

Мигачева.

Ахъ, скажите!

Фетинья.

Мало-ль проказниковъ-то!

Анна.

Еще по мелочи рублей шесть набрали.

Мигачева.

А, вѣдь, поди, чай, всѣ мужу отдала, себѣ ничего не оставила?

Анна.

Конечно, всѣ; какъ ему не отдать, онъ изъ души вытянетъ. Настенька истратила кой-что̀ на себя; а рублей пять все-таки у ней онъ отнялъ.

Мигачева.

Теперь ужь у него не выпросишь. И всю-то жизнь ты съ нимъ такъ маешься?

Анна.

Всю жизнь. Онъ сначала, еще когда молодой былъ, точно пришибъ меня чѣмъ-нибудь. Жила я съ нимъ вмѣстѣ, а никогда не знала, есть у него деньги или нѣтъ. Бывало, мнѣ со стороны говорятъ: „хорошо твое житье, сколько твой мужъ грабитъ". „Не знаю, говорю, не вижу у него денегъ; видно, гдѣ-нибудь на сторонѣ проживаетъ". И послѣ, когда онъ домъ, лошадей и все наше заведеніе продалъ, я у него спрашивала: „Михей Михеичъ, гдѣ-жь деньги?" „Въ долги, говоритъ, роздалъ, въ долгахъ пропали". И точно, былъ разговоръ, что онъ деньги за большіе проценты взаймы давалъ; только получалъ-ли онъ ихъ обратно — не знаю. Вѣрите-ли, двадцать-пять лѣтъ я за нимъ замужемъ, а какъ прежде въ его кабинетъ не смѣла войти, и не была тамъ ни разу, такъ и теперь въ его каморку глазомъ заглянуть не смѣю. Войдетъ — запрется, и выйдетъ — на два замка запретъ.

Фетинья.

Только самъ себѣ свой, а то всѣ чужіе. Бываютъ такіе-то идолы.

Анна.

Такъ я всю жизнь въ своихъ рукахъ денегъ и не видала. Извините, что я васъ безпокоила на счетъ самовара. Да вотъ вы обѣщали; такъ ужь не одолжите-ли платочка на плечи накинуть?

Мигачева.

Ничего, что̀ вы! Елеся, подай мой ковровый. (Елеся уходитъ.) Али вы кого ждете? Кажись, гостей-то у васъ не бывало прежде?

Анна.

Какіе гости! Настенькинъ знакомый, молодой человѣкъ, благородный ...

Мигачева.

Благородный?

Анна.

Богатый человѣкъ, хорошей фамиліи

Мигачева.

Скажите!

Анна.

Онъ познакомился съ Настенькой, когда она жила у крестной матери.

Мигачева.

Не онъ-ли сватался?

Анна.

Онъ самый. Хочется принять получше; вѣдь, можетъ-быть ... А то, сами подумайте, куда намъ съ ней дѣваться?

Мигачева.

Конечно, конечно. Дай Богъ! (Входитъ Елеся съ платкомъ.)

Анна (Мигачевой).

Благодарю покорно! (Фетиньѣ.) А вашъ платочекъ извольте.

Фетинья.

Да, вѣдь, завтра, чай, опять потреплетесь, такъ понадобится. А мнѣ что̀ за крайность! У меня этой дряни много. (Анна уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Мигачева и Фетинья.

Мигачева.

Набрали Христа-ради да и закутили.

Фетинья.

Я слушаю да только помалчиваю. Съ чѣмъ сообразно: сами милостыню просятъ, а женихъ благородный, видишь ты, хорошей фамиліи.

Мигачева.

Да, можетъ, онъ не знаетъ ихъ похожденіевъ-то.

Фетинья.

А вотъ надо съ нихъ форсъ-то сшибить.

Мигачева.

Это даже и оченно можно.

Фетинья.

Мы вотъ и съ деньгами, да своей Ларисѣ жениха не найдемъ, а они нищіе, да за благороднаго норовятъ. Каково слушать-то!

Мигачева.

Само-собой. Ну, да, вѣдь, у насъ не взыщите мы такъ одолжимъ, что чудо.

Фетинья.

Счастье вотъ людямъ! А ужь я-бъ свою, право, и безъ разбору отдала.

Мигачева.

Куда торопиться-то?

Фетинья.

Какъ ты говоришь! Одно дѣло, дѣвкѣ удержу нѣтъ, а другое, намъ зять въ домѣ нуженъ. Самъ старъ, торговля у насъ опасная.

Мигачева.

А и выгодна ваша торговля, нѣтъ ея лучше.

Фетинья.

Еще-бы. Само-собой, что мы овощную и погребокъ только для виду держимъ; а настоящій нашъ товаръ тёмный.

Мигачева.

Тутъ глазъ, да и глазъ нужно.

Фетинья.

Да и хлопотно. Эти самые люди приходятъ къ намъ на разсвѣтѣ! Ночью-то они на промыслѣ. Ну, старику-то и тяжело. Кабы зять, такъ одну ночь самъ, а другую зять; да вотъ нѣтъ избранниковъ.

Мигачева.

Вы объ женихахъ, а я объ невѣстахъ. Женилабы вотъ Елесю, да какого лысаго бѣса за него отдадутъ!

Фетинья.

Зачѣмъ лысаго?

Мигачева.

А то какого-же?

Фетинья.

Нѣтъ, онъ не объ лысомъ думаетъ.

Мигачева.

О какомъ-же? Гдѣ еще ему! Онъ младенецъ.

Фетинья.

Младенецъ-то младенецъ, а по чужимъ садамъ лазитъ.

Мигачева.

Охота у него.

Фетинья.

И я говорю, что охота.

Мигачева.

Птицъ сѣтью накрываетъ.

Фетинья.

Не онъ накрываетъ, а я его накрыла и съ птицей вмѣстѣ. Только птица-то большая, больше тебя ростомъ будетъ.

Мигачева.

Матушка, виноваты! Ахъ, упаду. Ахъ, онъ разбойникъ! Погубилъ онъ мою голову.

Фетинья.

Не твою, а мою. Узнаетъ Истукарій Лупычъ, кого причесывать-то будутъ? Не тебя, а меня. Такъ ужь вотъ что! Вы мнѣ непротивны, а самъ-то, пожалуй, тоже не прочь. Онъ объ своей дочери невысокаго мнѣнія, а такъ надо сказать, что и за человѣка ее не считаетъ, такъ много спорить не будетъ. Конечно, Елеся противъ нашего званія и приданаго женихъ низменный; да видно ужь судьба. Вели ты сыну одѣться почище, да приходите къ намъ не мѣшкая. Какое-нибудь рѣшеніе намъ выдетъ: либо мнѣ быть битой, либо намъ свадьбу пировать ...

Мигачева (цалуя въ плечо Фетинью)

Матушка, благодѣтельница! То-то мнѣ нынче во снѣ-то ...

Фетинья.

Ну, да ужь и я сонъ-то. ..

Мигачева.

Чему быть-то, такъ ужь, видно ...

Фетинья.

Да, вотъ, на грѣхъ-то мастера нѣтъ. Прощай покуда! Приходите скорѣй, пока самъ дома.

Мигачева.

Прощайте, пріятная моя! Мы мигомъ. (Входитъ Елеся съ самоваромъ, Анна и Настя. Фетинья уходитъ въ лавку.)

Явленіе пятое.

Анна, Настя, Мигачева и Елеся.

Елеся.

Кипитъ.

Мигачева.

Брось скорѣй! Поди, чисти сюртукъ; въ гости зовутъ.

Елеся.

Вездѣ поспѣю. (Уходитъ въ калитку, Мигачева за нимъ.)

Настя.

Онъ писалъ, что ровно въ четыре часа ...

Анна.

А къ вечернѣ ужь звонили.

Настя.

Что̀ я съ нимъ буду говорить? У меня въ головѣ все перепуталось. Мнѣ хочется и плакать, и смѣяться. Я готова прыгать и хлопать въ ладошки, какъ глупый ребенокъ въ большой праздникъ; а что̀ мнѣ нужно, мнѣ того не выговорить.

Анна.

Мы прежде послушаемъ, что̀ онъ скажетъ.

Настя.

Тетенька, вы шаль-то вотъ такъ. (Поправляетъ платокъ на теткѣ.) Да, пожалуйста, какъ можно деликатнѣй!

Анна.

Ну, ужь какъ умѣю. Лгать-то я не мастерица.

Настя.

Намъ бы какъ-нибудь, тетенька, припрятать свою бѣдность-то, чтобъ не очень ужь сразу-то.

Анна.

Постараюсь.

Настя.

Тетенька, онъ идетъ.

Анна.

Поди, встрѣть его. (Входить Баклушинъ.)

Явленіе шестое.

Анна, Настя и Баклушинъ.

Настя.

Вы-таки пришли. Ну, ужь нечего съ вами дѣлать! Милости просимъ. Пожалуйте сюда!

Баклушинъ.

Куда-же?

Настя.

А вотъ сюда, подъ деревья. Здѣсь лучше, чѣмъ въ комнатахъ.

Баклушинъ.

Какъ? На улицѣ? Это довольно оригинально.

Настя (представляя Баклушина).

Модестъ Григорьичъ Баклушинъ! Тетушка моя, Анна Тихоновна. (Баклушинъ кланяется.)

Анна.

Садиться не угодно-ли? (Баклушинъ садится.)

Настя (наливая стаканъ чаю).

Не прикажете-ли чаю?

Баклушинъ.

Покорно васъ благодарю. (Беретъ стаканъ.)

Настя.

Не знаю, хорошо-ли я хозяйничаю. Право, такъ неожиданно. Сладко-ли я вамъ налила?

Баклушинъ.

Превосходно. Отличный чай, отличные сухарики.

Настя.

Ахъ, нынче и погода какая! И все такъ ... Не угодно-ли вамъ еще?

Баклушинъ.

Позвольте. (Подаетъ стаканъ.)

Настя (наливая).

Ахъ, какъ мнѣ весело, что мой чай вамъ нравится! Мнѣ такъ это пріятно слышать отъ васъ. (Подаетъ стаканъ.) Не правда-ли, у насъ хорошо? Мы живемъ, конечно, небогато, но за то тихо, покойно. Мнѣ, право, здѣсь такъ весело. (Входитъ Елеся въ жилетѣ съ сюртукомъ въ рукахъ.)

Явленіе седьмое.

Анна, Настя, Баклушинъ, Елеся, потомъ **Мигачева.**

Настя.

Никто насъ не трогаетъ, никто намъ не мѣшаетъ.

Елеся

(вѣшаетъ сюртукъ на деревѣ и начинаетъ чистить).

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробушекъ маленькій.

Настя (сконфузившись).

Конечно, сосѣди у насъ люди простые. (Елесѣ.)

Елеся, вы-бы дома сюртукъ-то чистили. (Баклушину.) Но всѣ насъ такъ уважаютъ.

Елеся.

Очень нужно дома-то пылить.

Настя (почти сквозь слезы).

А на насъ-то зачѣмъ пылите? Отойдите, по-крайней-мѣрѣ.

Елеся.

Ничего-съ, кушайте чай, вы мнѣ не мѣшаете.

Баклушинъ.

А онъ чудакъ порядочный!

Настя.

Не обращайте на него вниманія, онъ малоумный.

Елеся.

Ужь и сертучекъ, Настасья Сергѣвна. (Надѣваетъ сюртукъ.)

Настя.

Оставьте меня!

Елеся.

Да вы поглядите! (Поворачивается кругомъ.) Красота! Великонекъ немножко, да не перешивать-же! Авось выросту; что̀ доброе-то портить! (Входитъ Мигачева, принарядившись пестро и безъ вкуса.)

Баклушинъ.

Это что̀ за явленіе?

Настя.

Это его мать! Она очень хорошая женщина! Учтивая, обязательная.

Мигачева (Елесѣ).

Скоро-ль ты, чучело гороховое?

Елеся.

Готовъ. Совсѣмъ Максимъ, и шапка съ нимъ.

Мигачева (проходя мимо Насти).

Чай да сахаръ всей компаніи. Охъ, не очень-ли важно вы разсѣлись-то? (Уходитъ въ садъ. Елеся за ней.)

Настя (сквозь слезы).

Это ужасно! Я не знаю, за что̀ они нынче всѣ обижаютъ меня. А все-таки здѣсь хорошо.

Баклушинъ.

Нѣтъ, Настасья Сергѣвна, не утѣшайте себя, вамъ здѣсь нехорошо. Напрасно вы оставили вашу крестную маменьку.

Настя.

Развѣ я сама ее оставила? Она начала меня упрекать: „что̀ ты все хорошѣешь?“ Ну, а что̀-же мнѣ дѣлать? Я не виновата. Стала меня одѣвать похуже, а я все-таки лучше ея дочерей. Разсердилась за это, да и прогнала меня.

Баклушинъ.

Да, такъ вотъ что̀! Ну, теперь для меня дѣло ясно.

Анна.

Да, ни за что̀ обидѣли дѣвушку. Да и намъ-то какая тягость! Мы и сами-то съ куска на кусокъ перебиваемся, а тутъ еще ее намъ на шею спихнули.

Настя (съ упрекомъ).

Тетенька!

Анна.

Что̀, Настенька, скрываться-то, коли онъ тебѣ знакомый? Пусть ужь все узнаетъ. Кабы съ рукъ ее сбыть, вотъ-бы перекреститься можно.

Баклушинъ.

Сбыть! Точно вещь какую. А куда-же сбыть ее вы думаете?

Анна.

Кромѣ какъ замужъ, куда-жь она годится! Ничего она не знаетъ, ничего не умѣетъ.

Баклушинъ.

Непріятное положеніе! Надо подумать объ этомъ серьезно. Что̀-же вы дѣлаете?

Настя.

Такъ, кое-что̀.

Баклушинъ.

Не кое-что̀, вамъ надо трудиться! Вы хоть-бы уроки давали.

Настя.

Чему? Я сама ничего не знаю. Вы видѣли, какъ меня воспитывали. Меня учили только тѣшить гостей, чтобъ всѣ смѣялись каждому моему слову; меня учили быть милой да наивной; ну, я и старалась.

Баклушинъ.

Да, правда. Ну, такъ вотъ что̀: сами учитесь! Да учитесь прилежнѣй.

Анна.

Оно, точно, хорошо; только пока учишься, надо кушать что̀-нибудь.

Баклушинъ.

И то правда.

Анна.

Богатые думаютъ объ ученьи, а бѣдные о томъ, чтобъ только живу быть.

Настя.

Постойте, погодите, тетенька! Дайте намъ по-

говорить. (Отходитъ къ сторонѣ и манитъ Баклушина.) Поди-те сюда на минуточку!

Баклушинъ (подходя).

Что̀ вамъ угодно?

Настя.

Можно васъ объ одномъ спросить?

Баклушинъ.

Спрашивайте, что̀ хотите!

Настя (тихо).

Вы меня любите по-прежнему?

Баклушинъ.

Больше прежняго.

Настя.

Ахъ, какъ это хорошо!

Баклушинъ.

А вы?

Настя.

Про меня-то что̀ и говорить! Кого-жь мнѣ и любить, какъ не васъ? Такъ смотрите-же!

Баклушинъ.

Что̀ смотрѣть-то?

Настя.

Не обманите меня.

Баклушинъ.

Въ чемъ? Я вамъ ничего не обѣщалъ.

Настя.

Вы обѣщали меня любить, а это мнѣ дороже всего.

Баклушинъ.

Если я вамъ такъ дорогъ, отчего-же вы давеча

не хотѣли сказать мнѣ своей квартиры? (Подходятъ къ столу.)

Настя.

Я боялась, что вы войдете къ намъ, увидите нашу бѣдность и разлюбите меня. (Плачетъ.)

Баклушинъ.

А плакать-то объ чемъ?

Настя.

Мнѣ стыдно.

Баклушинъ.

А зачѣмъ-же стыдиться бѣдности?

Анна.

А то чего-же стыдиться-то? Есть-ли что̀ еще хуже, обиднѣй бѣдности, особенно для молодой дѣвушки?

Баклушинъ.

Мало-ль что̀ есть хуже бѣдности!

Анна.

Вы посмотрите хорошенько на людей-то! Многіе-ль стыдятся того, что̀ хуже-то; а бѣдности-то всякій стыдится. Вы сами бѣдности не знаете, оттого не по-людски и судите.

Настя.

Оставьте, тетенька, этотъ разговоръ. Вы опять за то-же. Я такъ счастлива, что Модестъ Григорьичъ у меня въ гостяхъ! Можно намъ теперь хоть ненадолго и забыть про свое горе.

Баклушинъ.

Вотъ теперь вы очень мило разсуждаете. Позвольте за это поцаловать вашу руку!

Настя.

Ахъ, извольте, извольте! (Входятъ изъ саду: Фетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.)

Явленіе восьмое.

Анна, Настя, Баклушинъ, Фетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.

Фетинья.

Ишь, блаженствуютъ! Ну, не обида это?

Мигачева.

А вотъ я сейчасъ осажу ихъ. (Подходитъ къ столу.) Ужь вы очень проклажаетесь за чужимъ-то самоваромъ. Намъ самимъ нужно, у насъ тоже гости; они хоть и не благородные, а пожалуй, что и почище будутъ. Бери, Елеся! (Елеся беретъ самоваръ и уноситъ.)

Настя.

Что̀ съ вами? За что̀ вы насъ обижаете?

Мигачева.

Ужь не взыщите! За свою собственность всегда могу.

Настя.

Намъ онъ былъ ужь ненуженъ, мы-бы и сами вамъ отдали.

Мигачева.

Ну, еще когда васъ дождешься; а такъ-то лучше. Да и платокъ-то-бы отдали. Что щеголять-то въ чужомъ.

Анна (отдавая платокъ).

Возьмите!

Настя.

Ахъ, какой стыдъ, какой стыдъ!

Лариса (подходя къ Настѣ).

Здравствуйте, Настенька!

Настя (отворачиваясь).

Здравствуйте!

Лариса.

Это вашъ женихъ? Даже очень недуренъ.

Настя.

Какой женихъ? У меня нѣтъ жениха.

Лариса.

Ахъ, напрасно. Вы не должны отъ насъ скрываться: формально все доказываетъ, что этотъ самый и есть вашъ женихъ.

Настя.

Оставьте вы меня!

Лариса.

Коль скоро вы ходите по лавкамъ собирать на приданое и даже бумагу для этого выправили, какъже вы можете быть безъ жениха? Потому вы не должны народъ обманывать.

Настя.

Ахъ, ахъ! (Закрываетъ лицо руками.)

Лариса.

А вдругъ и мы хотимъ дать вамъ рубль серебра и говоримъ: „окажите намъ вашего жениха для видимости. Можетъ, съ вашей стороны обманъ!“ (Отходитъ къ Фетиньѣ. Настя стоитъ, какъ убитая.)

Фетинья.

Ай-да Лариса! Она, нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ словцо!

Лариса.

Что-жь, вы воображаете, что я совсѣмъ безъ образованія? Но какъ много вы о своемъ дитя ошибаетесь. (Важно уходитъ въ калитку, Фетинья и Мигачева за нею.)

Явленіе девятое.

Баклушинъ, Анна и Настя.

Баклушинъ.

Что̀ это значитъ? Куда я попалъ?

Настя

(складывая руки и умоляющимъ голосомъ).

Простите меня!

Анна (беретъ ее за руку).

Полно ты, полно! Что̀ за оправданія! Ну, пошли, такъ и пошли. Надо чѣмъ-нибудь кормиться.

Баклушинъ.

Можно-ли, можно-ли? У меня руки опускаются. Что̀ мнѣ думать о васъ?

Настя.

Вы меня разлюбите?

Анна.

Да что̀ за бѣда такая? Дядя и свидѣтельство досталъ, и приказалъ ей идти, потому что кормить лишняго человѣка намъ нечѣмъ — мы сами часто не ѣвши сидимъ. Вотъ и все. Она не смѣла не идти.

Баклушинъ.

Вы говорили, что для молодой дѣвушки ничего нѣтъ хуже, обиднѣй бѣдности. Просить, побираться, милостивая государыня, вотъ что̀ хуже бѣдности.

Анна.

Это не хуже бѣдности, милостивый государь, это самая бѣдность-то и есть. Сначала просить, потомъ воровать ...

Баклушинъ.

Что̀ за ужасы! Что̀ вы ее пугаете? Вамъ еще далеко до крайности: вы пьете хорошій чай.

Настя.

Ахъ, этотъ чай! Вся и бѣда-то отъ него. Послушайте! Вы писали, что придете ко мнѣ, а у меня рѣшительно ничего не было, нечего и заложить; а мнѣ хотѣлось васъ чаемъ напоить, вотъ я и пошла. Я не знала, что это такъ дурно.

Баклушинъ.

Такъ вы это для меня? Благодарю васъ. Но вотъ что̀, Настасья Сергѣвна: коли денегъ нѣтъ, такъ работать надо, работать, а не милостыню просить.

Анна.

А вы думаете, мы сложа руки сидимъ? Мы чуть не ослѣпли отъ работы. Да что́ сто̀итъ наша работа, когда мы ничего не умѣемъ! Мы на хлѣбъ не вырабатываемъ.

Баклушинъ.

По-моему, ужь лучше въ горничныя идти.

Настя.

Тетенька, вонъ что̀ говорятъ. Найдите мнѣ мѣсто, я пойду въ горничныя.

Анна.

Мало-ль что̀ говорятъ, а ты слушай всѣхъ. Гдѣ тебя держать будутъ? Тебѣ рубля въ мѣсяцъ не дадутъ. Ты и утюга-то въ руки взять не умѣешь. (Баклушину.) Вы видите наше положеніе, вы ее любите; вотъ вамъ-бы и помочь бѣдной дѣвушкѣ.

Баклушинъ.

Чѣмъ-же я могу?

Анна.

Вѣдь вы холостой?

Баклушинъ.

Холостой.

Анна.

Женитесь!

Настя.

Тетенька, перестаньте.

Анна.

Что за церемоніи! Спасите ее; вѣдь погибнетъ.

Настя (съ испугомъ)

Тетенька, развѣ я погибну?

Анна.

Погибнешь, душа моя. Не ты первая, не ты послѣдняя.

Настя.

Ахъ, какъ страшно! (Баклушину.) Такъ спасите меня!

Баклушинъ.

Ангелъ мой, я люблю васъ, но жениться было-бы безуміе съ моей стороны. У меня ничего нѣтъ. Жалованья мнѣ только хватаетъ на платье, да и то я чуть не всѣмъ портнымъ въ Москвѣ долженъ. Я самъ ищу богатой невѣсты, чтобы поправить свои дѣла.

Анна.

Да, вотъ что!

Настя.

Хорошо-же вы меня любите!

Баклушинъ.

Васъ-то я люблю очень.

Настя.

А себя больше?

Баклушинъ.

Немножко больше.

Настя.

Богъ съ вами! (Отворачивается и плачетъ.)

Баклушинъ (беретъ ее за руку).

Ну, перестаньте, Настасья Сергѣвна! Настенька! Ну, рязсмѣйтесь! Ну, агунюшки, дитя мое милое! Ну, какой я мужъ? Я вѣдь шалопай совершеннѣйшій. Ну, разсмѣйтесь! (Настя улыбается.)

Анна.

А, такъ вы шалопай? Да, я вижу. Ну, а намъ не до шутовства! Мнѣ слушать больно. У насъ забота о насущномъ хлѣбѣ, а вы хотите смѣшить насъ! Ей не агунюшки нужны! Ей нуженъ теплый уголъ, да кусокъ хлѣба. Вотъ, подойдетъ осень, этому ребенку и надѣть-то нечего, и кушать-то нечего, и жить-то негдѣ. Если дядя и не погонитъ, такъ она въ нашей сырой конурѣ умретъ черезъ недѣлю. Мы на васъ надѣялись; она, бѣдная, послѣднія деньжонки истратила, чтобы принять васъ поприличнѣе.

Баклушинъ.

Я-бы радъ всей душой помочь Настасьѣ Сергѣвнѣ; но у меня есть одно ужасное обстоятельство, которое связываетъ мнѣ руки. Ахъ, если-бы вы знали!

Анна.

Разговоръ коротокъ. Ей помощь нужна настоящая, а вы, какъ я вижу, ровно ничѣмъ ей помочь не можете.

Баклушинъ.

Отчего-же ничѣмъ? Дружескимъ участіемъ, совѣтомъ.

Анна.

Отчего-это богатымъ никто ничего не совѣтуетъ, а все только бѣднымъ? Какъ будто у бѣдныхъ ужь

и ума нѣтъ. У насъ, бѣдныхъ, только денегъ нѣтъ, а умъ такой-же, какъ и у васъ. Что̀ нынче за свѣтъ такой? Съ наставленіемъ набивается всякій, а денегъ никто не даетъ.

Баклушинъ.

Гдѣ мнѣ взять денегъ? Мнѣ самому не хватаетъ. Развѣ малость какую-нибудь!

Анна.

Да хоть и малость, все-таки, ей помощь. У ней вѣдь ужь чисто ничего.

Настя.

Тетенька, я отъ него не возьму ни за что̀.

Анна.

Ты не возьмешь, я возьму. Коли теперь съ вами нѣтъ, занесите какъ-нибудь. Доброе дѣло сдѣлаете.

Баклушинъ.

Непремѣнно занесу, непремѣнно. Я, знаете-ли что̀, я все-таки подумаю; можетъ-быть вѣдь ...

Анна.

Подумайте! Душу-то ея пожалѣйте! А то вѣдь я ... Ужь тамъ суди меня Богъ! Я съ голоду умереть ей не дамъ. Я знаю, что̀ такое голодъ.

Баклушинъ.

Прощайте, мой милый ребенокъ. Я вотъ что̀, я къ вамъ сегодня-же зайду.

Настя.

Приходите! (Баклушинъ раскланивается и уходитъ.)

Явленіе десятое.

Анна и Настя.

Анна.

Ну, видѣла я теперь твоего знакомаго довольно хорошо. Надо-бы тебя поругать хорошенько, да ужь и жалко.

Настя.

За что?

Анна.

Истратила ты свои послѣднія деньжонки, а что толку? Послушай-ко ты меня! Выкинь ты его изъ головы вонъ.

Настя.

Да вѣдь онъ сказалъ, что еще подумаетъ.

Анна.

Ну, да, какъ-же! Будетъ онъ думать, нужно ему очень! А коли и будетъ, такъ ничего не выдумаетъ. Ему-бы только болтать о пустякахъ — вотъ его дѣло. Много такихъ-то по Москвѣ бѣгаетъ, да не очень-то они намъ нужны. Мы иной день не ѣвши сидимъ, а онъ придетъ съ разговорами только оскомину набивать. И не надо его, и Богъ съ нимъ.

Настя.

Ахъ, не прогнать-же его?

Анна.

Отчего-жь не прогнать? И прогонимъ. Вотъ онъ нынче придетъ; я тебя научу тогда, что ему сказать. Повѣрь, что онъ больше и не заглянетъ къ намъ. Да и хорошо-бы. Какая отъ него польза? На что онъ намъ? Сбивать тебя съ толку? Такъ у тебя и то его немного. А тебѣ, душа моя, пора самой думать о себѣ, да, охъ, думать-то хорошенько. Ребячество твое кончилось, миновалось.

Настя.

Я знаю, что оно миновалось.

Анна.

Нѣтъ, плохо знаешь! Все еще ты ребячишься. А ребячиться тебѣ ужь не то что стыдно — какъ-то зазорно и глядѣть-то на тебя. Богатая дѣвушка прыгаетъ, такъ ничего, весело; а бѣдная скачетъ, какъ коза, такъ ужь очень обидно на нее. Что̀ было, то прошло, того не воротишь; а впереди для тебя — нѣчего мнѣ скрывать — и сама ты видишь, ничего хорошаго нѣтъ: жить съ нами въ нищетѣ, въ холодѣ, въ голодѣ тебѣ нельзя. И остается тебѣ ...

Настя.

Что̀ мнѣ остается?

Анна.

Что̀ тебѣ остается-то? Бѣдная ты, бѣдная! Лучше-бы всего тебѣ теперь ...

Настя.

Что̀, тетенька?

Анна.

Что̀? Умереть, вотъ что̀.

Настя.

Ахъ, умереть ...

Анна.

Да. Я объ тебѣ и плакать-бы не стала. Въ могилку-то тебя, какъ въ постельку-бы положила.

Настя.

Страшно, тетенька! (Съ крикомъ.) Ахъ, страшно, страшно! Холодно! Повезутъ меня на этихъ черныхъ дрогахъ ... Такіе страшные! Лежать въ могилѣ, а всѣ живутъ!.. Мнѣ жить хочется, я такая молоденькая.

Анна.

Охъ, жить! Да вѣдь ужь нечего дѣлать! Богъ смерти не даетъ, такъ, видно, жить надобно. Только я ужь тебѣ сказала, что жить такъ, какъ мы живемъ, тебѣ нельзя. Да и что̀ за напасть? Ты такая хорошенькая, тебѣ можно жить и лучше.

Настя.

А какъ-же?

Анна.

А вотъ въ сумерки придетъ купецъ ... Дѣло-то ясное; я давеча тебѣ всего не сказала, что̀ онъ со мной говорилъ.

Настя (закрывая лицо руками).

Ахъ, ахъ! Нехорошо!

Анна.

Да, нехорошо. Что̀ дурное хвалить! А гдѣ-жь взять для тебя хорошаго-то? Тебѣ его въ жизни и не дождаться никогда. Ужь худого-то не минуешь. Такъ изъ худого-то надо выбирать, что̀ получше.

Настя.

Дайте мнѣ подумать.

Анна.

Думай, Настенька, думай, душа моя, хорошенько. Хуже всего, коли руки опустишь. Затянешься въ нашу нищенскую жизнь, бѣда! Думай теперь, пока еще въ тебѣ чувства-то не замерли, а то и солдатской шинели будешь рада.

Настя.

Ай, что̀ вы! Нѣтъ, нѣтъ!

Анна.

Ходить по домамъ побираться, то кусочекъ сахарцу занять, то огарочекъ свѣчки; подбирать на

чужихъ дворахъ щепочки, чтобъ вскипятить горшокъ пустыхъ щей ...

Настя.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не говорите, замолчите! (Подумавъ) Тетенька!

Анна.

Что̀, душа моя?

Настя.

А много дѣвушекъ умираютъ... отъ бѣдности, отъ горя?

Анна.

Довольно-таки.

Настя.

А много и такихъ ...

Анна.

Какихъ?

Настя.

Ахъ, какъ стыдно!

Анна.

Охъ, много, много!

Настя.

И всѣ смѣются надъ ними, презираютъ, обижаютъ ихъ ... бѣдныхъ?

Анна.

Есть, кто и пожалѣетъ; только мало христіанства-то въ людяхъ.

Настя.

И вѣдь никому-то, никому, кто на тебя косо взглянетъ, кто отъ тебя отворотится, разсказать нельзя, объяснить нельзя, что тебѣ только и оставалось: или смерть, или такая жизнь.

Анна.

Думай, Настенька! Времени остается намъ немного; купецъ придетъ скоро, надо будетъ ему сказать что̀-нибудь. Да ты не забудь и того, что завтра намъ опять идти сбирать; а если ты не пойдешь, такъ дядя тебя прогонитъ изъ дому.

Настя.

Помогите мнѣ, посовѣтуйте!

Анна.

Нѣтъ, мой другъ, я грѣха на душу не возьму. И не слушай ты никого, будь ты сама надъ собой большая. А я ни совѣтовать тебѣ, ни осуждать тебя не стану. Хочешь ты, живи ...

Настя.

Да, тетенька, простите меня, не презирайте меня, мнѣ хочется пожить получше! (Прилегаетъ на грудь къ Аннѣ Тихоновнѣ.)

Анна.

Богъ тебя проститъ; я тебѣ не судья.

(Занавѣсъ.)

Дѣйствіе третье.

Декорація та же. Лѣтнія сумерки.

Явленіе первое.

Выходятъ: **Елеся** изъ своей калитки съ кистью и ведромъ краски, **Петровичъ** изъ лавки.

Петровичъ.

За мастерство?

Елеся.

За мастерство, другъ. Не такъ живи, какъ хочется, а какъ люди приказываютъ.

Петровичъ.

А тебѣ какъ хочется?

Елеся.

Чего лучше не бываетъ, вотъ какъ.

Петровичъ.

Дѣло-то о поцалованіи купеческой дочери мировой кончилъ?

Елеся.

Еще какой мировой-то! Женихъ, братъ, я. Вотъ пословица-то: не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ.

Петровичъ.

На грѣхъ-то, говорятъ, и изъ палки выстрѣлишь.

Елеся.

Именно, братъ. Не надѣялся, нѣчего сказать.

Петровичъ.

Чудеса!

Елеся.

Вотъ поди-жь ты.

Петровичъ.

На бабъ-то дивиться нѣчего, на нихъ куричья слѣпота бываетъ, а какъ же это самъ-то? Онъ тебя не въ первый разъ видитъ; дарованіе и образованіе твое ему извѣстны.

Елеся.

Самъ ничего, самъ меня любитъ. Знаешь, за что? У тебя, говоритъ, характеръ хорошъ, легокъ; если тебя когда счетами по затылку, ты не обидишься.

Петровичъ.

Что тутъ обиднаго!

Елеся.

Само-собой. Русская пословица: за тычкомъ не гонись! Такъ-то, Петровичъ, за тычкомъ не гонись!

Петровичъ.

Вѣрно твое слово. Да и нѣчему дивиться, что, не доглядя, тебя за человѣка приняли; ты вотъ чему подивись!

Елеся.

Чему, другъ? (Входитъ Крутицкій, останавливается у своего крыльца и прислушивается.)

Явленіе второе.

Елеся, Петровичъ и Крутицкій.

Петровичъ.

Я вчера Михея видѣлъ въ совѣтѣ опекунскомъ.

Елеся.

На подъѣздѣ съ нищими? У него, гляди, тамъ мѣсто откуплено.

Петровичъ.

То-то, нѣтъ. Въ залѣ стоитъ у окошечка. Кладетъ-ли онъ, вынимаетъ-ли, ужь не разсмотрѣлъ; а въ рукахъ у него деньги видѣлъ.

Елеся.

Онъ-ли, полно?

Петровичъ.

Вѣрно. А и то сказать, и удивляться-то нѣчего! Сколько лѣтъ онъ процентщикомъ-то былъ!

Елеся.

Слышали мы, братъ, слышали; да что-жь у него денегъ-то не видать?

Петровичъ.

Увидишь ты, какъ-же! Ишь ты у него рѣшетка-то какая крѣпкая. Кабы денегъ не было, зачѣмъ-бы ему за желѣзной рѣшеткой жить.

Елеся.

Значитъ, свою осторожность наблюдаетъ?

Петровичъ.

Наблюдаетъ. У него, говорятъ, и дверь-то внутри желѣзная, двумя замками запирается. Только нѣтъ такихъ замковъ, Елеся, которыхъ-бы отпереть нельзя было. Ключъ не подойдетъ, такъ разрывъ-трава есть на то.

Елеся.

Да и надо этихъ процентщиковъ грабить, братецъ ты мой, потому, не пей чужую кровь.

Петровичъ.

Да и не забываютъ ихъ: это грѣхъ сказать. Что̀ ни послышишь, того убили, другого ограбили.

Елеся.

Все-жь-таки, братъ, лучше, ничѣмъ честныхъ людей.

Петровичъ.

Ну, другъ, у воровъ этого разсчета нѣтъ. Воръ воруетъ, гдѣ ему ловчѣе; а конечно, и того не забываетъ, что у процентщика сразу много зацѣпить можно. Про Михея, должно-быть, наши мастера еще не знаютъ; а прослышатъ, такъ не миновать и ему. Да ужь, кажется, своими-бы руками помогъ, такъ я на него золъ.

Елеся.

За-что̀, про-что̀?

Петровичъ.

Есть тому причина. Еще когда онъ служилъ, такъ попался я по одному казусному дѣлу, по прикосновенности. Человѣкъ я тогда былъ состоятельный, дѣла велъ большія, конкурсами занимался. Не Петровичемъ меня звали-то, а Иваномъ Петровичемъ Самохваловымъ.

Елеся.

Ну, и что̀-же, другъ единственный?

Петровичъ.

Ну, и спряталъ онъ меня въ каменный мѣшокъ, что̀ острогомъ зовутъ. Томилъ, томилъ, сосалъ, сосалъ деньги-то, да тогда только погулять-то выпустилъ, когда всего на бѣло отчистилъ. Въ одномъ сюртукѣ пустилъ. Вѣкъ я ему не забуду. (Уходитъ въ калитку. Михеичъ подходитъ къ Елесѣ.)

Елеся.

Михею Михеичу наше почтеніе!

Крутицкій.

Здравствуй, Елеся! А я вотъ цѣлый день бродилъ; обѣщали мнѣ помочь на бѣдность, да ничего не дали, такъ цѣлый день даромъ и проходилъ.

Елеся.

А я такъ слышалъ, что васъ поздравить надо съ полученіемъ, съ большимъ полученіемъ.

Крутицкій (машетъ руками).

Что̀ ты закричалъ! Что̀ ты закричалъ! Эхъ, Елеся! Ну, кто услышитъ, и убьютъ меня. Убить-то убьютъ, а найдутъ у меня грошъ; старичка за грошъ и убьютъ, даромъ душу и загубятъ. Тебѣ кто сказалъ (тихо), что я деньги получилъ?

Елеся.

Петровичъ сказалъ.

Крутицкій.

Хорошій человѣкъ Петровичъ, я его люблю. Ты ему скажи, что я его люблю. Только онъ ошибся.

Елеся.

Да нечто я ему вѣрю!

Крутицкій.

Ошибся онъ; долго-ль ошибиться? Дѣльный человѣкъ этотъ Петровичъ, дѣльный.

Елеся.

Еще какой дѣлецъ-то! По судамъ ходитъ, дѣла охлопатываетъ.

Крутицкій.

Да, да.

Елеся.

Пачпорта пишетъ.

Крутицкій.

Да, да ... А кому онъ ихъ пишетъ?

Елеся.

Стало-быть, кому нужно. Правой рукой пишетъ, лѣвой рѹки прикладываетъ.

Крутицкій.

Хорошее занятіе, доходное. Хорошій человѣкъ Петровичъ, дѣльный ... А воровъ онъ знаетъ?

Елеся.

Первый другъ имъ всѣмъ. Вотъ здѣсь въ лавочкѣ по ночамъ пачпортами и торгуетъ. У него и печати всякія есть.

Крутицкій.

И жилецъ онъ исправный: на квартирѣ его держать хорошо.

Елеся.

Чтѳ-жь его не держать? За квартиру платитъ. Скоро насъ тутъ, Михей Михеичъ, одна компанія будетъ, потому меня лавочникъ въ зятья беретъ.

Крутицкій.

Хорошая компанія, хорошая! Всѣ вы хорошіе люди. А я вотъ нынче, Елеся, гривенничекъ-было потерялъ. Какъ испугался! Потерять всего хуже; украдутъ, все-таки, не самъ виноватъ, все легче.

Елеся.

За то найти весело, Михей Михеичъ. Вотъ кабы...

Крутицкій.

Кому счастье, Елеся. А намъ нѣтъ счастья; бѣдному Кузинькѣ бѣдная и пѣсенка. Терять — терялъ, а находить — не находилъ. Очень страшно — потерять, очень! Я вотъ гривенничекъ-то засунулъ въ жилетку, да и забылъ; вдругъ хватился, нѣтъ. Ну,

потерялъ ... Задрожалъ весь, руки, ноги затряслись — шарю, шарю, карамановъ-то не найду. Ну, потерялъ ... одно въ умѣ, что потерялъ. Еще хуже это; чѣмъ-бы искать, а тутъ тоска. Присѣлъ, поплакалъ — успокоился немножко; сталъ опять искать, а онъ тутъ, ну, и радость.

Елеся.

Да, Михей Михеичъ, нашему брату и гривенникъ деньги. Деньги вода, Михей Михеичъ, такъ сквозь пальцы и плывутъ. Денежка-то безъ ногъ, а весь свѣтъ обойдетъ.

Крутицкій.

Бѣгаютъ денежки, шибко бѣгаютъ. Безумія въ мірѣ много, оттого онѣ и бѣгаютъ. Кто уменъ-то, тотъ ловитъ ихъ да въ тюрьму.

Елеся.

Хитро ловить-то ихъ; это не то, что чижей, не скоро поймаешь.

Крутицкій.

Не скоро поймаешь, не скоро. (Отходитъ къ своему крыльцу.)

Елеся

(начинаетъ красить загородку своего сада).

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробушекъ маленькій.

Крутицкій.

Ай, ай, ай! Что я слышалъ-то, что я слышалъ? Что затѣваютъ? Что затѣваютъ? Вотъ она, жизнь-то наша! Убить сбираются, ограбить. Уберегъ меня Богъ, уберегъ. А я вотъ услыхалъ, ну и спрячусь, самъ-то и цѣлъ буду. Ну, и пусть ихъ приходятъ, пусть замки ломаютъ. Приходите, приходите! Милости просимъ! Немного найдете. Мы и дверей не запремъ! Хорошо-бы ихъ всѣхъ, какъ въ ловушку, а потомъ

кнутикомъ. Иголочку бы съ ниточкой мнѣ поискать; ну, да еще поспѣю. Приводи гостей, Петровичъ, приводи! А я пока вотъ въ полицію схожу. (Уходитъ Выходитъ изъ калитки Лариса.)

Явленіе третье.

Елеся, Лариса, потомъ Фетинья, Мигачева.

Лариса.

Но какъ вы не авантажны!

Елеся.

Умыться-то не долго; да вѣдь сколько ни умывайся, бѣлѣй воды не будешь. Медвѣдь и не умывается, да здоровъ живетъ.

Лариса.

Вы, пожалуй, и на крышу влѣзете.

Елеся.

Что-жь, Москву виднѣй-съ.

Лариса.

Но когда-же вы мной заниматься будете? Къ вамъ и подойти нельзя.

Елеся.

Ничего-съ, я со всякою осторожностью. Пожалуйте, здѣсь довольно свободно разговаривать можно. (Лариса подходитъ къ нему. Выходятъ изъ калитки Фетинья и Мигачева.)

Фетинья.

Я, матушка, никогда не закусываю, этой глупой привычки не имѣю.

Мигачева.

Вы такая умная, такая умная, что ужь я и руки врозь.

Елеся (Ларисѣ).

Однако, наши старушки разговорцу-то себѣ прибавили.

Лариса.

Одно для нихъ развлеченіе, потому, какъ онѣ ко всему въ жизни довольно безчувственны.

Фетинья.

Почему я умна?

Мигачева.

Богъ одарилъ.

Фетинья.

Потому, я женщина ученая.

Мигачева.

Ужь одно при одномъ.

Фетинья.

Я женщина ученая, очень ученая.

Мигачева.

Другія бы и рады, да негдѣ имъ этого ученья взять.

Фетинья.

Моему ученью ты не обрадуешься: я себѣ все ученье видѣла отъ супруга.

Мигачева.

Отъ супруга? Скажите!

Фетинья.

Да, отъ супруга. Ты спроси только, чѣмъ я ни бита? И кочергой бита, и полѣномъ бита, и объ печку бита, только печкой не бита.

Мигачева.

Однако-же ...

Фетинья.

Первая мнѣ наука была за мои чувствы, что чувствительна я до всего и сейчасъ въ слезы. Вторая за характеръ.

Мигачева.

Что̀-жь, вашъ характеръ очень даже легкій.

Фетинья.

Не скажи ты этого, не скажи! Женщина я добрая, точно ... и еслибъ мой не вздорный характеръ, дурацкій, что готова я до ножей изъ всякой малости, кажется, давно бы я была святая.

Мигачева.

Вспыльчивы?

Фетинья.

Вотъ за это-то за самое.

Мигачева (Елесѣ).

Что̀ ты носишься съ ведромъ-то, слоны-то продаешь? Красилъ бы поскорѣе, да и къ сто̀ронѣ. Наговориться-то послѣ успѣете.

Лариса (Елесѣ).

Оставьте эти слова безъ вниманія.

Елеся.

Любовь, маменька.

Мигачева.

Ну, любовь! Ты дѣло-то отдѣлай сначала!

Елеся.

Я, маменька, живо!

Мигачева.

Да ты старательнѣй!

Елеся.

Что̀ тутъ! Не живопись какая! Я, маменька, сразу, я вотъ какъ. (Поетъ.)

Танцуй, Матвѣй.

(Краситъ машинально, переговариваясь и пересмѣиваясь съ Ларисой.)

Фетинья (садясь на скамью у калитки).

И сама я не хвалю свой характеръ; изъ-за малости, вотъ изъ-за малости готова я съѣсть человѣка. Пріятна ты мнѣ, а задѣнь меня чѣмъ-нибудь ... Присѣсть, устала. (Садится на скамью подлѣ загородки.)

Мигачева.

Ахъ, вы поосторожнѣй! Тутъ ...

Елеся

(одной рукой обнимаетъ Ларису, другой краситъ не глядя).

Танцуй, Матвѣй.

(Задѣваетъ Фетинью кистью по лицу.)

Фетинья.

Уахъ! Батюшки! Что̀ это такое?

Елеся.

Не жалѣй лаптей. (Задѣваетъ еще.)

Фетинья.

Ай!

Мигачева.

Разбойникъ, что̀ ты дѣлаешь? Что̀ сдѣлалъ, погляди!

Елеся (взглянувъ на Фетинью).

Окрасилъ. (Бросаетъ кисть и съ отчаяніемъ опускаетъ руки.)

Мигачева (Фетиньѣ).

Матушка, Фетинья Мироновна, утритесь! (Хочетъ утереть ее.)

Фетинья.

Не тронь, не тронь! Вотрешь, хуже будетъ, внутрь войдетъ. Ахъ!

Мигачева.

Матушка, умойтесь подите! Ручки, ножки буду цаловать.

Фетинья.

Нѣтъ! Вы будете красить, а я умывайся. Тебѣ хочется, чтобы знаку-то не было. Нѣтъ! Не хочу, не хочу. По всей Москвѣ такъ пойду, пусть люди смотрятъ.

Мигачева.

Матушка, припадаемъ къ стопамъ твоимъ! Умойся!

Фетинья.

Нѣтъ, по улицамъ пойду, по всѣмъ переулкамъ пойду. Вотъ призрѣли нищихъ, а они на-ко что! Поняла я тебя теперь, очень хорошо поняла!

Мигачева.

Да я-то чѣмъ же ...

Фетинья (Елесѣ).

Ты не то, что въ нашъ садъ, и мимо-то не ходи, а то собакъ выпущу! (Мигачевой.) Поняла я тебя теперь довольно хорошо. Вотъ вы что замѣсто благодарности. Да чтобы я забыла, да, кажется, ни въ жизнь. (Ларисѣ.) Иди, говорятъ! Аль того-жь дожидаешься? Поводись съ нищими-то, отъ нихъ все станется. Окна-то на вашу сторону заколотить велю.

Лариса.

Да пойдемте, будетъ вамъ маскарадъ-то представлять. (Уходитъ.)

Фетинья.

Вотъ еще выкормила чаду на свою голову. (Уходя.) Не забуду я вамъ обиды! До суда дойду. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Мигачева и Елеся.

Мигачева (плача).

Все ты, разбойникъ, нарушилъ, все ты нарушилъ.

Елеся.

Вѣшайте! Одно слово, вѣшайте! Удавить меня теперь одно средство.

Мигачева.

Что̀ мнѣ проку вѣшать-то тебя, что̀ проку? Ну, удавлю, да что̀ толку-то будетъ? Отвѣчай ты мнѣ, что̀ толку-то, отвѣчай! Ну, не злодѣй ты для своей матери?

Елеся.

Я, маменька, злодѣй. Я злодѣй. Теперь я самъ вижу, что я злодѣй.

Мигачева.

И не кажись ты мнѣ на глаза отнынѣ и до вѣка! И къ воротамъ ты не подходи! Хоть бы ты провалился куда, развязалъ бы мою голову. Нѣтъ вотъ на человѣка пропасти!

Елеся.

А вдругъ отъ слова-то станется?

Мигачева.

Что̀ еще съ тобой станется, погубитель?

Елеся.

Прочитаете въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“.

Мигачева.

Отвяжись ты съ своими вѣдомостями! Провались ты и съ вѣдомостями вмѣстѣ! Не разстраивай ты меня больше! И такъ мнѣ слезъ своихъ не проплакать. У! Варваръ! Вотъ тебѣ и счастье! Словно во снѣ видѣла. (Уходитъ. Выходитъ Петровичъ.)

Явленіе пятое.

Елеся и Петровичъ.

Елеся.

Петровичъ, погибаю.

Петровичъ.

Опять?

Елеся.

Еще хуже.

Петровичъ.

Иль уголовщина?

Елеся.

Она самая. Фетинью Мироновну окрасилъ.

Петровичъ.

Какимъ колеромъ?

Елеся.

Да все одно.

Петровичъ.

Нѣтъ, братъ, разница.

Елеся.

Сажей, другъ.

Петровичъ.

Худо!

Елеся.

Голландскою.

Петровичъ.

Еще хуже. Ну, плохо твое дѣло! Ты бы лучше въ какую-нибудь другую.

Елеся.

Почему такъ, скажи, братецъ?

Петровичъ.

Тутъ вотъ какой крючокъ! Окрась ты ее въ зеленую или синюю: можно сказать, что безъ умыслу. А сажа! Что такое сажа? Ее и въ лавкахъ-то не для краски, а больше для насмѣшки держатъ. Тутъ умыселъ твой видимый.

Елеся.

Отвѣтъ великъ?

Петровичъ.

Великъ. Что мужъ въ гильдію платитъ, такъ за жену вдвое заплатишь; а кабы дочь окрасилъ, такъ вчетверо.

Елеся.

Прощай, другъ! Не скоро увидимся.

Петровичъ.

Куда ты?

Елеся.

Скитаться. (Убѣгаетъ. Петровичъ входитъ въ лавку. Изъ дома выходятъ: Анна и Настя.)

Явленіе шестое.

Анна, Настя, потомъ Баклушинъ.

Анна.

Онъ теперь, того гляди, придетъ, коль не обманетъ. Помни все, что я тебѣ говорила. Такъ прямо ему и рѣжь. Объ чемъ ты, дурочка, плачешь? Вѣдь, ужь все равно, долго онъ ходить къ тебѣ не станетъ, скорехонько ему надоѣстъ, самъ онъ тебя броситъ. Тогда хуже заплачешь, да еще слава дурная пойдетъ. А тебѣ славу свою надо беречь, у тебя только, вѣдь, и богатства-то! Вотъ онъ, кажется, идетъ. Смотри-же, будь поумнѣе! Богатымъ дѣвуш-

камъ можно быть глупыми, а бѣдной дѣвушкѣ ума терять нельзя, а то пропадешь. (Уходитъ. Входитъ Баклушинъ.)

Баклушинъ.

Вотъ я и опять къ вамъ.

Настя.

Ахъ, это вы?

Баклушинъ.

Да, я. Видите, какъ я держу слово.

Настя.

Напрасно безпокоились. У васъ, должно-быть, времени нѣкуда дѣвать.

Баклушинъ.

Чтобъ видѣть васъ, я всегда найду время.

Настя.

Неужели? А лучше бы вы не ходили, оставили меня въ покоѣ.

Баклушинъ.

Что̀ такъ? Что̀ съ вами?

Настя.

Мнѣ нѣкогда занимать васъ разговорами; я бѣдная дѣвушка, мнѣ нужно работать. Вы такой щеголь, вы любите одѣваться хорошо, а хотите, чтобъ я встрѣчала васъ въ этомъ платьѣ и не стыдилась! За что̀ вы меня мучите? Съ меня довольно и того, что я каждый день плачу, когда надѣваю это рубище. Вы одѣты вонъ какъ хорошо, а я на что̀ это похоже?

Баклушинъ.

Ахъ, какое вы бѣдное существо!

Настя.

Ну, вотъ бѣдная, такъ мнѣ и нечего разговаривать съ вами, а надо работать.

Баклушинъ.

Ну, одну минуточку.

Настя.

Да что минуточку! Вотъ мнѣ завтра опять идти въ городъ, у купцовъ просить.

Баклушинъ.

Что вы, что вы! Послушайте! Вамъ нельзя оставаться въ этомъ положеніи.

Настя.

Я знаю, что нельзя; я и не останусь.

Баклушинъ.

Какъ-же вы поступить хотите?

Настя.

Да вамъ что за дѣло? Вотъ были давича деньги, истратила вотъ такъ задаромъ ...

Баклушинъ.

Вы меня пугаете.

Настя.

Хоть-бы какія-нибудь деньжонки, а то ничего! Какъ это? Ни платья, ничего ...

Баклушинъ.

Мнѣ страшно за васъ. Вы въ опасности.

Настя.

Ну, что-жь такое? Туда мнѣ и дорога. Никому меня не жалко, никто меня не любитъ. Какъ это, ни башмаковъ, ничего ...

Баклушинъ.

Какъ-бы мнѣ хотѣлось помочь вамъ!

Настя.

Ну, такъ что-жь, за чѣмъ-же дѣло стало?

Баклушинъ.

Но какъ помочь, какъ?

Настя.

Дайте мнѣ тысячу рублей ассигнаціями.

Баклушинъ.

Не меньше?

Настя.

Не меньше. Мнѣ такъ нужно.

Баклушинъ.

Но отчего-же непремѣнно тысячу, отчего не больше? Вамъ это слово нечаянно попало на языкъ, вотъ вы и говорите.

Настя.

Вы думаете? Какъ-же! Нѣтъ, нѣтъ, ужь я знаю. Вотъ если не дадите тысячу рублей, ну, и . . .

Баклушинъ.

Ну, и что-же?

Настя.

Ну, и разговаривать вамъ со мной, и видѣть меня нельзя.

Баклушинъ.

А если дамъ?

Настя.

Тогда пожалуйте къ намъ, когда вамъ угодно. Да что, Модестъ Григорьичъ, вѣдь у васъ нѣтъ, такъ нечего и говорить.

Баклушинъ.

И очень жалко, что нѣтъ.

Настя.

И я жалѣю, да ужь дѣлать нѣчего.

Баклушинъ.

Скажите, кто васъ научилъ такъ разговаривать?

Настя.

Что, вы меня все еще за дуру считаете? Нѣтъ, ужь извините! Да что мнѣ разговаривать! Мнѣ нѣкогда, меня тетенька забранитъ.

Баклушинъ.

За что?

Настя.

Что я не работаю. Хорошо развѣ тутъ съ вами подъ заборомъ-то стоять? Вамъ хочется, чтобъ про меня дурная слава пошла?

Баклушинъ.

Ну, Богъ съ вами! Прощайте! Будьте счастливы!

Настя.

Покорно васъ благодарю. А что-жь, вы давеча обѣщали подумать-то? Подумали вы?

Баклушинъ.

Извините! Обстоятельства такія, просто самому хоть въ петлю.

Настя.

Я такъ и знала. Ну, прощайте! (Баклушинъ медленно удаляется.) Что тетенька со мной сдѣлала! Вотъ ужь я теперь совсѣмъ одна въ божьемъ мірѣ. И точно вотъ, какъ я бросилась въ море, а плавать не умѣю. (Входитъ на крыльцо и кланяется Баклушину, который стоитъ у лавки. Входитъ Разновѣсовъ и осматривается. На крыльцо выходитъ Анна.)

Явленіе седьмое.

Анна, Настя, Разновѣсовъ, вдали Баклушинъ.

Настя.

Тетенька, куда вы?

Анна.

Погляди, кто пришелъ-то! Встрѣтить надо.

Настя.

Вотъ онъ! Ахъ! Что̀-же, что̀-же вы скажете?

Анна.

Что̀-же мнѣ говорить, Настенька? Я могу только попросить его, чтобъ онъ не обижалъ тебя.

Настя.

За что̀-жь меня обижать? Я вѣдь беззащитна, совсѣмъ беззащитна. (Анна подходитъ къ Разновѣсову. Настя стоитъ на крыльцѣ въ оцѣпенѣніи.)

Анна (Разновѣсову).

Здравствуйте!

Разновѣсовъ (кланяется).

Пожалуйте сюда, къ сторонкѣ!

Анна.

Вы бы въ комнату пожаловали, посмотрѣли, какъ мы живемъ.

Разновѣсовъ.

Нѣтъ, ужь вы насъ извините-съ! Этотъ самый вашъ домикъ-съ? Плохъ-съ. Отсюда вижу.

Анна.

Да что-жь хорошаго на улицѣ . . .

Разновѣсовъ.

Нѣтъ, ужь извините-съ! Мы тоже осторож-

ность свою знаемъ. Не знавши-то, да въ семейный домъ неловко — бывали примѣры.

Анна.

Хошь убейте, не пойму.

Разновѣсовъ.

Меня тоже, такъ какъ слабости наши многимъ извѣстны, записочкой пригласили въ одинъ домъ.

Анна.

Ну, такъ что же-съ?

Разновѣсовъ.

Ну, только что взошелъ, ту-жь секунду росписку въ пятьсотъ цѣлковыхъ и взяли. Можно и здѣсь; разговоръ невеликъ. Пожалуйте сюда, къ сторонкѣ! (Отходитъ къ сторонѣ и говоритъ съ Анной тихо. Баклушинъ подходитъ къ Настѣ.)

Баклушинъ.

Что это за господинъ?

Настя.

Ахъ, оставьте меня, отойдите! Зачѣмъ вы воротились? Зачѣмъ? Боже мой! (Убѣгаетъ въ комнату.)

Разновѣсовъ (Аннѣ).

Ужь это само собой-съ, изъ рукъ въ руки. И на счетъ васъ мы тоже этотъ порядокъ знаемъ; вы не безпокойтесь! Ситчику темненькаго, а когда и шерстяной матеріи, недорогой; нынче эта фабрикація въ ходу.

Анна.

Покорно васъ благодарю.

Разновѣсовъ.

На счетъ скромности оченно намъ желательно, чтобъ разговору этого меньше.

Анна.

Какой разговоръ! Чѣмъ тутъ хвастаться, батюшка, помилуйте!

Разновѣсовъ.

Такъ-съ, правду изволите говорить. А отъ насъ ужь разговору не будетъ, потому мы тоже опасность имѣемъ отъ супруги, такъ какъ наша супруга, при всей ихъ безтолковости, очень горячій характеръ имѣютъ-съ.

Анна.

Ужь вы поберегите.

Разновѣсовъ.

Само собою-съ. Дебошу отъ насъ не ожидайте. У другихъ это точно, что дебоширство на первомъ планѣ, потому въ томъ вся ихъ жизнь проходитъ; а мы совсѣмъ на другомъ положеніи основаны. Конечно, иногда, съ пріятелями.

Анна.

Охъ, ужь съ пріятелями-то ...

Разновѣсовъ.

Ничего-съ, сударыня, нельзя-же. Иногда съ обѣда-съ какого немножко навеселѣ: куда-жь дѣться? А, впрочемъ, деликатно.

Анна.

Знаю я вашу деликатность-то. Кто и видывалъ-то васъ вдоволь, и тому глядѣть на васъ сердце мретъ; а кто не видывалъ-то, подумайте! Да, кажется ... Боже васъ сохрани!

Разновѣсовъ.

Однакожь, мы себя ничѣмъ не доказали съ дурной стороны.

Анна (горячо).

Да если вы ее обидите, я съ вами жива не разстанусь. Варваромъ надо быть, звѣремъ, а не человѣкомъ.

Разновѣсовъ.

Почему-же такъ вы не вѣрите нашей солидности?

Анна.

За нее я, Господи Боже мой, я васъ со свѣту сживу.

Разновѣсовъ.

Мы, признаться сказать, при вашей бѣдности, отъ васъ такихъ претензіевъ не ждали. А коль скоро вы, еще не видя отъ насъ ничего, ни худого, ни добраго ... Такъ мы лучше все это дѣло оставимъ. Потому что ежели кляузы ...

Анна.

Какія кляузы! А жаль мнѣ ее, бѣдную. (Плачетъ.)

Настя

(выглядывая изъ двери, Баклушину).

Что̀, ушелъ? Ушелъ?

Анна.

Извините вы меня! У меня сердце поворачивается, вѣдь она сирота круглая. (Падаетъ на колѣни.) Батюшка, отецъ родной! Вѣдь она голубка чистая! Грѣхъ вамъ будетъ ее обидѣть!

Настя (на крыльцѣ).

Тетенька, тетенька, что̀ вы! Вотъ бы когда умереть-то! Модестъ Григорьичъ! Модестъ Григорьичъ! (Баклушинъ подходитъ.) Дайте мнѣ ножикъ! Дайте мнѣ ножикъ!

Баклушинъ.

Что̀ вы, что̀ вы! Успокойтесь!

Анна (рыдая).

Не погубите, васъ Богъ накажетъ.

Разновѣсовъ (поднимая Анну).

Что̀ вы, помилуйте! Нешто мы не понимаемъ? Тоже чувствы имѣемъ. Будьте безъ сумлѣнія. Такъ ужь завтрешняго числа пусть и перебираются, куда я сказалъ. На углу большой трущобы и малаго захолустья. Изволите знать?

Анна.

Хорошо-съ. Знаю.

Разновѣсовъ.

Прямо на все готовое-съ. Прощенья просимъ.

Анна.

Прощайте! (Разновѣсовъ уходитъ.)

Настя (бросаясь къ теткѣ).

Тетенька!

Анна.

Ну, Настенька, не вини меня ни передъ Богомъ, ни передъ людями.

Настя.

Нѣтъ, нѣтъ, за что̀-же? Я сама. Я одна виновата, я, я, несчастная!

Баклушинъ.

Настасья Сергѣвна, что̀ это? Что̀ съ вами?

Настя.

Оставьте меня! Ужь теперь, какъ бы я васъ ни любила, я для васъ на вѣкъ чужая. Я куплена!

Баклушинъ (растроганный).

Ахъ, Боже мой, что̀ вы дѣлаете?

Настя

(падая на грудь теткѣ).

Тетенька, я погибла, я погибла!

Анна (плача).

Успокойся, мой другъ, успокойся.

Настя

(бросаясь на колѣни съ поднятыми руками).

Господи, ничего я не прошу у тебя! Одной смерти, только одной смерти!

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе четвертое.

Декорація та же. Разсвѣтаетъ.

Явленіе первое.

Анна и **Настя** выходятъ изъ дому; **Крутицкій** въ кустахъ сада Епишкина.

Анна.

Михей Михеичъ, гдѣ ты бродишь?

Крутицкій (выходя изъ кустовъ).

А? Кто тутъ? Кто тутъ? (Увидавъ Анну.) Ты зачѣмъ? Ты что не спишь? Ты спи, спи! Я стерегу.

Анна.

Отдохни немножко, ты старый человѣкъ.

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ, ты поди спи, ты спи!

Анна.

Да какъ мнѣ уснуть-то? Ты всю ночь бродишь; Настя вотъ съ вечера все металась да бредила, а теперь вотъ проснулась, плачетъ. Мы-бы посидѣли на крылечкѣ. А ты-бы пошелъ, соснулъ.

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ, я тутъ погуляю.

Анна.

Ну, какъ хочешь. Сядь тутъ, Настенька! Вѣтромъ тебя обдуетъ, лучше тебѣ будетъ.

Настя.

Какой страшный сонъ! Я и теперь вся дрожу!

Анна.

Да ты что̀ видѣла, милая? Что̀ такъ испугалась?

Настя (въ дремотѣ).

Будто иду я по улицѣ и вижу свои похороны. Несутъ меня въ открытомъ гробѣ ...

Анна.

Ты засыпаешь, никакъ?

Настя.

Нѣтъ. И сама я на себя смотрю. И все я будто прячусь отъ людей, все совѣщусь. Надѣта на мнѣ шинель, старая, изорванная, и странно ... какая-то она двуличневая. Въ одну сторону отливаетъ однимъ цвѣтомъ, какимъ ужь — не помню; а въ другую золотымъ. Спать хочется ... Такъ и сквозитъ, просвѣчиваетъ золото. И, какъ будто ...

Засыпаетъ, прислонясь къ плечу Анны.)

Анна.

Ну, уснула.

Настя (во снѣ).

Держите меня, не выпускайте!

Анна.

Э, матушка, вотъ ты что̀ заговорила. Настенька, проснись! Пойдемъ въ комнату, тамъ уснешь.

Настя.

А? Что̀ вы? Гдѣ я? Пойдемте!

Анна.

Михей Михеичъ, мы пойдемъ домой.

Крутицкій.

Идите, идите, я постерегу.

Анна.

Что ты, Михей Михеичъ, все стережешь? Этакъ и въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, что у насъ денегъ много. Еще убьютъ, пожалуй; съ тобой до бѣды доживешь. (Уходитъ, Настя за ней.)

Крутицкій.

И убьютъ, и убьютъ. Чувствуетъ, бѣдная. (Изъ лавки выходитъ Лютовъ.)

Явленіе второе.

Крутицкій и Лютовъ.

Лютовъ (въ дверь лавки).

Сдѣлай милость, Истукарій Лупычъ, не торгуй по ночамъ! Нехорошо. (Подходитъ къ Крутицкому.) Ну что?

Крутицкій.

Не были, не пришли нынче. Что дѣлать-то не пришли.

Лютовъ.

Да и не придутъ. Только вы полицію безпокоите.

Крутицкій.

Нѣтъ, батюшка Тигрій Львовичъ, нѣтъ. Ужь я вамъ ихъ заманю, нарочно заманю. Я старый подьячій, я свое дѣло знаю. Разомъ всю шайку накроете, орденъ получите.

Лютовъ.

Не дурно бы.

Крутицкій.

Вѣрно, вѣрно. Я самъ слышалъ своими ушами, какъ они сговаривались.

Лютовъ.

Ну, теперь свѣтло, я свою команду возьму. Надо кварталъ дозоромъ обойти. (Подаетъ руку Крутицкому.)

Крутицкій.

Ужь завтра-то не откажите, батюшка, батюшка, (Подобострастно беретъ обѣими руками руку Лютова и нѣсколько разъ кланяется.) Возьмите теперь, возьмите. (Лютовъ даетъ свистокъ и уходитъ; два будочника выходятъ изъ кустовъ и издали идутъ за нимъ.) Я отъ старыхъ сыщиковъ слышалъ: никогда ты вора не хватай прежде времени, не мѣшай ему, не мѣшай, а то онъ на судѣ отвертится. А ты дай ему дѣло сдѣлать, дай ему просторъ, да тогда и бери его. Вотъ мы ихъ впустимъ, да и дадимъ имъ время распорядиться ... Вѣдь, можетъ-быть ... Что̀ дѣлать-то?.. Что дѣлать-то? ... (Утираетъ слезы.) Можетъ-быть, они Анну и тукъ! (Дѣлаетъ рукой жестъ, какъ рубятъ топоромъ.) Что̀ дѣлать-то! За то ужь всѣхъ на каторгу, всѣхъ на каторгу. Жаль Аннушки, да что̀-жь! Это смерть хорошая; все равно, что мученица. Да, да. А воровъ-то на каторгу. (Входитъ Елеся.)

Явленіе третье.

Крутицкій и Елеся.

Крутицкій.

Откуда ты?

Елеся.

Гдѣ былъ, тамъ нѣту, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Что-жь ты бродишь по ночамъ? Что ты бродишь?

Елеся.

Будешь бродить, Михей Михеичъ, какъ изъ дому-то ухватомъ. Развѣ-бъ я спать-то не умѣлъ? Да, видно, скачи враже, якъ панъ каже. Вотъ и скачи по холодку-то, и слоняйся, какъ воръ.

Крутицкій.

Да, какъ воръ, какъ воръ.

Елеся.

А что у насъ тутъ воровъ, Михей Михеичъ!

Крутицкій.

Много?

Елеся.

Страсть! Я всѣхъ знаю.

Крутицкій.

Знаешь?

Елеся.

Знаю, Михей Михеичъ. Я по ночамъ рыбу ловлю, такъ часто ихъ вижу. И какъ ихъ увижу, сейчасъ съ ними въ разговоръ: „Здравствуйте, господа жулики!“ А они мнѣ: „Здравствуйте, господинъ Мигачевъ!“ — „У меня, въ моемъ переулкѣ, чтобъ честно и благородно!“ — „Слушаемъ, Елисей Иванычъ!“ — „А то смотрите!“ — „Будьте покойны, Елисей Иванычъ!“ Вотъ какъ я съ ними! Я надъ ними командую, задачи имъ задаю. Видѣли у Ларисы собачку маленькую, лохматенькую? Это я ей подарилъ. Говорю: господа жулики! — Что угодно, Елисей Иванычъ? — Вы, говорю, по разнымъ мѣстамъ за своимъ промысломъ ходите, такъ ужь вамъ кстати. Чтобъ была мнѣ, говорю, собачка маленькая, лохматенькая, хвостикомъ вотъ такъ! —

Предоставимъ, Елисей Иванычъ. Черезъ день готово въ лучшемъ видѣ, такъ точно.

Крутицкій.

Ты мнѣ ихъ укажи какъ-нибудь, чтобъ мнѣ ихъ въ лицо-то знать. Укажи!

Елеся.

Извольте. Да вотъ сейчасъ всѣ эти воры подлѣ насъ будутъ.

Крутицкій (съ испугомъ).

Гдѣ? Гдѣ?

Елеся.

А вотъ сюда въ лавочку одинъ по одному соберутся. Квартальный ушелъ изъ лавки?

Крутицкій.

Ушелъ.

Елеся.

Ну, такъ ужь гляди, есть кто-нибудь.

Крутицкій.

Какъ-же я ихъ не видалъ?

Елеся.

У нихъ съ той улицы особый ходъ есть. У всякаго плута свой разсчетъ, Михей Михеичъ.

Крутицкій.

Много ихъ?

Елеся.

Человѣкъ восемь. Сбудутъ свой товаръ Истукарію Лупычу, да ужь налегкѣ и разойдутся по своимъ мѣстамъ. Вонъ въ окошечко смотрятъ.

Крутицкій.

Куда смотрятъ?

Елеся.

Дозоръ нейдетъ-ли, да и на васъ поглядываютъ.

Крутицкій (прячась за Елесю).

На меня?

Елеся.

Что̀, молъ, такой за новый сторожъ проявился. Имъ тоже нужно сторожей знать; они тоже свою осторожность должны имѣть.

Крутицкій.

Я не стеречь, я такъ вышелъ, погулять, не спится.

Елеся.

А дубина-то зачѣмъ съ вами? Ха-ха-ха! (Въ лавкѣ хохотъ.)

Крутицкій (испугавшись).

Я брошу ее, Елеся, брошу ее.

Елеся.

Бросьте лучше; а то, вѣдь, она об'ъ двухъ концахъ. (Хохочетъ. Въ лавкѣ хохотъ.)

Крутицкій.

Чему они смѣются, Елеся, чему?

Елеся.

Страсть напущаютъ.

Крутицкій.

Они насъ это, насъ пугаютъ?

Елеся.

Да вы не бойтесь. Это они игру ведутъ! Такъ, шутя. А все-жь таки, чтобы и опасались. Что̀-же это вы такое стережете?

Крутицкій.

Молчи ты, услышатъ.

Елеся.

Видно, у васъ и вправду денегъ много.

Крутицкій.

Молчи ты, молчи, болтунъ! Эхъ, какой ты болтунъ. Ну, что ты болтаешь; ну, что? Вѣдь услышатъ!

Елеся.

Ну, а нѣтъ, такъ нѣтъ. Мнѣ что.

Крутицкій.

Да зачѣмъ болтать, зачѣмъ болтать? Ну, услышатъ, что у меня деньги, ну, убьютъ меня, ну, туда мнѣ и дорога, я ужь старикъ. А тебѣ-то нехорошо; ты молодой человѣкъ, а все болтаешь. Такъ вотъ болтуномъ и прозовутъ, и нехорошо. Всѣ и будутъ: болтунъ да болтунъ! Ну, что? Ну, что?

Елеся.

Да я къ примѣру, Михей Михеичъ.

Крутицкій.

Да не надо мнѣ твоего примѣра.

Елеся.

Вѣдь, я какой человѣкъ?

Крутицкій.

Какой? Глупый.

Елеся.

Нѣтъ, погодите! Я вотъ какой: будь у васъ въ карманѣ сто тысячъ ...

Крутицкій (зажимая ему ротъ).

Провались ты!

Елеся.

Нѣтъ, постойте! Хоть бы доподлинно, я никому

не скажу. Мнѣ что̀ за дѣло! У васъ въ карманѣ деньги, значитъ ...

Крутицкій.

Разбойникъ, разбойникъ! Вотъ навязался. Тамъ слушаютъ, пугаютъ, а ты ...

Елеся.

Ну, и значитъ, ваше при васъ, а мое дѣло сторона. Такъ аль нѣтъ я говорю? Что̀ мнѣ до чужихъ денегъ, хоть бы у васъ ихъ милліонъ.

Крутицкій (замахивается дубиной).

Провались ты!

Елеся.

И провалюсь. Пойти метлу поискать да улицу подместь. Все таки, на улицѣ порядокъ, да и моціонъ, а то что̀-то меня къ утру-то вѣтеркомъ пробирать начало. Калитка-то у насъ заперта. Да вотъ кто-то выходитъ. (Выходитъ Петровичъ.) Юркнуть, пока не заперли. (Уходитъ въ калитку.)

Явленіе четвертое.

Крутицкій и Петровичъ.

Петровичъ (про себя).

Это кто? Михей? Онъ и есть. Ого! Какую дубину прибралъ! Какъ награбленное-то бережетъ. (Крутицкій, увидѣвъ Петровича, отворачивается.) Что̀ отворачиваешься отъ знакомыхъ? Ты погляди на меня.

Крутицкій.

Невѣжа ты, вотъ что̀. Я чиновникъ.

Петровичъ.

Чины мы будемъ днемъ разбирать, а теперь, благо никого нѣтъ, поговоримъ запросто.

Крутицкій.

Иди своей дорогой, куда шелъ.

Петровичъ.

Вотъ что̀ я тебѣ скажу! Ты въ такую пору на улицу не выходи, а то, братъ, неровенъ часъ ...

Крутицкій.

Нечего мнѣ бояться!

Петровичъ.

Ишь ты святой какой! Нечего ему бояться. Мало-ль ты народу-то обидѣлъ? Мало-ль по̀ міру пустилъ? Ты меня бойся! (Крутицкій хочетъ уйти.) Куда ты, куда? (Останавливаетъ его.) Нѣтъ, ты поговори со мной!

Крутицкій (злобно).

Я тебѣ ничего не сдѣлалъ! Отойди, отступись! Служилъ я, такъ со всѣхъ бралъ, ты не лучше другихъ; ты мнѣ не отецъ родной, чтобъ съ тебя не брать. Ты самъ по дѣламъ ходишь, самъ съ людей берешь.

Петровичъ.

И самъ беру, и знаю, какъ люди берутъ, ты мнѣ не толкуй. Попался тебѣ баранъ лохматый, ну, и обстриги его. А, вѣдь, ты со шкурой норовишь. Ты у меня съ деньгами-то полбока вырвалъ. Я бариномъ зажилъ, а ты меня сразу въ нищіе разжаловалъ. Только одна своя душа осталась, а то все ты отнялъ. Ты изъ меня, какъ паукъ, всю кровь высосалъ.

Крутицкій.

Долго-же ты помнишь! Ишь, какой памятливый!

Петровичъ.

Вѣкъ не забуду. И не попадайся ты мнѣ лучше, не вводи меня въ грѣхъ.

Крутицкій.

Мы не въ безсудной землѣ живемъ, не въ безсудной.

Петровичъ.

Ну, да ужь въ Сибирь пойду, а тебя доканаю. Отольются тебѣ мои слезы.

Крутицкій (толкнувъ Петровича).

Отойди отъ меня! Поди, поди!

Петровичъ.

Ну, ты потише; а то, вѣдь, я изъ тебя баранокъ наверчу.

Крутицкій (замахивается дубиной).

Отойди, говорю тебѣ.

Петровичъ.

Что! Ты дубиной грозиться? Ахъ, ты мухоморъ! (Отнимаетъ дубину.) Тряхну хорошенько, только тебѣ и житья. (Замахивается дубиной.)

Крутицкій

(бѣжитъ и задѣваетъ шинелью за дерево).

Ай, ай! Кто меня держитъ? Пустите!

Петровичъ.

Вотъ и видно, что у тебя совѣсть-то нечиста! За сучекъ зацѣпилъ, да и испугался, и милости просишь. Рукъ-то марать не хочется (бросаетъ дубину), потому что ты, что гадъ ползущій, все одно. Что, прикусилъ языкъ-то? Ишь ты, и шинелишка-то вся ползетъ, развалится скоро на тебѣ. А еще чиновникъ! Чиномъ своимъ похваляешься! Сшей себѣ новую хоть на мои сиротскія деньги, да ужь и саванъ себѣ кстати на нихъ же купи. (Уходитъ въ лавку.)

Явленіе пятое.

Крутицкій одинъ.

Крутицкій.

Вотъ онъ какой! Вотъ онъ какой! Насилу духъ перевелъ. Отъ него бѣгать надо. Онъ злой человѣкъ. (Задумывается. Вдругъ въ лавкѣ громкій хоръ: „Хороша наша деревня". Крутицкій въ испугѣ со всѣхъ ногъ бросается къ своему крыльцу. На ходу, подлѣ лавки, у него изъ шинели выпадаетъ свертокъ. Онъ этого не замѣчаетъ.) Разбойники! Оглашенные! Измучили они меня. (Садится на крыльцо.) Охъ, силъ моихъ нѣтъ. Сердце упало. Всѣхъ бы васъ кнутикомъ, кнутикомъ: не воруй, не воруй! Да и этого стряпчаго вашего тоже: „не пиши фальшивыхъ паспортовъ". Что онъ тутъ про шинель болталъ? Нѣтъ, шинель (встаетъ и гладитъ рукой по ворсу) хороша. Повытерлась кой-гдѣ, ну, носишь, носишь, такъ по шву, разумѣется, разорвется. А на то есть иголочка да ниточка. Нѣтъ, шинель хороша; а ежели издали поглядѣть, такъ она почти новая. Глупый ты стряпуха! „Худа она, по швамъ ползетъ". Ахъ, ты глупый! А кабы ты зналъ, что эта шинель стоитъ! Хорошо мнѣ въ ней, радостно. Шубы собольей не возьму за нее, десяти, ста шубъ. Смѣйтесь надо мной, бейте меня, я стерплю. Я завернусь въ свою шинель, мнѣ и хорошо, мнѣ и тепло, мнѣ и весело, да еще самъ надъ вами посмѣюсь, надъ всей Москвой посмѣюсь. Чиновникъ въ худой шинели! А не знаешь ты, глупый человѣкъ (оглядываясь), что я изъ одной полы пять домовъ каменныхъ выстрою; изъ другой полы пять деревень куплю. Тутъ и твои деньги цѣлы. Всѣ тутъ, всѣ со мной. (Ощупываетъ подкладку шинели и радостно смѣется.) Вотъ онѣ, вотъ онѣ! Вотъ и здѣсь, вотъ и здѣсь, вотъ ... Ахъ, ахъ, потерялъ! (Обезумѣвъ отъ испуга, опускается на ступени.) Нѣтъ, нѣтъ, найдутся. Куда имъ пропасть? Я вдругъ ду-

хомъ упалъ; вотъ я посижу, вздохну немножко, да и найду. За подкладку завалились, за подкладку. Да, да. А зашивалъ, а зашивалъ! Эхъ, Михей! Вотъ я пошарю сейчасъ. (Опускаетъ руку.) Страшно! А ну, какъ тамъ нѣтъ. Нѣтъ, я подожду искать. Ну, что-же, ну, хоть и потерялъ, вѣдь я здѣсь потерялъ, здѣсь и найду. Вотъ ... гдѣ я ходилъ? Здѣсь я ходилъ, въ саду я прятался, вотъ и поищу, вотъ и найдутся. Здѣсь никто, кромѣ меня, не ходилъ? Да нѣтъ, право, не ходилъ, ей-Богу не ходилъ ... Ахъ! (Ударяетъ себя рукой по лбу.) Елеся ходилъ ... онъ ходилъ, онъ и въ саду былъ ... Нѣтъ, кажется, не былъ. Да нѣтъ, нѣтъ, не былъ. Что я! Да тутъ онѣ, тутъ. Вотъ опущу руку, и тутъ. А я было ... Хе-хе-хе! (Елеся выходитъ изъ калитки съ метлой.) Вотъ онъ! Онъ простой малый, онъ скажетъ, коли что.

Явленіе шестое.

Крутицкій и Елеся.

Елеся.

Михей Михеичу, снова здорово!

Крутицкій.

Елеся, поди сюда

Елеся.

Какія дѣла, Михей Михеичъ? Что это вы, объ чемъ плакали?

Крутицкій (заикаясь).

Нѣтъ, я ничего. О чемъ мнѣ? О, Елеся, ты хитрый!

Елеся.

Я хитрый, Михей Михеичъ, хитрый.

Крутицкій.

Ну, ничего. А ты не завидуешь?

Елеся.

Завидую.

Крутицкій.

Кому?

Елеся.

Богатымъ.

Крутицкій.

А какъ ... этакъ ты зорокъ глазами?

Елеся.

Зорокъ, за версту вижу.

Крутицкій.

Ну, а если ты найдешь что-нибудь?

Елеся.

Конечно дѣло, не отдамъ.

Крутицкій.

Грѣхъ-то какой! (Показываетъ рукой.) Гляди, вонъ церковь-то, вонъ крестъ-то!

Елеся.

Оченно я вижу.

Крутицкій.

Бога-то ты не боишься? Ахъ, грѣхъ-то!

Елеся.

Нѣтъ, ужь вы не безпокойтесь! Мы это соблюдаемъ въ лучшемъ видѣ.

Крутицкій.

Ну, коли ты Бога не боишься, такъ вонъ это что, это что?

Елеся.

Что̀-жь такое за диковина? Частный домъ.

Крутицкій.

Что̀, морозъ-то по кожѣ подираетъ, подираетъ тебя?

Елеся.

Съ чего-же это? Частный домъ намъ очень хорошо извѣстенъ: знаемъ всѣ ходы и выходы, и съ передняго крыльца, и съ задняго бывали.

Крутицкій.

Ты знаешь? Это хорошо, что ты знаешь. Такъ вотъ туда и водятъ на веревочкѣ.

Елеся.

Видали.

Крутицкій.

Вотъ и поведутъ.

Елеся.

Кого?

Крутицкій.

Кто найдетъ, да не объявитъ.

Елеся.

Я не дуракъ; я коли найду, сейчасъ объявлю: такъ и такъ молъ; я законъ-то знаю.

Крутицкій.

Ну, такъ и объявляй скорѣй, и объявляй! Вотъ и пойдемъ вмѣстѣ, вотъ и хорошо.

Елеся.

Да объ чемъ? Я въ жизнь ничего, кромѣ пуговицъ безъ ушковъ, не находилъ; такъ про что̀ объявлять-то?

Крутицкій.

Ты обманываешь меня, ты, вѣдь, хитрый.

Елеся.

Хитёръ, да не на то.

Крутицкій.

На что-же?

Елеся.

Секретъ, Михей Михеичъ.

Крутицкій.

А ты Бога все-таки помни! Коли есть что на душѣ, ты лучше скажи, повинись.

Елеся.

Это вы успокойтесь, религія въ насъ настоящая. А вотъ улицу подмести надо, это точно.

Крутицкій.

Ты гдѣ будешь мести?

Елеся.

Съ той улицы, передъ домомъ.

Крутицкій.

Ну, ступай, ступай. Только ты дѣлай дѣло хорошенько, сюда ужь ты и не заглядывай. Всякое дѣло дѣлай хорошенько!

Елеся.

Чего я здѣсь не видалъ? (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Крутицкій (одинъ).

Крутицкій.

Вотъ я сперва за подкладкой пошарю, а послѣ и поищу. Вѣдь тутъ, тутъ; а какъ-было я испу-

гался! (Щупаетъ за подкладкой.) Нѣтъ! Ну, и поищу, и поищу ... (Потерявшись.) Теперь вотъ ... черезъ двѣ минуты я либо опять съ деньгами, либо ... Господи, не попусти! (Плачетъ, какъ ребенокъ.) Двадцать лѣтъ я голодалъ, двадцать лѣтъ жену морилъ голодомъ. Господи! Я хуже мота, хуже пьяницы; тѣ хоть удовольствіе себѣ дѣлаютъ, а я копилъ, копилъ, да и потерялъ. Казнить меня на площади, жилы тянуть. Какъ потерять? Деньги берегутъ, а не теряютъ. Вѣдь, я знаю, что ихъ берегутъ, я лучше всѣхъ знаю, какъ берегутъ ихъ. А я-то вотъ и потерялъ, какъ глупый ребенокъ. Михей, гдѣ денежки, гдѣ денежки? Ну, что я скажу? (Плачетъ.) Потерялъ. Я оглупѣлъ, я дурачкомъ сталъ на старости лѣтъ. (Плачетъ.) Ищи, Михей, ищи! (Вслушивается.) Кто сказалъ — ищи? Это я самъ сказалъ — ищи! Да, да, ищи, а не найдешь, заплачешь, не такъ заплачешь, не такъ заплачешь, охъ, какъ заплачешь, горько заплачешь! Зачѣмъ копилъ, зачѣмъ? Бывало, жена больная дрожитъ отъ холода, стонетъ: „Михей, Михей, сжалься, я умираю, чайку мнѣ, хоть чашечку, согрѣться бы мнѣ“. А мнѣ было жаль гривенника для нея ... Ищи, Михей, ищи! (Оглядывается.) А? кто тутъ? Да никого нѣтъ. Я самъ-же сказалъ, а другихъ ищу. Гдѣ я былъ? Постой, постой! Я помню, да, вотъ гдѣ, въ саду. (Идетъ въ садъ Епишкина. Входитъ Елеся. Изъ лавки выходятъ Епишкинъ и Петровичъ.)

Явленіе восьмое.

Елеся, Епишкинъ и Петровичъ.

Епишкинъ.

А, другъ, ты съ метлой никакъ?

Елеся.

Истукарію Лупычу, наше почтеніе! Петровичу особенное! Съ метлой-съ.

Епишкинъ.

Подмелъ-бы ты ужь кстати кругомъ лавочки.

Елеся.

Съ нашимъ удовольствіемъ. Я какъ расхожусь, такъ мнѣ только дѣла давай.

Епишкинъ.

Ну, и дѣйствуй.

Елеся (смѣется).

Не пыльна работа, а выгодна. Такъ, Истукарій Лупычъ, я говорю?

Епишкинъ.

Такъ, такъ, не перетакивать стать.

Елеся (мететъ).

Стойте-ко, находка! Вотъ она, въ травѣ-то. (Поднимаетъ свертокъ, который уронилъ Крутицкій.) Чуръ одному! Батюшки, что̀ это такое?

Петровичъ.

Покажи-ко!

Елеся.

Нѣтъ. Чуръ одному! Шалишь, братъ. Ты-бы прежде меня закричалъ „чуръ вмѣстѣ“, ну, нечего дѣлать, половина твоя, а теперь все мое. Чуръ одному!

Епишкинъ.

Да на что̀ польститься-то? Кому тутъ потерять-то что̀-нибудь путное?

Петровичъ.

Владѣй одинъ, твое счастье.

Елеся (развертывая свертокъ).

Нѣтъ, батюшки! Тутъ деньги, билеты. (Дрожитъ.)

Епишкинъ.

Покажи, покажи!

Елеся (громко).

Не выпущу изъ рукъ, не выпущу.

Епишкинъ.

Да ты держи, мы въ твоихъ рукахъ посмотримъ.

Елеся (громко).

Смотрите, а изъ рукъ не выпущу. Умру, а не выпущу. Чуръ одному! (Входитъ Крутицкій.)

Явленіе девятое.

Елеся, Епишкинъ, Петровичъ и Крутицкій.

Крутицкій (хватаетъ Елесю за воротъ).

Нашлись, нашлись! Держите вора, держите его!

Елеся (освобождаясь).

Что̀ меня держать, я и такъ не уйду. Отойди!

Крутицкій.

Подай, подай! Всѣ-ли тутъ?

Елеся.

Такъ и отдалъ, держи карманъ-то шире! А всѣ-ли, тамъ сочтутъ, кому надобно. (Крутицкій хочетъ поймать руки Елеси.)

Петровичъ (не допуская Крутицкаго).

Ишь ты, крапивное сѣмя, гдѣ только завидитъ деньги, такъ и цапается за нихъ.

Елеся (сжимаетъ деньги въ рукѣ).

Ну, да, вѣдь, ужь я скорѣй жизни своей рѣшусь, чѣмъ съ этими деньгами разстанусь. Нѣтъ, ужь кончено, замерли тутъ.

Крутицкій.

Подай, подай!

Петровичъ (отталкивая Крутицкаго).

Ты поди въ опекунскій, тамъ больше; тамъ попроси, можетъ, дадутъ тебѣ.

Крутицкій (падая на колѣни).

Елеся, пожалѣй старика! Въ гробъ, вѣдь, ты меня вгонишь, въ гробъ. Мои, вѣдь; отдай!

Елеся.

Ловокъ ты больно! Отдай! Свое счастье отдать!

Петровичъ.

Однако, ты химикъ! На какую штуку взять хочешь! За столько-то тысячъ, пожалуй, и я на колѣни стану. Ты что-нибудь новенькое выдумай! Это, вѣдь, не копеечку подать.

Елеся (плачетъ).

Какъ отдать, посудите! Что мнѣ маменька-то скажетъ? У насъ домъ валится.

Епишкинъ.

Да что съ нимъ разговаривать! Ты нашелъ — твои и деньги. Поди объявляй, мы свидѣтели

Елеся.

Такъ вѣдь, Истукарій Лупычъ? Мои?

Епишкинъ.

Еще бы.

Крутицкій (Елесѣ).

Задушу я тебя!

Епишкинъ (удерживая его).

Полно шалить-то, любезный, не маленькій!

Петровичъ.

Ишь ты жадность-то до чего доводитъ. Вотъ

таковъ-то онъ и секлетаремъ былъ. Ухватитъ просителя за воротъ, кричитъ: подай деньги! (Входитъ Лютовъ, за нимъ два будочника.)

Явленіе десятое.

Елеся, Епишкинъ, Петровичъ, Крутицкій и Лютовъ.

Епишкинъ.

Дозоръ идетъ, вотъ и кстати.

Лютовъ.

Что за шумъ?

Епишкинъ.

Исторія, Тигрій Львовичъ.

Елеся.

Я, стало быть, деньги нашелъ, заявить хочу. Вотъ свидѣтели.

Крутицкій.

Меня ограбили, онъ укралъ у меня, вытащилъ изъ кармана.

Лютовъ.

Не всѣ вдругъ. (Елесѣ.) Говори ты сначала!

Елеся.

Вотъ вдругъ Истукарій Лупычъ говоритъ: „местй!“

Лютовъ.

Да. Ну!

Елеся.

Я, стало быть, мету, и вотъ вдругъ ...

Лютовъ.

Ну!

Елеся.

И вотъ вдругъ деньги ..

Лютовъ.

Еще что?

Елеся.

Вотъ видѣли.

Лютовъ.

Подай сюда!

Елеся.

Всѣхъ не отдамъ, Тигрій Львовичъ, живаго въ землю закопайте, не отдамъ. Мнѣ третья часть слѣдуетъ. (Плачетъ.) Домъ заложенъ, на сторону валится, маменька бѣдствуетъ. Долго-ль намъ еще страдать-то? Намъ Богъ послалъ. Нѣтъ, ужь это ни на что-же похоже! Не троньте меня, грубить стану.

Лютовъ (будочнику).

Возьми его! (Будочникъ беретъ Елесю за руку и достаетъ веревку.)

Елеся.

Въ судъ ведите! Вотъ что.

Лютовъ.

Молчи! (Выходятъ: изъ калитки Мигачева, изъ саду Фетинья.)

Явленіе одиннадцатое.

Елеся, Епишкинъ, Петровичъ, Крутицкій, Лютовъ, Мигачева и Фетинья.

Мигачева.

Батюшки, что за бѣда?

Фетинья (про себя).

Охъ, и вижу я, да не подойду; затаскаютъ, насидишься.

Мигачева.

Отъ словъ моихъ, пропасти-то все я ему сулила.

Лютовъ (Крутицкому).

Вы что?

Крутицкій.

Ваше благородіе, бѣдность моя ...

Лютовъ.

Да. Ну!

Крутицкій.

Подаяніемъ питаюсь, куска хлѣба въ домѣ нѣтъ.

Лютовъ.

Потомъ что?

Крутицкій.

Велите отдать! Не погубите старика! Онъ у меня отнялъ, укралъ. (Ловитъ руку Лютова, чтобы поцаловать.)

Лютовъ.

Оставьте!

Петровичъ.

Что же онъ говоритъ, ваше благородіе? Копейки нѣтъ, куска хлѣба нѣтъ, а тысячи у него были!

Крутицкій.

Это не мои, это чужія.

Лютовъ.

А не ваши, такъ вамъ до нихъ и дѣла нѣтъ. (Елесѣ.) Пойдемъ! (Будочнику.) Веди его!

Крутицкій (громко).

Стойте! Мои, мои деньги. Сто тысячъ у меня, двѣсти, милліонъ ... Вы ихъ раздѣлить хотите! Ограбить меня! Я своей копейки тронуть не дамъ, умру за нее. Я васъ подъ судъ, въ Сибирь, грабители!

Лютовъ (другому будочнику).

Возьми его! (Будочникъ беретъ Крутицкаго.) Ведите ихъ! (Епишкину и Петровичу.) За вами пришлютъ, когда будетъ надо.

Елеся.

Что̀ дѣлать-то, Истукарій Лупычъ? Русская пословица: отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся! Такъ я говорю?

Лютовъ.

Ну, маршъ, безъ разговоровъ! (Уходятъ.)

Мигачева.

Батюшки, куда ихъ повели-то?

Петровичъ.

Да сначала, какъ по дѣлу видно, надо быть, въ острогъ. Посидятъ тамъ года два, ну, а потомъ ужь вдоль по владимірской.

Мигачева.

Какъ-же мнѣ быть-то? Батюшка, помоги ты мнѣ!

Петровичъ.

Изволь. Просудишь домъ-то. Ужь тогда и буду хозяиномъ, а ты у меня въ жильцахъ жить.

Мигачева.

За что̀ его взяли-то? Какая бѣда-то его?

Петровичъ.

Ограбили кого-то съ Михеемъ, да не раздѣлятъ. Вотъ и все. (Смѣется.) Дѣло-то пустое, а люди-то вяжутся.

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе пятое.

Декорація та же.

Явленіе первое.

Входитъ **Крутицкій**, блѣдный и разстроенный.

Крутицкій.

Куда я пришелъ, куда? (Осматривается.) Ахъ! Домой пришелъ. Зачѣмъ, зачѣмъ? (Берется за голову.) Нечего мнѣ дома дѣлать, нечего. Тоска меня загрызетъ, лютая тоска загрызетъ. (Сквозь слезы.) Пойду я лучше погуляю. Меня немножко вѣтромъ пообдуетъ. (Печально.) Пойду. Далеко пойду, за заставу куда-нибудь, отъ людей подальше. Тяжело на людей-то смотрѣть. Охъ, какъ голова горитъ! (Снимаетъ картузъ и кладетъ его на крыльцо.) Пойду погуляю. Въ Тюфелеву рощу пойти? Тамъ хорошо, глухо такъ, никто туда, никто не ходитъ. Кто туда пойдетъ? Пойдетъ бѣднякъ какой-нибудь съ горя да съ тоски погулять, да ужь ... и удавится тутъ-же. Вотъ, говорили, тамъ нынче весной одинъ закладчикъ повѣсился; обокрали его на двадцать тысячъ. Да и есть отъ чего. Какъ это пережить? Какъ пережить? Невозможно! У всякаго своя радость, своя утѣха; онъ копилъ, берегъ, въ томъ и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, однѣ только деньги, однѣ свои деньги, а украли деньги, нѣтъ денегъ, зачѣмъ ему жить? За-

чѣмъ жить-то? Что̀ дѣлать-то на свѣтѣ? Плакать, тосковать, проклинать себя, биться о̀бъ-уголъ головою, двадцать разъ въ день на гвоздь петлю повѣсить, да опять снять. Еще вотъ намъ Богъ сонъ далъ; ну, заснешь, забудешь, а проснешься-то? Опять та-же тоска, и каждый день, каждый день. Такъ ужь лучше одинъ конецъ. Охъ, охъ! (Съ отчаяніемъ.) Пойду, погуляю. Охъ, какъ тяжело, душно какъ! Пойду, пойду. Далеко, вѣдь! Что̀-жь, я извозчика найму. На что̀ мнѣ деньги? На что̀ онѣ теперь? Возьму вотъ, возьму, да и брошу. Столько-ли Михей бросилъ! Убить его, убить! Ну, и кидай, ну, все и кидай! (Вынимаетъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ и бросаетъ.) На-те подбирайте, кто хочетъ; не надо мнѣ, не надо, я ихъ беречь не умѣю. Пойду, сейчасъ пойду. (Идетъ, шатаясь, и видитъ на землѣ мѣдную монету.) Ай! Вотъ онъ! (Поднимаетъ пятакъ и съ радостью бѣжитъ на прежнее мѣсто.) Нашелъ, нашелъ! (Судорожно прячетъ его въ карманъ жилета.) Сюда его, спрятать его поскорѣй, благо не видали. (Помолчавъ, опускаетъ руки.) Мало. А моихъ много было. Какъ скучно! Ахъ, тоска смертная! Пойду погуляю. (Идетъ нетвердыми шагами. Осматривается и, махнувъ рукой, поворачиваетъ въ садъ Епишкина. Выходятъ: Мигачева изъ калитки, Фетинья и Лариса изъ лавки.)

Явленіе второе.

Мигачева, Фетинья и Лариса.

Фетинья (Ларисѣ).

Не видать нашего-то?

Мигачева (про себя).

Охъ, и моего не видать.

Фетинья (не глядя на Мигачеву).

Очень нужно. Хоть бы и вѣкъ его не видать, бѣда невелика.

Мигачева (не глядя на Фетинью).

Всякому свое. Мнѣ мой-то, можетъ, дороже вашего втрое.

Лариса.

Маменька, ихъ совсѣмъ засудятъ, или не совсѣмъ?

Фетинья.

Никому невѣдомо. Каковъ судья: сердитъ, такъ засудитъ, а милостивъ, такъ проститъ.

Мигачева.

Охъ, да, да! Не бойся суда, а бойся судьи. Пуще всего ты его бойся!

Фетинья.

Да, вотъ причитай тутъ, еще голосомъ завой. По вашей милости и мой-то попалъ.

Мигачева.

Охъ, должно-быть, по наговору, по чьему-нибудь наговору. Отъ злобы людской, отъ сосѣдей все больше люди погибаютъ. Есть-же такіе сосѣди злодѣи, ненавистники.

Фетинья.

Ужь именно злодѣи, ненавистники. Самъ ограбилъ кого-то, да взялъ, да моего свидѣтелемъ и выставилъ на зло, чтобы по судамъ таскался.

Мигачева.

Есть-же варвары изъ-за малости, изъ-за сажи рады человѣка погубить.

Фетинья.

Мало того, что взялъ, да на зло окрасилъ меня,— взялъ, да на зло мужа запуталъ.

Мигачева.

Вотъ она сажа-то! Шути съ ней! Все кварталь-

ный виноватъ! За сажу, да въ острогъ попалъ. Оговорили по злобѣ.

Фетинья.

Мало ему. Какой живописецъ проявился! Красилъ, красилъ заборы-то, да за людей принялся. Такъ ему и дать волю? И хорошо сдѣлали, что въ острогъ посадили.

Лариса.

Маменька, у васъ совсѣмъ никакой разности въ разговорѣ нѣтъ. Наладите одно, и твердите, какъ сорока. Вѣдь, отмылось, что-жь толковать!

Фетинья.

Еще бы не отмылось! Что-жь, мнѣ арабкой, что-ли, ходить прикажешь?

Мигачева.

Самъ тому не радъ. По нечаянности ...

Фетинья.

Окрасилъ по нечаянности, а укралъ по отчаянности. Славный парень, смиренный. (Входитъ Петровичъ.)

Явленіе третье.

Мигачева, Фетинья, Лариса и Петровичъ.

Петровичъ (Мигачевой).

Ну, прощайся ты съ сыномъ. (Фетиньѣ.) А ты съ мужемъ. Только и видѣли.

Мигачева.

Гдѣ они теперь?

Петровичъ.

На цѣпи сидятъ.

Фетинья.

А ты сорвался, что̀-ли? Полно ты, не глупѣй себя нашелъ.

Мигачева.

Какимъ судомъ моего судятъ-то?

Петровичъ.

Шемякинымъ.

Мигачева.

Полно ты! судовъ только и есть, что гражданскій да уголовный; по гражданскому — въ яму, а по уголовному — въ острогъ.

Петровичъ.

Много ты знаешь! И шемякинъ есть.

Мигачева.

Есть, да только въ сказкѣ.

Петровичъ.

Да, вѣдь, сказка-то взята-же съ чего-нибудь? Чего нѣтъ, того не выдумаешь. (Входятъ Епишкинъ и Елеся.)

Явленіе четвертое.

Мигачева, Фетинья, Лариса, Петровичъ, Елеся и Епишкинъ.

Елеся (запыхавшись).

Маменька, невидимая рука, невидимая рука!

Мигачева.

Гдѣ она, гдѣ она?

Елеся.

Вотъ она! (Подаетъ деньги.) Три тысячи съ половиной! А? Довольно хорошо? Живъ Богъ, жива душа моя. Такъ я говорю?

Епишкинъ.

Вѣрно, Елеся Молодецъ!

Мигачева.

Ужь не съ неба-ли свалились?

Елеся.

Съ неба, маменька, за правду за нашу. Нашелъ. Сейчасъ судъ да дѣло, свидѣтелевъ на лицо. Судили, рядили, сосчитали всѣ деньги, отсудили мнѣ три тысячи съ половиной; получай, говорятъ. Ухъ, усталъ! Получаю, говорю. Остальныя Михею.

Мигачева.

Да развѣ его деньги-то были?

Елеся.

Его; на судѣ добрались. Вотъ теперь мы какъ милліонщики жить будемъ.

Мигачева.

Есть-таки разница.

Елеся.

Никакой, тѣ-же двадцать-четыре часа въ сутки.

Мигачева.

Золотой ты мой! (Обнимаетъ сына.) Какъ я рада-то!

Фетинья.

Ну, какъ не обрадоваться! Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!

Елеся.

А ужь какъ я-то радъ! (Обнимаетъ, вмѣсто матери, Ларису.)

Фетинья.

Что ты, что ты? Ишь ты на чужое-то разлакомился! Это, вѣдь, не находка твоя; третью часть не дадимъ.

Епишкинъ.

На что̀ ему третью часть! Видно, ужь ему ее всю отдать. Мы, не какъ Михей, объ этой потерѣ не заплачемъ.

Фетинья (беретъ Елесю за руку).

Не тронь, говорятъ! Что̀ ты облапилъ, точно свою собственность? Еще крѣпости у тебя на нее нѣтъ.

Лариса.

Какъ это вы, маменька, вдругъ останавливаете! Коль скоро человѣкъ въ такомъ чувствѣ, надо ему свободу дать.

Епишкинъ.

Дай, Фетинья, свободу, дай.

Фетинья.

Какъ ты говоришь свободу дать? Да что̀-же это у нихъ будетъ-то?

Епишкинъ.

Что̀ у нихъ будетъ-то? А намъ что̀ за дѣло? Намъ какой убытокъ? Вотъ нашла печаль! Ты-бъ лучше вспомнила, догадалась, что мужъ еще съ утра водки не пилъ.

Фетинья.

А если и роду ихъ, мигачевскаго, видѣть не могу.

Епишкинъ.

Ты слушай, что̀ тебѣ говорятъ-то. Я по два раза приказывать не мастеръ. Стало быть, надо тебѣ бѣжать закуску готовить. А что ты ихъ видѣть не можешь, это мы поправимъ; ужь я, такъ и быть, трудовъ своихъ не пожалѣю, похлопочу около тебя, ты у меня на нихъ, хоть изподлобья, а все-таки, взглянешь. (Фетинья уходитъ.) Сватья, пойдемъ! Петровичъ, трогайся! (Уходитъ, за нимъ Мигачева и Петровичъ.)

Лариса.

Надѣюсь, что вы идете не для закуски, но для меня собственно.

Елеся.

Что́ за неволя мнѣ водкой огорчаться, коли я такую сладость передъ собой вижу.

Лариса.

Благодарю васъ за комплиментъ. (Уходитъ съ Елесей. Изъ дома выходятъ Анна и Настя.)

Явленіе пятое.

Анна и Настя.

Анна.

Эхъ, пора-бы намъ идти, Настенька.

Настя.

Ахъ, не говорите, пожалуйста, и не напоминайте.

Анна.

Да, вѣдь, ужь нѣчего дѣлать.

Настя.

Мнѣ хоть немножко еще побыть у васъ.

Анна.

Нельзя, мой другъ, нельзя; эти люди любятъ, чтобъ ихъ уважали, чтобъ каждое приказаніе ихъ исполняли въ точности. Они гордые, бѣдныхъ людей ни за что́ не считаютъ. Не исполни-ко его приказаніе-то, такъ онъ разгнѣвается, что бѣда, а на первыхъ-то порахъ это нехорошо. Какъ мнѣ быть-то съ тобой? Проводила-бъ я тебя, да Михея Михеича дома нѣтъ. Не знаю, куда онъ дѣвался! Не пойти-ли тебѣ одной?

Настя.

Ахъ, нѣтъ. Какъ одной? Мнѣ все будетъ казаться, что на меня всѣ пальцами показываютъ, я и буду по глухимъ переулкамъ прятаться. Я не дойду одна.

Анна.

Да мнѣ-то несвободно, нельзя домъ-то оставить. Когда еще Михей Михеичъ воротится, неизвѣстно; а идти надо. Нехорошо, обѣщали. (Гладитъ ее по головѣ.) Поди-ко ты одна, я послѣ приду, принесу тебѣ кой-что̀ твое.

Настя.

Тетенька!

Анна.

Что̀, мой другъ?

Настя

Такъ ужь я пойду. Прощайте! (Обнимаетъ Анну.)

Анна.

Прощай, душа моя! (Вбѣгаетъ Елеся.)

Явленіе шестое.

Анна, Настя и Елеся.

Елеся.

Анна Тихоновна! Анна Тихоновна!

Анна.

Что́ тебѣ?

Елеся.

Да пожалуйте сюда, въ садъ. Какая оказія-то, право!

Анна.

Да что́ такое?

Елеся.

Оказія вышла.

Анна.

Что́ мнѣ за дѣло? Зачѣмъ я пойду?

Елеся.

Пожалуйте, сами увидите.

Анна.

Да ты скажи толкомъ.

Елеся.

Да что́ мнѣ говорить-то? Нѣтъ, ужь лучше вы сами.

Анна.

Ну, что́ я буду въ чужомъ саду дѣлать?

Елеся.

Да Михей Михеичъ ...

Анна.

Что́ Михей Михеичъ?

Елеся.

Да они ... Нѣтъ, ужь лучше вы сами ...

Анна.

Ты не пугай меня; началъ говорить, такъ говори.

Елеся.

Да гуляли, гуляли ...

Анна.

Ну, что́-же?

Елеся.

Гуляли, гуляли, да и... зацѣпились за дерево.

Анна.

Какъ зацѣпились?

Елеся.

Да такъ ... Нѣтъ ужь, пожалуйте, лучше вы сами ...

Анна (Елесѣ).

Ну, ступай, я приду. (Настѣ.) Подожди меня. Пойду, посмотрю, что́ такое. (Уходитъ, за нею Елеся.)

Настя.

У меня что̀-то повернулось на сердцѣ; въ головѣ мелькнуло что̀-то такое, что̀ я во снѣ видѣла. Это бѣда какая-нибудь, непремѣнно бѣда; но мнѣ кажется, что эта бѣда для меня къ лучшему. Какая-нибудь перемѣна будетъ. Какая — не знаю. Чего ужь я ни передумала! Я думала, что если будетъ землетрясеніе, или пожаръ большой, такъ я спасусь какъ-нибудь. А какъ спасусь — ужь не знаю. Все это я вечеромъ да ночью передумывала. А какъ проснулась сегодня утромъ и увидала, что ночью ничего не сдѣлалось, что нынче день такой, какъ и вчера, мнѣ такъ страшно сдѣлалось, такъ страшно! Я все ждала, что къ утру перевернется что̀-нибудь въ природѣ, что половина Москвы провалится, и будетъ озеро, а на той сторонѣ горы (входитъ Баклушинъ) и что Модестъ Григорьичъ пріѣдетъ ко мнѣ на большой лодкѣ. Я такую картину гдѣ-то видѣла.

Явленіе седьмое.

Настя и Баклушинъ.

Настя (увидавъ Баклушина).

Ахъ!

Баклушинъ.

Не ожидали?

Настя.

Не надо. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ васъ не надо.

Баклушинъ.

А сейчасъ мое имя поминали

Настя.

Ну, такъ что-же? Я долго, долго буду думать о васъ, вспоминать васъ, а видѣть не хочу.

Баклушинъ.

Отчего-же?

Настя.

Вы все мучите меня.

Баклушинъ.

Чѣмъ?

Настя.

Учите меня, какъ жить. Зачѣмъ говорить о жизни? Мнѣ это очень больно. Вы живете по-своему, я по-своему. Вамъ жить хорошо, мнѣ худо; такъ забудемъ про это. Кончено дѣло. Если хотите говорить со мной послѣдній разъ, такъ скажите что-нибудь повеселѣе.

Баклушинъ.

Очень бы я хотѣлъ сказать вамъ что-нибудь веселенькое, да въ голову нейдетъ, самому не очень весело.

Настя.

Ну, сдѣлайте милость, придумайте.

Баклушинъ.

Извольте!

Настя.

Ну, разсказывайте.

Баклушинъ.

Есть у меня одна смѣшная исторія, да не знаю, понравится-ли вамъ.

Настя.

Все равно, разсказывайте!

Баклушинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Баклушинъ ...

Настя (оглядываясь).

Хорошо, отлично.

Баклушинъ.

Вотъ однажды, въ минуту жизни трудную, занялъ по векселю этотъ Баклушинъ всего на мѣсяцъ, а всего-то сто рублей у щипанаго, рванаго, вылинявшаго ростовщика.

Настя (оглядываясь).

Да, да. Какъ это смѣшно! Чѣмъ-же это кончилось?

Баклушинъ.

Въ томъ-то и дѣло, что это не кончилось и конца этому не будетъ. Черезъ мѣсяцъ, разумѣется, Баклушинъ ста рублей не отдалъ, и черезъ два не отдалъ, и черезъ годъ, и такъ далѣе, а платилъ только проценты, да и то неаккуратно. Вексель этотъ, какъ водится, переписывался, и вышло ...

Настя.

Что-же вышло?

Баклушинъ.

Что за сто рублей переплатилъ Баклушинъ въ три года процентовъ рублей триста, да состоитъ долженъ теперь этому линючему ростовщику тысячъ семь. А такъ какъ Баклушину заплатить нечѣмъ, то и будетъ этотъ долгъ въ той-же пропорціи увеличиваться до безконечности.

Настя.

А, такъ вотъ для чего Баклушинъ ищетъ богатую невѣсту?

Баклушинъ.

Именно для этого.

Настя.

А невѣстъ не находится?

Баклушинъ.

А невѣстъ не находится, а долгъ растетъ.

Настя.

Да, вѣдь, говорятъ, что коли кто очень много долженъ, такъ все равно, что ничего не долженъ. (Анна Тихоновна, Епишкинъ, Петровичъ, Елеся проходятъ изъ сада въ квартиру Крутицкаго.)

Баклушинъ.

Вотъ я и жду, когда буду долженъ милліонъ; можетъ быть, тогда самому ростовщику смѣшно станетъ. А еслибъ не этотъ долгъ, Баклушинъ женился-бы на дѣвушкѣ, которую онъ любитъ.

Настя.

Вѣрю, вѣрю; но вотъ что̀, Модестъ Григорьичъ! Тетенька прошла домой, теперь мнѣ нужно переѣзжать на новую квартиру, которую мнѣ добрые люди наняли. Намъ время проститься.

Баклушинъ.

Ка́къ, сейчасъ?

Настя.

Да, сейчасъ и ужь навсегда.

Баклушинъ.

Какъ мнѣ жаль, что я теряю васъ!

Настя.

Ну, что̀ дѣлать, голубчикъ? Прощайте! (Горячо обни-

маетъ Баклушина.) Прощайте, мой милый, хорошій, красавецъ мой!

Баклушинъ (сквозь слезы).

Прощайте!

Настя.

Постой! Какъ я любила тебя! Боже мой! Нѣтъ мѣры, нѣтъ никакихъ границъ! Нѣтъ того на свѣтѣ, чего-бы я для тебя не сдѣлала.

Баклушинъ.

Что я теряю, что я теряю! Боже мой!

Настя.

Да, много, много. Мнѣ очень жаль тебя.

Баклушинъ (беретъ ее за руку).

Настенька!

Настя.

Прощай! Нѣтъ ... больше нельзя! Идите! (Баклушинъ отходитъ до угла лавки. Настя издали кланяется ему и посылаетъ поцалуи. Изъ дома выходятъ: Анна, Епишкинъ, Петровичъ, Елеся; изъ саду — Фетинья, Мигачева, Лариса.)

Явленіе восьмое.

Настя, Анна, Епишкинъ, Петровичъ, Елеся, Фетинья, Мигачева, Лариса, вдали Баклушинъ.

Анна (тихо плача).

Что онъ сдѣлалъ! Что онъ сдѣлалъ!

Настя.

Тетенька, идти мнѣ?

Анна (утирая слезы).

Нѣтъ, мой другъ, ужь ты не покидай меня. Михей Михеичъ ... Господи, прости ему! Погубилъ онъ свою душу ...

Настя.

Ахъ, какое горе!

Анна.

Да, горе; и съ нимъ было горе, и умеръ горе. До насъ-ли ему было, прости ему Господи, коли онъ души своей не пожалѣлъ! За деньги, за проклятыя деньги ... Вѣдь, всѣмъ умереть; да зачѣмъ-же такъ?...

Настя.

А развѣ дядя любилъ деньги?

Анна.

Что это, Господи! Вздумать-то, вздумать-то мнѣ страшно! За что только онъ мучилъ себя и насъ? Сколько лѣтъ мы живемъ нищенски, а у него за подкладкой шинели нашли мы больше ста тысячъ, да вотъ теперь въ его комнатѣ подъ поломъ вещей и брильянтовъ и числа нѣтъ. И такъ въ мірѣ босоты и наготы довольно, а мы ее, помимо божьей воли, терпѣли. Какъ Богу-то не разгнѣваться?

Настя.

Вы теперь богаты, тетенька!

Анна.

Тяжелы мнѣ эти деньги, душа моя; меня теперь никакое богатство не обрадуетъ. Отвыкла я съ нимъ и жить-то полюдски, убилъ и похоронилъ онъ меня заживо. Десять лѣтъ я сыта не была, такъ за одинъ день не поправишь. Богъ съ ними и съ деньгами! Мы съ тобой ихъ раздѣлимъ. А грѣха-то, грѣха-то что! Я-было погубила тебя совсѣмъ. Съ голоду да съ холоду обезумѣла я, а, вѣдь, добра тебѣ желала. Меня-то-бъ удавить надо за тебя. Нѣтъ ума у голоднаго, нѣтъ!

Настя.

Тетенька, милая! (Громко.) Модестъ Григорьичъ!

(Аннѣ.) Не плачьте, Божья воля, не плачьте! Ахъ (Обнимаетъ тетку.) Я живу, я живу! Не надо хоронить меня! Тетенька, милая! (Баклушинъ подходитъ и останавливается въ молчаніи.)

Елеся.

Вотъ ужь она теперь за благороднаго выскочитъ.

Епишкинъ.

Похоже на то.

Фетинья.

Ей хоть милліонъ дай, все-таки видомъ и амбиціей она противъ моей Ларисы не выйдетъ.

Лариса.

Не только видомъ и амбиціей, но и всѣмъ прочимъ супротивъ меня далеко.

Настя

(Баклушину какъ-бы съ упрекомъ).

Вотъ вы тогда ... А мы теперь богаты съ тетенькой. Вотъ вы и знайте.

Баклушинъ.

Откуда вамъ Богъ послалъ?

Настя.

Мнѣ вдругъ наслѣдство ...

Епишкинъ.

Дяденька ихъ у меня въ саду удавились. Ахъ! (Берется за голову.) А, вѣдь, говорили дураку, загороди заборъ.

Баклушинъ.

А кто такой вашъ дяденька?

Настя.

Да онъ ... я не знаю ... какъ это?

Петровичъ.

Отставной подьячій, Крутицкій.

Баклушинъ.

Крутицкій? Да ему-то я и долженъ.

Настя.

Ему? Вотъ и отлично! Ужь теперь вы намъ должны, вотъ мы васъ въ тюрьму, и непремѣнно.

Баклушинъ.

А много онъ вамъ оставилъ?

Настя.

Я не знаю. Говорятъ, сколько-то тысячъ.

Епишкинъ.

Чего тутъ: „сколько-то"; побольше двухъ сотъ будетъ.

Настя.

Ну, вотъ сколько.

Баклушинъ.

Позвольте за вами снова поволочиться.

Настя.

Позволяю.

Мигачева.

Стыдно такія деньги и брать-то.

Фетинья.

Да, вѣдь, ужь, матушка, что̀ ни говори, а въ прокъ онѣ не пойдутъ.

Настя (смѣясь).

Да, правда ваша, я знаю, что мы съ Модестомъ Григорьичемъ промотаемъ ихъ скоро.

Анна.

Ужь лучше промотайте, чѣмъ беречь такъ, какъ твой дядя берегъ.

Настя.

Какъ страшна мнѣ казалась жизнь вчера вечеромъ и какъ радостна мнѣ она теперь!

Анна.

А вотъ, душа моя, несчастные люди, чтобъ не гнѣвать Бога, чтобъ не совсѣмъ отчаяваться, утѣшаютъ себя пословицею, что „утро вечера мудренѣе“, которая иногда и сбывается.

Снѣгурочка.

Весенняя сказка въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ.

Лица.

Весна-Красна.
Дѣдъ-Морозъ.
Дѣвушка-Снѣгурочка.
Лѣшій.
Царь Берендей.
Бермята, ближній бояринъ.
Елена Прекрасная, его жена
Мизгирь, торговый гость изъ посада Берендеева.
Мурашъ, богатый слобожанинъ.
Купава, молодая дѣвушка, дочь Мураша.
Лель-пастухъ.
Бобыль-Бакула.
Бобылиха, его жена.
Масляница-Соломенное чучело.
Радушка, **Малуша** } слободскія дѣвушки.
Брусило, **Малышъ**, **Курилко**, **Бирючъ** } парни.
Слуги Мизгиря.

Бояре, боярыни, гусляры, слѣпые, скоморохи, отроки, бирючи, берендеи всякаго возраста и званія, обоего пола. Слобожане, старики, старухи, парни и дѣвки. Гудочники, волынщики. Свита Царя. Приспѣшники. Свита Весны, птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другія.

Дѣйствіе происходитъ въ странѣ Берендеевъ, въ доисторическое время. Прологъ на Красной горкѣ, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое дѣйствіе въ зарѣчной слободѣ Берендеевкѣ. Второе дѣйствіе во дворцѣ царя Берендея. Третье дѣйствіе въ заповѣдномъ лѣсу. Четвертое дѣйствіе въ Ярилиной долинѣ.

Прологъ.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снѣгомъ. Направо кусты и рѣдкій безлистный березникъ, налѣво сплошной частый лѣсъ большихъ сосенъ и елей съ сучьями, повисшими отъ тяжести снѣга; въ глубинѣ, подъ горой рѣка; полыньи и проруби обсажены ельникомъ. За рѣкой Берендеевъ посадъ, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы, всѣ деревянные съ причудливою раскрашенною рѣзьбой; въ окнахъ огни. Полная луна серебритъ всю открытую мѣстность. Вдали кричатъ пѣтухи.

Явленіе первое.

Лѣшій сидитъ на сухомъ пнѣ. Все небо покрывается прилетѣвшими изъ-за моря птицами. **Весна-Красна** на журавляхъ, лебедяхъ и гусяхъ спускается на землю, окруженная свитой птицъ.

Лѣшій.

Конецъ зимѣ пропѣли пѣтухи,
Весна-Красна спускается на землю.
Полночный часъ насталъ, сторожку Лѣшій
Отсторожилъ, — ныряй въ дупло и спи!

(Проваливается въ дупло. Весна-Красна спускается на Красную горку въ сопровожденіи птицъ.)

Весна-Красна.

Въ урочный часъ обычной чередою
Являюсь я на землю Берендеевъ,
Нерадостно и холодно встрѣчаетъ
Весну свою угрюмая страна.
Печальный видъ: подъ снѣжной пеленою

Лишенныя живыхъ веселыхъ красокъ,
Лишенныя плодотворящей силы
Лежатъ поля остылыя. Въ оковахъ
Игривые ручьи, въ тиши полночи
Неслышно ихъ стекляннаго журчанья.
Лѣса стоятъ безмолвны, подъ снѣгами
Опущены густыя лапы елей,
Какъ старыя нахмуренныя брови.
Въ малинникахъ, подъ соснами, стѣснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола
Виситъ съ прямыхъ стволовъ. А въ ясномъ небѣ,
Какъ жаръ, горитъ луна и звѣзды блещутъ
Усиленнымъ сіяніемъ. Земля,
Покрытая пуховою порошей,
Въ отвѣтъ на ихъ привѣтъ холодный кажетъ
Такой-же блескъ, такіе-же алмазы
Съ вершинъ деревъ и горъ, съ полей пологихъ,
Изъ выбоинъ дороги прилощенной.
И въ воздухѣ повисли тѣ-же искры,
Колеблятся, не падая, мерцаютъ.
И все лишь свѣтъ, и все лишь блескъ холодный,
И нѣтъ тепла. Не такъ меня встрѣчаютъ
Счастливыя долины юга: тамъ
Ковры луговъ, акацій ароматы
И теплый паръ воздѣланныхъ садовъ,
И млечное, лѣнивое сіянье
Отъ матовой луны на минаретахъ,
На тополяхъ и кипарисахъ черныхъ.
Но я люблю полуночныя страны,
Мнѣ любо ихъ могучую природу
Будить отъ сна и звать изъ нѣдръ земныхъ
Родящую таинственную силу,
Несущую безпечнымъ Берендеямъ
Обилья житъ неприхотливыхъ. Любо
Обогрѣвать для радостей любви,
Для частыхъ игръ и празднествъ убирать

Укромные кустарники и рощи
Шелковыми коврами травъ цвѣтныхъ.

(Обращаясь къ птицамъ, которыя дрожатъ отъ холоду.)

Товарищи: сорòки-бѣлобоки,
Веселыя болтушки-щекотуньи,
Угрюмые грачи, и жаворòнки,
Пѣвцы полей, глашатаи весны,
И ты, журавль, съ своей подругой цаплей,
Красавицы-лебедушки, и гуси
Крикливые, и утки хлопотуньи,
И мелкія пичужки — вы озябли?
Хоть стыдно мнѣ, а надо признаваться
Предъ птицами. Сама я виновата,
Что холодно и мнѣ Веснѣ, и вамъ.
Шестнадцать лѣтъ тому, какъ я для шутки
И тѣша свой непостоянный нравъ,
Измѣнчивый и прихотливый, стала
Заигрывать съ Морозомъ, старымъ дѣдомъ,
Проказникомъ сѣдымъ; и съ той поры
Въ неволѣ я у стараго. Мужчина
Всегда таковъ: немножко воли дай,
А онъ и всю возьметъ; ужь такъ ведется
Отъ древности. Оставить бы сѣдого,
Да вотъ бѣда, у насъ со старымъ дочка —
Снѣгурочка. Въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ,
Въ нетающихъ лядинахъ возращаетъ
Старикъ свое дитя. Любя Снѣгурку,
Жалѣючи ее въ несчастной долѣ,
Со старымъ я поссориться боюсь;
А онъ и радъ тому — знобитъ, морозитъ
Меня Весну, и Берендеевъ. Солнце,
Ревнивое, на насъ сердито смотритъ
И хмурится на всѣхъ, и вотъ причина
Жестокихъ зимъ и холодовъ весеннихъ.
Дрожите вы, бѣдняжки? Попляшите,
Согрѣетесь! Видала я не разъ,
Что пляскою отогрѣвались люди.

Хоть нехотя, хоть съ холоду, а пляской
Отпразднуемъ прилётъ на новоселье.

(Однѣ птицы принимаются за инструменты, другія запѣваютъ, третьи пляшутъ.)

Хоръ птицъ.

Сбирались птицы,
Сбирались пѣвчи
Стадами, стадами.
Садились птицы,
Садились пѣвчи
Рядами, рядами.
А кто у васъ, птицы,
А кто у васъ, пѣвчи,
Большіе, большіе?
А кто у васъ, птицы,
А кто у васъ, пѣвчи,
Меньшіе, меньшіе?
Орелъ воевода,
Перепелъ подьячій,
Подъячій, подьячій.
Сова воевода,
Желтые сапожки,
Сапожки, сапожки.
Гуси бояре,
Утята дворяне,
Дворяне, дворяне.
Чирята крестьяне,
Воробьи холопы,
Холопы, холопы.
Журавль у насъ сотникъ
Съ долгими ногами,
Ногами, ногами.
Пѣтухъ цѣловальникъ,
Чечетъ гость торговый,
Торговый, торговый.
Ласточки молодки,

Касатки дѣвицы,
Дѣвицы, дѣвицы.
Дятелъ у насъ плотникъ,
Рыболовъ харчевникъ,
Харчевникъ, харчевникъ.
Блинница цапля,
Кукушка кликушка,
Кликушка, кликушка.
Красная рожа
Ворона пригожа,
Пригожа, пригожа.
Зимой по дорогамъ,
Лѣтомъ по застрѣхамъ,
Застрѣхамъ, застрѣхамъ.
Ворона въ рогожѣ,
Нѣтъ ея дороже,
Дороже, дороже.

(Изъ лѣсу на пляшущихъ птицъ начинаетъ сыпаться иней, потомъ хлопья снѣга, подымается вѣтеръ, набѣгаютъ тучи, закрываютъ луну, мгла совершенно застилаетъ даль. Птицы съ крикомъ жмутся къ Веснѣ.)

Весна-Красна (птицамъ).

Въ кусты скорѣй, въ кусты! Шутить задумалъ
Старикъ Морозъ. До утра подождите,
А завтра вамъ растаятъ на поляхъ
Проталинки, на рѣчкѣ полыньи.
Погрѣетесь на солнышкѣ немного
И гнѣздышки начнете завивать.

(Птицы уходятъ въ кусты, изъ лѣса выходитъ Морозъ.)

Явленіе второе.

Весна-Красна и Дѣдъ-Морозъ.

Морозъ.

Весна-Красна, здорово ли вернулась?

Весна.

И ты здоровъ ли, Дѣдъ-Морозъ?

Морозъ.

Спасибо.
Живется мнѣ не худо. Берендеи
О нынѣшней зимѣ не позабудутъ,
Веселая была; плясало солнце
Отъ холоду на утренней зарѣ,
А къ вечеру вставалъ съ ушами мѣсяцъ.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночку,
Ужь то-то мнѣ раздолье и просторъ.
По богатымъ посадскимъ домамъ
Колотить по угламъ,
У воротъ вереями скрипѣть,
Подъ полозьями пѣть
Любо мнѣ,
Любо, любо, любо.
Изъ лѣску по дорожкѣ за̀ возомъ возъ,
На ночлегъ поспѣшаетъ скрипучій обозъ,
Я обозъ стерегу.
Я впередъ забѣгу,
По край-поля, вдали,
На морозной пыли
Лягу маревомъ,
Средь полночныхъ небесъ встану заревомъ.
Разольюсь я, Морозъ,
Въ девяносто полосъ,
Разбѣгутся столбами, лучами, несмѣтными,
Разноцвѣтными.
И толкутся столбы и спираются,
А подъ ними снѣга загораются.
Море свѣту-огня, яркаго,
Жаркаго,
Пышнаго;
Тамъ сине, тамъ красно, а тамъ вишнево.
Любо мнѣ,
Любо, любо, любо.
Еще злѣй я о рапней порѣ,

На румяной зарѣ.
Потянуся къ жильямъ изъ враговъ полянами,
Подкрадусь, подползу я туманами.
Надъ деревней дымокъ завивается,
Въ одну сторону погибается;
Я туманомъ сѣдымъ
Заморожу дымъ.
Какъ онъ тянется,
Такъ останется,
По надъ пòлемъ, по надъ лѣсомъ,
Перевѣсомъ,
Любо мнѣ,
Любо, любо, любо.

Весна.

Не дурно ты попировалъ, пора бы
И въ путь тебѣ, на сѣверъ.

Морозъ.

Не гони,
И самъ уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вотъ я, старикъ, всегда одинъ и тотъ-же.

Весна.

У всякаго свой норовъ и обычай.

Морозъ.

Уйду, уйду, на утренней зарѣ,
По вѣтерку, умчусь къ сибирскимъ тундрамъ.
Я соболій треухъ на уши,
Я оленью даху на плечи,
Побрякушками поясъ увѣшаю;
По чумамъ, по юртамъ кочевниковъ,
По зимовкамъ звѣровщиковъ
Захожу, заброжу, зашаманствую,
Будутъ мнѣ въ поясъ кланяться.
Владычество мое въ Сибири вѣчно,

Конца ему не будетъ. Здѣсь Ярило
Мѣшаетъ мнѣ и ты меня мѣняешь
На глупую породу празднолюбцевъ.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажныя, да вàри ведеръ въ сòрокъ
Заваривать медовыя умѣютъ.
Весенняго тепла у солнца просятъ.
Зачѣмъ — спроси? Не вдругъ пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править,
Да бражничать, веснянки пѣть, кругами
Ходить всю ночь съ зари и до зари —
Одна у нихъ забота.

Весна.

На кого-же
Снѣгурочку оставишь?

Морозъ.

Дочка наша
На возрастѣ, безъ нянекъ обойдется.
Ни пѣшему, ни конному дороги
И слѣду нѣтъ въ ея теремъ. Медвѣди
Овсянники и волки матерые
Кругомъ двора дозоромъ ходятъ; филинъ
На маковкѣ сосны столѣтней ночью,
А днемъ глухарь вытягиваютъ шеи,
Прохожаго, захожаго блюдутъ.

Весна.

Тоска возьметъ межъ филиновъ и лѣшихъ
Одной сидѣть.

Морозъ.

А теремная челядь?
Въ прислужницахъ у ней на побѣгушкахъ
Лукавая лисица сиводушка;
Зайчата ей капустку добываютъ;
Чѣмъ свѣтъ бѣжитъ на родничекъ куница
Съ кувшинчикомъ; грызутъ орѣхи бѣлки,

На корточкахъ усѣвшись; горностайки
Въ приспѣшницахъ сѣнныхъ у ней на службѣ.

Весна.

Да все-жь тоска, подумай, дѣдъ!

Морозъ.

Работай,
Волну пряди, бобровою опушкой
Тулупчикъ свой и шапки обшивай.
Строчи пестрѣй оленьи рукавички.
Грибы суши, бруснику да морошку
Про зимнюю безхлѣбицу готовь;
Отъ скуки пой, пляши, коль есть охота,
Чего еще?

Весна.

Эхъ, старый! Дѣвкѣ воля
Милѣй всего. Ни теремъ твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченыя не дороги; на мысли
У дѣвушки Снѣгурочки другое:
Съ людьми пожить; подружки нужны ей
Веселыя, да игры до полночи,
Весеннія гулянки да горѣлки
Съ ребятами, покуда ...

Морозъ.

Что̀ покуда?

Весна.

Покуда ей забавно, что ребята
На перебой за ней до драки рвутся.

Морозъ.

А тамъ?

Весна.

А тамъ полюбится одинъ.

Морозъ.

Вотъ то-то мнѣ и нелюбо.

Весна.

Безумный

И злой старикъ! На свѣтѣ все живое
Должно любить. Снѣгурочку въ неволѣ
Не дастъ тебѣ томить родная мать.

Морозъ.

Вотъ то-то ты некстати горяча,
Безъ разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на мигъ разсудка! Злой Ярило,
Палящій богъ лѣнивыхъ Берендеевъ,
Въ угоду имъ, поклялся страшной клятвой
Губить меня, гдѣ встрѣтитъ. Топитъ, плавитъ
Дворцы мои, кіоски, галлереи,
Изящную работу украшеній,
Подробностей мельчайшую рѣзьбу,
Плоды трудовъ и замысловъ. Повѣришь,
Слеза прольметъ. Трудись, корпи художникъ
Надъ лѣпкою едва замѣтныхъ звѣздъ —
И прахомъ все пойдетъ. А вотъ вчера
Изъ-за моря вернулась птица-Баба,
Усѣлася на полыньѣ широкой
И плачется на холодъ дикимъ уткамъ,
Ругательски бранитъ меня. А развѣ
Моя вина, что больно тороплива,
Что съ теплыхъ водъ, не заглянувши въ святцы,
Безъ времени, пускается на сѣверъ.
Плела-плела, а утки гоготали,
Ни дать ни взять въ торговыхъ баняхъ бабы;
И что-же я подслушалъ? Между сплетень
Такую рѣчь сболтнула птица-Баба,
Что, плавая въ заливѣ Ленкоранскомъ,
Въ гиляндскихъ-ли озерахъ, ужь не помню,
У пьянаго оборвыша факира

И солнышка горячій разговоръ
Услышала о томъ, что будто солнце
Сбирается сгубить Снѣгурку; только
И ждетъ того, чтобъ заронить ей въ сердце
Лучемъ своимъ огонь любви; тогда
Спасенья нѣтъ Снѣгурочкѣ, Ярило
Сожжетъ ее, испепелитъ, растопитъ,
Не знаю какъ, но умертвитъ. Доколѣ-жь
Младенчески чиста ея душа,
Не властенъ онъ вредить Снѣгуркѣ.

Весна.

Полно!
Повѣрилъ ты разсказамъ глупой птицы!
Не даромъ-же ей кличка — баба.

Морозъ.

Знаю
Безъ бабы я, что зло Ярило мыслитъ.

Весна.

Отдай мою Снѣгурочку!

Морозъ.

Не дамъ.
Съ чего взяла, чтобъ я такой вертушкѣ
Повѣрилъ дочь?

Весна.

Да что-жь ты, красноносый,
Ругаешься!

Морозъ.

Послушай, помиримся!
Для дѣвушки присмотръ всего нужнѣе,
И строгій глазъ, да не одинъ, а десять.
И некогда тебѣ, и неохота
За дочерью приглядывать, такъ лучше
Отдать ее въ слободку къ Бобылю,

Бездѣтному, на мѣсто дочки. Будетъ
Заботы ей по горло, да и парнямъ
Корысти нѣтъ на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна.

Согласна, пусть живетъ въ семьѣ бобыльской,
Лишь только бы на волѣ.

Морозъ.

Дочь не знаетъ
Любви совсѣмъ, въ ея холодномъ сердцѣ
Ни искры нѣтъ губительнаго чувства;
И знать любви не будетъ, если ты
Весенняго тепла томящей нѣги,
Ласкающей, разымчивой ...

Весна.

Довольно!
Покличь ко мнѣ Снѣгурочку.

Морозъ.

Снѣгурка!
Снѣгурушка, дитя мое!

Снѣгурочка (выглядывая изъ лѣсу).

Ау! (Подходитъ къ отцу.)

Явленіе третье.

Весна, Морозъ, Снѣгурочка, потомъ Лѣшій.

Весна.

Ахъ, бѣдная Снѣгурочка, дикарка,
Поди ко мнѣ, тебя я приголублю. (Ласкаетъ Снѣгурочку.)
Красавица, не хочешь ли на волю?
Съ людьми пожить?

Снѣгурочка.

Хочу, хочу, пустите!

Морозъ.

А что̀ манитъ тебя покинуть теремъ
Родительскій, и что̀ у Берендеевъ
Завиднаго нашла?

Снѣгурочка.

Людскія пѣсни.
Бывало, я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не нагляжуся
На дѣвичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мнѣ, и плачу. Ахъ, отецъ,
Съ подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить подъ пѣсни, вотъ что̀ мило
Снѣгурочкѣ. Безъ пѣсень жизнь не въ радость.
Пусти, отецъ! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты въ свою лѣсную глушь,
Въ сумеречки тебя утѣшу, пѣсню
Подъ наигрышъ мятели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Морозъ.

А Леля
Узнала ты откуда?

Снѣгурочка.

Изъ кусточка
Ракитова; пасетъ въ лѣсу коровокъ
Да пѣсенки поетъ.

Морозъ.

Почемъ-же знаешь,
Что это Лель?

Снѣгурочка.

Къ нему дѣвицы ходятъ,
Красавицы, и по головкѣ гладятъ,
Въ глаза глядятъ, ласкаютъ и цалуютъ,
И Лелюшкомъ и Лелемъ называютъ,
Пригоженькимъ и миленькимъ.

Весна.

А развѣ
Пригожій Лель гораздъ на пѣсни?

Снѣгурочка.

Мама,
Слыхала я и жаворонковъ пѣнье,
Дрожащее надъ нивами, лебяжій
Печальный кличъ надъ тихими водами,
И громкіе раскаты соловьевъ,
Пѣвцовъ твоихъ любимыхъ; пѣсни Леля
Милѣе мнѣ. И дни, и ночи слушать
Готова я его пастушьи пѣсни.
И слушаешь, и таешь ...

Морозъ (Веснѣ).

Слышишь: таешь!
Ужасный смыслъ таится въ этомъ словѣ.
Изъ разныхъ словъ, придуманныхъ людьми,
Страшнѣй всего Морозу слово: таять.
Снѣгурочка, бѣги отъ Леля, бойся
Рѣчей его и пѣсень. Ярымъ солнцемъ
Пронизанъ онъ насквозь. Въ полдневный зной,
Когда бѣжитъ отъ солнца все живое
Въ тѣни искать прохлады, гордо, нагло
На припекѣ лежитъ пастухъ лѣнивый
Въ истомѣ чувствъ дремотной подбираетъ
Лукавыя заманчивыя рѣчи,
Коварные обманы замышляетъ
Для дѣвушекъ невинныхъ. Пѣсни Леля
И рѣчь его — обманъ, личина, правды

И чувства нѣтъ подъ ними; то лишь, въ звуки
Одѣтые, палящіе лучи.
Снѣгурочка, бѣги отъ Леля! Солнца
Любимый сынъ пастухъ, и такъ-же ясно
Во всѣ глаза, безстыдно, прямо смотритъ,
И такъ-же золъ, какъ солнце.

Снѣгурочка.

Я, отецъ,
Послушное дитя; но ты ужь очень
Сердитъ на нихъ, на Леля съ солнцемъ; право,
Ни Леля я, ни солнца не боюсь.

Весна.

Снѣгурочка, когда тебѣ взгрустнется,
Иль нужда въ чемъ, — дѣвицы прихотливы,
О ленточкѣ, о перстенёчкѣ плакать
Серебряномъ готовы, — ты приди
На озеро, въ Ярилину долину,
Покличь меня. Чего-бъ ни попросила,
Отказу нѣтъ тебѣ.

Снѣгурочка.

Спасибо, мама,
Красавица.

Морозъ.

Вечернею порой
Гуляючи, держися ближе къ лѣсу.
А я отдамъ приказъ тебя беречь.
Ау, дружки! Лѣшутки, Лѣсовые!
Заснули, что̀-ль? Проснитесь, отзовитесь
На голосъ мой! (Въ лѣсу голоса лѣшихъ:)
Ау, ау!

(Изъ сухого дупла вылѣзаетъ Лѣшій, лѣниво потягиваясь и зѣвая.)

Лѣшій.

Ау!

Морозъ.

Снѣгурочку блюдите! Слушай, Лѣшій,
Чужой-ли кто, или Лель-пастухъ пристанетъ
Безъ отступа, аль силой взять захочетъ,
Чего умомъ не можетъ; заступись.
Мани его, толкай его, запутай
Въ лѣсную глушь, въ чащу! Засунь въ чапыжникъ.
Иль по-поясъ въ болото втисни.

Лѣшій.

Ладно.

(Складываетъ надъ головой руки и проваливается въ дупло. Вдали слышны голоса.)

Весна.

Валитъ толпа веселыхъ Берендеевъ.
Пойдемъ, Морозъ! Снѣгурочка, прощай!
Живи, дитя, счастливо!

Снѣгурочка.

Мама, счастья
Найду, иль нѣтъ, а поищу.

Морозъ.

Прощай,
Снѣгурочка, дочурка! Не успѣютъ
Съ полей убрать сноповъ, а я вернусь.
Увидимся.

Весна.

Пора бы гнѣвъ на милость
Перемѣнить. Уйми мятель! Народомъ
Везутъ ее, толпами провожаютъ
Широкую ...

(Уходитъ. Вдали крики: „честна̀я масляница"! Морозъ, уходя, машетъ рукой; мятель унимается, тучи убѣгаютъ. Ясно, какъ въ началѣ дѣйствія. Толпы Берендеевъ: одни подвигаютъ къ лѣсу сани съ чучелой Масляницы, другіе стоятъ поодаль.)

Явленіе четвертое.

Снѣгурочка, Бобыль, Бобылиха и Берендеи.

1-й хоръ Берендеевъ

(везущихъ Масляницу).

Раннымъ-рано куры запѣли,
Про весну обвѣстили.
Прощай, Масляница!
Сладко, воложно [1] насъ кормила,
Сусломъ, бражкой поила.
Прощай, Масляница!
Пито, гуляно было въ волю,
Пролито того болѣ.
Прощай, Масляница!
Мы за то тебя обрядили
Рогозиной, рѣдиной.
Прощай, Масляница!
Мы честно тебя проводили,
На дровняхъ волочили.
Прощай, Масляница!
Завеземъ тебя въ лѣсъ подалѣ,
Чтобъ глаза не видали.
Прощай, Масляница!

(Подвинувъ санки въ лѣсъ, отходятъ.)

2-й хоръ.

Честна́я Масляница!
Веселенько тебя встрѣчать, привѣчать,
Трудно-нудно со двора провожать.
Ужь и какъ намъ тебя вертать, ворочать?
Воротись, Масляница, воротися!
Честна́я Масляница!
Воротися хоть на три денечка!
Не воротишься на три денечка,

[1] Жирно.

Воротися къ намъ на денечекъ!
На денечекъ, на малый часочекъ!
Честная Масляница!

1-й хоръ.

Масляница мокрохвостка!
Поѣзжай долой съ двора,
Отошла твоя пора!
У насъ съ горъ потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
Весна-Краснà,
Наша Ладушка пришла.
Масляница мокрохвостка,
Поѣзжай долой съ двора,
Отошла твоя пора.
Телѣги съ повѣти [1],
Улья изъ клѣти,
На повѣть санки,
Запоемъ веснянки?
Весна-Краснà,
Наша Ладушка пришла.

2-й хоръ.

Прощай, честнàя Масляна!
Коль быть живымъ, увидимся.
Хоть годъ прождать, да вѣдать-знать,
Что Масляна придетъ опять.

Чучело Масляницы.

Минуетъ лѣто красное,
Сгорятъ огни купальные.
Пройдетъ и осень желтая
Съ снопомъ, съ скирдомъ и съ брàтчиной [2],

[1] Крытое мѣсто, сарайчикъ.
[2] Артельное, общинное дѣло.

Потёмки, ночи тёмныя,
Карачуна[1] проводите.
Тогда зима изломится,
Медвѣдь переворотится.
Придетъ пора морозная,
Морозная-колядная:
Овсень-коляду[2] кликати.
Морозъ пройдетъ, мятель нашлетъ.
Во вьюгахъ съ перевѣями
Прибудетъ день, убудетъ ночь.
Подъ крышами, застрѣхами
Воробки зашевелятся.
Изъ лужицы, изъ наледи
Напьется кочетъ съ курами.
Къ пригрѣву, на завалинки
Съ ледяными сосульками
Изъ избъ ребята высыпятъ.
На солнышкѣ, на припекѣ
Коровій бокъ нагрѣется.
Тогда и ждать меня опять.

(Исчезаетъ. Бобыль хватается за пустыя сани, Бобылиха за Бобыля.)

Бобылиха.

Пойдемъ домой!

Бобыль.

Постойте! Какъ-же это?
Неужто вся она? Кажись бы, мало
Погуляно и попито чужого.
Чуть только я маленько разгулялся,
Голодная утробишка чуть-чуть
Заправилась сосѣдскими блинами,
Она и вся — прикончилась. Печаль
Великая, несносная. Какъ хочешь
Живи теперь да впроголодь и майся

---

[1] Солноворотъ, день 12 декабря (Спиридоновъ день).
[2] Рождественскія пѣсни крестьянскихъ дѣвушекъ. (Онѣ поютъ ихъ, нося овсяные блины.)

Безъ Масляной. А можно-ль бобылю?
Никакъ нельзя. Куда тебѣ дѣваться,
Бобыльская хмельная голова? (Поетъ и пляшетъ.)

У Бакула бобыля
Ни кола, ни двора,
Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

Бобылиха.

Домой пора, безстыжій, люди смотрятъ.

Берендеи.

Не тронь его!

Бобылиха.

Шатался всю недѣлю;
Съ чужихъ дворовъ нейдетъ, своя избёнка
Нетоплена стоитъ.

Бобыль.

Аль дровъ не стало?

Бобылиха.

Да гдѣ-жь имъ быть? Они не ходятъ сами
Изъ лѣсу-то.

Бобыль.

Давно-бы ты сказала.
Не скажетъ, вѣдь, такая право ... я бы ...
Топоръ со мной, охабки двѣ нарубимъ
Березовыхъ, и ладно. Подожди!

(Идетъ въ лѣсъ и видитъ Снѣгурочку, кланяется и смотритъ нѣсколько времени съ удивленіемъ. Потомъ возвращается къ женѣ и манитъ ее въ лѣсъ. Въ это время Снѣгурочка отходитъ и изъ-за куста смотритъ на Берендеевъ; на ея мѣсто у дупла садится лѣшій.)

Бобыль (Бобылихѣ).

Смотри, смотри! Боярышня.

Бобылиха.

Да гдѣ? (Увидавъ Лѣшаго.)

Ахъ, что̀-бъ тебя! Вотъ невидаль какая. (Возвращаясь.)
У! пьяница! Убила бы, кажись.

(Снѣгурочка опять возвращается на свое мѣсто, Лѣшій уходитъ въ лѣсъ.)

Одинъ Берендей.

Да что̀ у васъ за споры?

Бобыль.

Поглядите!
Диковина, честные Берендеи. (Всѣ подходятъ къ дуплу.)

Берендеи (съ удивленіемъ.)

Боярышня! живая-ли? Живая.
Въ тулупчикѣ, въ сапожкахъ, въ рукавичкахъ.

Бобыль (Снѣгурочкѣ).

Дозволь спросить, далеко-ль держишь путь,
И какъ зовутъ тебя и величаютъ?

Снѣгурочка.

Снѣгурочкой. Куда идти — не знаю.
Коль будете добры, съ собой возьмите.

Бобыль.

Къ царю отвесть прикажешь, къ Берендею
Премудрому въ палаты?

Снѣгурочка.

Нѣтъ, у васъ
Въ слободкѣ я пожить хочу.

Бобыль.

Спасибо
На милости! А у кого-жь?

Снѣгурочка.

Кто первый
Нашелъ меня, тому и буду дочкой.

Бобыль.

Да точно-ль такъ, да въ правду-ли ко мнѣ?

(Снѣгурочка киваетъ головою.)

Ну, чѣмъ же я, Бакула, не бояринъ?
Вались народъ на мой широкій дворъ,
На трехъ столбахъ да на семи подпоркахъ!
Пожалуйте, князья, бояре просимъ.
Несите мнѣ подарки дорогіе
И кланяйтесь, а я ломаться буду.

Бобылиха.

И какъ это, живешь-живешь на свѣтѣ,
А все себѣ цѣны не знаешь, право.
Возьмемъ, бобыль, Снѣгурочку, пойдемъ!
Дорогу намъ, народъ! Посторонитесь.

Снѣгурочка.

Прощай, отецъ! Прощай, и мама! Лѣсъ,
И ты прощай!

Голоса изъ лѣсу.

Прощай, прощай, прощай!

(Деревья и кусты кланяются Снѣгурочкѣ. Берендеи въ ужасѣ убѣгаютъ, Бобыль и Бобылиха уводятъ Снѣгурочку.)

Дѣйствіе первое.

Зарѣчная слободка Берендеевки; съ правой стороны бѣдная изба Бобыля, съ пошатнувшимся крыльцомъ, передъ избой скамья; съ лѣвой стороны большая, раскрашенная изба Мураша; въ глубинѣ улица, черезъ улицу хмельникъ и пчельникъ Мураша; между ними тропинка къ рѣкѣ.

Явленіе первое.

Снѣгурочка сидитъ на скамьѣ передъ домомъ Бобыля и прядетъ. Изъ улицы идетъ **Бирючъ**, надѣваетъ шапку на длинный шестъ и поднимаетъ высоко; со всѣхъ сторонъ сходятся слобожане, **Бобыль** и **Бобылиха** выходятъ изъ дому.

Бирючъ.

Слушайте, послушайте
Государевые люди,
Слободскіе Берендеи!
По царскому наказу,
Государеву приказанью,
Старому, исконному обычью,
Собиратися вамъ на завтрее
На вечерней на зорюшкѣ,
Теплой, тихой, погодливой,
Въ государевъ заповѣдный лѣсъ,
На гульбище, на игрище, на позорище
Вѣнки завивать,
Круги водить, играть-тѣшиться
До ранней зорьки, до утренней.
Напасены про васъ, наготовлены
Пива-браги ячныя,

Старые меды стоялые.
А на ранней зорѣ утренней
Караулить, встрѣчать солнце восхожее,
Кланяться Ярилѣ свѣтлому.

(Снимаетъ шапку съ шеста, кланяется на всѣ четыре стороны и уходитъ. Слобожане расходятся. Бобыль и Бобылиха подходятъ къ Снѣгурочкѣ и смотрятъ на нее, качая головами.)

Бобыль.

Хе-хе, хо-хо!

Бобылиха.

Ахти, Бобыль Бакула!

Бобыль.

Хохонюшки!

Бобылиха.

На радость взяли дочку,
Все ждемъ-пождемъ, что счастье поплыветъ.
Повѣрилъ ты чужому разговору,
Что бѣдному пріемыши на счастье,
Да вотъ и плачъ — достался курамъ на смѣхъ
Подъ старость лѣтъ.

Бобыль.

Скудаться намъ до вѣку,
Таскать кошель на плечахъ на роду
Написано. За что̀ Бобыль Бакула
Ни хватится, ничто ему не въ прокъ.
Нашелъ въ лѣсу дѣвичку, молъ, подспорье
Въ сиротскій домъ беру — не тутъ-то было;
Ни на волосъ не легче.

Снѣгурочка.

Самъ лѣнивъ,
Такъ нечего пенять на бѣдность. Бродишь
Безъ дѣла день-деньской, а я работы
Не бѣгаю.

Бобыль.

Да что̀ твоя работа!

Кому нужна? Отъ ней богатъ не будешь,
А только сытъ; такъ можно, безъ работы,
Кусочками мірскими прокормиться.

Бобылиха.

Помаялись, нужда потерла плечи,
Пора бы намъ пожить и въ холѣ.

Снѣгурочка.

Кто-же
Мѣшаетъ вамъ? Живите

Бобыль.

Ты мѣшаешь.

Снѣгурочка.

Такъ я уйду отъ васъ. Прощайте!

Бобылиха.

Полно!
Живи себѣ! Да помни и объ насъ,
Родителяхъ названныхъ! Мы не хуже
Сосѣдей бы пожить умѣли. Дай-ко
Мошну набить потолще, такъ увидишь:
Такую-то взбодрю съ рогами кику,
Что только ахъ, да прочь поди.

Снѣгурочка.

Откуда-жь
Богатству быть у дѣвушки-сиротки?

Бобылиха.

Краса твоя дѣвичья то-жь богатство.

Бобыль.

Богатства нѣтъ, за умъ возьмись! Не даромъ
Пословица, что умъ дороже денегъ.
Съ огнемъ ищи по свѣту, не найдешь
Счастливѣе тебя; отъ свахъ и сватовъ

Отбою нѣтъ, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!

Бобылиха.

Ну, что̀ ужь! Было,
Да мимо рта прошло.

Бобыль.

А парни наши
Съ ума сошли; аравами, стадами
Безъ памяти кидались за тобой,
Покинули невѣстъ, перебранились,
Передрались изъ-за тебя. Жена,
Житье-то бы!

Бобылиха.

Не говори, Бакула,
Не огорчай! Въ рукахъ богатство было,
А хвать-похвать, межь пальцами ушло.

Бобыль.

И всѣхъ-то ты отвадила суровымъ,
Неласковымъ обычаемъ своимъ.

Снѣгурочка.

Зачѣмъ они гонялись вслѣдъ за мною,
За что̀ меня покинули — не знаю.
Напрасно ты зовешь меня суровой;
Стыдлива я, смирна, а не сурова.

Бобыль.

Стыдлива ты? Стыдливость-то къ лицу
Богатенькой. Вотъ такъ всегда у бѣдныхъ.
Что̀ надо — нѣтъ, чего не надо — много.
Иной богачъ готовъ купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А намъ она не ко двору пришла.

Снѣгурочка.

Чего-же вы, завистливые люди,
Отъ дѣвочки-Снѣгурочки хотите?

Бобыль.

Приваживай, ласкай ребятъ.

Снѣгурочка.

А если

Не по̀ сердцу придется?

Бобыль.

Поневолься.

Не по̀ сердцу, а парня ты мани,
А онъ прильнетъ и не отстанетъ, будетъ
Похаживать.

Бобылиха.

Да матери подарки

Понашивать.

Бобыль.

Отца медкомъ да бражкой

Попаивать. Ужь долго-ль, коротко-ли
Поводится съ тобой, а намъ барышъ.
Соскучишься съ однимъ, попригляднтся,
Повытрясетъ кису, мани другого,
Поманивай!

Бобылиха.

А мнѣ опять подарки.

Бобыль.

А мнѣ медокъ да бражка съ хохолкомъ.
Что̀ день, то пиръ, что̀ утро, то похмелье —
Вотъ самое законное житье!

Снѣгурочка.

Моя бѣда, что ласки нѣтъ во мнѣ.
Толкуютъ всѣ, что есть любовь на свѣтѣ,
Что дѣвушкѣ любви не миновать;
А я любви не знаю, что̀ за слово
Сердечный другъ и что̀ такое милый,
Не вѣдаю. И слезы при разлукѣ,
И радости при встрѣчѣ съ милымъ другомъ
У дѣвушекъ видала я; откуда-жь

Берутъ онѣ и смѣхъ, и слезы, право,
Додуматься Снѣгурочка не можетъ.

Бобыль.

Бѣды тутъ нѣтъ, что ты любви не знаешь,
Пожалуй, такъ и лучше.

Бобылиха.

Вотъ ужь правда!
Полюбится, на грѣхъ, бѣднякъ, и майся
Всю жизнь, какъ я съ Бакулой Бобылемъ.

Бобыль.

Ребята всѣ равно тебѣ не милы
И всѣхъ ласкай равно, да на досугѣ
Присматривай, который побогаче,
Да самъ большой, безъ старшихъ, безсемейный.
А высмотришь, такъ замужъ норови,
Да такъ веди, чтобъ Бобылю Бакулѣ
На хлѣбахъ жить, въ чести у зятя.

Бобылиха.

Тещѣ
Хозяйкой быть надъ домомъ и надъ вами.

Снѣгурочка.

Коль правда то, что дѣвку не минуетъ
Пора любви и слезъ по миломъ, ждите,
Придетъ она.

Бобыль.

Ну, дѣвка.

(За сценой пастушій рожокъ.)

Бобылиха.

Чу, рожокъ!
Пригналъ пастухъ скотину. Нѣтъ своихъ,
Хоть на чужихъ коровокъ полюбуюсь.

(Уходитъ. Входитъ Лель и одинъ изъ Берендеевъ-слобожанъ и подходятъ къ избѣ Мураша. Мурашъ сходитъ съ крыльца.)

Явленіе второе.

Бобыль, Снѣгурочка, Лель, Мурашъ и Берендей.

Берендей.

Куда его вести? Чередъ за нами.

Мурашъ.

Не надо мнѣ.

Берендей.

И мнѣ, вѣдь, не корысть.

Мурашъ.

А вонъ Бобыль! Сведемъ къ нему!

Лель (низко кланяясь).

Да что̀ вы,
Родимые, какъ словно отъ чумы,
Хоронитесь отъ пастуха?

Мурашъ.

Поди-ко,
Поклонами обманывай другихъ,
А мы тебя, дружка, довольно знаемъ.
Что̀ бережно, то цѣло, говорятъ. (Подходятъ къ Бобылю.)

Берендей (Лелю).

Иди къ нему, ночуй у Бобыля!

Бобыль.

Какая есть моя возможность! Что̀ ты?
Забылъ, аль нѣтъ, что міромъ порѣшили
Освободить меня отъ всѣхъ накладовъ
По бѣдности моей сиротской. Что̀ ты!

Мурашъ.

Накладу нѣтъ съ тебя, отправь постой!

Бобыль.

Поужинать запроситъ? Самъ не ѣвши
Который день, а пастуха корми.

Мурашъ.

Объ ужинѣ и слова нѣтъ, накормимъ,
А твой ночлегъ, тебѣ убытку нѣтъ.

Бобыль.

Освободить нельзя-ли, братцы?

Лель (кланяясь).

Дядя,

Пусти меня!

Бобыль.

Диви-бъ жалѣли хлѣба,
А мѣста онъ не пролежитъ у васъ.

Берендей.

Да видишь, тутъ такое вышло дѣло;
Сомнительно пускать-то Леля — дочка
На возрастѣ, на выданьи у свата. (Показывая на Мураша.)

Бобыль.

У свата дочь, а у тебя?

Мурашъ (показывая на Берендея).

Жена
Красавица, да часомъ малодушна.
Избавь-ко насъ отъ Леля и напредки,
За нашъ чередъ пускай къ себѣ. Заплатимъ.
Кажись, рубля не жаль.

Бобыль.

И есть за что.
Да вотъ что, другъ, и у меня капустка,
Пустить козла и мнѣ не прибыль.

Мурашъ.

Полно,

Чего тебѣ бояться? Непохожа
Снѣгурочка на нашихъ бабъ и дѣвокъ.

Бобыль.

Куда ни шло, останься, Лель.

Мурашъ.

Спасибо.
Сторгуемся, не постоимъ, заплатимъ.

(Мурашъ и Берендей уходятъ.)

Лель (Бобылю).

За ласковый пріемъ, за теплый уголъ
Пастухъ тебѣ заплатитъ добрымъ словомъ
Да пѣснями. Прикажешь, дядя, спѣть?

Бобыль.

До пѣсенъ я не больно падокъ, дѣвкамъ
Забава та мила, а Бобылю
Ведерный жбанъ сладимой, ячной браги
Поставь на столъ, такъ будешь другъ. Коль хочешь,
Играй и пой Снѣгурочкѣ; но даромъ
Кудрявыхъ словъ не трать — скупа на ласку,
У ней любовь и ласка для богатыхъ,
А пастуху: спасибо да прощай! (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Снѣгурочка и Лель.

Лель.

Прикажешь пѣть?

Снѣгурочка.

Приказывать не смѣю,
Прошу тебя покорно. Слушать пѣсни
Одна моя утѣха. Если хочешь,
Не въ трудъ тебѣ, запой! А за услугу

Готова я служить сама. Накрою
Кленовый столъ ширинкой браной, стану
Просить тебя откушать хлѣба-соли,
Покланяюсь, попотчую; а завтра
На солнечномъ восходѣ разбужу.

Лель.

Не стою я твоихъ поклоновъ.

Снѣгурочка.

Чѣмъ-же
Платить тебѣ за пѣсни?

Лель.

Добрымъ словомъ,
Привѣтливымъ.

Снѣгурочка.

Какая-жь это плата?
Со всѣми я привѣтлива.

Лель.

За пѣсни
Не платы жду. Мальченка-пастушенка
Убогаго за пѣсню приголубятъ
Поласковѣй, когда и поцалуютъ.

Снѣгурочка.

За поцалуй поешь ты пѣсни? Развѣ
Такъ дорогъ онъ? При встрѣчѣ, при прощаньи
Цалуюсь я со всякимъ — поцалуи
Такія-же слова: „прощай и здравствуй!“
Для дѣвушки споешь ты пѣсню, платитъ
Она тебѣ лишь поцалуемъ; какъ же
Не стыдно ей такъ дешево платить,
Обманывать ! ригожен каго Леля!
Не пой для нихъ, для дѣвушекъ, не знаютъ
Цѣны твоимъ веселымъ пѣснямъ. Я
Считаю ихъ дороже поцалуевъ
И цаловать тебя не стану, Лель.

Лель.

Сорви цвѣтокъ съ травы и подари,
За пѣсенку съ меня довольно.

Снѣгурочка.

Шутишь,
Смѣешься ты. На что тебѣ цвѣточекъ?
А нуженъ онъ, и самъ сорвешь.

Лель.

Цвѣтокъ
Не важность есть, а дорогъ мнѣ подарокъ
Снѣгурочки.

Снѣгурочка.

Къ чему такія рѣчи?
Зачѣмъ меня обманываешь, Лель?
Не все-ль равно, гдѣ-бъ не взялъ ты цвѣточекъ,
Понюхаешь и бросишь.

Лель.

Вотъ увидишь,
Давай его!

Снѣгурочка (подавая цвѣтокъ).

Возьми!

Лель.

На видномъ мѣстѣ
Приткну его. Пусть дѣвки смотрятъ. Спросятъ,
Откуда взялъ, скажу, что ты дала. (Поетъ.)

Земляничка-ягодка
Подъ кусточкомъ выросла;
Сиротинка-дѣвушка
На горе родилася.
Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Безъ пригрѣву вызрѣла,
Сиротинка-дѣвушка
Безъ призору выросла.

Ладо, мое Ладо!
Земляничка-ягодка
Безъ пригрѣву вызябнетъ.
Сиротинка-дѣвушка
Безъ привѣту высохнетъ.
Ладо, мое Ладо!

Снѣгурочка, почти плача, кладетъ свою руку на плечо Леля. Лель вдругъ запѣваетъ весело.)

Какъ по лѣсу лѣсъ шумитъ,
За лѣсомъ пастухъ поетъ,
Раздолье мое!
Ельникъ мой ельничекъ,
Частый мой березничекъ,
Приволье мое!
По частымъ по кустикамъ,
Шо малой тропиночкѣ
Дѣвушка бѣжитъ.
Ой, бѣжитъ, торопится
Два вѣнка съ собой несетъ,
Себѣ да ему.
Студеной колодезь мой,
По мхамъ, по болотинкамъ
Воды не разлей.
Не мѣшай по тропочкамъ,
По стёжкамъ, дороженькамъ
Дѣвушкѣ бѣжать.
Не шуми зеленый лѣсъ,
Не шатайтесь сосенки
Во чистомъ бору,
Не качайтесь кустики,
Не мѣшайте дѣвушкѣ
Два слова сказать.

Двѣ дѣвушки издали манятъ Леля. Онъ вынимаетъ цвѣтокъ, данный Снѣгурочкой, и бросаетъ, и идетъ къ дѣвушкамъ.)

Снѣгурочка.

Куда бѣжишь? Зачѣмъ цвѣтокъ бросаешь?

Лель.

На что-же мнѣ завялый твой цвѣтокъ?
Куда бѣгу? Смотри, вонъ, сѣла птичка
На деревцѣ! Немножко попоетъ
И прочь летитъ; удержишь-ли ее?
Вонъ видишь, ждутъ меня и ручкой манятъ.
Побѣгаемъ, пошутимъ, посмѣемся,
Пошепчемся у тына подъ шумокъ,
Отъ матушекъ сердитыхъ потихоньку. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Снѣгурочка (одна).

Снѣгурочка.

Какъ больно здѣсь, какъ сердцу тяжко стало!
Тяжелою обидой, словно камнемъ,
На сердце палъ цвѣтокъ, измятый Лелемъ
И брошенный. И я, какъ будто, тоже
Покинута и брошена, завяла
Отъ словъ его насмѣшливыхъ. Къ другимъ
Бѣжитъ пастухъ; онѣ ему милѣе;
Звучнѣе смѣхъ у нихъ, теплѣе рѣчи,
Податливѣй онѣ на поцалуй,
Кладутъ ему на плечи руки, прямо
Въ глаза глядятъ и смѣло, при народѣ
Въ объятіяхъ у Леля замираютъ.
Веселье тамъ и радость. (Прислушивается.)
Чу, смѣются.
А я стою и чуть не плачу съ горя,
Досадую, что Лель меня оставилъ.
А какъ винить его? Гдѣ веселѣе,
Туда его и тянетъ сердце. Правъ
Пригожій Лель. Бѣги туда, гдѣ любятъ,
Ищи любви, ее ты стоишь. Сердце
Снѣгурочки, холодное для всѣхъ,

И для тебя любовью не забьется.
Но отчего-жь обидно мнѣ, досада
Сжимаетъ грудь, томительно тоскливо
Глядѣть на васъ, глядѣть на вашу радость,
Счастливыя подружки пастуха?
Отецъ-Морозъ, обидѣлъ ты Снѣгурку.
Но дѣло я поправлю: межь бездѣлокъ,
Красивыхъ бусъ, дешевыхъ перстеньковъ,
У матери-Весны возьму немного,
Немножечко сердечнаго тепла,
Чтобъ только лишь чуть теплилось сердечко.

(На улицѣ показываются: Малуша, Радушка, Малышъ, Брусило, Курилко, Лель и другіе парни и дѣвушки, потомъ Купава. Парни съ поклономъ подходятъ къ дѣвушкамъ.)

Явленіе пятое.

Снѣгурочка, Купава, Малуша, Радушка, Малышъ, Брусило, Курилка, Лель и Берендеи.

Малуша (парнямъ).

Оставьте насъ! Подите, подлещайтесь
Къ Снѣгурочкѣ своей!

Радушка (Брусилу).

Не подходи,
Безстыжіе глаза твои!

Брусило.

Доколѣ-жь
Томиться намъ, скажите!

Курилко.

Порѣшите
Хоть чѣмъ-нибудь!

Радушка.

Къ Снѣгурочкѣ подите!
Смѣняли разъ подругъ своихъ, завѣтныхъ
На новую, такъ вѣры нѣтъ.

Малуша.

Найдите
Получше насъ, коль мы нехороши.

Брусило.

А если намъ отъ новой взятки-гладки,
Куда-жь тогда?

Радушка.

Не плакать-же объ васъ.

Брусило.

Ужь каялись; не вѣкъ-же распинаться;
Пора забыть про старое.

Радушка.

Не вдругъ
Забудемъ мы, не дожидайтесь. (Малушѣ.)
Прямо
Въ глаза тебѣ смѣются, вынимаютъ
Ретивое изъ бѣлой груди, послѣ
И ластятся, какъ путные робята;
Молъ, такъ пройдетъ, какъ будто ничего,
Забудется.

Малуша.

Ни въ жизнь не позабудемъ.

Брусило.

Покорствуемъ, повинную приносимъ,
А жалости не видимъ надъ собой.

Радушка.

Умри въ глазахъ, и то не пожалѣю.

Брусило.

Все дѣло врозь да на-двое.

Курилко.

Ау!
Хоть волкомъ вой.

Брусило.

А врозь, такъ врозь, и сами
Стоскуются безъ насъ, на мировую
Потянутся.

Радушка.

Слѣпой сказалъ: посмотримъ.

(Дѣвушки и парни расходятся въ разныя стороны).

Купава (подходя къ Снѣгурочкѣ).

Снѣгурочка, одна стоитъ, бѣдняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля-бы ласкала.

Снѣгурочка.

Лель не любитъ
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячихъ ласкъ, а я стыдлива.

Купава.

Я-то,
Снѣгурочка, а я-то какъ счастлива!
Отъ радости и мѣста не найду,
Вотъ такъ бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость разсказала,
Да слушать-то не всѣ охочи. Слушай,
Снѣгурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цвѣты на Красной горкѣ,
На встрѣчу мнѣ изъ лѣсу молодецъ,
Хорошъ-пригожъ, румяный, круглолицый,
Красенъ, кудрявъ, что маковый цвѣтокъ.
Сама суди, не каменное сердце,
Безъ милаго не проживешь; придется
Кого-нибудь любить, не обойдешься,
Такъ лучше ужь красавца, чѣмъ дурного.
Само собой, по скромности дѣвичей,
Стараешься ретивое сердечко
Удерживать немного; ну, а все-же

На всякій часъ не опасешься. Парень
Пригожъ собой, жениться обѣщаетъ,
Да такъ-то скоръ, да такъ-то скоръ, что, право,
Скружитъ совсѣмъ, ума не соберешь;
Ну, что̀ и какъ: ужь долго-ль, коротко-ли,
А только мы сдружились. Онъ богатый
Отецкій сынъ, по имени Мизгирь,
Торговый гость изъ царскаго посада.
Родители мои, конечно, рады
Моей судьбѣ; а онъ ужь такъ-то клялся,
Въ Ярилинъ день, на солнечномъ восходѣ,
Въ глазахъ царя вѣнками обмѣняться
И взять меня женой; тогда прощайте.
Въ его дому, въ большомъ посадѣ царскомъ,
На всемъ виду, богатою хозяйкой
Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
Пріѣдетъ къ намъ въ слободку спознаваться
Съ дѣвицами и парнями. Увидишь,
Порадуйся со мной. (Снѣгурочка ее цалуетъ.)
Повеселимся,
Круги водить пойдемъ на Красной горкѣ.
Да вотъ и онъ!

(Бѣжитъ и прячется между дѣвушекъ. Входитъ Мизгирь; за нимъ двое слугъ съ мѣшками. Снѣгурочка прядетъ.)

Явленіе шестое.

Снѣгурочка, Купава, Малуша, Радушка, Мизгирь, Малышъ, Брусило, Курилка, Лель, слуги Мизгиря и Берендеи.

Купава.

Голубушки-дѣвицы,
Пришелъ красы дѣвичей погубитель,
Съ подружками, съ родными разлучитель.
Не выдайте подружку, схороните!
А выдайте, такъ за великій выкупъ.

Мизгирь (учтиво кланяясь).

Красавицы-дѣвицы, между вами
Не прячется-ль красавица Купава?

Радушка.

Красавица Купава намъ, дѣвицамъ,
Самимъ нужна. Отдать, такъ не съ кѣмъ будетъ
Круги водить и вечера сидѣть,
И тайности дѣвичьи говорить.

Мизгирь.

Красавицы, подружка вамъ нужна,
А мнѣ нужнѣй. Однимъ-одинъ гуляю,
Хозяйки нѣтъ; кому я золотые
Ключи отдамъ отъ кованыхъ ларцовъ?

Радушка (дѣвушкамъ).

Отдать, иль нѣтъ?

Малуша.

Не отдавай подружку,
У насъ еще и пѣсни недопѣты,
И игры мы не доиграли съ ней.

Мизгирь.

Красавицы, подружка вамъ нужна,
А мнѣ нужнѣй того. Сиротскимъ дѣломъ
Кому ласкать меня, лелѣять, нѣжить,
Кому чесать и холить кудри русы?

Радушка.

Отдать, иль нѣтъ подружку?

Малуша.

Развѣ выкупъ
Великій дастъ.

Радушка.

Рублемъ или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари дѣвицъ, Купаву отдадимъ.

Мизгирь.

Не жаль для васъ ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля дѣвицамъ подарить.

(Беретъ у слуги изъ мѣшка деньги и раздаетъ дѣвушкамъ.)

Орѣховъ вамъ и пряниковъ печатныхъ
Корабль пришелъ.

(Отдаетъ мѣшокъ съ орѣхами и пряниками. Парни окружаютъ Купаву.)

Малышъ.

Не вдругъ возьмешь Купаву,
Безъ выкупа не отдадимъ. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даромъ!
А то у насъ всѣхъ дѣвокъ поберутъ,
А намъ самимъ въ слободкѣ недостача.

Мизгирь.

Къ дѣвицамъ я и лаской и привѣтомъ,
Я съ вами рѣчь иную поведу!
Отсыплю вамъ, давайте берендейку,
Пригоршни двѣ, и разговоръ коротокъ.

(Малышъ подставляетъ шапку-берендейку, Мизгирь сыплетъ двѣ пригоршни и беретъ Купаву.)

Купава.

Сердечный другъ, свою дѣвичью волю,
Подругъ, родныхъ на милаго дружка
Смѣняла я; не обмани Купаву,
Не погуби дѣвическаго сердца.

(Отходятъ и садятся на крыльцѣ избы Мураша.)

Брусило.

Однако, намъ Мизгирь въ глаза смѣется.
Ну, братцы, жаль не на меня напалъ,
Не очень-то со мной разговоришься.
Не сталъ бы я терпѣть обидныхъ словъ,
Своихъ ребятъ чужому чуженину
Не выдалъ бы на посмѣянье.

Малышъ.

Ой-ли?

А что̀-жь бы ты?

Брусило.

Да не тебѣ чета.

Ужь, кажется. (Засучиваетъ рукавъ.)

Малышъ.

Начни, а мы посмотримъ.

Брусило.

Крутенекъ я и на руку тяжелъ.
Ужь лучше вы меня свяжите, братцы,
Чтобъ не было бѣды какой.

Малышъ.

Смотри,

Коль сунешься, не пяться.

Брусило.

Невозможно.

Попотчую, не битымъ изъ слободки
Не выпущу. Курилка, задирай.

Курилка (Мизгирю).

Эй ты, Мизгирь, послушай, братъ — ребята
Обидѣлись.

Мизгирь (встаетъ съ крыльца.)

На что̀?

Курилка.

На грубость.

Мизгирь.

Будто?

Курилка.

Ужь вѣрно такъ.

Мизгирь (подходя къ Курилкѣ).

А ты обиженъ тоже?
Ну, что-жь молчишь?

Курилка.

Да я-то ничего.

Мизгирь.

Такъ прочь поди; да поумнѣй пошлите
Кого-нибудь.

Курилка.

А я, небось, дуракъ
По твоему?

Мизгирь.

Дуракъ и есть.

Курилка.

За дѣло-жь
Сбирается тебя побить Брусило.

Мизгирь.

Брусило? Гдѣ? Какой такой? Кажите!
Давай его.

Малышъ (удерживаетъ Брусила).

Куда же ты? Постой!

Мизгирь.

Брусило ты? Поди сюда поближе!

Брусило

(парнямъ, которые его подталкиваютъ).

Да полно вамъ? (Мизгирю.)
Не слушай, государь!
Извѣстно, такъ дурачимся, для шутки,
Промежь себя.

Радушка.

Ахъ, горе-богатырь!
Да такъ тебѣ и надо.

Малуша.

Ништо имъ!
У нихъ въ глазахъ и насъ возьмутъ чужіе.

Курилко.

А мы пойдемъ за дѣвками чужими.

Радушка.

А мы объ васъ и думать позабыли.

(Дѣвки и парни расходятся врозь.)

Купава (парнямъ.)

Не стыдно-ль вамъ? Къ дѣвицѣ-слобожанкѣ
Женихъ пришелъ, его привѣтить нужно;
А вы на брань и драку лѣзть готовы.

Малышъ.

Брусило здѣсь зажига.

Брусило.

Не порядокъ —
Чужихъ ребятъ пускать въ слободку. Сами
Вспокаетесь — останемся безъ дѣвокъ,
Купаву взять и безъ него умѣли-бъ.

Купава

Умѣлъ бы ты, да я-то не умѣю
Любить тебя, вотъ горе. (Дѣвушкамъ.)
Запѣвайте,
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдемъ въ лужокъ, да заведемъ кружокъ!

(Дѣвушки запѣваютъ: „ай во поли липоньки“ и уходятъ, парни за ними поодаль. Лель садится подлѣ Снѣгурочки и оплетаетъ рожокъ берестой. Купава съ Мизгиремъ подходятъ къ Снѣгурочкѣ.)

Купава.

Снѣгурочка, потѣшь свою подружку
Въ послѣдній разъ, въ останешній, пойдемъ
Круги водить, играть на Красной горкѣ.
Не долго мнѣ рѣзвиться-веселиться,

Послѣдній день моей дѣвичей воли,
Снѣгурочка, послѣдній.

Снѣгурочка.

Я, Купава,
Иду съ тобой, возьмемъ и Леля. Пряжу
Снесу домой и побѣгу за вами. (Уходитъ въ избу.)

Купава (Мизгирю).

Сердечный другъ, пойдемъ! Они догонятъ.

Мизгирь.

Постой, постой!

Купава.

Дѣвицы за слободкой
Полкомъ стоятъ и ждутъ.

Мизгирь.

Твоя подружка
Снѣгурочка; а Лель у васъ при чемъ?

(Снѣгурочка выходитъ, за ней Бобыль и Бобылиха.)

Явленіе седьмое.

Снѣгурочка, Купава, Мизгирь, Лель, Бобыль и Бобылиха.

Купава.

Снѣгурочкѣ безъ Леля будетъ скучно.

Мизгирь.

Да правда-ли? Не веселѣй-ли будетъ
Снѣгурочкѣ со мной идти?

Купава.

А я-то?

Мизгирь.

А ты возьми хоть Леля.

Купава.

Какъ-же, милый?
Вѣдь я твоя, твоя; одна могила
Разлучитъ насъ.

Мизгирь.

Пойдешь-ли ты, иль нѣтъ,
А я останусь здѣсь.

Бобыль.

Покорно просимъ.

Купава.

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бѣдненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видѣть
Разлучницы не будутъ, горя злого
Ревнивое сердечко не учуетъ.
Снѣгурочка, завистница, отдай
Дружка назадъ!

Снѣгурочка.

Подружка дорогая,
И ты, дружокъ ея, оставьте насъ.
Слова твои обидно, больно слушать.
Снѣгурочка чужая вамъ. Прощайте!
Ни счастьемъ вы предъ нами не хвалитесь,
Ни въ зависти меня не упрекайте! (Хочетъ идти).

Мизгирь (удерживая ее).

Снѣгурочка, останься! Кто счастливецъ
Любовникъ твой?

Снѣгурочка.

Никто.

Мизгирь.

Такъ буду я. (Купавѣ).
Смотри туда, Купава! Видишь, солнце

На западѣ, въ лучахъ зари вечерней,
Въ пурпуровомъ туманѣ утопаетъ!
Воротится-ль оно назадъ?

Купава.

Для солнца
Возврата нѣтъ.

Мизгирь.

И для любви погасшей
Возврата нѣтъ, Купава.

Купава.

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь! (Убѣгаетъ.)

Мизгирь.

Люби меня, Снѣгурочка! Дарами
Безцѣнными красу твою осыплю
Безцѣнную.

Снѣгурочка.

Любви моей не купишь.

Мизгирь.

И жизнь свою отдамъ въ придачу. Слуги,
Казну мою несите!

Бобылиха (Снѣгурочкѣ).

Ты съ ума-то,
Великаго, не вздумай отказаться!

Бобыль.

Мѣшки тащатъ, Снѣгурочка, попомни
Родителей!

Бобылиха.

Не пронесли бы мимо.
А такъ въ глазахъ и заплясала кика
Рогатая съ окатнымъ жемчугомъ.

Снѣгурочка.

Сбирайте дань, завистливые люди,
Съ подружкина несчастья, богатѣйте
Моимъ стыдомъ. Не жалуйтесь, согласна
Притворствовать для вашихъ барышей.

Бобыль.

Попотчивалъ бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотовъ медовыхъ, меду
Стоялаго серебряную стопу,
Коврижку-ли медовую да бражки?

Мизгирь.

Чего не жаль, того и дай.

Бобыль.

Помилуй,
Жалѣю-ль я? Чего душѣ угодно?

Мизгирь.

Подай медку!

Бобыль.

Какой тебѣ по нраву:
Малиновый, аль вишневый, инбирный?

Мизгирь.

Какой-нибудь.

Бобыль.

И всякаго довольно,
Да не у насъ, а у сосѣдей. Вѣришь,
Шарóмъ кати, ни корки хлѣба въ домѣ,
Ни зернушка въ сусѣкѣ [1], ни копейки
Желѣзной нѣтъ въ мошнѣ у Бобыля.

Мизгирь.

Бери мѣшокъ, старикъ; пойдетъ въ задатокъ
За дочь твою.

---

[1] Сусѣка--закромъ, ларь въ амбарѣ.

Бобыль.

Тащи въ избу, старуха,
Корми надъ нимъ! Покорно благодарствуй.
Теперь медкомъ и бражкой разживемся,
Попотчую тебя и самъ напьюсь.

Мизгирь.

Давать казну, такъ знать, за что. Ужь Леля
Подальше ты держи, а то разладимъ,
Разсоримся, старикъ.

Бобыль.

Такое-ль дѣло,
Чтобъ ссориться! Великъ-ли Лель, помилуй!
Да какъ тебѣ угодно, такъ и будетъ,
Велишь прогнать — прогонимъ.

Мизгирь.

Прогони!

Бобыль.

Снѣгурочка! Не полюбилось гостю,
Что Лель торчитъ передъ глазами. Дочка,
Скажи ему, чтобъ онъ гулялъ кругомъ
Да около, сторонкой обходилъ
Бобыльскій дворъ! А у избы толочься
Не-для-чего, молъ, другъ любезный, такъ-то!

Снѣгурочка.

Поди отъ насъ, уйди подальше, Лель!
Не я гоню, нужда велитъ.

Лель.

Прощайте!

Снѣгурочка.

О чемъ-же ты заплакалъ? Эти слезы
Объ чемъ, скажи!

Лель.

Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чемъ и люди плачутъ. (Отходитъ.)

Мизгирь (обнимая Снѣгурочку).

Не знаешь ты цѣны своей красѣ.
По свѣту я гулялъ торговымъ гостемъ,
На пестрые базары мусульманъ
Заглядывалъ; со всѣхъ сторонъ красавицъ
Везутъ туда армяне и морскіе
Разбойники, но красоты подобной
На свѣтѣ мнѣ встрѣчать не приходилось.

(Входитъ Купава съ дѣвушками и парнями. Мурашъ сходитъ съ крыльца.)

Явленіе восьмое.

Снѣгурочка, Мизгирь, Бобыль, Лель, Купава, Мурашъ, Радушка, Малуша, Малышъ, Брусило, Курилка, Берендеи и Берендейки.

Купава.

Голубушки-подружки, поглядите,
Отецъ, гляди, въ слезахъ твоя Купава,
Тоска ее за горло душитъ, сухи
Уста ея горячія; а онъ
Съ разлучницей, веселый, прямо въ очи
Уставился, глядитъ, не наглядится.

Мурашъ.

Да какъ-же такъ?

Малышъ.

Диковина, ребята.

Радушка.

Обидѣлъ онъ Купаву кровно.

Малуша.

Всѣхъ,
Обидѣлъ всѣхъ дѣвицъ.

Мурашъ.

Такого дѣла
Не слыхано у честныхъ Берендеевъ.

Купава.

Скажи, злодѣй, при всемъ честномъ народѣ,
Тогда-ли ты обманывалъ Купаву,
Когда въ любви ей клялся? Или вправду
Любилъ ее и обманулъ теперь,
Позарившись несытыми очами
На новую добычу? Говори!

Мизгирь.

Къ чему слова? Для сердца нѣтъ указки.
Не мало клятвъ безумныхъ приберешь
Въ пылу любви, не мало обѣщаній;
Да развѣ ихъ запомнишь послѣ? Клятвы
Цѣпями ты считаешь, я словами,
Не помню ихъ, и сердца не вяжу,
Вольно ему любить и разлюбить;
Любилъ тебя, теперь люблю другую,
Снѣгурочку.

Радушка.

Обидно Берендейкамъ
Такую рѣчь отъ Берендея слышать.

Брусило.

Чего еще? Ужь хуже не бываетъ.

Мурашъ.

Давно живу, и старые порядки
Извѣстны мнѣ довольно. Берендеи,
Любимые богами, жили честно.
Безъ страха дочь мы парню поручали,
Вѣнокъ для насъ порука ихъ любви
И вѣрности до смерти. И ни разу
Измѣною вѣнокъ поруганъ не былъ
И дѣвушки не вѣдали обмана,
Не вѣдали обиды.

Радушка.

Всѣмъ обида,
Обида всѣмъ дѣвицамъ Берендейкамъ.

Купава.

За что̀-же ты Купаву разлюбилъ?

Мизгирь.

Влюбленному всего дороже скромность
И робкая оглядка у дѣвицы;
Самъ-другъ она оставшись съ милымъ, ищетъ
Какъ будто гдѣ себѣ защиты взоромъ.
Опущены стыдливые глаза,
Рѣсницами покрыты; лишь украдкой
Мелькнетъ сквозь нихъ молящій нѣжно взоръ.
Одной рукой ревниво держитъ друга,
Другой его отталкиваетъ прочь.
А ты меня любила безъ оглядки,
Обѣими руками обнимала,
И весело глядѣла.

Купава.

Ахъ, обида!

Мизгирь.

И думалъ я, твое безстыдство видя,
Что ты меня смѣняешь на другого.

Купава.

Ахъ, ахъ! Отецъ, родные, заступитесь!

(Всѣ стоятъ пораженные.)

Защиты нѣтъ Купавѣ?

(Всѣ молчатъ; Купава, поднявъ руки, обращается къ пчельнику.)

Пчелки, пчелки!
Крылатыя, летите ярымъ роемъ,
Оставьте вы соты медовы, впейтесь
Въ безстыжіе глаза! Не заикнулся-жь
Языкъ его, не поперхнулось горло
Сказать, что я дѣвица безъ стыда,
И пристыдить родимыхъ. Залѣпите
Лицо его и песій взглядъ лгуна!

(Обращаясь къ хмельнику.)

Хмелинушко, тычинная былинка

Высоко ты по жердочкѣ взвился,
Широко ты развѣсилъ яры шишки.
(Становится на колѣни.)
Молю тебя, кудрявый ярый хмель,
Отсмѣй ему, насмѣшнику, насмѣшку
Надъ дѣвушкой! За длинными столами,
Дубовыми, за умною бесѣдой,
Въ кругу гостей почетныхъ, посѣдѣлыхъ,
Поставь его, обманщика, невѣжей
Нетесаннымъ и круглымъ дуракомъ.
Домой пойдетъ, такъ хмельной головою
Ударь объ тынъ стоячій, прямо въ лужу
Лицомъ его безстыжимъ урони!
О, рѣченька, студеная водица,
Глубокая, проточная, укрой
Тоску мою и вмѣстѣ съ горемъ лютымъ
Ретивое сердечко утопи!

(Бѣжитъ къ рѣкѣ. Лель ее удерживаетъ почти безчувственную.)

Лель.

Зачѣмъ топить ретивое сердечко?
Пройдетъ тоска и сердце оживетъ.

Мурашъ.

За дѣвушекъ обманутыхъ заступникъ
Великій царь. Проси царя, Купава.

Всѣ.

За всѣхъ сиротъ заступникъ Берендей.

Купава.

Постылый ты, постылый человѣкъ!
(Падаетъ на руки Леля.)

Мурашъ.

Дождался ты проклятья отъ Купавы.
Не долго ждать погибельнаго гнѣва
Отъ праведно-карающихъ боговъ.

Дѣйствіе второе.

Открытыя сѣни во дворцѣ Берендея: въ глубинѣ за точеными балясами переходовъ, видны вершины деревьевъ сада, деревянныя рѣзныя башни и вышки.

Явленіе первое.

Царь Берендей сидитъ на золотомъ стулѣ, расписываетъ красками одинъ изъ столбовъ. У ногъ царя сидятъ на полу два скомороха, нѣсколько поодаль — слѣпые гусляры съ гуслями; на переходахъ у дверей стоятъ царскіе отроки.

Гусляры (поютъ).

Вѣщія, звонкія струны рокочутъ
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустимъ померкшія очи,

Ночи

Мракъ безразсвѣтный смежилъ ихъ навѣчно,
Зрячею мыслью, рыскучей оглянемъ
Близкихъ сосѣдей окрестныя царства.
Что̀ мнѣ звенитъ по зарѣ издалече?
Слышу и трубы, и ржанье коней,
Глухо стези подъ копытами стонутъ.

Тонутъ

Въ сизыхъ туманахъ стальные шеломы,
Звонко бряцаютъ кольчатыя брони,
Птичьи стада по степямъ пробуждая.
Луки напряжены, тулы [1] открыты,

---

[1] Колчаны.

Пашутъ по вѣтру червленые стяги,
Рати съ заранія по полю скачутъ.

Плачутъ

Жены на стѣнахъ и башняхъ высокихъ:
Ладъ своихъ милыхъ не видѣть намъ болѣ,
Милые гибнутъ въ незнаемомъ полѣ.
Стоны по градамъ, притоптаны нивы,
Съ утра до ночи, и съ ночи до свѣту
Ратаи черными вранами рыщутъ.

Прыщутъ

Стрѣлы дождемъ по щитамъ вороненымъ
Гремлятъ мечи о шеломы стальные,
Сулицы [1] сквозь прободаютъ доспѣхи.
Чести и славы князьямъ добывая,
Ломятъ и гонятъ дружины дружины,
Топчутъ комонями [2], копьями нижутъ.

Лижутъ

Звѣри лѣсные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитыхъ,
Тугой [3] поникли деревья и травы.
Вѣселы грады въ странѣ Берендеевъ,
Радостны пѣсни по рощамъ и доламъ,
Миромъ красна Берендея держава.

Слава

Въ роды и роды блюстителю мира!
Струны баяновъ гремѣть не престанутъ
Славу златому столу Берендея.

(Царь знàкомъ благодаритъ слѣпыхъ; ихъ уводятъ.)

1-й скоморохъ.

Что̀-жь это, царь: къ чему, скажи, пристало,
Внизу столба коровью ногу пишетъ?

---

[1] Метныя копья.
[2] Конями.
[3] т.-е печально, кручинно.

2-й скоморохъ.

Аль ты ослѣпъ? Да гдѣ-жь она коровья?

1-й скоморохъ.

Какая-же?

2-й скоморохъ.

Какая? Видишь: песья.

1-й скоморохъ.

Коровья, шутъ.

2-й скоморохъ.

Анъ, песья.

1-й скоморохъ.

Анъ, коровья,
Съ копытами.

2-й скоморохъ.

Да песья-жь.

1-й скоморохъ.

Самъ ты пёсъ,
Собачій носъ!

2-й скоморохъ.

А ты корова.

1-й скоморохъ.

Я-то? (Дерутся.)
Такъ я тебя рогами забоду!

2-й скоморохъ.

А я тебя зубами загрызу!

(Встаютъ на ноги и расходятся, приготовляясь биться на кулачки.)

Царь.

На мѣсто, вы! (Скоморохи садятся.)
Ни песья, ни коровья,
А крѣпкая нога гнѣдого тура.

Палатное письмо имѣетъ смыслъ.
Небесными кругами украшаютъ
Подписчики въ палатахъ потолки
Высокіе; въ простѣнкахъ узкихъ пишутъ
Утѣху глазъ — лазоревы цвѣты
Межъ травами зелеными; а турьи
Могучія и жилистыя ноги
На притолкахъ дверныхъ, припечныхъ турахъ,
Подножіяхъ прямыхъ столбовъ, на коихъ
Покоится тяжелыхъ матицъ грузъ.
Въ преддверіяхъ, чтобъ гости веселѣе
Вступали въ домъ, писцы живописуютъ
Такихъ, какъ вы, шутовъ и дураковъ.
Ну, поняли, глупцы?

1-й скоморохъ.

Скажи, который
Изъ насъ двоихъ глупѣе.

2-й скоморохъ.

Вотъ задача!
Нехитрому уму не разгадать.

Царь.

Пріятно умъ чужой своимъ примѣрить,
На мѣру взять и на вѣсъ; глупость мѣрять —
Напрасно трудъ терять. (Входитъ Бермята.)
Подите вонъ! (Скоморохи уходятъ.)

Явленіе второе.

Царь Берендей и Бермята.

Бермята.

Великій царь счастливыхъ берендеевъ,
Живи во вѣкъ! Отъ радостнаго утра,
Отъ подданныхъ твоихъ и отъ меня

Привѣтъ тебѣ! Въ твоемъ обширномъ царствѣ
Покуда все благополучно.

Царь.

Правда-ль?

Бермята

Воистину.

Царь.

Не вѣрю я, Бермята.
Въ сужденіяхъ твоихъ замѣтна легкость.
Не разъ тебѣ и словомъ, и указомъ
Приказано, и повторяю вновь,
Чтобъ глубже ты смотрѣлъ на вещи, въ сущность
Проникнуть ихъ старался, въ глубину.
Нельзя-жь легко, порхая мотылькомъ,
Касаться лишь поверхности предметовъ!
Поверхностность — порокъ въ почетныхъ лицахъ,
Поставленныхъ высоко надъ народомъ.
Не думай ты, что все благополучно,
Когда народъ не голоденъ, не бродитъ
Съ котомками, не грабитъ по дорогамъ.
Не думай ты, что если нѣтъ убійствъ
И воровства ...

Бермята.

Воруютъ понемножку.

Царь.

И ловите?

Бермята.

Зачѣмъ-же ихъ ловить,
Труды терять? Пускай себѣ воруютъ,
Когда-нибудь да попадутся; въ силу
Пословицы народной: „сколько вору
Ни воровать — кнута не миновать".

Царь.

Конечно, грѣхъ неправаго стяжанья

По мелочи не очень-то великъ
Сравнительно, а все-же не мѣшаетъ
Искоренять его. Не уклонимся-жь
Отъ главнаго предмета разговора.
Благополучіе — велико слово!
Не вижу я его давно въ народѣ,
Пятнадцать лѣтъ не вижу. Наше лѣто,
Короткое, годъ отъ году короче
Становится, а весны холоднѣй,
Туманныя, сырыя, точно осень,
Печальныя. До половины лѣта
Снѣга лежатъ въ оврагахъ и лядинахъ [1],
Изъ нихъ ползутъ туманы по утрамъ,
А къ вечеру выходятъ злыя сестры,
Трясучія и блѣдныя кумохи [2]
И шляются по деревнямъ, ломая,
Знобя людей. Недавно мы гуляли
Съ женой твоей, прекрасною Еленой,
Въ саду моемъ тѣнистомъ. Подъ кустами,
Отъ зоркихъ глазъ садовниковъ скрываясь,
Таилася подтаявшая льдинка,
Безпечные, какъ дѣти, мы шутили,
Рѣзвилися съ прекрасною Еленой;
Но холодокъ, віяся тонкой струйкой,
Лица ея прекраснаго коснулся,
И вздулись вдругъ малиновыя губы
И правая румяная щека,
Гора-горой, мгновенно исказилась
Улыбка устъ медовыхъ. Нѣтъ, Бермята,
Не все у насъ благополучно, другъ.
Пятнадцать лѣтъ не кажется Ярило
На нашъ призывъ, когда, встрѣчая солнце,
Въ великій день Ярилинъ, мы напрасно,
Тьмотысячной толпой къ нему взываемъ,

---

[1] Лядина—лѣсная заросль.
[2] Кумоха—лихорадка.

И пѣснями его величье славимъ.
Сердитъ на насъ Ярило.

Бермята.

Царь премудрый,
За что-бъ ему сердиться?

Царь.

Есть за что.
Въ сердцахъ людей замѣтилъ я остуду
Не малую; горячности любовной
Не вижу я давно у берендеевъ.
Исчезло въ нихъ служенье красотѣ;
Не вижу я у молодежи взоровъ,
Увлаженныхъ чарующею страстью;
Не вижу дѣвъ задумчивыхъ, глубоко
Вздыхающихъ. На глазкахъ съ поволокой
Возвышенной тоски любовной нѣтъ,
А видятся совсѣмъ другія страсти:
Тщеславіе, къ чужимъ нарядамъ зависть
И прочее. Въ женатыхъ охлажденье
Замѣтнѣе еще: на женъ красавицъ
Диковинныхъ, съ сокольими очами,
На пышную лебяжью бѣлизну
Упругихъ плечъ, супруги берендеи,
Сонливые, взираютъ равнодушно.
Кажись-бы я ... эхъ старость, старость! Гдѣ вы,
Минувшіе веселые года
Горячихъ чувствъ и частыхъ увлеченій?
Чудесныя дѣла недугъ любовный
Творилъ въ душѣ моей, и добръ и нѣженъ
Бывалъ тогда счастливый Берендей
И всякаго готовъ принять въ объятья
Открытыя. Теперь и старъ, и сѣдъ,
А, все-таки, не понимаю, можно-ль
Холоднымъ быть, безстрастнымъ оставаться
При видѣ женъ румяныхъ, полногрудыхъ.
Но въ сторону не будемъ уклоняться,

На прежнее воротимся. А жены?
Нельзя сказать, что потеряли вовсе
Горячую привязанность къ мужьямъ,
А, все-жь таки, супружеская вѣрность
Утратила немного, такъ сказать,
Незыблемость свою и несомнѣнность.
Короче, другъ, сердечная остуда
Повсюдная — сердца охолодѣли,
И вотъ тебѣ разгадка нашихъ бѣдствій
И холода: за стужу нашихъ чувствъ
И сердится на насъ Ярило-солнце
И стужей мститъ. Понятно?

Бермята.

Понимаю,
Великій царь, но горю пособить
Не вижу средствъ.

Царь.

А средства быть должны,
Подумай-ка, Бермята!

Бермята.

Царь премудрый,
Издай указъ, чтобъ жены были вѣрны,
Мужья нѣжнѣй на ихъ красу глядѣли,
Ребята всѣ, чтобъ были поголовно
Въ невѣстъ своихъ безумно влюблены,
А дѣвушки задумчивы и томны ...
Ну, словомъ, какъ хотятъ, а только-бъ были
Любовники.

Царь.

Весьма нехитрый способъ,
А пользы-то дождемся?

Бермята.

Никакой.

Царь.

Къ чему-жь тогда указы?

Бермята.

Передъ солнцемъ
Очистка намъ: приказано, молъ, было,
Не слушаютъ, такъ ихъ вина, нельзя-же
По сторожу ко всякому приставить.

Царь.

Придумано неглупо, но некстати.
Мольбами лишь смягчаютъ гнѣвъ боговъ
И жертвами. Безсонницей томимый,
Продумалъ я всю ночь, до утра вплоть,
И вотъ на чемъ остановился: завтра,
Въ Ярилинъ день, въ заповѣдномъ лѣсу,
Къ разсвѣту дня сойдутся берендеи.
Велимъ собрать, что̀ есть въ моемъ народѣ,
Дѣвицъ-невѣстъ и парней-жениховъ
И всѣхъ за-разъ союзомъ неразрывнымъ
Соединимъ, лишь только солнце брызнетъ
Румяными лучами по зеленымъ
Верхамъ деревъ. И пусть тогда сольются
Въ единый кличъ привѣтъ на встрѣчу солнцу
И брачная торжественная пѣснь.
Угоднѣй нѣтъ Ярилѣ жертвы!

Бермята.

Мудрый,
Великій царь, ужь какъ ни весела,
Ни радостна такая встрѣча солнцу,
Да только жаль, что невозможна.

Царь.

Что̀?
Чего нельзя, Бермята? Невозможно
Исполнить то, чего желаетъ царь?
Въ умѣ-ли ты?

Бермята.

Не гнѣвайся! Невѣсты
Разсорились до драки съ женихами.
Ужь гдѣ женить! На сажень маховую
Не подведешь другъ къ другу.

Царь.

Изъ чего?

Бермята.

Какая-то въ зарѣчной слободѣ
Снѣгурочка недавно объявилась.
Передрались всѣ парни за нее.
На жениховъ накинулись невѣсты
Изъ ревности, и брань идетъ такая —
Усобица, что только руки врозь.

Царь.

Во-первыхъ, я не вѣрю; во-вторыхъ,
Быть можетъ, ты и правъ, тогда старайся
Уладить всѣхъ и примирить до завтра.
Рѣшеніе мое непремѣнимо. (Входитъ отрокъ.)

Отрокъ.

Дѣвушка красная
Просится, кучится [1]
Взнесть челобитную.

Царь.

Развѣ для дѣвушекъ
Входы заказаны,
Двери затворены? (Отрокъ вводитъ Купаву.)

Явленіе третье.

Царь Берендей, Бермята, Купава, отроки.

Купава (кланяясь).

Батюшка, свѣтлый царь!

[1] Умоляетъ, докучаетъ просьбой.

Царь (ласково подымая ее).

Сказывай, слушаю!

Купава.

Батюшка, свѣтлый царь
Нешто такъ водится?
Гдѣ-жь это писано,
Гдѣ-же показано?
Сердце-то вынувши ... (Плачетъ.)

Царь.

Сказывай, слушаю.

Купава.

Сердце-то вынувши,
Душу-то вызнобивъ,
Дѣвичей ласкою
Вдосталь натѣшившись,
Вдоволь нахваставшись,
При людяхъ дѣвицу
Назвалъ безстыжею.

Царь

Слышу я, дѣвица,
Слезную жалобу,
Горе-то слышится,
Правда-то видится,
Толку-то, милая,
Мало-малёхонько.
Сказывай по̀-ряду
Что̀ и ка̀къ дѣялось,
Чѣмъ ты обижена,
Кѣмъ опозорена?

Купава (плача).

Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай умница!

Купава.

Время весеннее,
Праздники частые,
Бродишь, гуляючи
По̀ лугу, по̀ лѣсу,
Долго-ли встрѣтиться,
Долго-ль знакомиться,
Дѣвушкѣ съ парнями?
Вотъ я и встрѣтилась.

Царь.

Съ кѣмъ-же ты встрѣтилась,
Съ кѣмъ познакомилась?

Купава.

Встрѣтилась съ юношемъ,
Чину торговаго,
Роду Мизгирьяго.

Царь.

Знаю, красавица.

Купава (плача).

Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай, сказывай!

Купава.

Дай-ка, спрошу тебя,
Батюшка, свѣтлый царь,
Клятвы-то слушать-ли,
Въ совѣсть-то вѣрить-ли,
Али ужь въ людяхъ-то
Вовсе извѣриться?

Царь.

Какъ-же не вѣрить-то,
Милая дѣвушка¡

Чѣмъ-же и свѣтъ стоитъ?
Правдой и совѣстью
Только и держится.

Купава (плача).

Я и повѣрила.
Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай, умница!

Купава.

Дай-ка, еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь вѣкъ прожить
Въ счастьи да въ радости,
Парень-то ласковый,
Надо-ль любить его?

Царь.

Надо, красавица.

Купава (плача).

Такъ я и сдѣлала.
Сказывать, свѣтлый царь?

Царь.

Сказывай, сказывай!

Купава.

Всѣхъ-то забыла я,
Батюшку рòднаго,
Близкихъ и сродниковъ,
Милыхъ подруженекъ,
Игры веселыя,
Рѣчи завѣтныя.
Знаю да помню лишь
Друга любезнаго.
Встрѣтясь, цалуемся,

Сядемъ, обнимемся,
Въ очи уставимся,
Смотримъ, любуемся.
Батюшка, свѣтлый царь,
Видно, людское-то
Счастье не надолго,
Вздумали, въ лѣсъ пошли,
Взяли подруженекъ,
Звали Снѣгурочку.
Только завидѣлъ онъ
Злую разлучницу,
Коршуномъ воззрился,
Соколомъ кинулся,
Подлѣ разлучницы
Вьется, ласкается,
Гонитъ, срамитъ меня,
Вѣрную, прежнюю.
Самъ-же онъ выкланялъ,
Выплакалъ, вымолилъ
Сердце у дѣвушки,
Самъ-же коритъ, бранитъ,
При людяхъ дѣвушку
Назвалъ безстыжею.

Царь.

Бѣдная дѣвушка,
За сердце трогаютъ
Рѣчи нехитрыя,
Горе правдивое.

Купава.

Слушала, слушала,
Свѣту не взвидѣла,
Ноги-то рѣзвыя
Ровно подкошены,
Такъ и валюсь снопомъ.
Вѣришь-ли, свѣтлый царь,
Такъ вотъ и падаю,

Вотъ хоть сейчасъ гляди,
Такъ вотъ точнехонько
О-земь и грянулась.

(Хочетъ упасть, царь ее поддерживаетъ.)

Царь.

Красавица, повѣрь, что еслибъ громы,
Средь яснаго, безоблачнаго неба,
Раскатами внезапно возгремѣли,
Не такъ-бы я дивился, какъ дивлюсь
Словамъ твоимъ безхитростнымъ. Смѣяться
Надъ дѣвушкой покинутой, надъ сердцемъ,
Ребячески довѣрчивымъ! Ужасно!
Неслыханно, Бермята. Страшно вѣрить!
Приспѣшники, ищите по посаду
Преступника, поставьте Мизгиря
На судъ царевъ. (Приспѣшники уходятъ.)
Глашатаи, по вышкамъ
Скликать народъ съ базаровъ и торговъ
На царскій дворъ, на царскій грозный судъ.
А кликать кличъ учтиво, честно, складно.
Чтобъ каждому по чину величанье,
По званію и лѣтамъ былъ почетъ,
Да кланяйтесь почаще да пониже.

(Глашатаи по переходамъ бѣгутъ на вышки.)

1-й Бирючъ (кричитъ съ вышки).

Государевы люди:
Бояре, дворяне,
Боярскія дѣти,
Веселыя головы,
Широкія бороды!
У васъ-ли, дворяне,
Собаки борзыя,
Холопы босые!

2-й Бирючъ (съ другой вышки).

Гости торговые,

Шапки бобровыя,
Затылки толстые,
Бороды густыя,
Кошели тугіе.

1-й Бирючъ.

Молодыя молодицы,
Дочери отецкія,
Жены молодецкія!
У васъ-ли мужья сердитые,
Ворота браные,
Рукава шитые,
Затылки битые.

2-й Бирючъ.

Дьяки, подьячіе,
Парни горячіе,
Ваше дѣло: волочить да жать,
Да руку крючкомъ держать.

1-й Бирючъ.

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабьи служители!

2-й Бирючъ.

Старыя старушки,
Совьи брови,
Медвѣжьи взгляды,
Ваше дѣло: намутить, наплесть,
Сына со снохой развесть.

1-й Бирючъ.

Молодые молодцы,
Удалые удальцы,
Молодо зелено,
Погулять велѣно,
Люди за дѣло,

Вы за бездѣлье.
Ваше дѣло по теремамъ поглядывать,
Дѣвокъ выманивать.

2-й Бирючъ.

Красныя дѣвицы,
Криночныя баловницы,
Горшечныя пагубницы,
Ваше дѣло: лобъ лощить,
Домъ врозь тащить,
Лепешки печь, подъ заборъ хоронить,
Да ребятъ кормить.

1-й Бирючъ.

Слушайте-послушайте,
Государевы люди,
Государеву волю!
Идите въ красныя ворота
На красный царскій дворъ!
Вереи точены,
Ворота золочены.
Съ краснаго двора въ новы сѣни
На частыя ступени,
Въ дубовыя двери,
Въ государевы палаты,
Судъ судить, рядъ рядить.

(Сходятъ съ вышекъ.)

Царь.

Любезна мнѣ игра ума и слова:
Простая рѣчь жестка. Уборы красятъ
Красивыхъ женъ; высокія палаты
Прикрасáми красны, а рѣчи складомъ,
Теченьемъ въ ладъ и шуткой безобидной.
Сбирается народъ?

Отрокъ (съ переходовъ)

Валитъ толпами,

Великій царь.

Царь (Купавѣ).

Дѣвица не тужи!
Печаль темнитъ лица живыя краски,
Забывчиво дѣвичье горе, сердце
Отходчиво: какъ въ уголькѣ, подъ пепломъ
Таится въ немъ огонь для новой страсти.
Обидчика забудь! А за обиду
Отмститель судъ да царь.

(Изъ внутреннихъ покоевъ выходятъ: Прекрасная Елена и боярыни, изъ наружныхъ дверей и съ лѣстницы народъ, между народомъ Мурашъ и Лель. Приспѣшники приводятъ Мизгиря.)

Явленіе четвертое.

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мурашъ, Лель, Мизгирь, царскіе отроки народъ.

Царь (Еленѣ Прекрасной).

Привѣтъ тебѣ,
Краса дворца, Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена.

Привѣтъ тебѣ, великій Берендей,
Отъ женъ и дѣвъ, отъ юныхъ берендеекъ,
Отъ всѣхъ сердецъ, лелѣющихъ любовь.

Хоръ народа.

Привѣтъ тебѣ, премудрый,
Великій Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей.
Для счастія народа
Богами ты хранимъ,
И царствуетъ свобода
Подъ скипетромъ твоимъ,
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей.

Да здравствуетъ премудрый,
Великій Берендей!

Царь.

Спасибо вамъ! Въ приводѣ-ль виноватый?

Бермята.

Виновный здѣсь смиренно ждетъ суда.

Царь (народу).

Вина его извѣстна вамъ?

Народъ.

Извѣстна.

Царь (Мизгирю).

Въ винѣ своей винишься-ль ты?

Мизгирь.

Винюсь.

Царь.

Вина его ужасна, берендеи,
Для милости закроемъ наше сердце
На этотъ разъ. Къ злодѣямъ сожалѣнье
Грозитъ бѣдой: разгнѣванные боги
Вину его на насъ обрушатъ, карой
Падетъ она на берендеевъ. Мщенье
Преступнику грозящій гнѣвъ смиряетъ.
Поругана любовь! Благое чувство,
Великій даръ природы, счастье жизни,
Весенній цвѣтъ ея! Любовь невѣсты
Поругана! Распуколка души,
Раскрывшейся для первыхъ чувствъ, цвѣтокъ
Невинности благоуханный! Срамъ
И стыдъ моимъ серебрянымъ сѣдинамъ!
Чему Мизгирь повиненъ, говорите!

Бермята.

Заставь его жениться на дѣвицѣ
Обиженной!

Мурашъ.

Заставь молить прощенья
У ногъ ея, а если не захочетъ,
Тогда карай грозой своей.

Царь.

Мизгирь,
Желаешь ты загладить грѣхъ, Купаву
Понять въ жену?

Мизгирь.

У Мизгиря невѣста
Снѣгурочка.

Бермята.

Его заставить можно,
Премудрый царь.

Царь.

Не терпитъ принужденья
Свободный бракъ.

Мурашъ.

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желаетъ-ли она сама?

Царь.

Купава!

Купава.

Великій царь, любви Купава ищетъ.
Хочу любить, а какъ его полюбишь?
Обижено, разбито сердце имъ;
Лишь ненависть къ нему до гроба будетъ
Въ груди моей. Не надо мнѣ его.

Царь.

Честнѣй народъ, достойна смертной казни
Вина его; но въ нашемъ уложеньи
Кровавыхъ нѣтъ законовъ; пусть-же боги

Казнятъ его по мѣрѣ преступленья,
А мы судомъ народнымъ Мизгиря
На вѣчное изгнанье осуждаемъ.
Иди отъ насъ, преступникъ, поругатель
Горячности довѣрчивой любви,
Внушенной намъ природой и богами.
Гоните прочь его отъ каждой двери,
Отъ каждаго жилья, гдѣ свято чтутся
Обычаи честные старины!
Въ пустыню, въ лѣсъ его гоните! Звѣри
Товарищи тебѣ по сердцу; сердце
Звѣриное съ звѣрями тѣшь, Мизгирь!

Мизгирь.

Ни слова я не молвлю въ оправданье.
Но еслибъ ты, великій царь, увидѣлъ
Снѣгурочку ...

Народъ.

Снѣгурочка идетъ.

(Входитъ Снѣгурочка, за ней Бобыль и Бобылиха, одѣта богато, въ большой рогатой кичкѣ.)

Явленіе пятое.

Царь Берендей, Бермята, Прекрасная Елена, Купава, Мурашъ, Лель, Мизгирь, Снѣгурочка, Бобыль, Бобылиха, царскіе отроки, народъ.

Снѣгурочка (оглядывая дворецъ).

Какой просторъ, какъ чисто все, богато!
Смотри-ка, мать! Лазоревый цвѣтокъ.
Живехонекъ.

(Садится на полъ и разсматриваетъ цвѣтокъ на столбѣ.)

Бобылиха.

Да ты-бы поклонилась
Впередъ всего! И намъ поклонъ отвѣсятъ,
Вѣдь тоже мы не изъ послѣднихъ.

(Толкаетъ Снѣгурочку локтемъ и говоритъ тихо.)

Смотрятъ
На кику-то?

Снѣгурочка.

Дивуются, глядятъ.

Бобылиха.

Ну, кланяйся.

Снѣгурочка.

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честны́е берендеи!

Бобылиха.

Боярыни стоятъ, гляди! А кики
Попроще, чай, моей?

Снѣгурочка.

Твоя рогатѣй.

Бобылиха.

Ну, то-то же, пускай глядятъ да сохнутъ
Отъ зависти.

Снѣгурочка (указывая на царя).

А это кто? Кафтанъ-то
Узорчатый, обвязка золотая
И по́ поясъ сѣдая борода.

Бобылиха.

Да это царь.

Снѣгурочка.

Ахъ! Мама, страшно стало
Снѣгурочкѣ. Пойдемъ на волю.

Бобыль.

Ну-ка,
Съ добра ума какую рѣчь сказала!
Въ первой пришлось Бакулѣ Бобылю
На царскія палаты любоваться,

Да вонъ идти! Какая намъ неволя?
Побарствуемъ, покуда не погонятъ.

Бобылиха.

Невѣжа ты! Глазѣешь, ротъ разиня
По сторонамъ, а батюшка, великій
Премудрый царь дивится, что̀ за дура
Въ высокія хоромы забѣжала,
Незваная. Деревня ты, деревня.
Поди къ нему, не бойся, не укуситъ,
Да кланяйся пониже!

Снѣгурочка.

(подойдя къ царю, кланяется).

Здравствуй, царь!

Царь (беретъ ее за руку)

Полна чудесъ могучая природа!
Дары свои обильно разсыпая,
Причудливо она играетъ, броситъ
Въ болотинкѣ, въ забытомъ уголкѣ
Подъ кустикомъ, цвѣтокъ весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландышъ — брызнетъ
На бѣлизну его холодной пылью
Серебряной росы и дышитъ цвѣтикъ
Неуловимымъ запахомъ весны,
Прельщая взоръ и обонянье.

Снѣгурочка.

Жалко,
Что ландыши такъ скоро отцвѣли!
Сказалъ-бы ты, что любишь ихъ, такъ я ужь
Давно-бъ тебѣ пучечекъ нарвала
Хорошенькихъ. Не всякій мѣсто знаетъ,
А я въ лѣсу, какъ дома; если хочешь,
Пойдемъ со мной, я мѣсто укажу.

Царь.

Не плачу я, что цвѣтики увяли,

Такой цвѣтокъ цвѣтетъ передъ очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не вѣрю:
Во снѣ иль въявь цвѣтокъ передо мной.

(Снѣгурочка съ довольнымъ видомъ смотритъ на всѣхъ и охорашивается.)

Ея краса поможетъ намъ, Бермята,
Ярилинъ гнѣвъ смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрѣчѣ солнца
Вручимъ ее счастливому супругу.
Снѣгурочка, пришла твоя пора,
Ищи себѣ по сердцу друга!

Снѣгурочка.

Гдѣ-же
Искать его, не знаю.

Царь.

Сердце скажетъ.

Снѣгурочка.

Молчитъ мое сердечко.

Царь (отводя Снѣгурочку).

Не стыдись!
Преклонныя лѣта равняютъ старца
Съ дѣвицею. Стыдливость неумѣстна
Предъ старыми потухшими глазами.
Откройся мнѣ: кого порой вечерней
На зыбкое крылечко поджидаешь?
Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
На полотнѣ зари румяной ищешь?
Кого бранишь за медленность, кому
На встрѣчу шлешь и радости улыбку,
И слезъ потокъ, и брань, и поцалуй?
Кому? скажи, дѣвица!

Снѣгурочка.

Никому.

Бермята.

Великій царь, она любви не знаетъ.

Царь.

Съ ея красой любви не знать, Бермята?
Не вѣрю я. Такихъ чудесъ на свѣтѣ
Не слыхано. Природой неизмѣнно
Положена пора любви для всѣхъ.
Не вѣрю я. Но если правда; какъ-же
Не гнѣваться подателю тепла?
Удвоимъ-же старанія исправить
Невольный грѣхъ. Ужли изъ берендеевъ
На мой призывъ никто не отзовется?
Кому изъ васъ Снѣгурочка милѣе?
Кто можетъ въ ней младенческую душу
Желаніемъ любви зажечь, скажите!

Бобыль.

Не мало ужь пытались, только даромъ
Потратили труды.

Бобылиха.

Не мало было
И плачущихъ, и пляшущихъ, да толку
Ни на волосъ не вышло.

Царь.

Берендеи,
Кому изъ васъ удастся до разсвѣта
Снѣгурочку увлечь любовью, тотъ
Изъ рукъ царя, съ великимъ награжденьемъ,
Возьметъ ее, и лучшимъ гостемъ будетъ
За царскими столами на пирахъ,
На праздникѣ Ярилы.

Бермята.

Царь великій,

Молчатъ они.

Царь (Елен**ѣ**)

Прекрасная Елена,
Хочу спросить у васъ, у женщинъ; лучше
Извѣстны вамъ сердечныя дѣла.
Ужли совсѣмъ не стало той отваги
Въ сердцахъ мужчинъ, не стало тѣхъ рѣчей,
Плѣнительно-лукавыхъ, смѣлыхъ взоровъ,
Которыми неотразимо вѣрно,
Бывало, мы дѣвицъ и женъ прельщали?
Прекрасная Елена, укажи,
Кого избрать изъ юныхъ берендеевъ,
Способнаго свершить желанный подвигъ?

Елена Прекрасная.

Великій царь, стыдливость наблюдая
Обычную, могла-бы я, конечно,
Незнаніемъ отговориться; но
Желаніе служить для пользы общей
Стыдливостью пожервовать велитъ.
Изъ юношей цвѣтущихъ, берендеевъ,
Извѣстныхъ мнѣ, одинъ лишь только можетъ
Внушить любовь дѣвицѣ, сердце женъ
Поколебать, хотя-бы наша вѣрность
Крѣпка была, какъ сталь — и это Лель.

Царь.

Какая честь тебѣ, пастухъ!

Лель.

Не мнѣ,
Великій царь, а солнцу подобаетъ
Такая честь. Лелѣяло изъ млада
Оно меня — учило пѣсни пѣть;
Его тепло въ рѣчахъ моихъ, и слушать
Охотятся дѣвицы рѣчи Леля.
Тепло его въ крови моей и въ сердцѣ,
И теплится въ лицѣ румянцемъ смуглымъ,
И свѣтится весенней сладкой нѣгой
Изъ глазъ моихъ. Снѣгурочка, пойдемъ

Свивать вѣнки со мною вмѣстѣ, будемъ
Встрѣчать зарю и солнечный восходъ!
Смотрите ей въ глаза! Она полюбитъ
Къ разсвѣту дня — меня или другого,
Снѣгурочка полюбитъ непремѣнно,
Повѣрьте мнѣ; а бѣдный пастушонко,
Кудрявый Лель, въ угоду богу-Солнцу
И свѣтлому царю, поможетъ ей!

Мизгирь.

Великій царь, отсрочь мое изгнанье,
Огонь любви моей воспламенитъ
Снѣгурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебѣ великими богами,
Снѣгурочка моей супругой будетъ.
А если нѣтъ — пускай меня караетъ
Законъ царя и страшный гнѣвъ боговъ.

Царь.

Мизгирь и Лель, при вашемъ обѣщаньи
Покоенъ я и безпечально встрѣчу
Ярилинъ день. Вечернею зарей,
Въ заповѣдномъ лѣсу моемъ, сегодня
Сберемся мы для игръ и пѣсенъ. Ночка
Короткая минуетъ незамѣтно.
На розовой зарѣ въ вѣнкѣ зеленомъ,
Среди своихъ ликующихъ дѣтей
Счастливый царь пойдетъ на встрѣчу Солнца.

Народъ.

Да здравствуетъ премудрый
Великій Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей!
Для счастія народа
Богами ты хранимъ,
И царствуетъ свобода
Подъ скипетромъ твоимъ! (Всѣ уходятъ.)

Дѣйствіе третье.

Просторная поляна въ лѣсу; справа и слѣва сплошной лѣсъ стѣной, передъ лѣсомъ, по обѣ стороны, невысокіе кусты. Вдали, межъ кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догораетъ.

Явленіе первое.

Молодые берендеи водятъ круги, одинъ кругъ ближе къ зрителямъ другой поодаль. **Дѣвушки и парни** въ вѣнкахъ, **Старики и Старухи**, кучками сидятъ подъ кустами и угощаются брагой и пряниками. Въ первомъ кругу ходятъ **Купава, Радушка, Малуша, Брусило, Курилка**, въ срединѣ круга: **Лель** и **Снѣгурочка; Мизгирь**, не принимая участія въ играхъ, то показывается между народомъ, то уходитъ въ лѣсъ. **Бобыль** пляшетъ подъ волынку. **Бобылиха, Мурашъ** и нѣсколько изъ сосѣдей сидятъ кругомъ и пьютъ пиво. **Царь** со свитой смотрятъ издали на играющихъ.

Дѣвушки и парни

(водя круги, поютъ).

Ай, во полѣ липонька,
Подъ липою бѣль шатеръ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица
Рвала цвѣты со травы,
Плела вѣнокъ съ яхонты.
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ милому.

(Снѣгурочка надѣваетъ вѣнокъ на Леля, кругъ расходится, всѣ смотрятъ на Бобыля, который пляшетъ подъ волынку.)

Бобылиха (потчуя Мураша).

Пожалуйте! И наша не щербата
Копеечка — и мы поразжились.

Мурашъ.

Отказу нѣтъ. Да мужа-то попотчуй!
Намаялся, хоть душу отведетъ.

(Бобыль перестаетъ плясать.)

Бобылиха

(подавая Бобылю стаканъ пива).

На праздникахъ тяжеле всѣхъ Бакулѣ,
Хлопотъ ему по горло: пляшетъ, пляшетъ,
Надсадется, а не отстанетъ. Жаденъ
До пляски-то. Смотрѣть-то жалость, право,
Того гляди, умретъ когда съ надсады,
Допляшется.

Мурашъ.

Старательный мужикъ.

Царь

(проходитъ между гуляющими).

Веселое гулянье! Сердцу радость
Глядѣть на васъ. Играйте, веселитесь,
Заботы прочь гоните; для заботы
Своя пора. Народъ великодушный
Во всемъ великъ — мѣшать съ бездѣльемъ дѣло
Не станетъ онъ — трудиться, такъ трудиться,
Плясать и пѣть, такъ вдоволь — до упаду.
Взглянуть на васъ, разумнымъ окомъ, скажешь,
Что вы народъ честной и добрый; ибо
Лишь добрые и честные способны
Такъ громко пѣть и такъ плясать отважно.
Спасибо вамъ на пѣсняхъ и на пляскѣ!
Ужь тѣшиться, такъ тѣшиться. (Скоморохамъ.)
Пляшите,
Кувыркайтесь, ломайтесь, дураки! (Скоморохи пляшутъ.)
Заря чиста и утро будетъ ясно.
Уходитъ день веселый, догораютъ
Послѣдніе лучи зари, все выше
И выше свѣтъ малиновый; потёмки

Цѣпляются за сучья и ростутъ,
Преслѣдуя зари румяный отблескъ,
И скоро ночь въ росящемся лѣсу
Съ вершинами деревьевъ станетъ въ ровень.
Пора къ шатрамъ, въ кругу гостей веселыхъ
Окончить день и встрѣтить новый. Пѣсню
Послѣднюю пропой, пригожій Лель!

Лель (поетъ).

Туча со громомъ сговаривалась:
Ты громъ греми, а я дождь разолью,
Вспрыснемъ-ка землю весеннимъ дождемъ!
То-то цвѣточки возрадуются,
Выдутъ дѣвицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся.
Лель, мой Лель! Лели-Лели, Лель!
Въ рощѣ подруженьки врозь разбрелись,
Кто по кустамъ, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукалися,
Милой подруженьки нѣтъ, какъ нѣтъ;
Всѣ-то дѣвицы расплакалися:
Нашу подружку не волкъ-ли заѣлъ.
Лель, мой Лель! Лели-Лели, Лель!
Встрѣтился дѣвушкамъ чужъ-чуженинъ,
Чужъ-чуженинушко, старъ старичокъ.
Глупыя дѣвки, съ ума вы сбрели,
Что̀ вамъ за радость аукаться,
Что̀ ей за прибыль откликнуться?
Вы-бъ по кустамъ-то пошарили.
Лель, мой Лель, Лели-Лели, Лель!
Туча со громомъ сговаривалась:
Ты громъ греми, а я дождь разолью,
Вспрыснемъ-ка землю весеннимъ дождемъ!
То-то цвѣточки возрадуются.
Вымочимъ дѣвушекъ-ягодницъ,
Вымочимъ ихъ, да и высушимъ.
Лель, мой Лель, Лели-Лели, Лель.

Царь.

Спасибо, Лель! Дѣвицы, не стыдитесь!
Не вѣрю я, ну, статочное-ль дѣло
Въ частыхъ кустахъ подружку потерять?
Потѣшилъ ты царево сердце, Лель.
Потѣшь еще! Въ кругу подругъ стыдливыхъ
Красавицу дѣвицу выбирай,
Веди ко мнѣ, и всѣмъ на поглядѣнье,
Пускай она за пѣсню наградитъ
Пѣвца любви горячимъ поцалуемъ.

(Лель идетъ къ дѣвушкамъ.)

Снѣгурочка (тихо Лелю).

Возьми меня!

Лель

Изволь. Поди къ сторонкѣ.
Дѣвичій кругъ нельзя не обойти,
Для виду хоть. За что-же ихъ обидѣть?

(Снѣгурочка отходитъ, весело смотритъ, оправляется и охорашивается. Лель беретъ Купаву, подводитъ къ царю и цалуетъ. Снѣгурочка въ слезахъ убѣгаетъ въ кусты.)

Царь.

Тепломъ проникъ до старикова сердца
Отчетливый и звонкій поцалуй,
Какъ-будто я увѣсистую чашу
Стоялаго хмельного меду выпилъ.
А кстати я о хмелѣ вспомнилъ. Время
Къ столамъ идти, Прекрасная Елена,
И хмелю честь воздать. Его услады
И старости доступны. Поспѣшимъ!
Желаю вамъ повеселиться, дѣти.

(Уходитъ съ Бермятой и Прекрасной Еленой. Нѣкоторые берендеи, и въ томъ числѣ Лель, уходятъ за царемъ.)

Брусило.

Все Лель да Лель, ему такое счастье!
А чѣмъ-же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спѣть умѣемъ.

Радушка.

А Купавѣ
За что̀, про что̀ такая честь? Красавицъ,
Не ей чета, найдется между нами.

Курилка.

Вотъ мы ему докажемъ, только сто́итъ
Осмѣлиться да захотѣть.

Брусило.

Докажемъ,
Осмѣлимся, сыграемъ при народѣ
Игру свою, что два года учили,
Тишкомъ отъ всѣхъ, въ овинахъ хоронясь.

(Поетъ пѣсню, а Курилка представляетъ бобра.)

Купался боберъ,
Купался черно̀й,
На рѣчкѣ быстро̀й.
Ай, лели-лели!
Не выкупался
Лишь выпачкался,
Въ грязи вывалялся.
Ай, лели-лели!
На горку входилъ,
Отряхивался,
Охорашивался.
Ай, лели-лели!
Осматривался
Нейдетъ-ли кто,
Не сыщетъ-ли что́?
Ай, лели-лели!
Охотнички свищутъ,
Собаки-то рыщутъ,
Черна бобра ищутъ.
Ай, лели-лели!
Хотятъ шубу шить,
Бобромъ опушить,
Дѣвкамъ подарить.

Ай, лели-лели!
Дѣвки чернобровы,
На нихъ шубы новы,
Опушки бобровы.
Ай, лели-лели! (Перестаетъ пѣть.)
Не ладно-ль, что̀-ль, пропѣто?

Курилка.

Ай, да мы!

Радушка.

Ужь видно намъ мириться съ вами, парни.
Ребята вы другихъ не хуже. Пусть-же
Узнаетъ Лель, и мы ему докажемъ,
Что парни насъ не обѣгаютъ. Радъ-бы
Обнять когда и Радушку, да поздно;
У ней дружокъ, ему и поцалуи
Отъ Радушки.

Малуша.

Малушкины Курилкѣ.

Брусило (обнимая Радушку).

Любезное житье!

Курилка (обнимая Малушу).

Чего-же лучше?
Подружка есть, такъ сердце дома. Братцы,
Пойдемъ смотрѣть на царскіе шатры.

(Уходятъ всѣ: парни съ дѣвушками, Купава съ Мурашемъ, Бобыль съ Бобылихой; Снѣгурочка выходитъ изъ кустовъ, Лель съ противоположной стороны.)

Явленіе второе.

Лель и Снѣгурочка.

Лель.

Куда она дѣвалась, запропала?
Купавушка! Да не она-ли? (Подходитъ къ Снѣгурочкѣ.)

Нѣтъ,
Снѣгурочка о на, въ слезахъ. О чемъ
Тоскуешь ты? Дѣвицы веселятся,
Во всемъ лѣсу веселый гулъ идетъ,
То пѣсенки, то звонкій смѣхъ, то шопотъ
Воркующій, то робости и счастья
Короткій вздохъ, отрывистый. А ты
Одна въ слезахъ.

Снѣгурочка.

Ужли тебѣ не жалко
Сиротку такъ обидѣть?

Лель.

Я не знаю,
Какую ты нашла обиду?

Снѣгурочка.

Какъ-же?
Красавица Снѣгурочка, иль нѣтъ?

Лель.

Красавица.

Снѣгурочка.

А ты берешь Купаву,
Ведешь къ царю, цалуешь. Развѣ лучше
Снѣгурочки Купава? Вотъ обида,
Какой забыть нельзя.

Лель (обнимая Снѣгурочку).

За что̀ сердиться,
Снѣгурочка? Не дорогъ поцалуй
При всемъ честномъ народѣ, втихомолку
Цѣннѣе онъ и слаще.

Снѣгурочка.

Я не вѣрю.
Не сладко мнѣ украдкой цаловаться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,

Чтобъ царь велѣлъ изъ всѣхъ дѣвицъ-красавицъ
Красавицу поставить на показъ!

Лель.

Не долго ждать тебѣ.

Снѣгурочка.

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.

Лель.

Какъ-же быть-то?
Возьмешь тебя, обидятся другія;
Другую взять, тебя обидѣть. Скоро
Румяная забрезжится заря,
Народъ съ царемъ пойдетъ на встрѣчу солнца,
А мнѣ впередъ идти и запѣвать
Съ подружкою. Кого бы взять? Не знаю.

Снѣгурочка.

Пригожій Лель, возьми меня!

Лель.

Другая
За эту честь души не пожалѣетъ.

Снѣгурочка.

Что тебѣ угодно, все на свѣтѣ
Снѣгурочка отдастъ.

Лель.

Люби меня!

Снѣгурочка.

И рада-бъ я душой, да не умѣю.
Пригоженькій, когда настанетъ время
Снѣгурочкѣ любить, ужь никого-то,
Опричь тебя, не полюблю.

Лель.

Посмотримъ.

Снѣгурочка.

Хорошенькій-пригоженькій, возьми.

Лель.

Ужь видно взять.

Снѣгурочка.

Пригоженькій, послушай!
Коль хочешь ты, чтобъ сердце не болѣло
У бѣдненькой Снѣгурочки, съ другими
Дѣвицами водиться перестань!
Ласкаешь ихъ, а мнѣ сердечко больно.
Цалуешь ихъ, а я гляжу да плачу.

Лель.

Безъ ласки жить нельзя-же пастушонку!
Не пашетъ онъ, не сѣетъ; съ малолѣтства
На солнышкѣ валяется; лелѣетъ
Весна его и вѣтерокъ ласкаетъ.
И нѣжится пастухъ на вольной волѣ.
Въ умѣ одно: дѣвичья ласка, только
И думаешь о ней.

Снѣгурочка.

Ласкай меня,
Цалуй меня, пригоженькій! Пусть видятъ,
Что я твоя подружка. Горько, больно
Одной бродить! Глядятъ, какъ на чужую
И дѣвушки и парни. Вотъ пошла-бы
На царскіе столы смотрѣть, а съ кѣмъ?
Подружки всѣ съ дружками, косо смотрятъ,
Сторонятся: отстань, молъ, не мѣшай!
Съ старушками пойти и съ стариками —
Насмѣшками да бранью докорятъ.
дной идти, такъ страшно. Будь дружкомъ,
Пригоженькій!

Лель.

Сама-же виновата.

Не мало я любилъ тебя, горючихъ
Не мало слезъ украдкой пролилъ.

Снѣгурочка.

Все-то
Глупа еще; прости, пригожій Лель!

Лель.

А стòило хоть словомъ приласкать
Поласковѣй, и ты-бъ закабалила
Меня на вѣкъ и волю отняла.

Снѣгурочка.

Про старое не помни, Лель пригожій!
Люби меня немножко; дожидайся,
Снѣгурочка сама тебя полюбитъ.
Сведи меня смотрѣть шатры царевы,
И солнышко встрѣчать возьми подружкой!
Хорошенькій-пригоженькій, возьми!

Лель.

Дождись меня, возьму. Пойду къ ребятамъ,
Не ужиналъ еще — какъ разъ вернусь. (Убѣгаетъ.)

Явленіе третье.

Снѣгурочка, потомъ **Мизгирь**.

Снѣгурочка.

Вотъ любо-то! Вотъ радость. Не въ народѣ,
Въ густой толпѣ, изъ-за чужой спины,
Снѣгурочка смотрѣть на праздникъ будетъ,
Впередъ пойдетъ. И царь, и люди скажутъ:
Такой четы на диво поискать! (Снимаетъ вѣнокъ.)
Завялъ вѣнокъ — на утро надо новый
Сплести себѣ изъ тонкихъ зыбкихъ вѣтокъ;

Вплету туда цвѣточки василечки.

(Въ задумчивости запѣваетъ.)

Ахъ цвѣточки, василечки. (Выходитъ Мизгирь.)

Мизгирь.

Снѣгурочка, тебя давно ищу я. (Беретъ ее за руку.)

Снѣгурочка (съ испугомъ).

Ахъ, нѣтъ. Уйди! Не надо.

Мизгирь.

Не оставлю
Твоей руки, пока въ мольбахъ и стонахъ
Не выскажу тебѣ, какъ ноетъ сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала
До сей поры она любви страданій,
Утѣхи лишь извѣстны ей; а сердце
Приказывать привыкло, не молило,
Не плакало оно. Передъ тобою
Въ слезахъ стойтъ не мальчикъ, гордый духомъ
Смиряется. Доселѣ я не плакалъ,
И даже словъ не тратилъ много; только
Рукой манилъ дѣвицъ дѣлить любовь,
И золото бросалъ за ласки; нынѣ
Сломился я подъ гнетомъ жгучей страсти,
И слезы лью. Смотри, колѣна клонитъ
Передъ дѣвченкой гордый человѣкъ. (Падаетъ на колѣни.)

Снѣгурочка.

Зачѣмъ, зачѣмъ? Вставай, Мизгирь!

Мизгирь.

Полюбишь,
Полюбишь ты меня? Скажи!

Снѣгурочка.

О, нѣтъ!
Слова твои пугаютъ, слезы страшны,
Чего-то я боюсь съ тобой. Уйди!

Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,
Зачѣмъ пугать Снѣгурочку? (Старается вырвать руку.)

Мизгирь.

Постой!
Что страшенъ я, то правда. Не напрасно-жь
Румяный стыдъ прорѣзалъ полосами
Лицо мое; за горечь униженья
Заплатишь ты.

Снѣгурочка.

О, если все такая
Живетъ любовь въ народѣ, не хочу,
Не буду я любить.

Мизгирь.

Поищемъ средства
Желаннаго достичь по доброй волѣ.
Снѣгурочка, у острова Гурмыза,
Гдѣ теплое бушующее море
На камни скалъ прибрежныхъ хлещетъ пѣну,
Пускаются безъ страха водолазы
Отважные искать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,
Удачи ждалъ: давалъ большую цѣну
За жизнь людей и посылалъ на дно
За жемчугомъ проворныхъ водолазовъ.
И вынесъ мнѣ одинъ зерно такое,
Какого нѣтъ въ коронахъ у царей,
Ни у царицъ въ широкихъ ожерельяхъ.
Купить его нельзя; полцарства стоитъ
Жемчужина. Смѣняться? Вещи равной
Не подберешь. Цѣной ему равна,
Снѣгурочка, одна любовь твоя.
Смѣняемся, возьми безцѣнный жемчугъ,
А мнѣ любовь отдай.

Снѣгурочка.

Безцѣнный жемчугъ

Себѣ оставь; не дорого цѣню я
Свою любовь, но продавать не стану:
Смѣняюсь я любовью на любовь,
Но не съ тобой, Мизгирь.

Мизгирь.

Отдашь и даромъ.
Довольно словъ, довольно убѣжденій!
Бросай вѣнокъ дѣвичій! Ты жена,
Снѣгурочка. Поклялся я богами
Передъ царемъ, и клятву исполняю.

Снѣгурочка.

Оставь! Пусти! Бѣги, спасай Снѣгурку,
Пригожій Лель!

Мизгирь.

О! Если Лель ... такъ прежде
Возьметъ Мизгирь, что̀ хочетъ взять пастухъ.

(Лѣшій сзади обнимаетъ Мизгиря; Снѣгурочка вырывается и бѣжитъ по полянѣ. Лѣшій оборачивается пнемъ. Мизгирь хочетъ бѣжать за Снѣгурочкой; между нимъ и ею встаетъ изъ земли лѣсъ. Въ сторонѣ показывается призракъ Снѣгурочки. Мизгирь бѣжитъ къ нему—призракъ исчезаетъ, на мѣстѣ его остается пень съ двумя прилипшими свѣтящимися какъ глаза, свѣтляками.)

Безумецъ, я, любовью опьяненный,
Сухой пенекъ за милый образъ принялъ,
Холодный блескъ зеленыхъ свѣтляковъ
За свѣтлые Снѣгурочкины глазки.

(Изъ лѣсу показывается призракъ Снѣгурочки и манитъ Мизгиря. Кусты и сучья деревъ принимаютъ мѣняющіеся фантастическіе образы. Мизгирь бѣжитъ за призракомъ.)

Лѣшій.

Броди всю ночь за призракомъ бѣгущимъ!
Лови мечты манящей воплощенье!
Лишь свѣтлый день твои разсѣетъ грёзы.

(Уходитъ; поляна принимаетъ прежній видъ. Входитъ Лель, за нимъ Прекрасная Елена.)

Явленіе четвертое.

Лель и Прекрасная Елена.

Прекрасная Елена.

Плѣнительный пастухъ, куда стремишься?
Умильный взглядъ обороти назадъ!

Лель.

Прекрасная Елена!

Прекрасная Елена.

Ты дивишься,
Что въ поздній часъ одна въ лѣсу блуждаю,
Пригожій Лель; меня взманило пѣнье
Пѣвца весны; гремящій соловей,
Съ куста на кустъ перелетая, манитъ
Раскрытое для увлеченій сердце,
И дальше въ лѣсъ опасный завлекаетъ
Прекрасную Елену.

Лель.

Не далеко
Отъ царскаго шатра блуждаешь ты.
Вернись къ нему открытою поляной!
Опасности не встрѣтишь.

Прекрасная Елена.

Злой пастухъ,
Не хочешь ты прекрасную Елену,
Въ густомъ лѣсу тѣнистомъ проводить
Уютною тропинкой.

Лель.

Провожатымъ
Пошелъ-бы я, да сердце не на мѣстѣ:
Въ гулянкахъ и все стадо растерялъ,
Ищу теперь по кустикамъ овечекъ.

Прекрасная Елена.

По кустикамъ? Противный, чуетъ сердце,
Какую ты въ лѣсу овечку ловишь.
Ахъ, бѣдная овечка, прячься дальше!
Отыщетъ Лель и сѣтью льстивой рѣчи
Запутаетъ въ такую-же напасть,
Въ какую ввелъ Прекрасную Елену.
Заставилъ ты несчастную ревниво
Слѣдить тебя въ печальномъ размышленьи,
Какъ вредно вамъ ввѣряться, пастухамъ.

Лель.

Спѣши къ шатрамъ, Прекрасная Елена,
Отсутствіе твое замѣтятъ скоро.

Прекрасная Елена.

Ахъ, милый Лель, боюсь

Лель.

Чего, Елена

Прекрасная, боишься ты?

Прекрасная Елена (прижимаясь къ Лелю).

Ахъ, Лель,
Всего боюсь. Смотри, въ кустахъ мелькаютъ
И свѣтятся двойчаткой, точно свѣчки,
Глаза волковъ кровавые. А вотъ
На деревѣ повисъ, какъ кошка, лѣшій;
Скосивъ глаза и высунувъ языкъ,
Старается удавленника скорчить.
А вотъ другой, для глупой шутки, лапу
Лохматую въ колючій кустъ просунувъ,
Зажмурясь, ждетъ, чтобъ ферязь разорвать
И сдѣлать въ ней прорѣху, гдѣ не надо.
Всего боюсь, и свѣта и потёмковъ,
Страшитъ меня и звѣрь и человѣкъ,
И лѣшій злой проказникъ. Только Лелю
Пригожему, закрывъ глаза, безъ страха

Холоднаго, себя ввѣряю.

(Зажмурясь, ложится на грудь Лелю.)

Сладко
Въ объятіяхъ твоихъ лежать и млѣть.

(Входитъ Бермята. Лель передаетъ ему Прекрасную Елену и уходитъ.)

Но пламень чувствъ моихъ не зажигаетъ
Огня въ груди у Леля.

Явленіе пятое.

Елена Прекрасная и Бермята.

Бермята.

Лель пригожій
Отъ пламенной любви твоей бѣжитъ.

Елена Прекрасная.

Какой ударъ!

Бермята.

Пенять и удивляться
Не стану я; прекрасную супругу
Не въ первый разъ въ чужихъ объятьяхъ вижу.
Пойдемъ со мной! Въ лѣсу ночной порою
И встрѣтитъ кто, такъ все-жь пристойнѣй съ мужемъ
Бродить тебѣ, чѣмъ съ Лелемъ.

Прекрасная Елена.

Милый мужъ,
Разбойникъ Лель удвоиваетъ нѣжность
Жены твоей къ тебѣ. Его поступокъ
Прекрасную Елену убѣждаетъ,
Что юноши всѣ нагло-безсердечны,
За то мужья и милы и добры.

(Уходятъ. Входитъ Лель, Снѣгурочка выходитъ изъ кустовъ.)

Явленіе шестое.

Лель и Снѣгурочка.

Снѣгурочка.

Велѣлъ, и жду тебя, велѣлъ и жду.
Пойдемъ къ царю! А я вѣночекъ новый
Сплела себѣ, смотри. Пригожій Лель,
Возьми съ собой! Обнимемся! Покрѣпче
Прижмусь къ тебѣ отъ страха. Я дрожу,
Мизгирь меня пугаетъ: ищетъ, ловитъ.
И что̀ сказалъ, послушай! Что Снѣгурка
Его жена. Ну, статочное-ль дѣло:
Снѣгурочка жена? Какое слово
Нескладное!

Лель (завидѣвъ бѣгущую Купаву).

Да здѣсь-ли намъ сжидаться?
Не тамъ-ли вонъ, смотри!

Снѣгурочка.

Да здѣсь-ли, тамъ-ли,
Вѣдь ты со мной. Чего-жь еще?

Лель.

Подпасокъ
Бѣжитъ сюда по тайности словечко
Сказать со мной. Дождись вонъ тамъ!

Снѣгурочка.

Изволь!

(Уходитъ на другую сторону въ кусты. Прибѣгаетъ Купава.)

Явленіе седьмое.

Лель, Купава и Снѣгурочка.

Купава.

Насилу я нашла тебя, желанный,
Сердечный другъ, голубчикъ сизокрылый!

Не въ глазки, нѣтъ, не въ щечки цаловать,
У ногъ лежать, голубчикъ сизокрылый,
У ногъ лежать должна Купава.

Лель.

Полно!
Летятъ и льнутъ къ сотѣ медовой мухи,
Къ водѣ листокъ, къ цвѣточку пчелка льнетъ,
Къ Купавѣ Лель.

Купава.

Голубчикъ сизокрылый,
Тепло мое сердечко, благодарной
На вѣкъ тебѣ останусь; ты отъ сраму,
Отъ жгучихъ иглъ насмѣшки и покоровъ
Купавѣ спасъ дѣвическую гордость.
При всемъ честномъ народѣ, поцалуемъ
Сравнялъ меня, забытую, со всѣми.

Лель.

Да развѣ я не зналъ, какое сердце
Куплю себѣ, тебя цалуя. Если
У глупаго мальчёнка-пастуха
Разсудка нѣтъ, такъ вѣщимъ сердцемъ сыщетъ
Подружку онъ.

Купава.

Подружку? Нѣтъ, собачку.
Мани меня, когда ласкать захочешь,
Гони и бей, коль ласка надоѣстъ.
Безъ жалобы отстану, только взглядомъ
Слезящимся скажу тебѣ, что я, молъ,
Приду опять, когда поманишь.

Лель.

Радость
Души моей, Купава, сиротинка
Свою гульбу-свободу отгулялъ,
Побѣдная головка докачалась

До милыхъ рукъ, долюбовались очи
До милыхъ глазъ, домаялось сердечко
До теплаго пріюта.

Купава.

Лель пригожій,
На долго-ли любовь твоя, не знаю;
Моя любовь до вѣку и до часу
Послѣдняго, голубчикъ сизокрылый!

Лель.

Идемъ скорѣй! Блѣднѣютъ тѣни ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорѣзала восточный неба край,
Растетъ она, яснѣе, ширясь: это
Проснулся день и раскрываетъ вѣки
Свѣтящихъ глазъ. Пойдемъ. Пора приспѣла
Встрѣчать восходъ Ярила-Солнца. Гордо
Передъ толпой покажетъ Солнцу Лель
Любимую свою подругу.

(Снѣгурочка выбѣгаетъ изъ кустовъ.)

Снѣгурочка.

Стойте!
Обманщикъ Лель, зачѣмъ-же я ждала,
Плела вѣнокъ? Вѣдь не затѣмъ, чтобъ послѣ
Смочить его слезами. Ты ужь такъ-бы
Сказалъ тогда: Снѣгурочка, плети,
Плети вѣнокъ и плачь, роняй слезинки
На каждый листъ, на каждый лепестокъ!
А ты манилъ.

Купава.

Снѣгурочка, да чѣмъ-же
Встрѣчать тебѣ восходъ Ярила-Солнца?
Когда его встрѣчаемъ, жизни сила,
Огонь любви горитъ у насъ въ очахъ.
Любовь и жизнь дары Ярила-Солнца:
Его-жь дары ему приносятъ дѣвы

И юноши; а ты сплела вѣнокъ,
Надѣла бусъ на шейку, причесалась,
Пригладилась, и запонъ, и коты
Новёхоньки, — тебѣ одна забота,
Какъ глупому ребенку, любоваться
На свой нарядъ да забѣгать впередъ,
Поодоль стать, въ глазахъ людей вертѣться
И хвастаться обновками.

Снѣгурочка.

Купава

Разлучница! Твое-же это слово;
Сама меня разлучницей звала,
Сама-же ты и разлучаешь съ Лелемъ.

Лель.

Снѣгурочка, подслушивай почаще
Горячія Купавы рѣчи! Время
Узнать тебѣ, какъ сердце говоритъ,
Когда оно любовью загорится,
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не дѣтская любовь нужна. Прощай!

(Убѣгаетъ съ Купавой.)

Снѣгурочка.

Обманута, обижена, убита
Снѣгурочка. О мать, Весна-Красна!
Бѣгу къ тебѣ, и съ жалобой, и съ просьбой
Любви прошу, хочу любить. Отдай
Снѣгурочкѣ дѣвичье сердце, мама!
Отдай любовь, иль жизнь мою возьми! (Убѣгаетъ.

Дѣйствіе четвертое.

Ярилина долина: слѣва (отъ зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лѣсъ; въ глубинѣ озеро, поросшее осокой и водяными растеніями съ роскошными цвѣтами; по берегамъ цвѣтущіе кусты съ повисшими надъ водой вѣтвями; съ правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

Явленіе первое.

Призракъ Снѣгурочки несется, едва касаясь земли, Мизгирь идетъ за нимъ.

Мизгирь.

Всю ночь въ глазахъ мелькаетъ милый образъ.
Снѣгурочка, постой одно мгновенье!

(Убѣгаетъ за призракомъ въ лѣсъ. Снѣгурочка сходитъ съ горы.)

Явленіе второе.

Снѣгурочка, потомъ Весна.

Снѣгурочка (обращаясь къ озеру).

Родимая, въ слезахъ тоски и горя,
Зоветъ тебя покинутая дочь.
Изъ тихихъ водъ явись услышать стоны
И жалобы Снѣгурочки твоей.

(Изъ озера поднимается Весна, окруженная цвѣтами.)

Весна.

Снѣгурочка, дитя мое, о чемъ
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утѣшить на прощанье.
Послѣдній часъ Весна съ тобой проводитъ,
Съ разсвѣтомъ дня вступаетъ богъ-Ярило
Въ свои права и начинаетъ лѣто.

(Подходитъ къ Снѣгурочкѣ.)

Чего тебѣ не достаетъ?

Снѣгурочка.

Любви.

Кругомъ меня всѣ любятъ, всѣ счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мнѣ чужое счастье, мама.
Хочу любить; но словъ любви не знаю
И чувства нѣтъ въ груди; начну ласкаться,
Услышу брань, насмѣшки и укоры
За дѣтскую застѣнчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.
Отецъ-Морозъ и ты Весна-Красна
Дурное мнѣ завистливое чувство,
Взамѣнъ любви, въ наслѣдство удѣлили;
Въ приданое для дочки положили
Безсонныя томительныя ночи
И встрѣчу дня безъ радости. Сегодня,
На ключикѣ холодномъ умываясь,
Взглянула я въ зеркальныя струи,
И вижу въ нихъ лицо свое въ слезахъ,
Измятое тоской безсонной ночи.
И страшно мнѣ, краса моя увянетъ
Безъ радости. О, мама, дай любви!
Любви прошу, любви дѣвичей.

Весна.

Дочка,

Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебѣ погибель будетъ.

Снѣгурочка.

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мнѣ годовъ тоски и слезъ.

Весна.

Изволь, дитя — любовью подѣлиться
Готова я; родникъ неистощимый
Любовныхъ силъ въ вѣнкѣ моемъ цвѣтномъ.
Сними его! Присядь ко мнѣ поближе!

(Весна садится на траву, Снѣгурочка подлѣ нея. Цвѣты окружаютъ ихъ.)

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цвѣтовъ и травъ, какіе переливы
Цвѣтной игры и запаховъ пріятныхъ!
Одинъ цвѣтокъ, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжетъ въ тебѣ одно изъ новыхъ чувствъ,
Незнаемыхъ тобой — одно желанье,
Отрадное для молодого сердца,
А вмѣстѣ всѣ въ одинъ вѣнокъ душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
Въ одну струю — зажгутъ всѣ чувства разомъ.
И вспыхнетъ кровь и очи загорятся,
Окрасится лицо живымъ румянцемъ,
Играющимъ, и закслышетъ грудь
Желанная тобой любовь дѣвичья.

Зорь весеннихъ цвѣтъ душистый
Бѣлизну твоихъ ланитъ,
Бѣлый ландышъ, ландышъ чистый
Томной нѣгой озаритъ.
Барской спѣси бархатъ алый
Опушитъ твои уста,
Дастъ улыбку цвѣтикъ малый,
Незабудка-красота.

Роза розой заалѣетъ
На груди и на плечахъ,
Василёчекъ засинѣетъ
И просвѣтится въ очахъ.
Кашки медъ изъ устъ польется
Чарованіемъ ума,
Незамѣтно проберется
Въ душу липкая Дрема.
Макъ сердечко отуманитъ,
Макъ разсудокъ усыпитъ,
Хмель ланиты нарумянитъ
И головку закружитъ.

(Надѣваетъ вѣнокъ на голову Снѣгурочки.)

Снѣгурочка.

Ахъ, мама, что̀ со мной? Какой красою
Зеленый лѣсъ одѣлся! Берегами
И озеромъ нельзя налюбоваться.
Вода манитъ, кусты зовутъ меня
Подъ сѣнь свою, а небо, мама, небо!
Разливъ зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна.

Снѣгурочка, прощай,
Дитя мое! Любовнымъ ароматомъ
Наполнилась душа твоя. Кипучій
Восторгъ страстей тебя охватитъ скоро;
Красой луговъ и озеромъ зеркальнымъ
Дотолѣ ты любуешься, пока
На юношу не устремятся взоры.
Тогда лишь ты вполнѣ узнаешь силу
И власть любви надъ сердцемъ. Съ первой встрѣчи
Счастливца ты даришь любовью, кто бы
Ни встрѣтился тебѣ. Но, радость-дочка,
Таи любовь отъ глазъ Ярила-Солнца,
Спѣши домой, не медля: не любуйся
Багряными потоками разсвѣта.

Вершины горъ покрылись позолотой
И скоро царь свѣтилъ освѣтитъ землю.
Бѣги домой тропинками лѣсными
Въ тѣни кустовъ и избѣгая встрѣчи;
Предчувствіе тревожитъ сердце мнѣ.
Прощай, дитя, до новаго свиданья,
И матери совѣтовъ не забудь. (Опускается въ озеро.)

Снѣгурочка.

Какое я сокровище храню
Въ груди моей. Ребенкомъ прибѣжала
Снѣгурочка въ зеленый лѣсъ, выходитъ
Дѣвицею съ душой счастливой, полной
Отрадныхъ чувствъ и золотыхъ надеждъ.
Снесу мой кладъ тропинкой неизвѣстной;
Одна лишь я по ней бродила, лѣшимъ
Протоптана она между болотомъ
И озеромъ. Никто по ней не ходитъ,
Лишь лѣшіе, для шутки, горькихъ пьяницъ
Манятъ по ней, чтобъ завести въ трясину
Безъ выхода.

(Идетъ въ лѣсъ, на встрѣчу ей выходитъ Мизгирь.)

Явленіе третье.

Снѣгурочка и Мизгирь.

Мизгирь.

Снѣгурочка!

Снѣгурочка.

Ахъ, встрѣча!

Мизгирь.

Снѣгурочка, мои слабѣютъ силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снѣгурочка.

О нѣтъ, Мизгирь, не страхомъ
Полна душа моя. Какая прелесть
Въ рѣчахъ твоихъ! Какая смѣлость взора!
Высокаго чела отважный видъ
И гордая осанка привлекаютъ,
Манятъ къ тебѣ. У сильнаго опоры,
У храбраго защиты ищетъ сердце
Стыдливое и робкое. Съ любовью
Снѣгурочки трепещущая грудь
Къ твоей груди прижмется.

Мизгирь (обнимая ее).

Жаднымъ слухомъ
Ловлю твои слова, боюсь повѣрить
Блаженству я, Снѣгурочка.

Снѣгурочка.

О, милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смѣшно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что все, что̀ есть на свѣтѣ дорогого,
Живетъ въ одномъ лишь словѣ — это слово:
Любовь.

Мизгирь.

Еще отрадныхъ словъ, еще.
И счастію не будетъ мѣры.

Снѣгурочка.

Милый,
Позволь взглянуть въ твое лицо, въ огонь
Твоихъ очей вглядѣться. Слушай, прежде
Считала я дѣвичью миловидность,
Сребристый пухъ ланитъ и нѣжность кожи
За лучшую красу. Не понимаю;
Слѣпа, глупа была. Да развѣ можно
Красу дѣвицъ равнять съ твоей красою,

Незрѣлый цвѣтъ дѣвичей нѣжной кожи
Равнять съ мужскимъ румянцемъ загрубѣлымъ?
Снѣгурочка твоя, бери въ свой домъ
Жену свою — любить и нѣжить буду,
Ловить твой взглядъ, предупреждать желанья;
Но милый мой, бѣжимъ скорѣе, спрячемъ
Любовь свою и счастіе отъ солнца,
Грозитъ оно погибелью. Бѣжимъ,
Укрой меня! Зловѣщіе лучи
Кровавые страшатъ меня. Спасай,
Спасай свою Снѣгурочку!

Мизгирь.

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя — спасенье
Изгнаннику. На солнечномъ восходѣ
Мизгирь тебя супругою покажетъ,
И царскій гнѣвъ правдивый укротится
И, милостью богатый, Берендей
Младой четѣ свою окажетъ ласку.

Снѣгурочка (на колѣняхъ).

Завѣтъ отца и матери, о милый,
Не смѣю я нарушить. Вѣщимъ сердцемъ
Прочуяли они бѣду — таить
Велѣли мнѣ мою любовь отъ солнца.
Погибну я. Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалѣй
Снѣгурочку!

Мизгирь.

Покорными сердцами
Привыкла ты владѣть, привыкла тѣшить
Угодами обычай прихотливый.
Но сердцемъ я не мальчикъ, и любить,
И приказать умѣю; оставайся!

Снѣгурочка.

Не прихоть, нѣтъ. Въ рукахъ твоихъ погибнетъ
Снѣгурочка.

Мизгирь.

Оставь ребячьи страхи
Невѣдомой бѣды! Но если вправду
Бѣда придетъ, тогда погибнемъ вмѣстѣ.

Снѣгурочка.

Смотри, смотри! Все ярче и страшнѣе
Горитъ востокъ. Сожми меня въ объятьяхъ,
Одеждою, руками затѣни
Отъ яростныхъ лучей, укрой подъ тѣнью
Склонившихся надъ озеромъ вѣтвей.

(Становятся подъ тѣнь куста. Изъ лѣсу по горѣ сходитъ народъ, впереди гусляры играютъ на гусляхъ и пастухи на рожкахъ, за ними царь со свитой, за царемъ попарно женихи и невѣсты въ праздничныхъ одеждахъ, далѣе всѣ Берендеи. Сойдя въ долину, народъ раздѣляется на двѣ стороны.)

Явленіе четвертое.

Снѣгурочка, Мизгирь, Царь Берендей, Лель и весь народъ. Всѣ съ ожиданіемъ смотрятъ на востокъ и при первыхъ лучахъ солнца запѣваютъ:

Общій хоръ.

Одна сторона:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидъ-Ладо, сѣяли, сѣяли.

Другая сторона:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой Дидъ-Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.

1-я:

А чѣмъ-же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой Дидъ-Ладо, вытоптать, вытоптать?

2-я:

А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выпустимъ выпустимъ.

1-я:

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ-Ладо, переймемъ, переймемъ.

2-я:

А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выкупимъ, выкупимъ.

1-я:

А чѣмъ-же вамъ выкупить, выкупить,
Ой Дидъ-Ладо, выкупить, выкупить?

2-я:

А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-Ладо, дѣвицу, дѣвицу.

1-я:

А нашего полку, прибыло, прибыло,
Ой Дидъ-Ладо, прибыло, прибыло.

2-я:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дидъ-Ладо, убыло, убыло.

(При пѣніи обѣ стороны сближаются медленными шагами подъ размѣръ пѣсни. При концѣ пѣсни жениxи берутъ невѣстъ и кланяются царю.)

Царь.

Да будетъ вашъ союзъ благословенъ
Обиліемъ и счастіемъ! Въ богатствѣ
И радости живите до послѣднихъ
Годовъ своихъ въ семьѣ дѣтей и внуковъ!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгнѣванный Ярило
Не кажется и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Не доброе сулитъ Ярилинъ гнѣвъ:
Холодные утра и суховѣи,
Медвяныхъ росъ[1] убыточныя порчи,
Неполные наливы хлѣбныхъ зеренъ,
Ненастную уборку — недородъ,

[1] Медвяныя росы — вредныя.

И ранніе осенніе морозы,
Тяжелый годъ и житницъ оскудѣнье.

Мизгирь.

(подводя Снѣгурочку къ царю).

Великій царь, твое желанье было
Закономъ мнѣ, и я его исполнилъ:
Съ Снѣгурочкой на бракъ благослови,
Прости вину мою и гнѣвъ на милость
Перемѣни.

Голоса въ народѣ.

О, диво, полюбила
Снѣгурочка.

Царь.

Охотой-ли, дѣвица
Снѣгурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? Съ твоей рукою вмѣстѣ
Даешь-ли ты любовь ему?

Снѣгурочка.

О, царь!
Спроси меня сто разъ — сто разъ отвѣчу,
Что я люблю его. При блѣдномъ утрѣ
Открыла я избраннику души
Любовь свою, и кинулась въ объятья.
При блескѣ дня теперь, при всемъ народѣ
Въ твоихъ глазахъ, великій Берендей,
Готова я для жениха и рѣчи
И ласки тѣ съ начала повторить.

(Яркій лучъ солнца прорѣзываетъ утренній туманъ и падаетъ на Снѣгурочку.)

Но что со мной? Блаженство, или смерть?
Какой восторгъ! Какая чувствъ истома!
О, мать-Весна благодарю за радость,
За сладкій даръ любви! Какая нѣга,
Томящая течетъ во мнѣ! О, Лель,
Въ ушахъ твои чарующія пѣсни,

Въ очахъ огонь ... и въ сердцѣ, и въ крови,
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
Отъ сладкихъ чувствъ любви. Прощайте всѣ
Подруженьки, прощай женихъ! О милый,
Послѣдній взглядъ Снѣгурочки тебѣ. (Таетъ.)

Мизгирь.

Снѣгурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призракомъ лежала
Снѣгурочка въ объятіяхъ горячихъ:
Тепла была; и чуялъ я у сердца,
Какъ сердце въ ней дрожало человѣчье,
Любовь и страхъ въ ея душѣ боролись.
Отъ свѣта дня бѣжать она молила,
Не слушалъ я мольбы — и предо мною,
Какъ вешній снѣгъ, растаяла она.
Снѣгурочка, обманщица не ты;
Обманутъ я богами; это шутка
Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики, не стоитъ жить на свѣтѣ!

(Убѣгаетъ на Ярилину гору и бросается въ озеро.)

Царь.

Снѣгурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить насъ не могутъ; Солнце знаетъ,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый судъ! Мороза порожденье,
Холодная Снѣгурочка погибла.
Пятнадцать лѣтъ она жила межь нами,
Пятнадцать лѣтъ на насъ сердилось Солнце.
Теперь, съ ея чудесною кончиной,
Вмѣшательство Мороза прекратилось.
Изгонимъ-же послѣдній стужи слѣдъ
Изъ нашихъ душъ и обратимся къ Солнцу.
И, вѣрю я, оно привѣтно взглянетъ
На преданность покорныхъ берендеевъ.

Веселый Лель, запой Ярилѣ пѣсню
Хвалебную, а мы къ тебѣ пристанемъ.
Палящій богъ, тебя всѣмъ міромъ славимъ!
Пастухъ и царь тебя зовутъ, явись!

Лель (запѣваетъ).

Свѣтъ и сила,
Богъ Ярило.
Красное солнце наше,
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше!

Общій хоръ.

Свѣтъ и сила,
Богъ Ярило.
Красное солнце наше,
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше!

(На вершинѣ горы на нѣсколько мгновеній разсѣевается туманъ, показывается Ярило въ видѣ молодого парня въ бѣлой одеждѣ; въ правой рукѣ свѣтящаяся голова человѣчья, въ лѣвой — ржаной снопъ. По знаку царя, прислужники несутъ цѣлыхъ быковъ и барановъ съ вызолоченными рогами, боченки и ендовы съ пивомъ и медомъ, разную посуду и всѣ принадлежности пира.)

Хоръ (допѣваетъ).

Даруй, богъ свѣта,
Теплое лѣто.
Красное солнце наше,
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше!
Краснопогодное
Лѣто хлѣбородное.
Красное солнце наше,
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше!

Поздняя любовь.

Сцены изъ жизни захолустья, въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Лица.

Фелицата Антоновна Шаблова, хозяйка небольшого деревяннаго дома.

Николай Андреичъ Шабловъ, ея старшій сынъ.

Дормедонтъ, младшій сынъ Шабловой, въ писаряхъ у Маргаритова.

Герасимъ Порфирьичъ Маргаритовъ, адвокатъ изъ отставныхъ чиновниковъ, старикъ благообразной наружности.

Людмила, его дочь, немолодая дѣвушка. Всѣ движенія ея скромныя и медленныя, одѣта очень чисто, но безъ претензій.

Варвара Харитоновна Лебедкина, вдова.

Онуфрій Потапычъ Дородновъ, купецъ среднихъ лѣтъ.

Дѣйствіе первое.

Бѣдная, потемнѣвшая отъ времени комната въ домѣ Шабловой. На правой сторонѣ (отъ зрителей) двѣ узкія однопольныя двери: ближайшая въ комнату Людмилы, а слѣдующая въ комнату Шабловой; между дверями изразчатое зеркало голландской печи съ топкой. Въ задней стѣнѣ, къ правому углу, дверь въ комнату Маргаритова; въ лѣвомъ растворенная дверь въ темную переднюю, въ которой видно начало лѣстницы, ведущей въ мезонинъ, гдѣ помѣщаются сыновья Шабловой. Между дверьми старинный комодъ съ стеклянымъ шкапчикомъ для посуды. На лѣвой сторонѣ два небольшихъ окна, въ простѣнкѣ между ними старинное зеркало, по сторонамъ котораго двѣ тусклыя картинки въ бумажныхъ рамкахъ; подъ зеркаломъ большой столъ простого дерева. Мебель сборная: стулья разнаго вида и величины; съ правой стороны, ближе къ авансценѣ, старое, полуободранное волтеровское кресло. Осеннія сумерки, въ комнатѣ темно.

Явленіе первое.

Людмила выходитъ изъ своей комнаты, прислушивается и подходитъ къ окну. Потомъ **Шаблова** выходитъ изъ своей комнаты.

Шаблова (не видя Людмилы).

Словно кто калиткой стукнулъ. Нѣтъ, почудилось. Ужь я очень уши-то насторожила. Экая погодка! Въ легонькомъ пальтѣ теперь ... Ой-ой! Гдѣ-то мой сынокъ любезный погуливаетъ? Охъ, дѣтки, дѣтки — горе матушкино! Вотъ Васька, ужь на что̀ гулящій котъ, а и тотъ домой пришелъ.

Людмила.

Пришелъ?.. Развѣ пришелъ?

Шаблова.

Ахъ, Людмила Герасимовна! Я васъ и не вижу, стою тутъ да фантазирую сама промежъ себя ...

Людмила.

Вы говорите, пришелъ?

Шаблова.

Да вы кого же дожидаетесь-то?

Людмила.

Я? Я никого. Я только слышала, что вы сказали: „пришелъ".

Шаблова.

Это я тутъ свои мысли выражаю; въ головѣ-то накипитъ, знаете ... Погода, молъ, такая, что даже мой Васька домой пришелъ. Сѣлъ на лежанкѣ и такъ-то мурлычитъ, даже захлебывается; очень ему сказать-то хочется, что, молъ, я дома, не безпокойтесь. Ну, разумѣется, погрѣлся, поѣлъ, да опять ушелъ. Мужское дѣло, дома не удержишь. Да вотъ звѣрь, а и тотъ понимаетъ, что надо домой побывать — понавѣдаться, какъ, молъ, тамъ; а сынокъ мой Николинька другія сутки пропадаетъ.

Людмила.

Какъ знать, какія дѣла у него?

Шаблова.

Кому-жь и знать, какъ не мнѣ? Никакихъ у него дѣловъ нѣтъ, баклуши бьетъ.

Людмила.

Онъ адвокатствомъ занимается.

Шаблова.

Да какое абвокатство! Было время, да прошло.

Людмила.

Онъ хлопочетъ по дѣламъ какой-то дамы.

Шаблова.

Да что-жь, матушка, дама! Дама дамѣ рознь. Ты погоди, я тебѣ все скажу. Учился онъ у меня хорошо, въ новерситетѣ курсъ кончилъ; и, какъ на грѣхъ, тутъ заведись эти новые суды! Записался онъ абвокатомъ, — пошли дѣла, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. Отъ того, отъ самаго, что вошелъ онъ въ денежный купеческій кругъ. Сами знаете, съ волками жить, по волчьи выть, и началъ онъ эту самую купеческую жизнь, что день въ трактирѣ, а ночь въ клубѣ, либо гдѣ. Само собою: удовольствіе; человѣкъ-же онъ горячій. Ну, имъ что? У нихъ карманы толстые. А онъ барствовалъ да барствовалъ, а дѣла-то между рукъ шли, да и лѣньто; а тутъ абвокатовъ развелось нѣсть числа. Ужь сколько онъ тамъ ни путался, а деньжонки всѣ прожилъ, знакомство растерялъ и опять въ прежнее бѣдное положеніе пришелъ: къ матери, значитъ, отъ стерляжей ухи-то на пустыя щи. Привычку-же онъ къ трактирамъ возымѣлъ, — въ хорошіе-то нѣ съ чѣмъ, такъ по плохимъ сталъ шляться. Видя я его въ такомъ упадкѣ, начала ему занятіе находить. Хочу его свести къ своей знакомой дамѣ, а онъ дичится.

Людмила.

Робокъ, должно-быть, характеромъ.

Шаблова.

Полно, матушка, что за характеръ!

Людмила.

Да, вѣдь, бываютъ люди робкаго характера.

Шаблова.

Да полно, какой характеръ! Развѣ у бѣднаго человѣка бываетъ характеръ? Какой ты еще характеръ нашла?

Людмила.

А что же?

Шаблова.

У бѣднаго человѣка да еще характеръ! Чудно̀, право! Платья нѣтъ хорошаго, вотъ и все. Коли у человѣка одёжи нѣтъ, вотъ и робкій характеръ; чѣмъ бы ему пріятный разговоръ вести, а онъ долженъ на себя осматриваться, нѣтъ-ли гдѣ изъяну. Вы возьмите хоть съ насъ, женщинъ: отъ чего хорошая дама въ компаніи развязный разговоръ имѣетъ? Отъ того, что все на ней въ порядкѣ: одно къ другому пригнато, одно другого ни короче, ни длиннѣй, цвѣтъ къ цвѣту подобранъ, узоръ подъ узоръ подогнанъ. Вотъ у ней душа и растетъ. А нашему брату въ высокой компаніи бѣда; лучше, кажется, сквозь землю провалиться! Тамъ виситъ, тутъ коротко, въ другомъ мѣстѣ мѣшкомъ, вездѣ пазухи. Какъ на лѣшаго на тебя смотрятъ. Потому не мадамы намъ шьютъ, а мы сами самоучкой; не по журналамъ, а какъ пришлось, на чортовъ клинъ. Сыну тоже не французъ шилъ, а Вершкохватовъ изъ-за драгомиловской заставы. Такъ онъ надъ фракомъ-то годъ думаетъ, ходитъ, ходитъ кругомъ сукна-то, рѣжетъ, рѣжетъ его; то съ той, то съ другой стороны покроитъ, — ну, и выкроитъ куль, а не фракъ. А, вѣдь, прежде тоже, какъ деньги-то были, Николай франтилъ; ну, и дико ему въ такомъ-то безобразіи. Уломала я его наконецъ, да и сама не рада; человѣкъ онъ гордый, не захотѣлъ быть хуже другихъ, потому у нея съ утра до ночи франты, и заказалъ хорошее платье дорогому нѣмцу въ долгъ.

Людмила.

Молода она?

Шаблова.

Въ порѣ женщина. То-то и бѣда. Кабы старуха, такъ бы деньги платила.

Людмила.

А она что̀ же?

Шаблова.

Женщина легкая, избалованная, на красоту свою надѣется. Всегда кругомъ нея молодежь,—привыкла, чтобъ всѣ ей угождали. Другой даже за счастіе сочтетъ услужить.

Людмила.

Такъ онъ даромъ для нея хлопочетъ?

Шаблова.

Нельзя сказать, чтобъ вовсе даромъ. Да онъ-то бы пожалуй, а я ужь съ нея ста полтора выханжила. Такъ всѣ деньги-то, что я взяла съ нея за него, всѣ портному и отдала, вотъ тебѣ и барышъ! Кромѣ того, посудите сами, всякій разъ, какъ къ ней ѣхать, извощика беретъ съ биржи, держитъ тамъ полдня. Чего-нибудь да стоитъ! А изъ чего бьется-то? Диви бы ... Все вѣтеръ въ головѣ-то.

Людмила.

Можетъ-быть, она ему нравится?

Шаблова.

Да, вѣдь, это срамъ бѣдному-то человѣку за богатой бабой ухаживать, да еще самому тратиться. Ну, куда ему тянуться: тамъ такіе полковники да гвардейцы бываютъ, что ужь именно и словъ не найдешь. Взглянешь на него, да только и скажешь: ахъ, Боже мой! Чай, смѣются надъ нашимъ, да и она-то, гляди, тоже. Потому, судите сами: подкатитъ къ крыльцу на парѣ съ пристяжкой этакій полковникъ, брякнетъ въ передней шпорой или саблей, взглянетъ мимоходомъ, черезъ плечо, въ зеркало, тряхнетъ головой, да прямо къ ней въ гостиную. Ну, а, вѣдь, она женщина, созданіе слабое, сосудъ скудельный, вскинетъ на него глазами-то, ну, точно вареная и сдѣлалась. Гдѣ-же тутъ?

Людмила.

Такъ она вотъ какая!

Шаблова.

Она только съ виду великая дама-то, а какъ поглядѣть поближе, такъ довольно малодушна. Запутается въ долгахъ да въ амурахъ, ну, и шлетъ за мной на картахъ ей гадать. Мелешь, мелешь ей, а она-то и плачетъ, и смѣется, какъ дитя малое.

Людмила.

Какъ странно! Неужли такая женщина можетъ нравиться?

Шаблова.

Да, вѣдь, Николай гордъ; засѣло въ голову, что завоюю, молъ,—ну, и мучится. А, можетъ, вѣдь, онъ и изъ жалости; потому нельзя и не пожалѣть ее, бѣдную. Мужъ у нея такой-же путаникъ былъ: мотали да долги дѣлали, другъ другу не сказывали. А вотъ мужъ-то умеръ и пришлось расплачиваться. Да, кабы съ умомъ, такъ еще можно жить; а то запутаться ей, сердечной, по уши. Говорятъ, стала векселя зря давать, подписываетъ, сама не знаетъ что̀. А какое состояніе-то было, кабы въ руки. Да что̀ вы въ потемкахъ-то?

Людмила.

Ничего, такъ лучше.

Шаблова.

Ну, что̀-жь, посумерничаемъ, подождемъ Николая. А вотъ кто-то и пришелъ; пойти свѣчку принести. (Уходитъ.)

Людмила (у двери въ переднюю).

Это вы? (Входитъ Дормедонтъ.)

Явленіе второе.

Людмила, Дормедонтъ, потомъ Шаблова.

Дормедонтъ.

Я-съ.

Людмила.

А я думала ... Да, впрочемъ, я очень рада, а то скучно одной. (Входитъ Шаблова со свѣчой.)

Шаблова.

Гдѣ-же ты былъ? Вѣдь я такъ полагала, что ты дома. Ишь, какъ озябъ, захвораешь, смотри.

Дормедонтъ (грѣясь у печки).

Я брата искалъ.

Шаблова.

Нашелъ?

Дормедонтъ.

Нашелъ.

Шаблова.

Гдѣ-жь онъ?

Дормедонтъ.

Все тамъ-же.

Шаблова.

Другой-то день въ трактирѣ! Скажите, пожалуйста, на что̀ это похоже?

Дормедонтъ.

На билліардѣ играетъ.

Шаблова.

Что̀-жь ты его домой не велъ?

Дормедонтъ.

Звалъ, да нейдетъ. Поди, говорятъ, скажи ма-

менькѣ, что я совершеннолѣтній, чтобъ не безпокоилась. Домой, говоритъ, когда мнѣ вздумается, я дорогу и безъ тебя найду; провожатыхъ мнѣ не нужно, я не пьяный. Ужь я и плакалъ передъ нимъ. „Братъ, говорю, вспомни домъ! Какой-же ты добычникъ? Люди работы ищутъ, а ты самъ отъ дѣла бѣгаешь. Нынче, говорю, два лавочника приходили прошеніе къ мировому писать, а тебя дома нѣтъ. Этакъ ты всѣхъ отвадишь“.— „Я, говоритъ, по грошамъ не люблю собирать“. А вотъ у меня послѣдній рубль выпросилъ. Что-жь, я отдалъ, — братъ вѣдь.

Шаблова.

Озябъ ты?

Дормедонтъ.

Не очень. Я все для дому, а онъ нѣтъ. Я если когда и дровъ наколоть, такъ что за важность! Сейчасъ надѣлъ халатъ, пошелъ, нарубилъ, да еще моціонъ. Вѣдь, вѣрно, Людмила Герасимовна?

Людмила.

Вы любите брата?

Дормедонтъ.

Какъ-же-съ ...

Людмила.

Ну, такъ любите больше! (Подаетъ Дормедонту руку.) Вы добрый, хорошій человѣкъ. Я пойду, работу возьму. (Уходитъ.)

Шаблова (вслѣдъ Людмилѣ).

Приходите, поскучаемъ вмѣстѣ. (Дормедонту.) Ишь ты, какъ перезябъ, все не согрѣешься.

Дормедонтъ.

Нѣтъ, маменька, ничего; вотъ только въ среднемъ пальцѣ владѣнія не было, а теперь отошло. Сейчасъ и за писанье.

(Садится къ столу и разбираетъ бумаги.)

Шаблова.

А я карточки разложу покуда. (Вынимаетъ изъ кармана карты.)

Дормедонтъ.

Вы, маменька, ничего не замѣчаете во мнѣ?

Шаблова.

Нѣтъ. А что?

Дормедонтъ.

Да, вѣдь, я, маменька, влюбленъ.

Шаблова.

Ну, что-жь, на здоровье.

Дормедонтъ.

Да, вѣдь, маменька, серьезно.

Шаблова.

Вѣрю, что не въ шутку.

Дормедонтъ.

Какія шутки! Погадайте-ка!

Шаблова.

Давай гадать! Давай, старый да малый, изъ пустого въ порожнее пересыпать.

Дормедонтъ.

Не смѣйтесь, маменька: она меня любитъ.

Шаблова.

Эхъ, Дормидоша, не изъ такихъ ты мужчинъ, какихъ женщины любятъ. Одна только женщина тебя любить можетъ.

Дормедонтъ.

Какая же?

Шаблова.

Мать. Для матери, чѣмъ плоше дитя, тѣмъ оно милѣе.

Дормедонтъ.

Что-жь, маменька, я чѣмъ плохъ? Я для дому...

Шаблова.

Да, вѣдь, я знаю, про кого ты говоришь.

Дормедонтъ.

Вѣдь, ужь какъ не знать, вѣдь, ужь одна. А вотъ я сейчасъ пришелъ, бросилась къ двери, говоритъ: „это вы?“

Шаблова.

Бросилась? Ишь ты! Только не тебя она ждала. Не брата-ли?

Дормедонтъ.

Невозможно, маменька, помилуйте.

Шаблова.

Ну, смотри! А похоже дѣло-то!

Дормедонтъ.

Меня, маменька, меня. Вотъ теперь только-бъ смѣлости, да время узнать, чтобъ въ самый разъ всю душу свою открыть. Дѣйствовать?

Шаблова.

Дѣйствуй!

Дормедонтъ.

А какъ, маменька, карты? Что онѣ мнѣ говорятъ?

Шаблова.

Путаница какая-то, не разберу. Вонъ, кажется, купецъ домой собирается; пойти, велѣть ему посвѣтить. (Уходитъ. Выходятъ: Дородновъ и Маргаритовъ.)

Явленіе третье.

Дормедонтъ, Дородновъ и Маргаритовъ.

Маргаритовъ.

А, вѣдь, мы съ тобой старые пріятели.

Дородновъ.

Еще бы! Сколько лѣтъ. Герасимъ Порфирьичъ, знаешь что? Выпьемъ теперь. Сейчасъ я кучера къ Бауеру ...

Маргаритовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, и не проси!

Дородновъ.

Какъ ты это, братецъ, странно! Мнѣ теперь вдругъ фантазія; долженъ ты уважить?

Маргаритовъ.

Тебѣ эта фантазія-то часто приходитъ. Ты объ дѣлѣ-то ... Завтра нужно намъ къ маклеру ...

Дородновъ.

Да что объ дѣлѣ! Я на тебя, какъ на каменную стѣну. Видишь, я тебя не забылъ; вотъ гдѣ отыскалъ.

Маргаритовъ (жметъ ему руку).

Благодарю, благодарю. Да, вотъ куда занесла меня судьба. Ты добрый человѣкъ, ты меня нашелъ; а другіе бросили, бросили на жертву нищетѣ. Дѣлъ серьезныхъ почти нѣтъ, перебиваюсь кой-чѣмъ; а я люблю большія апелляціонныя дѣла, чтобъ было надъ чѣмъ подумать, поработать. А вотъ, на старости лѣтъ, и дѣлъ нѣтъ, обѣгать стали; скучно безъ работы-то.

Дородновъ.

Скучно-то бы ничего, а, вѣдь, чай, поди, и голодно.

Маргаритовъ.

Да, да, и голодно.

Дородновъ.

Бодрись, Герасимъ Порфирьичъ! Авось, съ моей легкой руки ... Ужь ты, по знакомству, постарайся!

Маргаритовъ.

Что̀ за просьбы! Я свое дѣло знаю.

Дородновъ.

Заходи завтра вечеркомъ! Не бойся, неволить не буду, легонькимъ попотчую.

Маргаритовъ.

Хорошо, хорошо, зайду.

Дородновъ.

Ну, такъ, значитъ, до пріятнаго.

Маргаритовъ.

Ахъ, постой, постой, забылъ. Подожди немного!

Дородновъ.

Чего еще?

Маргаритовъ.

Забылъ тебѣ росписку дать, какіе документы отъ тебя принялъ.

Дородновъ.

Вотъ еще! Не надо.

Маргаритовъ.

Нельзя, порядокъ.

Дородновъ.

Да не надо, чудакъ. Вѣрю.

Маргаритовъ.

Не выпущу безъ того.

Дородновъ.

И зачѣмъ только эти прокламаціи?

Маргаритовъ.

Въ животѣ и смерти Богъ воленъ. Конечно, у меня не пропадутъ, я ужь теперь остороженъ сталъ...

Дородновъ.

А развѣ было что?

Маргаритовъ.

Было. Вотъ какой былъ случай со мной. Когда еще имя мое гремѣло по Москвѣ, дѣлъ, документовъ чужихъ у меня было, хоть прудъ пруди. Все это въ порядкѣ, по шкапамъ, по коробкамъ, подъ номерами; только, по глупости по своей, довѣріе я прежде къ людямъ имѣлъ; бывало, пошлешь писарька: достань, молъ, въ такой-то коробкѣ дѣло; ну, онъ и несетъ. И выкралъ у меня писарекъ одинъ документъ, да и продалъ его должнику.

Дородновъ.

Великъ документъ-то?

Маргаритовъ.

Въ двадцать тысячъ.

Дородновъ.

Ого! Ну, что-жь ты?

Маргаритовъ (со вздохомъ).

Заплатилъ.

Дородновъ.

Всѣ заплатилъ?

Маргаритовъ (утирая слезы).

Всѣ.

Дородновъ.

Какъ-же ты извернулся?

Маргаритовъ.

Всѣ свои трудовыя денежки отдалъ, домъ продалъ,—все продалъ, что̀ можно продать было.

Дородновъ.

Такъ-то ты и въ упадокъ пришелъ?

Маргаритовъ.

Да.

Дородновъ.

Пострадалъ занапрасно?

Маргаритовъ.

Да.

Дородновъ.

Небось, не легко было?

Маргаритовъ.

Ну, ужь я про то знаю, каково мнѣ было. Вѣришь-ли ты? Денегъ нѣтъ, трудовыхъ, горбомъ нажитыхъ, гнѣзда нѣтъ, жена и такъ все хворала, а тутъ умерла — не перенесла, довѣрія лишился (шепотомъ), хотѣлъ руки на себя наложить.

Дородновъ.

Что̀ ты? Наше мѣсто свято! Полоумный ты, что̀-ли?

Маргаритовъ.

Будешь полоумный. Вотъ такъ-то разъ, вечеромъ, тоска меня грызетъ, хожу по комнатѣ, поглядываю, гдѣ петлю-то повѣсить ...

Дородновъ.

Ишь ты, Богъ съ тобой!

Маргаритовъ.

Да заглянулъ въ уголъ, кроватка тамъ стоитъ, дочка спала, двухъ лѣтъ была тогда. Думаю, кто-жь у ней-то останется. Понялъ ты?

Дородновъ.

Какъ не понять, голова!

Маргаритовъ.

Кто у ней останется, а? Да такъ это гляжу на нее, воззрѣлся на этого ангела, съ мѣста не могу сойти; а въ душѣ-то у меня точно тепло какое полилось, всѣ мысли-то супротивныя точно мириться между себя стали, затихать да улегаться по своимъ мѣстамъ.

Дородновъ.

И такое это, выходитъ, произволеніе.

Маргаритовъ.

Слушай, слушай. И съ тѣхъ поръ я такъ и молюсь на нее, какъ на мою спасительницу. Вѣдь, ужь, кабы не она, ау, братъ.

Дородновъ.

Да оно, точно, бываетъ; только сохрани Богъ всякаго!

Маргаритовъ.

Такъ вотъ ... Объ чемъ я началъ-то? Да, такъ вотъ съ тѣхъ поръ я остороженъ, запираю на ключъ, а ключъ у дочери. Все у ней, и деньги, и все у ней. Она святая.

Дородновъ.

Ну, къ чему это ты такія слова?

Маргаритовъ.

Что, что? Ты не вѣришь? Святая, говорю тебѣ. Она кроткая, сидитъ, работаетъ, молчитъ; кругомъ

нужда; вѣдь, она самые лучшіе свои года просидѣла, молча, нагнувшись, и ни одной жалобы. Вѣдь, ей жить хочется, жить надо, и никогда ни слова о себѣ. Выработаетъ лишній рубликъ, глядишь, отцу подарочекъ, сюрпризъ. Вѣдь, такихъ не бываетъ... Гдѣ-жь онѣ?

Дородновъ.

Замужъ-бы.

Маргаритовъ.

Да съ чѣмъ, чудно̀й ты человѣкъ, съ чѣмъ?

Дородновъ.

Ну, вотъ, Богъ дастъ, ты мнѣ дѣла-то на двѣсти тысячъ сдѣлаешь, такъ ужь тогда...

Маргаритовъ.

Ну, ты подожди, я сейчасъ тебѣ росписочку...

Дородновъ.

Ладно, подожду. (Маргаритовъ уходитъ въ свою комнату.)

Явленіе четвертое.

Дородновъ и Дормедонтъ.

Дородновъ (садится).

Дѣла-то на свѣтѣ тоже всякія бываютъ, все разное, у всякаго свое и всякій долженъ о себѣ. И не пожалѣть иного нельзя, а и жалѣть-то вскаго не приходится; потому вдругъ съ тобой самимъ можетъ грѣхъ случиться, такъ жалость-то надо для себя поберечь. (Смотритъ на Дормедонта.) Строчи, строчи! Развѣ поговорить съ тобой?

Дормедонтъ.

Чего-съ?

Дородновъ.

Ты ... какъ тебя?.. Пописухинъ, поди сюда поближе!

Дормедонтъ.

Вы-бы поучтивѣе, коли не знаете человѣка.

Дородновъ.

Ахъ, извините, ваше благородіе! А ты живи безъ претензіевъ, сытѣе будешь. Поди сюда, денегъ дамъ.

Дормедонтъ (подходя).

За что-съ?

Дородновъ (даетъ три рубля).

Такъ, здорово живешь.

Дормедонтъ.

Покорно благодарю-съ. (Кланяется.)

Дородновъ

(ерошитъ волоса Дормедонту).

Ахъ ты, шаршавый, не нашей державы!

Дормедонтъ.

Полноте! Что вы?

Дородновъ.

А что, милый другъ, этотъ самый стряпчій не сфальшивитъ, если ему документы повѣрить?

Дормедонтъ.

Какъ можно, что вы!

Дородновъ.

Я-бы и хорошему отдалъ, да тѣ спѣсивы очень, надо его сударемъ звать, да и дорого. Такъ, ежели ты какую фальшь замѣтишь, сейчасъ забѣги ко мнѣ, такъ и такъ, молъ.

Дормедонтъ.

Да что вы! Ужь будьте покойны.

Дородновъ.

Ну, поди, строчи!

Дормедонтъ.

Да я кончилъ-съ.

Дородновъ.

Только ты стряпчему ни гу-гу! Ты много-ль жалованья получаешь?

Дормедонтъ.

Десять рублей въ мѣсяцъ.

Дородновъ.

Что̀-жь, это ничего, хорошо. Тоже, вѣдь, и тебѣ питаться надо чѣмъ-нибудь. Всякій отъ своихъ трудовъ долженъ; потому, взгляни: птица-ли, что-ли...

(Входитъ Маргаритовъ, Дормедонтъ уходитъ.)

Явленіе пятое.

Маргаритовъ и Дородновъ.

Маргаритовъ (отдавая росписку).

На̀, спрячь!

Дородновъ (прячетъ росписку).

Что̀ это у тебя за писарекъ такой?

Маргаритовъ.

Что̀-жь писарекъ? Ничего. Глуповатъ, а парень исправный.

Дородновъ.

Плутъ, я вижу, большой руки. За нимъ гляди.

Маргаритовъ.

Ну, не болтай пустого!

Дородновъ.

Поглядывай, совѣтую. Ну, гости посидятъ, посидятъ, да и поѣдутъ. (Хочетъ идти.) Постой! Вотъ, было, забылъ. У меня дома еще документъ, то дѣло особь статья; я его съ тѣми и не мѣшаю. Ужь я его хоть бросить, такъ въ ту-жь пору; да дай, думаю, посовѣтуюсь, что̀ съ нимъ дѣлать, все-таки, жалко.

Маргаритовъ.

Въ чемъ-же дѣло?

Дородновъ.

Этотъ самый документъ достался мнѣ по наслѣдству отъ дяди, вотъ со всѣми бумагами, которыя я къ тебѣ привезъ. Да какой-то онъ сумнительный. Ну, думаю, и такъ много досталось, этого и жалѣть нечего, что по немъ ни получи, все ладно, а то хоть и пропадай онъ.

Маргаритовъ.

На кого документъ-то?

Дородновъ.

На бабу. Тутъ вдова есть одна. Лебедкина прозывается. Путаная бабенка.

Маргаритовъ.

Да у ней есть что̀-нибудь?

Дородновъ.

Какъ не быть. Поразмотала, а все-таки, заплатить въ силахъ.

Маргаритовъ.

Такъ давай, получимъ.

Дородновъ.

Получить можно, коли пугнуть.

Маргаритовъ.

Чѣмъ?

Дородновъ.

Документъ выданъ за поручительствомъ мужа, ей-то не больно вѣрили, а поручительство-то фальшивое. Мужъ-то въ параличѣ былъ, безо всякаго движенія, какъ она документъ-то выдала.

Маргаритовъ.

Такъ и пугнуть.

Дородновъ.

Оно и слѣдуетъ; только обстоятельному купцу связываться съ бабой, я такъ понимаю, мараль. Я тебѣ передамъ, ты, какъ хочешь отъ своего имени, а мнѣ чтобъ не путаться.

Маргаритовъ.

Ну, такъ ты считай, что эти деньги у тебя въ карманѣ.

Дородновъ.

Получи хоть половину!

Маргаритовъ.

Всѣ получу.

Дородновъ.

Не пожалѣешь, стало быть?

Маргаритовъ.

Что̀ плутовъ жалѣть!

Дородновъ.

Бабенка-то оборотиста, не оплела-бы тебя на старости лѣтъ; заговоритъ, растаешь.

Маргаритовъ.

Ну, вотъ еще! Толкуй тутъ! Вотъ тебѣ рука моя, что черезъ два дня всѣ деньги у тебя.

Дородновъ.

Значитъ, эту статью изъ головы вонъ. Завтра я тебѣ документъ отдамъ. Ну, да, вѣдь, всего не переговоришь, что̀-нибудь къ завтрему оставимъ: а теперь, по-моему, коли не пить, такъ самое время спать. Прощай!

Маргаритовъ.

Посвѣтите тамъ кто-нибудь. (Уходитъ съ купцомъ въ переднюю. Изъ передней возвращаются: Маргаритовъ, Шаблова и Дормедонтъ. Людмила выходитъ изъ своей комнаты.)

Явленіе шестое.

Маргаритовъ, Шаблова, Людмила и Дормедонтъ.

Шаблова.

Ужинать не прикажете-ли?

Маргаритовъ.

Ужинайте, коли хотите, я ужинать не буду. Людмилочка, я нынче долго просижу, ты спи, меня не дожидайся. (Ходитъ по комнатѣ.)

Людмила.

Я сама хочу нынче посидѣть подольше, поработать. (Шабловой.) Вы сейчасъ будете ужинать, никого ждать не будете?

Шаблова.

Да надо-бы подождать.

Людмила.

Ну, такъ я съ вами посижу.

Дормедонтъ.

Нѣтъ-ли ужь дѣльца и мнѣ, Герасимъ Порфирьичъ, за компанію?

Маргаритовъ.

Погоди, будетъ и тебѣ дѣло. Людмила, у меня дѣла, опять дѣла. Фортуна улыбается, повезло, повалило счастье, повалило.

Людмила.

Какъ я рада за тебя, папа!

Маргаритовъ.

За меня? Мнѣ ужь, Людмила, ничего не нужно; я для тебя живу, дитя мое, для одной тебя.

Людмила.

А я для тебя, папа.

Маргаритовъ.

Полно! Богъ дастъ, будетъ у насъ довольство; въ нашемъ ремеслѣ, коли посчастливится, скоро богатѣютъ, — вотъ поживешь и для себя, да какъ поживешь-то!

Людмила.

Я не умѣю жить для себя; въ томъ только и счастье, когда живешь для другихъ.

Маргаритовъ.

Не говори такъ, дитя мое, не принижай себя; ты меня огорчаешь. Я знаю свою вину, я загубилъ твою молодость, ну, вотъ я-же и поправить хочу свою вину. Не обижай отца, не отказывайся напередъ отъ счастья, котораго онъ тебѣ желаетъ. Ну, прощай! (Цалуетъ Людмилу въ голову.) Ангелъ хранитель надъ тобой!

Людмила.

И надъ тобой, папа. (Маргаритовъ уходитъ въ свою комнату.)

Шаблова.

Вотъ что̀ видѣть-то пріятно, а у меня сынки ...

Дормедонтъ.

Маменька, я-то? Развѣ я васъ не покою, развѣ я для дома не радѣтель?

Шаблова.

Такъ-то такъ, да ждать-то отъ тебя много нечего. А вотъ братъ и съ умомъ, да ... ужь и не говорить лучше! Замучилъ мать! Майся съ нимъ, точно съ калѣчищемъ какимъ! (Прислушивается.) Ну, стучатся, не долго дожидались. Пойти, велѣть пустить, да ворота запереть. (Уходитъ. Людмила подходитъ къ окну.)

Явленіе седьмое.

Людмила и Дормедонтъ.

Дормедонтъ (про себя).

Не теперь-ли начать? (Людмилѣ.) Людмила Герасимовна, вы какъ о братѣ понимаете?

Людмила.

Я его не знаю совсѣмъ.

Дормедонтъ.

Однако, по его поступкамъ?

Людмила.

По какимъ?

Дормедонтъ.

Противъ маменьки.

Людмила.

Что-же онъ противъ нея сдѣлалъ?

Дормедонтъ.

А въ трактирѣ сидитъ.

Людмила.

Можетъ-быть, ему тамъ весело.

Дормедонтъ.

Мало что̀ весело! Этакъ бы и я пошелъ.

Людмила.

Что̀-жь вы нейдете?

Дормедонтъ.

Нѣтъ-съ, я не такихъ правилъ. Для меня дома лучше-съ.

Людмила.

Полноте! Что̀ здѣсь хорошаго? Ну, ужь про насъ нечего и говорить; а мужчинѣ-то, особенно молодому ...

Дормедонтъ.

Да-съ, когда онъ не чувствуетъ.

Людмила.

А вы что̀-же чувствуете?

Дормедонтъ.

Да я то-съ, да я-съ ... (Входитъ Шаблова съ запиской въ рукахъ.)

Явленіе восьмое.

Людмила, Дормедонтъ и Шаблова.

Дормедонтъ (про себя).

Помѣшали! (Шаблова утираетъ слезы.)

Людмила.

Что̀ съ вами?

Шаблова.

Да вотъ чадо-то мое ...

Людмила (съ испугомъ).

Что̀ такое?

Шаблова (подавая записку).

Вотъ прислалъ съ мальчикомъ изъ трактира.

Людмила.

Можно прочесть?

Шаблова.

Прочитайте!

Людмила (читаетъ).

„Маменька, не ждите меня, я заигрался. Со мной непріятный случай — я проигрываю; я связался играть съ игрокомъ, который гораздо сильнѣе меня. Онъ, какъ кажется, порядочный человѣкъ, ему нужно отдать деньги, а у меня денегъ нѣтъ; поэтому я не могу прекратить игры и все больше затягиваюсь. Если хотите спасти меня отъ стыда и оскорбленій, пришлите мнѣ съ посланнымъ тридцать рублей. Кабы вы знали, какъ я страдаю изъ-за такой ничтожной суммы!“

Шаблова.

Скажите, пожалуйста, „ничтожной!“ Выработай-ко, поди!

Людмила.

„Я, для скорости, послалъ мальчика на извозчикѣ; я жду и считаю минуты... Если у васъ нѣтъ, найдите гдѣ-нибудь, займите! Не жалѣйте денегъ, пожалѣйте меня! Не губите меня изъ копеечныхъ разсчетовъ! Или деньги, или вы меня не увидите больше. Деньги пришлите въ запечатанномъ конвертѣ! Любящій васъ сынъ Николай“.

Шаблова.

Хороша любовь, нѣчего сказать!

Людмила.

Что-же вы хотите дѣлать?

Шаблова.

Что̀ дѣлать? Гдѣ-же я возьму? У меня всего десять рублей, да и то на провизію отложены.

Людмила.

А, вѣдь, надо послать.

Шаблова.

Проигралъ, видите-ли! А кто его заставлялъ играть? Сидѣлъ-бы дома, такъ дѣло-то лучше.

Людмила.

Объ этомъ ужь теперь поздно разговаривать.

Шаблова.

Диви-бы въ самомъ дѣлѣ нужда! А то проигралъ, крайность-то небольшая.

Людмила.

Нѣтъ, большая. Вы слышали, что̀ онъ пишетъ: „вы меня больше не увидите“.

Шаблова.

Ну, такъ, батюшки мои, не разорваться-жь мнѣ изъ-за него. Тиранъ, мучитель! Вотъ наказанье-то. А за что̀, за что̀? Я-ль его не любила ...

Людмила.

Позвольте! Къ чему эти разговоры? Только время проходитъ, а онъ тамъ ждетъ, страдаетъ, бѣдный.

Шаблова.

Страдаетъ онъ, варваръ этакій! Бери, Дормедоша, бумагу, напиши ему: съ чего ты, молъ, выдумалъ, чтобъ маменька тебѣ деньги прислала? Ты-бы самъ долженъ въ домъ нести, а не изъ дому тащить послѣднее.

Людмила.

Постойте! Такъ нельзя, это безчеловѣчно! Дайте

мнѣ конвертъ! Надпишите только! (Достаетъ изъ портмоне пятидесятирублевую ассигнацію. Дормедонтъ надписываетъ конвертъ.)

Шаблова.

Что̀ вы, что̀ вы! Пятьдесятъ рублей!

Людмила.

Теперь мѣнять нѐгдѣ, да и нѐкогда.

Шаблова.

Да еще не послѣдніе-ли у васъ?

Людмила.

Это именно такой случай, ко̀гда посылаютъ послѣдніе. (Беретъ конвертъ у Дормедонта, кладетъ деньги и запечатываетъ.)

Шаблова.

Вѣдь, онъ сдачи-то не принесетъ; теперь сколько-же за эти деньги вамъ заживать у меня придется?

Людмила.

Нисколько, вы свое получите. Эти деньги я не вамъ даю, съ нимъ считаться и буду.

Шаблова.

Да, ангелъ вы небесный! Ахъ ты, Боже мой! Гдѣ-жь такія родятся. Ну, ужь я бы ...

Людмила.

Несите, несите; онъ, вѣдь, ждетъ, считаетъ минуты.

Шаблова.

Дормидоша, иди ужинать, пожалуйте и вы; я сейчасъ ...

Людмила.

Я не буду.

Шаблова.

Дормидоша, иди! Есть-же, вѣдь, на свѣтѣ такіе добродѣтельные люди. (Уходитъ.)

Дормедонтъ (про себя).

Вотъ теперь, должно-быть, въ самый разъ... (Людмилѣ.) Какъ вы къ нашему семейству-то...

Людмила (задумчиво).

Что вы?

Дормедонтъ

Какое, говорю, расположеніе...

Людмила.

Да, да.

Дормедонтъ.

Конечно, не всякій... (Шаблова за сценой: „Иди, что-ли, я жду".) Постойте, маменька. Конечно, я говорю, не всякій можетъ чувствовать...

Людмила (въ задумчивости).

Я не понимаю.

Дормедонтъ.

Вы вотъ для брата, а чувствую я. Развѣ онъ можетъ...

Людмила (подавая руку).

Покойной ночи! (Уходитъ. Шаблова за сценой: „да иди! Долго-ль ждать-то?".)

Дормедонтъ.

Эхъ, маменька! Тутъ, можетъ, вся моя судьба, а вы мѣшаете! (Оглядывается.) Вотъ ушла. Ну, въ другой разъ; кажется, дѣло-то на ладъ идетъ.

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе второе.

Декорація та же.

Явленіе первое.

Николай сидитъ у стола и спитъ, положивъ голову на руки. **Маргаритовъ** и **Людмила** входятъ.

Людмила.

Прощай, папа!

Маргаритовъ.

Прощай, душа моя! (Отдаетъ Людмилѣ ключи.) Вотъ тебѣ ключи! Пойдешь изъ дому, такъ бери съ собой, не оставляй! У меня въ столѣ документы, а я здѣсь никому не вѣрю. Здѣсь, Людмилочка, сторона голодная, народъ живетъ изо дня въ день, что̀ урветъ, тѣмъ и сытъ. Утопающій, говорятъ, хватается за соломенку; ну, а голодающій за то, что̀ плохо лежитъ. Здѣсь все украдутъ и все продадутъ, а ловкіе люди этимъ пользуются. Нужно подкупить человѣка на подлогъ, на преступленіе, нужно купить дѣвичью честь — иди сюда, купишь и недорого купишь. Когда ты увидишь, что сюда зайдетъ или заѣдетъ человѣкъ богатый, хорошо одѣтый, такъ знай, что онъ не за добрымъ дѣломъ зашелъ, — онъ ищетъ продажной чести или совѣсти.

Людмила.

А вчера къ тебѣ купецъ пріѣзжалъ богатый.

Маргаритовъ.

Такъ, вѣдь, это чудо. Я сначала-то подумалъ, что либо ему фальшивое духовное завѣщаніе нужно, либо ограбить кредиторовъ сбирается, такъ за добрымъ совѣтомъ пріѣхалъ. Ко мнѣ являлись такіе-то господа, не мало я ихъ гонялъ отъ себя. А живи я въ центрѣ Москвы, развѣ-бы смѣли показаться съ такими предложеніями. Помни еще, Людмила, что рядомъ съ нуждой всегда живетъ порокъ — это страшнѣе. Нуждѣ многое можно простить, ее и законъ не такъ строго судитъ; а когда твое трудовое украдутъ, чтобы пропить съ свистомъ, съ гамомъ, промотать въ буйной компаніи, — вотъ когда обидно. Вотъ, гляди! (Указываетъ на Николая.) Ему нужны деньги, очень нужны — пропить въ погребкѣ, проиграть на биліардѣ въ трактирѣ.

Людмила (съ испугомъ).

Папа, онъ услышитъ.

Маргаритовъ.

Пусть слышитъ, я правду говорю. Бѣжать-бы намъ изъ этого дома, а куда? Дешевыя квартиры всѣ такія: либо за перегородкой мастеровые, которые ужь совсѣмъ никогда не говорятъ по-человѣчески, а только ругаются съ утра до ночи, либо у хозяйки мужъ или сынъ пьяницы. И ты, ангельская душа, должна жить подъ одной крышей съ такимъ господиномъ. Только видѣть-то его для порядочной дѣвушки ужь есть оскорбленіе.

Людмила (съ укоромъ).

Папаша, потише!

Маргаритовъ.

Что̀ за церемоніи съ этимъ народомъ! Какъ его не бояться? Онъ въ недѣлю гроша не выработаетъ, а каждый-то вечеръ сидѣть въ какомъ-

нибудь Кенигсбергѣ, или Адріанополѣ, нужны средства. Береги пуще всего документы, да и деньги запирай крѣпче! Кстати о деньгахъ: дай-ко ты мнѣ на расходы!

Людмила.

У меня нѣтъ денегъ.

Маргаритовъ.

Куда-жь ты ихъ дѣла?

Людмила.

Истратила. (Маргаритовъ пристально смотритъ на нее.) Что ты такъ смотришь на меня? Что за инквизиція, папа? Если хочешь, я тебѣ скажу, куда ...

Маргаритовъ (прерывая ее).

Нѣтъ, нѣтъ, не надо ... я знаю. Я что въ глазахъ-то твоихъ ищу? Для себя-ли ты истратила, бѣдненькая, на свои нужды, на свое необходимое, или опять на баловство для меня, негоднаго старика. Вижу теперь, вижу; ждать буду, Людмила, ждать ... не умѣла ты скрыть. А денегъ я у купца возьму, не безпокойся. Прощай. (Уходитъ.)

Людмила (у двери передней).

Прощай, папа! (Подходитъ къ столу и смотритъ съ нѣжностью на Николая.) Милый мой, милый! Какъ ему неудобно, бѣдному! Дождусь-ли я, мой милый, когда ты успокоишь свою умную, красивую голову на моихъ рукахъ? Какое-бы это счастье было для меня! (Молча смотритъ на Николая. Входитъ Шаблова.)

Явленіе второе.

Людмила, Шаблова и Николай.

Шаблова.

Да, вотъ полюбуйтесь! Каково матери-то смотрѣть! Ахъ, безпутная голова!

Николай (просыпаясь).

А? Что? Знакомый голосъ. Здравствуйте, маменька! Я вашъ голосъ, маменька, особенно когда вы бранитесь, изъ тысячи узнаю.

Шаблова.

Ахъ, ты непутевый! Съ чего это ты выдумалъ къ матери за деньгами присылать? Какія у матери деньги? Да диви-бы на дѣло, а то ...

Николай.

Ну, что-жь за бѣда такая? Знаете пословицу: „Проигралъ — не укралъ; денегъ нѣтъ, такъ самъ дома". Покорно васъ благодарю! Вотъ одолжили. (Хочетъ обнять мать.)

Шаблова.

И не подходи!

Николай.

Ну, какъ угодно. (Садится у стола и подпираетъ голову рукою.)

Шаблова.

Долго это будетъ продолжаться? Скажи ты на милость!

Николай.

Что „это?"

Шаблова.

Гульба твоя.

Николай.

А, право, не знаю. До перваго дѣла, я думаю.

Шаблова.

Не отговаривайся! Что Бога-то гнѣвить! Были у тебя дѣла, и теперь есть.

Николай.

Нѣтъ, это не дѣла.

Щаблова.

А что-жь такое, по-твоему?

Николай.

Дѣлишки.

Шаблова.

Ну, вотъ извольте съ нимъ разговаривать, когда онъ никакихъ резоновъ не принимаетъ. Деньги-то всѣ ухнулъ? Много-ль домой-то принесъ? Мнѣ кормить васъ нужно.

Людмила.

Объ этомъ говорить не нужно. Я прошу васъ.

Шаблова.

Ну, пожалуй, ну, какъ вамъ угодно. А вѣдь жалко, мы не милліонщики, по стольку-то за разъ проматывать. Батюшки, что-то въ кухнѣ зашипѣло. Бѣжать скорѣй! (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Людлмила и Николай.

Николай.

Позвольте мнѣ полюбопытствовать, съ какой стати вы помѣшали маменькѣ говорить о деньгахъ и какимъ это чудомъ она васъ послушалась?

Людмила.

Я просила ее просто изъ деликатности. Ей нужно было говорить не о деньгахъ.

Николай.

А о чемъ-же?

Людмила.

Ей нужно было пожалѣть васъ самихъ, а не ...

Николай.

То есть, какъ пожалѣть?

Людмила.

Пожалѣть, что вы тратите свое здоровье, и просить васъ беречь его.

Николай.

А вы-бы стали ей поддакивать, конечно?

Людмила.

Да, и я-бы стала ... умолять васъ о томъ-же.

Николай.

Умолять? Это слишкомъ много чести для меня.

Людмила.

И я-бы стала умолять васъ оставить дурное общество, не тратить даромъ своихъ способностей.

Николай.

И прочее и прочее ... Знаю ... Вы ведете себя, какь и слѣдуетъ чувствительной барышнѣ; чувствительныя сердца всегда мѣшаются не въ свое дѣло и лѣзутъ туда съ совѣтами, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Но маменька ...

Людмила.

Деньги можно пріобрѣсти, но разстроенное здоровье ...

Николай.

Невозвратимо. Безподобно. Но маменька ... Она чувствительностью не отличается, деликатностью также; для нея дороже всего деньги, для нея нѣтъ выше преступленія, какъ истратить лишнія деньги, и она замолчала. Я ждалъ бури и ужь заранѣе запасся терпѣніемъ на двое сутки; и вдругъ, вмѣсто обычной рацеи: „мотъ, пьяница, растащилъ домъ“ —

я слышу мораль отъ постороннихъ, которымъ до меня дѣла нѣтъ. Чудеса какія-то!

Людмила.

Извините!

Николай.

Нѣтъ, ничего. Разговаривайте, если вамъ это доставляетъ удовольствіе.

Людмила.

Для меня всегда большое удовольствіе говорить съ вами.

Николай.

То есть поучать меня.

Людмила.

О, нѣтъ!

Николай.

Отъ чего-жь и не поучить! Это такъ дешево стоитъ.

Людмила.

Не будьте несправедливы, не обижайте меня! Я не обиды заслуживаю отъ васъ.

Николай.

А благодарности. Разумѣется, какъ-же мнѣ не благодарить васъ! Вы учите меня, не имѣя на то никакого права; вы считаете меня дуракомъ, потому что сообщаете мнѣ за новость такія истины, какія всякій десятилѣтній мальчикъ знаетъ.

Людмила.

Не то, Николай Андреичъ, не то. Я только прошу васъ ... все это такъ просто .

Николай.

Просите? Зачѣмъ? Вы не знаете ни моей жизни, ни моего характера, ни положенія, въ которомъ я нахожусь ... Маменька простая женщина, а и та поступила лучше: она знала, что мнѣ деньги нужны, а не совѣты, и прислала мнѣ денегъ.

Людмила.

Я вамъ прислала денегъ, а не маменька.

Николай.

Вы?

Людмила.

Я не хотѣла сказывать, но вы сами меня заставили.

Николай.

Вы прислали деньги? Что̀ такое? Зачѣмъ вы это сдѣлали? Кто васъ просилъ? Маменька? Она заняла у васъ, она обѣщала вамъ отдать?

Людмила.

Нѣтъ.

Николай.

Какъ-же это случилось?

Людмила.

Я прочитала ваше письмо, я живо представила ваше положеніе; тутъ нѣкогда было думать, нужно было торопиться.

Николай

(съ чувствомъ беретъ ее за руку).

Благодарю васъ. Разумѣется, я вамъ эти деньги отдамъ при первой возможности; но позвольте вамъ замѣтить: вы поступили неосторожно.

Людмила.

Можетъ-быть.

Николай.

Вы меня не знаете, я могу не заплатить вамъ; а вы не такъ богаты, чтобы бросать по пятидесяти рублей.

Людмила.

Я объ этомъ не думала; я думала только о томъ, что вамъ необходимо нужны деньги.

Николай.

Позвольте вамъ удивляться.

Людмила.

Чему тутъ удивляться, Николай Андреичъ? Мы живемъ въ одномъ домѣ, я почти никого, кромѣ васъ, не вижу ... Вы имѣете столько достоинствъ ...

Николай.

Боже мой! (Закрываетъ лицо руками.) Вы меня любите?

Людмила.

Удивительно было-бы, еслибъ я не полюбила васъ.

Николай.

Зачѣмъ это, зачѣмъ? По крайней мѣрѣ, я себя не виню; я, кажется, не подавалъ вамъ никакого повода.

Людмила.

Нѣтъ, подали. Помните, съ мѣсяцъ тому назадъ, вотъ здѣсь, у этого окна, вы поцаловали мою руку и сказали, что вы-бы умерли отъ счастья, еслибъ васъ полюбила такая женщина, какъ я.

Николай.

Да вѣдь это фразы, это та-же шутка.

Людмила.

А зачѣмъ вы тогда-же не сказали, что шутите? Вы-бы спасли меня отъ страданій. А слезы на глазахъ? Вѣдь, если слезы неправда, такъ притворство, обманъ, а ужь не шутка. Какое надобно имѣть сердце, чтобъ шутить надъ такой дѣвушкой, какъ я.

Николай.

Боже мой! Простите. Нѣтъ, я не шутилъ, я ...

Людмила.

Я прожила свою молодость безъ любви, съ одной только потребностью любить, я веду себя скромно, никому не навязываюсь; я, можетъ-быть, съ болью сердца отказалась даже отъ мечты быть любимой. А вѣдь я женщина, любовь для меня все, любовь мое право. Развѣ легко побороть себя, побороть свою природу? Но представьте себѣ, что я поборола себя и была покойна и счастлива по-своему. Развѣ честно опять будить мои чувства? Вашъ только одинъ намекъ на любовь опять поднялъ въ душѣ моей и мечты и надежды, разбудилъ и жажду любви, и готовность самопожертвованія ... Вѣдь это поздняя, быть можетъ, послѣдняя любовь; вы знаете, на что она способна ... а вы шутите надъ ней.

Николай.

Нѣтъ. Вы, дѣйствительно, заслуживаете и уваженія, и любви всякаго порядочнаго человѣка; но вѣдь я способенъ погубить васъ, загубить вашу жизнь.

Людмила.

А на что̀ мнѣ она? Губите! Я буду и тѣмъ довольна, если сумѣю чѣмъ-нибудь вашу жизнь усладить, утѣшить васъ.

Николай.

Только усладить, утѣшить, и за это губить себя! Вы слишкомъ мало себя цѣните.

Людмила.

Разумѣется, мечты мои другія. Моя мечта — видѣть васъ покойнымъ, счастливымъ, и для этого я готова на всякія жертвы, рѣшительно на всякія.

Николай.

Ангелъ мой, Людмила Герасимовна, за прежнее простите меня! А на этотъ разъ я поступлю съ вами честно — я васъ разочарую. Ваши мечты такъ мечтами и останутся; спасти меня невозможно, у васъ нѣтъ средствъ для этого: я затянулся очень глубоко. Вы только себя погубите, и потому лучше посторонитесь съ моей дороги. Ни спокойнаго счастья, ни такой женщины, какъ вы, я не стою, и желать не умѣю; мнѣ нужно другое.

Людмила.

Что̀-же другое?

Николай.

Стыдно вамъ сказать.

Людмила.

Если стыдно сказать, такъ, значитъ, стыдно и желать, и дѣлать.

Николай.

Да́, вы правы. Но либо я рожденъ съ дурными

наклонностями, либо еще не перебѣсился. Ахъ, какъ я усталъ, какъ я изломанъ!

Людмила.

Отдохните!

Николай (садясь у стола).

Да, надо отдохнуть немножко, денька два дома посидѣть.

Людмила.

Какъ я рада!

Николай.

Какая вы добрая! Эхъ, некрасива моя жизнь, Людмила Герасимовна; а впереди еще некрасивѣе.

Людмила (подходя къ нему).

По крайней мѣрѣ, не обѣгайте меня, когда вамъ нужно будетъ утѣшеніе или участіе.

Николай (подавая ей руку).

Благодарю васъ, благодарю.

Людмила

(замѣтивъ у Николая револьверъ въ карманѣ, беретъ его).

А это вотъ отдайте мнѣ.

Николай.

Осторожнѣе, онъ заряженъ.

Людмила.

Зачѣмъ онъ у васъ?

Николай.

Я его купилъ дешево, мимоходомъ, у носящаго, на глаза подвернулся. Деньги оставались, думалъ, все равно, промотаю, а это вещь полезная, можетъ-быть, и пригодится.

Людмила.

Я его запру у себя; когда вамъ понадобится, вы мнѣ скажите.

Николай (съ улыбкой).

Пожалуй, заприте. Въ самомъ дѣлѣ, уберите лучше, а то глядишь, глядишь на него, да и, пожалуй ...

Людмила.

О какихъ страшныхъ вещахъ вы говорите такъ равнодушно.

Николай (смѣясь).

Вотъ толковъ-то надѣлаю. Не влюбленъ-ли безнадежно, казенныя деньги не затратилъ-ли? Какъ будто нѣтъ причинъ проще ...

Людмила.

Какія-же?

Николай.

Жить незачѣмъ. Какъ хочется жить, такъ нельзя; а какъ можно, такъ не хочется. Да, уберите лучше ... Скверно жить, Людмила Герасимовна.

Людмила.

Перестаньте, не мучьте меня. За мою откровенность будьте и вы со мной откровенны.

Николай.

Это чего-жь вы хотите? Чтобъ я разсказалъ вамъ всю гадость моего положенія? Пожалуй, только не теперь, я усталъ очень.

Людмила.

И мнѣ нужно идти со двора, а вотъ ужо, въ сумеречкахъ ... Обѣщаете? Вы дома будете?

Николай.

Дома.

Людмила.

Ну, до свиданія. (Заходитъ въ свою комнату, оставляетъ тамъ револьверъ, надѣваетъ бурнусъ и платокъ, потомъ запираетъ свою дверь и уходитъ.)

Николай.

Вотъ некстати. Не въ такомъ я теперь расположеніи, чтобъ въ эти сентиментальности путаться. А, впрочемъ, что-жь, помѣха небольшая. Все-таки какъ-то теплѣе, когда тебя кто-нибудь любитъ. (Изъ передней выбѣгаетъ Дормедонтъ.)

Явленіе четвертое.

Николай, Дормедонтъ, потомъ **Шаблова.**

Дормедонтъ.

Маменька, маменька, Варвара Харитоновна пріѣхала. (Шаблова входитъ.)

Шаблова.

Выдумывай еще! Въ нашъ-то курятникъ, да такая дама поѣдетъ. Не умѣетъ она прислать-то? И лакея пошлетъ, такъ мать-то собачьей рысью къ ней побѣжитъ; а то очень нужно ей самой ѣхать.

Дормедонтъ.

Да вѣдь я не знаю-съ; кому-жь быть-то, какъ не ей? Посмотрите!

Шаблова (взглянувъ въ окно).

Что за чудо? И то вѣдь она. Видно, дѣло какое, спѣшное!

Николай.

Маменька, коли меня спроситъ, скажите, что дома нѣтъ! (Уходитъ.)

Шаблова.

Ахъ ты, алистократъ. Видно, дѣло-то не тяга, видно, у ней получше тебя есть. Бѣжать, встрѣтить! (Выходитъ въ переднюю и возвращается съ Лебедкиной.)

Явленіе пятое.

Шаблова, Лебедкина и Дормедонтъ.

Шаблова.

Какими судьбами, матушка, благодѣтельница? Кому молиться-то прикажешь?

Лебедкина.

Это кто у тебя?

Шаблова.

Сынокъ, матушка.

Лебедкина (Дормедонту).

Вы тоже адвокатъ?

Дормедонтъ.

Нѣтъ-съ, я такъ.

Шаблова.

Гдѣ-жь ему! Онъ по домашней части. (Дормедонту.) И что ты тутъ толчешься? (Дормедонтъ уходитъ.)

Лебедкина.

Душа моя, Фелицата Антоновна, поскорѣй!

Шаблова.

Да что поскорѣй-то? Чаю прикажете?

Лебедкина.

Ну, вотъ, чай! Ты мнѣ карточки.

Шаблова.

Мигомъ, матушка. Карты всегда при мнѣ. Какъ солдатъ съ ружьемъ, такъ и я съ ними. (Достаетъ колоду изъ кармана.) По какой части? По амурной, что-ли?

Лебедкина.

Да, да, поскорѣй!

Шаблова.

Трефоваго короля-то класть, все того-же?

Лебедкина.

Да, все того-же, трефоваго; только выколи ему булавкой глаза!

Шаблова (колетъ булавкой короля).

Вотъ тебѣ обидчику! (Раскладываетъ карты.) Матушка, вантажъ.

Лебедкина.

Да какой отъ него авантажъ? Другую недѣлю глазъ не кажетъ; измучилась, не утерпѣла, къ тебѣ бросилась.

Шаблова (разсматривая карты).

Придетъ.

Лебедкина.

Да ты погляди хорошенько! Займись этимъ дѣломъ, займись! Вотъ это какая дама-то? Причемъ она тутъ? Вотъ за нее-то ему глаза и выколоть.

Шаблова.

Не грѣши! Она въ сторонѣ. Видишь, онъ отъ нея отвернулся.

Лебедкина.

Да вѣрно-ли?

Шаблова.

Гляди сама, коль не вѣришь! Что меня обижа-

ешь? Я-ль тебѣ не угадывала? Какъ, бывало, скажу: „жди!“ Ну, такъ и есть, къ вечеру и тутъ-какъ-тутъ, ты и съ радостью.

Лебедкина (смѣшивая карты).

Ну, вѣрю. Разложи-ка еще! Я-было и забыла совсѣмъ.

Шаблова.

Теперь на даму?

Лебедкина.

На меня.

Шаблова (раскладывая).

Дѣло, что̀-ли, какое?

Лебедкина.

Да ты гляди!

Шаблова.

Вижу, дѣло денежное.

Лебедкина.

Ты смотри хорошенько, платить мнѣ или нѣтъ.

Шаблова (разсматривая карты).

Пожалуй, что и заплатишь; по видимости, такъ выходитъ.

Лебедкина.

Ахъ, не хочется. Время-то къ зимѣ; какіе у меня зимой расходы, сама знаешь. Оперы, вечера, новости изъ-за границы получатъ скоро, однѣ перчатки разорятъ.

Шаблова.

Ну, да ужь что̀ говорить!

Лебедкина.

Ахъ, не хочется платить. Къ зимѣ добрые люди

занимаютъ, а ты плати. Очень весело платить! Мнѣ самой деньги нужны. Вотъ шляпка! Что̀ въ ней особеннаго? А съ меня за нее взяли, что и не выговоришь. Хороша?

Шаблова.

Хорошему все хорошо; а на волка хоть и лучше надѣнь, все волкъ будетъ. Да ты должна, что̀-ли?

Лебедкина.

Разумѣется, должна. Когда-же я не должна бываю.

Шаблова.

Кому?

Лебедкина.

Купцу Дороднову. Я у дяди его занимала-то, а ему по наслѣдству досталось. Тотъ былъ человѣкъ учтивый, подождалъ-бы, а этотъ мужикъ сѣрый.

Шаблова.

Льготы не даетъ?

Лебедкина.

Срокъ вышелъ, такъ я заѣзжала къ нему сегодня утромъ, чтобъ переписать документъ. Вы, говоритъ, мнѣ, сударыня, ничего не должны; я ваше заемное письмо передалъ стряпчему Маргаритову, съ нимъ и извольте считаться. Видимое дѣло, что взыскать хочетъ.

Шаблова.

Маргаритову? Такъ, вѣдь, онъ у меня живетъ, въ этихъ комнатахъ.

Лебедкина.

Каковъ онъ?

Шаблова.

Ефіопъ.

Лебедкина.

Не уступитъ?

Шаблова.

Ни зерна маковаго.

Лебедкина.

А чтобъ ему на сдѣлочку пойти; вѣдь не свои деньги. Взялъ-бы съ меня половину, а я-бы за это ему тысячу рублей дала.

Шаблова.

И заикнуться не дастъ. Честность-то ужь больно некстати одолѣла его. А велика-ли половина?

Лебедкина.

Шесть тысячъ.

Шаблова.

Ишь ты! Кажется, кабы руки подошли, украла-бы документъ для тебя.

Лебедкина.

Укради, голубушка! Смерть не хочется платить.

Шаблова.

Украдешь у него! Онъ за семь замковъ запираетъ. Вотъ тутъ и живетъ. Еще дочка у него барышня тонкая; но при всемъ томъ, кажется, съ Николаемъ амурничаетъ.

Лебедкина.

Да ты говори прямо! Любовница, что̀-ль, она его?

Шаблова.

Нѣтъ, матушка, что̀ ты! Дѣвушка она скром-

ная. А что влюблена, какъ кошка, такъ это ужь правда.

Лебедкина.

Ну, и то хорошо. Мнѣ отличная мысль въ голову пришла. Пожалуй, мое дѣло и поправится. А онъ дома?

Шаблова.

Не велѣлъ-было сказывать.

Лебедкина.

Занятъ?

Шаблова.

Какое занятіе! Прогулялъ всю ночь, отдыхаетъ.

Лебедкина.

Не нуждается-ли въ деньгахъ? Я-бы съ удовольствіемъ. Нельзя-ли его видѣть?

Шаблова.

Чего у меня для тебя нельзя? Все можно (*У двери.*) Никòля, поди сюда! Толкуйте, а я мѣшать не буду.

(*Николай входитъ, Шаблова уходитъ.*)

Явленіе шестое.

Лебедкина и Николай.

Николай (*кланяясь*).

Чему обязанъ счастіемъ?..

Лебедкина.

Ужь скажите лучше: блаженствомъ.

Николай (*сухо*).

Что̀ прикажете?

Лебедкина.

Ничего не прикажу. Хотите кататься?

Николай.

Что̀ такое? Не понимаю.

Лебедкина.

Очень просто, я хочу прокатиться и приглашаю васъ съ собой.

Николай.

И вы не нашли никого, кромѣ меня? Кажется, у васъ въ провожатыхъ недостатка нѣтъ.

Лебедкина.

Ну, положимъ, что это мой капризъ.

Николай.

Нынче у васъ капризъ: приласкать человѣка, завтра капризъ: оттолкнуть, чуть не прогнать его. Какъ хотите, а уважая себя и желая себѣ спокойствія, при всей ...

Лебедкина.

Договаривайте! Я позволяю.

Николай.

При всей любви къ вамъ, стараешься быть подальше отъ вашихъ капризовъ.

Лебедкина.

Вы не знаете женщинъ. Ихъ капризами нужно умѣть пользоваться; женщина изъ каприза способна на многое.

Николай.

Я не Донъ-Жуанъ.

Лебедкина.

Не все Донъ-Жуаны, иногда нравятся и мечтатели, идеалисты. (Помолчавъ.) Говорятъ, въ Стрѣльнѣ зимній садъ хорошъ!

Николай.

Да, говорятъ.

Лебедкина.

Вотъ-бы съѣздить.

Николай.

Что̀-жь, поѣзжайте!

Лебедкина.

Да вѣдь Стрѣльна все-таки трактиръ, одной ѣхать неприлично.

Николай.

А вдвоемъ съ молодымъ мужчиной?

Лебедкина.

Тоже неприлично. Но я изъ двухъ золъ всегда выбираю то, которое пріятнѣе. Посидѣть подъ пальмой ... и пообѣдать можно. Чего вы боитесь? Я васъ не задержу, я васъ обратно домой привезу, я заѣду оттуда къ вамъ чай пить. Ну, будьте полюбезнѣе!

Николай.

Пожалуй.

Лебедкина.

Ахъ, милый другъ мой, какъ иногда бываетъ скучно жить на свѣтѣ!

Николай.

Ну, вамъ еще можно жить, а мнѣ вотъ ...

Лебедкина.

Развѣ и вы тоже несчастны? Бѣдненькій. А бѣжите отъ женщины! Да кто-же можетъ такъ утѣшить, какъ женщина? Дайте мнѣ вашу руку

Николай (подавая руку).

Объ чемъ-же вы плачете?

Лебедкина.

Ахъ, мой милый другъ, какъ тяжело жить женщинѣ безъ опоры, безъ руководителя! Вы не знаете. Я очень несчастна.

Николай.

Видно, мнѣ придется васъ утѣшать, а не вамъ меня.

Лебедкина.

О, нѣтъ, это у меня на одну минуту; я сейчасъ опять развеселюсь. (Подходитъ къ двери и громко.) Прощайте! (Выходятъ Шаблова и Дормедонтъ и помогаютъ Лебедкиной одѣваться.)

Явленіе седьмое.

Лебедкина, Николай, Шаблова, Дормедонтъ, потомъ **Людмила.**

Лебедкина (Шабловой).

Я твоего сына беру съ собой.

Шаблова.

Да возьмите, благо вамъ удовольствіе. Чего онъ дома-то не видалъ?

Лебедкина.

Мы въ паркъ ѣдемъ.

Шаблова.

Разгуляйтесь! Неужто-жь на мѣстѣ сидѣть? Еще мысли въ голову полѣзутъ. А что за охота думать-то; намъ не книги сочинять. Отъ думы-то вредъ бываетъ.

Лебедкина (Николаю).

Ну, идемте! (Поетъ изъ Периколы:) „Я готова, я готова!“ (Николай беретъ шляпу, повязываетъ на шею кашне. Входитъ Людмила и, не раздѣваясь, останавливается у своей двери.) Поживѣй, поживѣй, мой милый кавалеръ! (Шабловой.) Прощай, душа моя! Жди, мы вернемся къ тебѣ чай пить.

Шаблова.

Милости прошу. (Уходятъ: Лебедкина, Николай, Шаблова и Дормедонтъ.)

Людмила.

Отецъ говоритъ, что богатые люди въ наше захолустье за добромъ не ѣздятъ. У меня что-то непокойно сердце; мнѣ кажется, что это посѣщеніе не къ добру. (Раздѣвается и подходитъ къ окну. Дормедонтъ возвращается.)

Явленіе восьмое.

Людмила и Дормедонтъ.

Дормедонтъ (про себя).

Вотъ случай-то! Вотъ когда въ самый разъ. Людмила Герасимовна, не прикажете-ли чего папенькѣ сказать. Я иду, онъ мнѣ велѣлъ въ окружной судъ приходить.

Людмила.

Нѣтъ, ничего.

Дормедонтъ.

Людмила Герасимовна, видите?

Людмила.

Что?

Дормедонтъ (указывая въ окно).

Братъ-то, точно баронъ какой развалился въ коляскѣ. Вотъ стыда-то у человѣка нѣтъ! Ему-бы скрываться. Ухъ, покатили! ...

Людмила (садясь у стола).

Зачѣмъ скрываться?

Дормедонтъ.

Отъ добрыхъ людей, ну, и отъ кредиторовъ. Вѣдь его на цугундеръ, Людмила Герасимовна.

Людмила.

Что, что?

Дормедонтъ.

Завтра въ яму опустятъ.

Людмила (съ испугомъ).

Какъ? Въ какую яму?

Дормедонтъ.

Къ Воскресенскимъ воротамъ, за долги: безпремѣнно-съ ему сидѣть и долго сидѣть. Я самъ и исполнительный листъ видѣлъ, и кормовые представлены; только маменькѣ не сказываю; что ее безпокоить! (Людмила чуть не падаетъ; облакачивается на столъ и поддерживаетъ голову руками.) Да и по дѣломъ ему! Конечно, по родству, жаль. Мы съ вами, Людмила Герасимовна, станемъ навѣщать его — все-таки, братъ. Калачиковъ ему будемъ носить. Такъ вѣдь, Людмила Герасимовна? Ай, что такое? Маменька, Людмила Герасимовна умираетъ.

(Занавѣсъ).

Дѣйствіе третье.

Декорація таже.

Явленіе первое.

Людмила сидитъ у окна, **Шаблова** стоитъ подлѣ нея.

Шаблова.

Самоваръ-то весь выкипѣлъ. Ишь закатились! Да и то сказать, что имъ торопиться-то! Сидятъ, проклажаются, ѣдятъ стерлядей, да шампанское пьютъ. Ужь нѣчего сказать, Варвара Харитоновна пожить умѣетъ, со вкусомъ женщина. Ну, а моему это на руку: замашки барскія, деньжонокъ нѣтъ; а съ ней-то и въ коляскѣ проѣдется, и сигару выкуритъ, развалясь — будто и въ самомъ дѣлѣ помѣщикъ. А вотъ и они катятъ.

Людмила.

Сдѣлайте одолженіе, Фелицата Антоновна, когда эта дама уѣдетъ, скажите мнѣ: мнѣ необходимо поговорить съ Николаемъ Андреичемъ. Отдохну, пойду, я такъ сегодня устала, много ходила. (Уходитъ. Входятъ: Лебедкина и Николай.)

Явленіе второе.

Шаблова, Лебедкина и Николай.

Шаблова

(помогая раздѣваться Лебедкиной).

Ну, вотъ, матушка, Варвара Харитоновна, опять я васъ вижу. Эко счастье! Въ день по два раза. И самоваръ-то, точно знаетъ, для кого поставленъ, такъ-то старается, надсѣлся, кипѣвши.

Лебедкина.

Пей сама, я пила ужь.

Шаблова.

Да нельзя-же! Хоть одну чашечку.

Лебедкина.

Погоди, Фелицата Антоновна, не мѣшай намъ; у насъ интересный разговоръ.

Шаблова.

Ну, какъ угодно. Можетъ, послѣ выпьешь, я подожду.

Николай.

Людмила Герасимовна дома?

Шаблова.

Дома; да ничего, она отдохнуть легла.

Николай (Лебедкиной).

Во всякомъ случаѣ, разговаривайте потише.

Лебедкина.

А я тебѣ на твоего сына жалуюсь, можетъ помочь мнѣ, а не хочетъ.

Шаблова.

Что̀ это ты, въ самомъ дѣлѣ, Николай? Ты меня не стыди передъ благодѣтельницей! Важность-то надобно оставить. Мы для Варвары Харитоновны все должны ... какъ рабы .. не разбирая.

Николай.

Хорошо, маменька, хорошо!

Шаблова.

Да, кажись ... да заставь она меня человѣка убить — убью для нея, право; а не то, что малость какую.

Лебедкина.

Полно, Фелицата Антоновна, я шучу.

Шаблова.

Да какія шутки! Нѣтъ, ужь онъ такой зародился, ничего-то для дому. У насъ, матушка, у бѣдныхъ людей, кто въ домъ несетъ, тотъ и радѣтель.

Николай.

Прежде нужно честно добыть, да потомъ въ домъ и нести.

Шаблова.

Нѣтъ-то мнѣ ничего противнѣй этой твоей философіи. Когда твоей чести дождешься-то, а ѣсть-то всякій день хочется; такъ ужь честно-ль, не честно-ль, а въ домъ тащить ты обязанъ.

Лебедкина.

Оставь насъ на минуту, намъ поговорить нужно.

(Шаблова уходитъ.)

Явленіе третье.

Николай и Лебедкина.

Николай.

Ухъ, пообѣдали-же мы!

Лебедкина.

А вы не засните!

Николай.

Не мудрено.

Лебедкина.

Ну, какъ-же, какъ-же, другъ мой? Говорите! Проснитесь!

Николай.

Вотъ вамъ мой совѣтъ: привозите деньги, завтра-же привозите! Другого вамъ ничего не остается.

Лебедкина.

Хорошъ совѣтъ! Покорно благодарю! Вдругъ столько отдать ...

Николай.

Объ чемъ тутъ толковать? Сейчасъ деньги, сейчасъ; тогда только я своимъ вліяніемъ обѣщаю спасти васъ отъ уголовнаго суда. Вѣдь вы сами говорили, что поручительство фальшивое.

Лебедкина.

Ну, что-жь такое? Если-бы я попросила, мужъ никогда-бы мнѣ не отказалъ, значитъ, это все-равно.

Николай.

Да вѣдь вы не просили? Вѣдь подпись не его?

Лебедкина.

Какъ вы странно разсуждаете! Какъ-же онъ могъ подписать, когда былъ въ параличѣ?

Николай.

А это подлогъ. Вѣдь за это, знаете, что̀ бываетъ?

Лебедкина.

Ахъ, да не пугайте! Я знаю, что за это очень нехорошо.

Николай.

Такъ привозите деньги. Нѣтъ, такъ достаньте, займите за какіе-бы то ни было проценты.

Лебедкина.

Ахъ, какъ не хочется ...

Николай.

Да вѣдь вы должны, вѣдь вы подъ этотъ документъ брали деньги?

Лебедкина.

Вотъ мило, какіе резоны! Разумѣется, брала. Да вѣдь ужь я тѣ деньги, которыя брала, истратила, а теперь должна отдавать свои. Поймите вы меня!

Николай.

Повѣрьте вы мнѣ, что я вамъ предлагаю самое лучшее, что̀ только возможно.

Лебедкина.

Нѣтъ, вы меня не любите, отъ того такъ и говорите. Это не самое лучшее. Я повѣрить не хочу, чтобы нельзя было уговорить стряпчаго обмануть этого Дороднова. Взялъ-бы половину, а за хлопоты вы раздѣлите пополамъ.

Николай.

Какъ вы хотите, чтобъ я къ честному человѣку обратился съ такимъ предложеніемъ? Какъ онъ посмотритъ на меня? Что онъ мнѣ скажетъ прямо въ глаза?

Лебедкина.

Ну, такъ сдѣлайте то, что я вамъ говорила.

Николай.

Невозможно.

Лебедкина (тихо).

Да вѣдь она васъ любитъ ужасно, вѣдь вы сами говорили. Развѣ можно отказать въ чемъ-нибудь тому, кого любите? Я по себѣ сужу.

Николай.

Вѣдь это чистое созданіе.

Лебедкина.

И прекрасно. Тѣмъ легче обмануть. Тогда половина ваша. Деньги хорошія, мой другъ, и нелишнія для васъ.

Николай.

Не искушайте меня деньгами! Я въ крайности, въ ужасной крайности; за себя поручиться нельзя, можетъ найти минута слабости, и упадешь такъ низко ... Меня завтра повезутъ въ яму за долги, меня ожидаетъ срамъ, униженіе. Пожалѣйте меня, не искушайте!

Лебедкина.

Такъ спасайте себя отъ срама, вотъ вамъ средство.

Николай.

Есть и другое.

Лебедкина.

Это такъ легко.

Николай.

То еще легче ... Я скорѣй себѣ пулю въ лобъ ...

Лебедкина (со слезами).

Но что-жь мнѣ дѣлать? У меня денегъ нѣтъ, достать мнѣ негдѣ, кто мнѣ повѣритъ? Я такъ много должна.

Николай.

Слезы не помогутъ, нужно дѣйствовать. У васъ есть вещи, брильянты?

Лебедкина (со слезами).

И даже очень много.

Николай

Вотъ и прекрасно. Надо ихъ заложить въ опекунскій совѣтъ.

Лебедкина.

Да, въ опекунскій совѣтъ, только я не знаю, какъ это ...

Николай.

Я вамъ помогу.

Лебедкина.

Покорно васъ благодарю, вы мой истинный другъ.

Николай.

Завтра пораньше поѣдемте вмѣстѣ.

Лебедкина.

Ну, вотъ видите, какъ все это прекрасно улаживается. (Хохочетъ.) Ха, ха, ха!

Николай.

Что съ вами? Чему вы смѣетесь?

Лебедкина.

И вы хотите, чтобъ я разсталась со своими вещами? Да вы съ ума сошли! Вотъ потѣха! (Смѣется.)

Николай.

Извините, пожалуйста, я единственно изъ расположенія ...

Лебедкина.

Ахъ, какой вы чудакъ! Да можно-ль совѣтовать такой женщинѣ, какъ я, заложить вещи, бриллянты?

Николай.

Да что-же дѣлать-то?

Лебедкина.

Нѣтъ, вы еще очень молоды. Неужели вы думаете, что у меня такихъ денегъ нѣтъ, что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, трудно ихъ найти? Столько-то денегъ я вамъ черезъ часъ доставлю.

Николай.

Такъ въ чемъ-же дѣло, я не понимаю.

Лебедкина.

А въ томъ, что хоть этотъ долгъ для меня и не очень важенъ, а мнѣ его не хочется платить. Двѣнадцать тысячъ, для кого-бы то ни было, составляютъ разсчетъ. И вотъ мнѣ хотѣлось испытать, стоите-ли вы моей любви, которой вы такъ давно добиваетесь.

Николай.

Да, это совсѣмъ измѣняетъ дѣло.

Лебедкина.

Давно-бы вамъ нужно было догадаться.

Николай.

Но я не понимаю, какъ вы можете полюбить человѣка, который сдѣлалъ гадость, хотя-бы и для васъ.

Лебедкина.

Не безпокойтесь! Я и сама не очень добродѣтельна, и другихъ сужу не строго. Если я вижу, что человѣкъ мнѣ преданъ безъ границъ, я и сама готова для него на всякія жертвы.

Николай.

Объ этомъ стоитъ подумать.

Лебедкина.

Какъ? Вы еще хотите думать? Вы можете колебаться? Да вѣдь близко, вѣдь передъ вами то, чего вы такъ долго и напрасно искали. Я не знаю, любите-ли вы меня, но я знаю навѣрное, что вы самолюбивы ... Удовлетвореніе самолюбія ...

Николай.

Ахъ, чортъ возьми! Вы меня сводите съ ума.

Лебедкина.

На умъ навожу. Получить большія деньги, пользоваться расположеніемъ женщины, извѣстной въ обществѣ, за которой всѣ ухаживаютъ, возбуждать зависть, ревность! Для этого можно кой-чѣмъ пожертвовать. Вы очень милы, умны, но вѣдь все-таки вы ...

Николай.

Ничтожество передъ вами. Конечно, я долженъ сознаться.

Лебедкина.

Нѣтъ, это слишкомъ. Зачѣмъ унижаться. Я вамъ скажу помягче: вы не изъ тѣхъ мужчинъ, которые

опасны для насъ. Вы не можете, не имѣете средствъ преслѣдовать ... васъ надо самой ... отыскивать ... въ захолустьѣ. Оцѣните это.

Николай.

Цѣню.

Лебедкина (цалуетъ его).

До завтра времени много ... Я привезу, на всякій случай, всѣ деньги, и посмотрю, любите-ли вы меня. Позволяю и вамъ поцаловать меня вотъ здѣсь. (Подставляетъ ему щеку.) Фелицата Антоновна, ѣду. (Шаблова за сценой: „со всѣхъ ногъ, матушка, бѣгу“.) Что̀ вы задумались?

Николай.

Мнѣ кажется, я помѣшаюсь. (Входитъ Шаблова.)

Явленіе четвертое.

Николай, Лебедкина и Шаблова.

Шаблова.

Ужь и домой? Что̀-жь мало погостили?

Лебедкина (тихо).

Ну, вотъ! Вѣдь ты мои дѣла знаешь, можетъ, и сбудется, что̀ ты пророчила, можетъ, и придетъ, такъ надо быть дома.

Шаблова.

Ужь въ такомъ случаѣ задерживать не смѣю, поѣзжайте, поѣзжайте!

Лебедкина (Николаю).

Прощайте! Цалуйте! (Протягиваетъ ему руку.) А то перчатки надѣну. Прикладывайтесь, пока не тѣсно! (Шабловой.) Ну, прощай! (Тихо.) Вотъ это тебѣ! (Даетъ ей крупную ассигнацію.) Забѣги какъ-нибудь! (Запѣваетъ.) „Пьяная улица“ ...

Шаблова

(цалуя Лебедкину въ плечо).

Ахъ, ты, птичка! Ахъ, ты, птичка, ахъ, ты, птичка моя, райская! (Лебедкина уходитъ, Шаблова и Николай ее провожаютъ. Выходитъ Людмила.)

Явленіе пятое.

Людмила, потомъ Николай и Шаблова.

Людмила.

Кажется, она уѣхала, наконецъ. Ждала, ждала, думала, думала ... Но что-же тутъ придумаешь? Тутъ нужны деньги. Видѣть позоръ любимаго человѣка! ... Несчастіе видѣть легче, чѣмъ позоръ! Молодой человѣкъ, полный силъ, умный ... и его запираютъ въ тюрьму вмѣстѣ съ промотавшимися развратниками, съ злостными банкротами. Я не выдержу, слезы хлынутъ у меня. (Выходятъ: Шаблова и Николай.)

Шаблова (Людмилѣ).

Вотъ вамъ и Николай; вы его видѣть хотѣли. (Николаю.) Ну, повалило тебѣ счастье; отъ женщинъ отбою нѣтъ. Вотъ жизнь-то тебѣ пришла. (Уходитъ.)

Людмила.

Не мѣшаю я вамъ?

Николай.

Нисколько.

Людмила.

Вы какъ будто разстроены? Вы безпокоитесь? Можетъ-быть, ожидаете чего-нибудь дурного?

Николай

(пристально смотритъ на нее).

Вы знаете? Скажите, вы знаете?

Людмила.

Знаю.

Николай.

Только не презирайте меня, пожалуйста.

Людмила.

Нѣтъ, за что̀-же?

Николай.

Ну, вотъ и хорошо, меньше хлопотъ, оправдываться не нужно.

Людмила.

Оправдываться не нужно. Но если-бъ вы были такъ добры ...

Николай.

Для васъ все, что̀ вамъ угодно.

Людмила.

Мнѣ нужно знать подробно о вашемъ настоящемъ положеніи.

Николай.

Извольте.

Людмила.

Только все, все, ради Бога, ничего не скрывайте.

Николай.

Вы просите не скрывать ничего; значитъ, вы подозрѣваете за мной что̀-нибудь очень дурное.

Людмила.

Если-бъ я подозрѣвала, я-бъ васъ не любила.

Николай.

Вся бѣда моя въ томъ, что я долженъ много.

Людмила.

Да, да, мнѣ только и нужно знать, какъ вы задолжали, кому, сколько.

Николай.

А вотъ когда я былъ маленькимъ Жюль-Фавромъ и воображалъ, что я первый адвокатъ въ Москвѣ, я зажилъ очень широко. Послѣ студенческаго безденежья, да вдругъ тысячи три-четыре въ карманѣ, ну, голова-то и закружилась. Обѣды да кутежи, облѣнился, да и дѣлъ серьезныхъ не было, и оказалось къ концу года, что денегъ нѣтъ, а долговъ, хотя небольшихъ, довольно. Вотъ тутъ-то я и сдѣлалъ непростительную глупость, отъ которой теперь погибаю.

Людмила.

Что-же вы сдѣлали?

Николай.

Я подумалъ, что бросать мнѣ этотъ образъ жизни не слѣдуетъ, чтобъ не растерять знакомства. Занялъ въ однѣхъ рукахъ значительную сумму за большіе проценты, уплатилъ всѣ мелкіе долги и зажилъ опять попрежнему, въ ожиданіи будущихъ благъ. Все мнѣ казалось, что получу большой процессъ. Ну, а дальше ужь просто. Процесса большого я не получилъ, деньги прожилъ, а долгъ, какъ петля на шеѣ. Петля давитъ, тоска, отчаяніе ... А отъ тоски праздная, трактирная жизнь ... Вотъ и вся моя нехитрая исторія.

Людмила.

Много вы должны?

Николай.

Тысячи три. Для меня сумма огромная.

Людмила.

И у васъ нѣтъ надежды поправить ваши дѣла?

Николай.

Никакой.

Людмила.

И въ виду нѣтъ ничего?

Николай.

Ничего.

Людмила.

Вамъ остается только ...

Николай.

Идти въ тюрьму. Да. Какъ мнѣ нездоровится! Какъ голова горитъ!

Людмила.

Погодите, я принесу одеколону. (Уходитъ. Николай садится на кресло и опускаетъ голову. Людмила выноситъ изъ своей комнаты въ одной рукѣ бурнусъ и платокъ, въ другой стклянку одеколону; бурнусъ оставляетъ на стулѣ у двери, наливаетъ одеколону на руку и примачиваетъ голову Николаю.)

Николай.

Благодарю, благодарю.

Людмила.

Кому вы должны?

Николай.

На что вамъ знать? Есть такой ростовщикъ, извѣстный всей Москвѣ.

Людмила.

Говорите скорѣй фамилію. (Хочетъ надѣвать бурнусъ.)

Я пойду просить его, чтобъ онъ вамъ отсрочилъ. Буду умолять, плакать передъ нимъ.

Николай.

Напрасно. Ничто не поможетъ; это не человѣкъ, а желѣзо. Останьтесь!

Людмила (подходя къ Николаю).

Но какъ-же вамъ помочь?

Николай.

Никакъ нельзя. Я сдѣлалъ глупость, которую нельзя ничѣмъ поправить ... Нѣтъ ... то-есть можно.

Людмила.

Говорите, говорите!

Николай.

Я сдѣлалъ глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сдѣлать ...

Людмила.

Что сдѣлать? (Кладетъ руку на голову Николая.)

Николай.

Ахъ, какъ хорошо мнѣ!

Людмила.

И мнѣ хорошо. (Входитъ Дормедонтъ.)

Явленіе шестое.

Николай, Людмила и Дормедонтъ.

Дормедонтъ (про себя).

Вотъ оно что! Ловко, братъ! (Громко.) Людмила Герасимовна, я отъ вашего папеньки-съ. (Людмила подходитъ къ нему.) Вотъ приказали вамъ отдать. (Подаетъ сложенную бумагу. Людмила раскрываетъ и разсматри-

ваетъ.) Чтобъ сейчасъ, говоритъ, въ портфель и на ключъ.

Людмила.

Хорошо, хорошо. (Прячетъ бумагу въ карманъ.) Больше ничего?

Дормедонтъ.

Ничего-съ. Но каково довѣріе мнѣ-то-съ! Тебѣ, говоритъ, я повѣрю, ты не то, что братъ.

Николай.

Онъ это сказалъ?

Людмила.

Не сердитесь на папашу! Онъ что-то не любитъ васъ. Это отъ того, что онъ васъ не знаетъ.

Дормедонтъ.

Брату твоему, говоритъ, гроша не повѣрю, а тебѣ, могу.

Николай.

Ну, хорошо-же! (Дормедонту.) Поди вонъ!

Дормедонтъ.

Ты что куражишься? Я къ Людмилѣ Герасимовнѣ съ благородными намѣреніями, не то, что ты.

Николай (Людмилѣ).

Бросьте его! Подите ко мнѣ!

Дормедонтъ.

Мнѣ, Людмила Герасимовна, серьезно нужно съ вами поговорить, очень серьезно.

Людмила.

Да, да. Я очень рада. И мнѣ нужно, только не теперь, послѣ какъ-нибудь.

Николай.

Говорятъ тебѣ, поди вонъ!

Дормедонтъ.

Пойду. Ты не знаешь ... Погляди, что̀ еще у насъ будетъ съ Людмилой Герасимовной! (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Николай и Людмила.

Людмила.

Вы сказали, что есть средство.

Николай.

Да, есть. Я сдѣлалъ глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сдѣлать ...

Людмила.

Что̀?

Николай.

Преступленіе.

Людмила (опираясь).

Ужасно! Что̀ вы говорите?

Николай.

Вы требовали отъ меня откровенности, я говорю правду. Чтобъ выпутаться изъ долгу, чтобъ избавиться отъ сраму, мнѣ остается только одно средство — сдѣлать преступленіе.

Людмила.

Какъ легко вы говорите о такихъ вещахъ!

Николай.

Вы очень чисты, вы рѣдко слышите такіе разговоры.

Людмила.

Не дѣлайте, не дѣлайте преступленія! О, Боже мой! О, Боже мой! Но если оно необходимо, заставьте меня, прикажите мнѣ ... Я сдѣлаю ... Какое преступленіе?

Николай.

Воровство.

Людмила.

Гнусно, гадко!

Николай.

Да, некрасиво.

Людмила.

Не шутите. Я изстрадалась, измучилась, слушая васъ.

Николай.

Такъ успокойтесь! Что̀ вамъ напрасно страдать! Предоставьте меня моей судьбѣ. (Хочетъ идти.)

Людмила.

Нѣтъ, постойте! Не отталкивайте меня! Я рѣшилась сдѣлать все для васъ. Что̀ бы вы ни задумали, я ваша сообщница. Что̀ украсть? У кого?

Николай.

У вашего отца.

Людмила.

Вы смѣетесь надъ моимъ горемъ! У моего отца нечего украсть.

Николай.

Заемное письмо той женщины, которую вы сегодня видѣли, передано вашему отцу. Ей платить не хочется всѣхъ денегъ, и она предлагала мнѣ половину, если я его украду.

Людмила.

Ахъ, какія страданія! (Отирая слезы.) Что̀-жь, этихъ денегъ достаточно, чтобъ спасти васъ?

Николай.

Даже слишкомъ.

Людмила.

И когда вы заплатите долгъ, вы бросите праздную жизнь и будете трудиться?

Николай.

Разумѣется. Я не только брошу, я прокляну прежнюю жизнь; такой урокъ научитъ хоть кого. Испытать въ другой разъ, что я испытываю теперь, сохрани меня Богъ. Что̀ у меня впереди, по выходѣ изъ тюрьмы, какая карьера? Быть писаремъ въ кварталѣ, и то надо кланяться, чтобъ пустили. Репутація моя погибла навсегда. И если-бъ мнѣ удалось какъ-нибудь избавиться отъ этой напасти, клянусь вамъ всѣмъ святымъ на свѣтѣ, я сдѣлаюсь хорошимъ человѣкомъ. Но спастись мнѣ, Людмила Герасимовна, невозможно. Не думайте обо мнѣ дурно, успокойтесь! Чтобъ спасти себя, я не стану искать никакихъ безнравственныхъ средствъ. Я краснѣю за себя: какъ я могъ колебаться, какъ я могъ слушать, безъ негодованія, это гнусное предложеніе.

Людмила.

Милый, благородный человѣкъ! Но какъ-же спасти васъ? Я люблю васъ. Для меня нѣтъ жизни безъ любви къ вамъ.

Николай.

Не тревожьте себя, успокойтесь! Я сдѣлалъ глупость, я и долженъ поплатиться. Да вотъ что̀ ... возвратите-ка мнѣ револьверъ.

Людмила.

Нѣтъ, нѣтъ, это тоже преступленіе, еще хуже.

Николай.

Не бойтесь! Что̀ вы! Я не рѣшусь ... развѣ ужь очень невыносимо станетъ.

Людмила

(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери, останавливается въ задумчивости, потомъ вынимаетъ бумагу, принесенную Дормедонтомъ, и подаетъ Николаю).

Вотъ возьмите!

Николай.

Что̀ это? (Разсматриваетъ бумагу.) Заемное письмо Лебедкиной! Нѣтъ, я не приму отъ васъ этой жертвы.

Людмила.

Возьмите, возьмите! Пусть оно будетъ у васъ, дѣлайте съ нимъ, что̀ хотите, это ваша воля.

Николай.

Невозможно, невозможно. Что̀ вы? Опомнитесь!

Людмила.

Въ моихъ рукахъ есть средство ... я должна помочь вамъ ... Другой любви я не знаю, не понимаю ... Я только исполняю свой долгъ. (Идетъ къ двери.)

Николай.

Вы свой долгъ исполнили, теперь ужь и я знаю, что̀ мнѣ нужно сдѣлать.

(Занавѣсъ)

Дѣйствіе четвертое.

Декорація та же.

Явленіе первое.

Шаблова, потомъ **Лебедкина.**

Шаблова (заглянувъ въ печь).

Прогорѣли совсѣмъ дрова, хоть закрывать, такъ въ ту-жь пору. Угару бы не было! Ну, да, вѣдь, голова-то своя, а за дрова деньги плачены. Что̀ тепло-то нà вѣтеръ пускать! Аль погодить? Кого это Богъ несетъ? Какая-то женщина, да словно какъ незнакомая. Отпереть пойти. (Идетъ въ переднюю и отпираетъ. Входитъ Лебедкина, просто одѣтая и покрытая на головѣ платкомъ.) Пожалуйте! Кого вамъ угодно?

Лебедкина (снимая платокъ).

Ты меня не узнала?

Шаблова.

Ахъ, матушка, Варвара Харитоновна! И то не узнала. Какъ это ты подкралась?

Лебедкина.

Я на извощикѣ; въ каретѣ-то ѣздить въ вашу сторону неловко; сейчасъ явятся любопытные: кто

пріѣхалъ, да къ кому, да зачѣмъ; прислуга болтлива. А мнѣ не хочется, чтобъ знали, что я у тебя была сегодня.

Шаблова.

Да и не узнаетъ никто.

Лебедкина.

Стряпчій дома?

Шаблова.

Нѣтъ, матушка, ушелъ спозаранку.

Лебедкина.

А дочь его?

Шаблова.

Она не войдетъ, что̀ ей здѣсь дѣлать? Мы только по вечерамъ здѣсь работаемъ вмѣстѣ, чтобы врознь лишней свѣчи не жечь; а то цѣлый день сидитъ въ своей комнатѣ. Да нынче-же либо больна, либо разстроена ... Тебѣ что̀ нужно-то, дорогая моя?

Лебедкина.

Николая Андреича.

Шаблова.

Сейчасъ покличу. А ты не безпокойся, я постерегу; коли стряпчій придетъ, и тебя спрячу. (Уходитъ въ переднюю. Входитъ Николай.)

Явленіе второе.

Лебедкина и Николай.

Лебедкина.

Здравствуйте! (Николай молча кланяется.) Вотъ я пріѣхала.

Никола..

Вижу. Привезли деньги?

Лебедкина.

Привезла.

Николай.

Всѣ?

Лебедкина.

Всѣ ... А развѣ всѣ нужны?

Николай.

Конечно. Вы на что̀-же надѣялись?

Лебедкина.

На васъ, мой другъ.

Николай.

За кого-же вы меня принимаете?

Лебедкина.

Я васъ всегда принимала за благороднѣйшаго человѣка; но вы такъ меня любите ... Для любимой женщины можно рѣшиться ...

Николай.

И вы совершенно увѣрены въ любви моей?

Лебедкина.

Да развѣ это неправда, развѣ я не вижу по глазамъ вашимъ?..

Николай.

Вы проницательны. Вѣроятно, вамъ не разъ приходилось испытывать силу вашихъ прелестей надъ мужскими сердцами?

Лебедкина.

Да, бывало. Я въ этомъ счастлива, для меня жертвовали очень многимъ.

Николай.

Такъ что вы нисколько-бы не удивились, если-бы и я ...

Лебедкина.

Чему тутъ удивляться, мой другъ?

Николай.

Да, вы правы. (Подаетъ ей бумагу.)

Лебедкина

(взглянувъ мелькомъ, прячетъ бумагу).

Ахъ! Я такъ и ожидала. Благодарю васъ, милый другъ мой! Вотъ этой любви, этой страсти можно повѣрить.

Николай.

И наградить.

Лебедкина.

Да, конечно, вы стòите. Но, милый мой Николай Андреичъ, подождите немного. Вѣдь, сердцемъ нельзя располагать по произволу ... если оно занято, чтò-жь дѣлать?

Николай.

Но, кромѣ сердца вашего ...

Лебедкина.

Деньги, хотите вы сказать? О, деньги я отдамъ. Хотя не вдругъ — я сама нуждаюсь; но я вамъ понемногу выплачу все, чтò обѣщала, — это мой первый долгъ.

Николай.

Но позвольте! Я дѣло сдѣлалъ: у васъ въ рукахъ цѣнный документъ, а у меня ничего, только одни обѣщанія, слова, которыя не имѣютъ никакой цѣны. Вы меня обманываете.

Лебедкина.

Нѣтъ, я все исполню, только не вдругъ. Подождите!

Николай.

Возвратите мнѣ документъ!

Лебедкина.

Вы либо сами очень просты, либо меня за дурочку считаете, мой другъ.

Николай.

Въ такомъ случаѣ, я заявлю, что вы похитили у меня документъ; васъ обыщутъ ... Я васъ не выпущу отсюда.

Лебедкина.

Ахъ, какъ страшно! Вы такъ не шутите! Ну, что̀, если-бы я была женщиня нервная, вѣдь, вы-бы меня ужасно перепугали. Хорошо еще, что у меня есть характеръ, и никогда я не теряю присутствія духа. Вотъ и теперь я поступлю очень ловко и осторожно. (Идетъ къ печкѣ.)

Николай.

Что̀ вы дѣлаете?

Лебедкина (бросая бумагу въ печь).

Посмотрите, какъ весело горитъ; какъ быстро исчезаютъ строчки! Вотъ даже и пепелъ улетѣлъ въ трубу, не осталось и слѣда моего долга.

Николай.

Мнѣ ужь остается только удивляться вамъ.

Лебедкина.

Охъ, отлегло отъ сердца! Мнѣ теперь совсѣмъ легко.

Николай.

Вѣрю.

Лебедкина.

Какъ скоро и просто это сдѣлалось! И знаете-ли, мнѣ и винить себя не зачѣмъ. Все чужими руками. Не правда-ли, я почти не виновата?

Николай.

Разговаривайте, разговаривайте, я слушаю.

Лебедкина.

Что̀ вы такъ презрительно смотрите на меня? Вы развѣ лучше? Конечно, я предлагала деньги; но, вѣдь, надо было, чтобъ нашелся такой джентльменъ, который-бы рѣшился на такой подвигъ. Когда за деньги все на свѣтѣ можно сдѣлать, поневолѣ соблазнишься. Я себя, какъ вамъ угодно, виноватой не считаю. Да мнѣ-бы и въ голову не пришло; я живу, хоть и открыто, но окружена все людьми болѣе или менѣе порядочными. Вѣдь, надо-жь было, чтобъ въ наше общество явился такой милый, обязательный молодой человѣкъ, такой любезный, который ... конечно, за деньги ...

Николай.

Ну, довольно ужь! Дайте и мнѣ поговорить немножко! Вы, поручая мнѣ это нечистое дѣло, желали испытать, сто̀ю-ли я любви вашей; по крайней мѣрѣ, вы такъ говорили. Ну, представьте себѣ,

что и я, довѣряясь вамъ, тоже желалъ испытать, стòите-ли вы моей любви.

Лебедкина.

И оказалось, что не стòю? Очень жаль! Но чтò-жь дѣлать, на всѣхъ не угодишь. Впрочемъ, вамъ легко утѣшиться, васъ любитъ дѣвушка, которая, вѣроятно, имѣетъ всѣ достоинства, нужныя для васъ. Вы можете быть счастливы съ ней.

Николай.

Да ужь постараюсь.

Лебедкина.

И прекрасно. Я нèзавистлива. (Входитъ Шаблова.)

Явленіе третье.

Лебедкина, Николай, Шаблова, потомъ **Дормедонтъ.**

Шаблова.

Стряпчій, матушка, идетъ, я его издали признала.

Лебедкина (покрываясь платкомъ).

Спрячь меня покуда, душа моя; а когда онъ придетъ, ты меня выпроводи.

Шаблова.

Я тебя заднимъ крыльцомъ провожу.

Лебедкина.

Помни, Фелицата Антоновна, я у тебя не была и ты меня не видала.

Шаблова.

Хорошо, матушка, не видала, въ глаза не видала. Ужь зачѣмъ тебѣ это нужно, я не знаю; а

только, хоть побожиться, не видала. Чай, тоже, вѣдь, у тебя свои резоны есть.

Лебедкина.

Само собой. Карету я оставила близехонько, у зоологическаго сада; погуляю, да минутъ черезъ десять опять къ тебѣ подкачу, ужь тогда, значитъ, взаправду пріѣхала.

Шаблова.

Да какъ твоей душенькѣ угодно, такъ и будетъ. Твори, что только въ голову тебѣ придетъ, а наше дѣло потрафлять по тебѣ.

Николай.

Какъ все это тонко и хитро!

Лебедкина.

Намъ, жѣнщинамъ, нельзя жить безъ хитростей.

Шаблова.

Вотъ правда-то, вотъ слова-то твои справедливыя! Схитришь, да солжешь, только и поживешь въ свое удовольствіе.

Лебедкина.

Ну, идемъ! Скажи своему сыну, что я у него въ долгу не останусь.

Шаблова.

И говорить не хочу. Развѣ онъ смѣетъ сомнѣваться. (Лебедкина и Шаблова уходятъ. Входитъ Дормедонтъ.)

Дормедонтъ.

Присѣсть за дѣло! (Разбираетъ бумаги на столѣ.) Съ одной только довѣренности семь копій писать. Хоть-бы помогъ, что-ли, въ самомъ дѣлѣ.

Николай.

Давай, я наверху займусь; а ты, Дормедонтъ, сдѣлай милость, кликни меня, когда Людмила Герасимовна выйдетъ изъ своей комнаты, мнѣ нужно поговорить съ ней прежде, чѣмъ она увидится съ отцомъ.

Дормедонтъ.

Хорошо, кликну. (Николай уходитъ.) Какъ-же, дожидайся! Не о чемъ тебѣ съ Людмилой Герасимовной разговаривать, у тебя только пустяки на умѣ. Нѣтъ, ужь я, братъ, глупостямъ не потатчикъ. Сиди себѣ наверху. Видно, не съ чѣмъ въ трактиръ идти, такъ ему скучно стало. (Входитъ Маргаритовъ.)

Явленіе четвертое.

Дормедонтъ и Маргаритовъ.

Маргаритовъ.

Что ты смотришь на меня? Пиши, пиши! Усталъ, братъ, я; хлопотъ куча, а ужь старъ становлюсь, не прежняя пора. А теперь-бы мнѣ бодрость-то и нужно; повалили дѣла, Дормедонтъ, повалили процессы. Вчера у Дороднова былъ я на вечерѣ, собралась эта пьющая компанія, все тузы — замотали меня совсѣмъ: у того дѣло, у другого тяжба, у третьяго искъ. „Покажи, говорятъ, намъ свою честность, такъ мы тебя озолотимъ“. Честность! Да я, говорю, честнѣй васъ всѣхъ. „Ну, говорятъ, и покорно благодаримъ“. Теперь только-бы кончить дѣла два-три хорошихъ, зарекомендовать себя; а то деньги-то лопатой греби. Что, Людмилочка не выходила?

Дормедонтъ.

Не выходила-съ.

Маргаритовъ.

Принесла мнѣ давеча стаканъ чаю, сунула ключи отъ комода и ушла въ свою комнату. Я-то занятъ былъ и словечка съ ней не перекинулъ. Ужь здоровали?

Дормедонтъ.

Не знаю-съ.

Маргаритовъ.

Пиши, пиши. Я только портфель возьму, да къ тебѣ подсяду. Пишешь ты довольно четко, а за то ужь врешь ты такъ, что только руки въ розь разведешь.

Дормедонтъ.

Врать я здоровъ-съ, но безъ умыслу, Герасимъ Порфирьичъ, отъ мечты-съ.

Маргаритовъ.

Ужь ты не мечтай, когда дѣло дѣлаешь. А то третьяго дня вмѣсто „департаментъ“, написалъ: „фиксатуаръ“, да еще какъ четко вывелъ-то.

Дормедонтъ.

Это я завиться думалъ, такъ, чтобъ волосы крѣпче держались, фиксатуаръ-то въ умѣ и держалъ.

Маргаритовъ (качая головой).

Надо „департаментъ“, а ты „фиксатуаръ“.

Дормедонтъ.

Ужь я теперь фиксатуара писать не стану-съ.

Маргаритовъ.

Ну, какой фиксатуаръ? Зачѣмъ фиксатуаръ? А ты пишешь! ... (Уходитъ.)

Дормедонтъ.

Нѣтъ, шабашъ! Мечтать мнѣ невозможно. Все, что̀ есть въ головѣ, все и напишешь. Вотъ недавно гербовый листъ въ сорокъ копеекъ испортилъ, а вѣдь это разсчетъ. Надо копію съ купчей, „лѣта такого-то“ выводить, а я: „Кольцо души дѣвицы я въ море уронилъ“, да ужь на четвертомъ стихѣ только опомнился да себя по лбу-то ударилъ. (Маргаритовъ входитъ съ портфелемъ и садится у стола.)

Маргаритовъ.

„Докажи намъ свою честность!“ Каково это слышать, Дормедонтъ. Да чѣмъ-же я, говорю, свою безчестность доказалъ? Вы, говорю, сами ко мнѣ придите, честности-то поучиться. Много-ль у насъ документовъ, посмотри-ка по списку?

Дормедонтъ.

Шестнадцать, а семнадцатый я вчера принесъ.

Маргаритовъ (перебирая бумаги).

Вы, говорю, сами народъ обманываете; такъ будь ты, говорятъ, одинъ между нами честный человѣкъ, намъ оченно нужно. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать ... Гдѣ-же семнадцатый?

Дормедонтъ.

Поищите!

Маргаритовъ.

Гдѣ семнадцатый? Подай сюда списокъ.

Дормедонтъ (подавая).

Извольте-съ. (Маргаритовъ провѣряетъ по списку.) Да ужь всѣ тутъ; ошиблись, обсчитались.

Маргаритовъ.

Заемнаго письма Лебедкиной нѣтъ.

Дормедонтъ.

Тутъ.

Маргаритовъ.

Нѣтъ, говорятъ тебѣ.

Дормедонтъ.

Тутъ.

Маргаритовъ.

Нѣтъ. Смотри самъ.

Дормедонтъ.

Не можетъ быть, не вѣрю.

Маргаритовъ.

Ахъ ты, глупый!

Дормедонтъ.

Не можетъ быть, потому честность у насъ: вы отдали мнѣ, велѣли домой снести, а у меня все одно, что̀ у васъ въ карманѣ, такъ-же честно и благородно. Я отдалъ Людмилѣ Герасимовнѣ, онѣ еще честнѣй насъ съ вами; говорю, положите въ портфель; ну, значитъ, оно въ портфелѣ. Вотъ хоть убейте, хоть къ присягѣ ведите. (Маргаритовъ, перебравъ еще документы, пристально смотритъ на Дормедонта.) Что̀ вы такъ смотрите? Что̀ вы такъ страшно на меня смотрите?

Маргаритовъ.

Ты разбойникъ!

Дормедонтъ.

Ну, нѣтъ-съ. Не надѣюсь, Герасимъ Порфирьичъ; не надѣюсь быть разбойникомъ.

Маргаритовъ.

Кто изъ васъ бѣгалъ къ Лебедкиной? Или она сама была здѣсь? Говори!

Дормедонтъ.

Вчера была-съ, даже два раза была-съ.

Маргаритовъ.

Ты разбойникъ!

Дормедонтъ (со слезами).

За что обижаете?

Маргаритовъ (съ отчаяніемъ).

Продали!

Дормедонтъ.

Возможно-ли продать, коли я его Людмилѣ Герасимовнѣ отдалъ? Не въ портфелѣ, такъ у нихъ.

Маргаритовъ.

Позови ее ко мнѣ.

Дормедонтъ (у двери).

Людмила Герасимовна, можно войти? (Маргаритову.) Не отвѣчаютъ.

Маргаритовъ.

Постучи хорошенько!

Дормедонтъ

(стучитъ, дверь сама отворяется).

А-а-й! Караулъ! (Дрожитъ и топаетъ ногами.)

Маргаритовъ.

Что такое?

Дормедонтъ.

Убита! Герасимъ Порфирьичъ, убита, безъ движенія. А-а-й!

Маргаритовъ (идетъ, шатаясь).

Какъ? Неужели? Кто-жь изъ васъ? (Изъ двери выходитъ Людмила, протирая глаза съ просонковъ.)

Явленіе пятое.

Маргаритовъ, Дормедонтъ и Людмила.

Людмила (Дормедонту).

Ахъ, какъ вы меня испугали!

Дормедонтъ (тихо).

А зачѣмъ-же у васъ на столикѣ, возлѣ кровати, пистолетъ?

Людмила.

Не ваше дѣло, молчите, пожалуйста. (Отцу.) Я ночью почти не спала, прилегла теперь и такъ сладко заснула.

Маргаритовъ (Дормедонту).

Ахъ ты, глупецъ! Ахъ ты, глупецъ! Что ты со мной дѣлаешь?

Дормедонтъ.

Нѣтъ, вы спросите, что со мной-то было? Былъ-ли я живъ? У меня по сю пору сердце-то, какъ овечій хвостъ, дрожитъ.

Маргаритовъ.

Ну, садись, пиши! Да не наври съ перепугу-то.

Дормедонтъ.

Такъ буду стараться, что на удивленіе.

Маргаритовъ.

Людмила, отдалъ онъ тебѣ заемное письмо Лебедкиной?

Людмила.

Отдалъ.

Дормедонтъ.

Что? Говорилъ я вамъ.

Маргаритовъ.

Извини, братъ! Ну, теперь я спокоенъ. Пиши, пиши!

Дормедонтъ.

Честность необыкновенная.

Маргаритовъ (Людмилѣ).

Такъ оно у тебя?

Людмила.

У меня его нѣтъ.

Маргаритовъ.

Гдѣ-жь оно?

Людмила.

Я отдала его.

Маргаритовъ.

Какъ? Кому отдала? Зачѣмъ?

Людмила.

Такъ нужно было; я не могла иначе поступить.

(Входитъ Николай и останавливается вдали.)

Явленіе шестое.

Маргаритовъ, Людмила, Дормедонтъ и Николай.

Маргаритовъ.

Какъ? Какъ не могла! Дочь моя, ты-ли это говоришь? Ты не могла сохранить, уберечь чужого, что̀ намъ не принадлежитъ, что̀ довѣрили твоему отцу, надѣясь на его честность? Я ничего не понимаю.

Людмила.

Да, не могла сохранить.

Маргаритовъ.

Или я старъ и глупъ сталъ, или все перевернулось на свѣтѣ, — ни чужой собственности, ни честности не стало, воровство перестали называть воровствомъ!

Людмила.

Я не могла иначе поступить.

Маргаритовъ.

Скажи ты мнѣ, какими хитростями, ловушками поймали тебя? Какихъ дьяволовъ вызывали изъ ада, чтобъ обмануть, обольстить твою праведную душу?

Людмила.

Ничего не было: никто меня не обольщалъ, не обманывалъ, я сама отдала. Я видѣла, что человѣкъ гибнетъ, что если не помочь ему сейчасъ-же, ему грозитъ позоръ и, быть можетъ, самоубійство. Когда мнѣ было думать! Надо было помогать, спасать, отдавать все, что только было подъ руками.

Дормедонтъ (въ слезахъ).

Братъ, мучилъ ты насъ, мало тебѣ этого; погубить ты насъ захотѣлъ совсѣмъ.

Маргаритовъ.

Такъ это онъ?

Людмила.

Онъ.

Маргаритовъ.

Вотъ когда я нищій, презрѣнный старичишко! Былъ я бѣденъ, былъ я жалокъ, но тогда была у меня дочь, теперь нѣтъ ея.

Людмила.

Ты отъ меня отказываешься?

Маргаритовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, прости меня, я самъ не знаю, что говорю. Какъ-же мнѣ бродить по свѣту безъ тебя? Поди ко мнѣ, я тебя прощу, будемъ мыкать горе вмѣстѣ, вмѣстѣ оплакивать новый грѣхъ, твою слабость. О, нѣтъ, нѣтъ, я тебя не брошу! Мнѣ самому страшно стало! ... Неужели я тебя оставлю ему? ... Моту, пьяницѣ ...

Людмила.

Я тебя умоляю ...

Маргаритовъ.

Вору.

Людмила.

Умоляю тебя.

Николай.

Замолчи, старикъ!

Маргаритовъ.

Чужимъ горемъ живетъ онъ, чужими слезами. Мать, братъ въ потѣ лица работаютъ, а онъ пропиваетъ ихъ выстраданныя копейки. Да какія деньги у бѣдной семьи? Развѣ ихъ на развратъ хватитъ? Нѣтъ-ли еще гдѣ бѣдныхъ тружениковъ попроще? И тѣхъ обобрать, пусть они плачутъ, да горе мычутъ. Что ему за дѣло до чужихъ слезъ? Ему веселье нужно. Дитя мое, поди ко мнѣ, уйдемъ отъ нихъ!

Николай.

На вашу брань я бранью отвѣчать не буду, вы очень стары. Безъ брани, но гораздо больнѣе, я накажу васъ за вашу несправедливость. (Людмилѣ.) Не къ нему, а ко мнѣ подите! Ко мнѣ сюда. (Ударяетъ себя въ грудь.) Меня надо утѣшить, я обиженъ, и обиженъ напрасно.

Маргаритовъ.

О, чудовище! Людмила, бѣги! Ко мнѣ, ко мнѣ!

Людмила.

Папà, я пойду ...

Маргаритовъ.

Иди ко мнѣ, иди!

Людмила.

Я пойду къ нему. (Подходитъ къ Николаю.)

Маргаритовъ.

Стой, стой! Ты мнѣ возвратила жизнь однажды, ты-же сама и отнимаешь ее.

Людмила.

Судьба связала меня съ нимъ ... что̀-же мнѣ дѣлать? ... Я вижу, я чувствую, что убиваю тебя ... Я и сама умираю, но я ... его. О, еслибъ я могла жить для васъ двоихъ! Оттолкни, прокляни меня, но ... полюби его!

Маргаритовъ.

Его? Его? За что̀? Онъ все взялъ у меня: взялъ деньги, чужія деньги, которыхъ мнѣ не выплатить, не заработать во всю жизнь, онъ взялъ у меня честь. Вчера еще считали меня честнымъ человѣкомъ и довѣряли мнѣ сотни тысячъ; а завтра ужь, завтра на меня будутъ показывать пальцами, называть меня воромъ, изъ одной шайки съ нимъ. Онъ взялъ у меня послѣднее — взялъ дочь ...

Николай

(подходя къ Маргаритову).

Ничего я не взялъ у васъ. Никогда ничего дурного я не сдѣлалъ вамъ. Вотъ ваша дочь, вотъ вашъ документъ. (Отдаетъ заемное письмо Лебедкиной.)

Маргаритовъ.

Какъ, что̀, документъ? (Разсматриваетъ документъ на свѣтъ.)

Дормедонтъ.

Я говорилъ, что все честно и благородно.

Маргаритовъ.

Что̀-жь это значитъ? Ты не успѣлъ его продать? Тебя совѣсть зазрила?

Николай.

Я жалѣю, что вамъ его отдалъ. Вы не умѣете цѣнить благородства въ другихъ и не сто̀ите, чтобъ съ вами поступали честно. Я нынче-же видѣлъ Лебедкину.

Маргаритовъ.

Зачѣмъ-же этотъ документъ былъ у тебя? Зачѣмъ ты его взялъ у Людмилы?

Николай.

Я повѣренный Лебедкиной; зачѣмъ мнѣ нуженъ былъ документъ, я вамъ не скажу ... Ну, положимъ, что мнѣ нужна была съ него копія.

Маргаритовъ (подавая руку).

Извини, братъ! Я горячъ, я горячъ ... да, вѣдь, здѣсь сторона такая, что поневолѣ подумаешь ...

Николай (Людмилѣ).

Прощайте!

Людмила.

Куда-же вы? Что̀ съ вами будетъ? Мнѣ страшно.

Николай.

Не безпокойтесь, я рѣшился покориться своей участи; у меня теперь есть хорошее впереди: это любовь ваша. (Входитъ Шаблова.)

Явленіе седьмое.

Маргаритовъ, Людмила, Николай, Дормедонтъ, Шаблова, потомъ **Лебедкина.**

Шаблова.

Варвара Харитоновна Лебедкина подъѣхала, встрѣчать бѣгу. (Уходитъ въ переднюю.)

Маргаритовъ.

Вотъ кстати, не заставила себя ждать. (Входятъ: Лебедкина и Шаблова.)

Лебедкина.

Мнѣ нужно видѣть адвоката Маргаритова.

Шаблова.

Вонъ онъ, матушка!

Лебедкина.

Вы адвокатъ Маргаритовъ?

Маргаритовъ.

Къ вашимъ услугамъ, сударыня. Коллежскій ассесоръ Герасимъ Порфирьичъ Маргаритовъ. Прошу покорно садиться!

Лебедкина.

Не безпокойтесь! Вамъ передано заемное письмо, выданное мной купцу Дороднову.

Маргаритовъ.

Такъ точно, сударыня.

Лебедкина.

Я желаю заплатить деньги.

Маргаритовъ.

И прекрасно дѣлаете, сударыня! Пожалуйте.

Лебедкина.

Что?

Маргаритовъ.

Деньги.

Лебедкина.

Дайте документъ! Я только тому отдамъ, у кого въ рукахъ документъ. Безъ документа я не отдамъ денегъ ни за что.

Маргаритовъ.

Совершенно справедливо. Пожалуйте деньги, тогда и документъ получите.

Лебедкина.

Ахъ, Боже мой! Неужели вы осмѣливаетесь сомнѣваться? Вотъ деньги! (Бросаетъ на столъ пачку крупныхъ билетовъ.) Покажите мнѣ документъ, я хочу видѣть его.

Маргаритовъ.

Ужь это порядокъ такой. Извольте! (Показываетъ изъ рукъ заемное письмо.) Это ваша подпись, сударыня? Вы ее признаете?

Лебедкина.

Что такое? Позвольте, позвольте!

Маргаритовъ.

Вы можете не признать подпись, если вамъ угодно.

Лебедкина.

Нѣтъ, это моя рука.

Маргаритовъ.

А въ такомъ случаѣ, я перечту деньги и сдѣлаю на документѣ надпись. (Осторожно пересчитываетъ деньги, отодвигаетъ ихъ отъ себя и расписывается на заемномъ письмѣ въ полученіи. Николай, по знаку Лебедкиной, подходитъ къ ней.)

Лебедкина (Николаю).

Что-же это значитъ?

Николай.

Это значитъ, что я давеча былъ осторожнѣе васъ, за что себѣ очень благодаренъ. Я вамъ отдалъ только копію; вамъ-бы посмотрѣть хорошенько.

Лебедкина.

Да, вотъ что!

Николай.

Не станете-ли упрекать меня?

Лебедкина.

Нѣтъ, не стану.

Маргаритовъ.

Вотъ, сударыня, вамъ документъ, а мнѣ деньги. (Передаетъ Лебедкиной документъ.) Людмила, я вчера просилъ у Дороднова денегъ на расходы, а мнѣ онъ сказалъ: „получи съ г-жи Лебедкиной, такъ половина твоя, потому я эти деньги считалъ пропащими".

Лебедкина.

Невѣжа!

Маргаритовъ.

Дѣйствительно, невѣжа. Вотъ тебѣ, Людмила, половина.

Людмила.

Мнѣ, папа, мнѣ?

Маргаритовъ.

Тебѣ, тебѣ, бери, не бойся! Это твое приданое

Людмила.

Значитъ, это не мои, ихъ надо будетъ отдать.

Маргаритовъ.

Ахъ, ты, глупенькая! Разумѣется, отдать жениху.

Людмила (Николаю).

Такъ вотъ вамъ! (Отдаетъ деньги.)

Маргаритовъ.

Что̀ ты? Что̀ ты дѣлаешь?

Людмила.

Ты самъ сказалъ: отдать жениху. Это ему въ задатокъ; онъ хочетъ быть твоимъ помощникомъ.

Николай.

Нѣтъ, писаремъ, только съ однимъ условіемъ.

Маргаритовъ.

Съ какимъ?

Николай.

Вы хорошій адвокатъ, у васъ довѣренности съ передовѣріемъ? Вы иначе не возьмете?

Маргаритовъ.

Разумѣется, съ передовѣріемъ.

Николай.

Такъ передовѣрьте мнѣ всѣ дѣла. Вы ужь старый человѣкъ, вы окончили свою карьеру, а мнѣ надо начинать.

Людмила (обнимая отца).

Папà, тебѣ надо отдохнуть; мы тебя успокоимъ.

Шаблова (Дормедонту).

А ты говорилъ, что она тебя любитъ.

Дормедонтъ (утирая слезы).

Что̀-жь, маменька, ничего, пущай! Я для дому. Ему хлопотъ будетъ много, по судамъ бѣгать, а я

по домашней части; я, маменька, дѣтей его буду няньчить.

Шаблова (Лебедкиной).

Что̀, матушка, карты-то правду сказали, пришлось тебѣ заплатить.

Лебедкина.

Э! Что̀ я истрачу или заплачу̀, я никогда не жалѣю. Да и что̀ жалѣть-то! Кабы свои, а то я и эти заняла. Это все пустяки, а у меня есть серьёзное дѣло до тебя: ты мнѣ погадай!

Шаблова.

Опять на трефоваго?

Лебедкина.

Нѣтъ, ну его! Надоѣлъ. Не знаю, какой его масти-то положить.

Шаблова.

Разношерстный, что̀-ли?

Лебедкина.

Усы другого цвѣту.

Шаблова.

Да какого ты не изберн, какой-бы онъ шерсти ни былъ, хоть и въ колодѣ такой не найдешь, я для тебя, все-таки, гадать буду. Рыжему червонному королю черные усы выведу и загадаю.

Лебедкина.

Ну, пойдемъ скорѣе! (Кланяясь.) Совѣтъ да любовь.

Маргаритовъ.

Такъ и будетъ, сударыня! Дормедонтъ, пиши отъ меня довѣренность на имя Николая Шаблова. Только не ври!

Дормедонтъ.

Въ аккуратѣ сдѣлаю. А вы не сомнѣвайтесь, у насъ все честно и благородно.

———*———

Трудовой хлѣбъ.

Сцены изъ жизни захолустья, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Л и ц а:

Іоасафъ Наумычъ Корпѣловъ, лысый, преждевременно состарѣвшійся и сгорбившійся, но всегда улыбающійся человѣкъ. Одѣтъ въ черное длинное сакъ-пальто, застегнутое съ верху до низу. Тонъ, движенія, манеры педантскія съ примѣсью шутовства. По занятію — учитель, промышляющій дешевыми частными уроками.

Наталья Петровна Сизакова, сирота, красивая дѣвушка, лѣтъ 25-ти, племянница Корпѣлова по матери.

Евгенія Львовна, бѣдная дѣвушка, дальняя родня Наташи, однихъ съ ней лѣтъ.

Павелъ Сергѣичъ Грунцовъ, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ университетѣ, ищущій мѣста; недуренъ собой, съ бородкой; одѣтъ прилично; короткій пиджакъ, красивые хорошо вычищенные сапоги по колѣна; фуражка всегда немного на затылкѣ, въ рукахъ толстая палка. Шагаетъ широко, въ жестахъ развязенъ.

Иванъ Ѳедулычъ Чепуринъ, лавочникъ, хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Корпѣловъ. Молодой человѣкъ, косоватъ, рябой; рыжеватая неподстриженная борода клиномъ. — Одѣтъ щеголевато въ сѣренькую одноцвѣтную пару. Держитъ себя скромно и сосредоточенно. Взглядъ, рѣчь и движенія энергичны.

Матвѣй Петровичъ Потроховъ, разбогатѣвшій чиновникъ, 50 лѣтъ, высокій, очень полный мужчина, съ круглымъ лицомъ, которому онъ старается придавать, смотря по обстоятельствамъ, различныя выраженія, но которое ничего не выражаетъ.

Поликсена Григорьевна, его жена, высокая, худощавая женщина, 40 лѣтъ съ небольшимъ. Часто вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ небу, стараясь изобразить страданіе и покорность судьбѣ. Выраженіе лица злое.

Егоръ Николаевичъ Копровъ, молодой человѣкъ; очень приличенъ и красивъ, одѣтъ безукоризненно, манеры изящны.

Сакердонъ, лакей Потрохова, важенъ.

Ариша, горничная, молодая дѣвица, ни хороша, ни дурна.

Маланья, кухарка, лѣтъ за 50, одѣта по русски (Корпѣловъ зоветъ ее Аглаей).

Старая ключница.

Дѣйствіе первое.

Бѣдная комната, сосѣдняя съ кухней. Съ правой стороны (отъ зрителей): окно, подъ окномъ небольшой письменный столъ, на немъ разбросаны книги; передъ столомъ стулъ; далѣе, въ углу, горка съ книгами. Съ лѣвой стороны шкафчикъ съ посудой, за нимъ въ углу дверь въ комнату Наташи. Въ глубинѣ: узкая дверь въ кухню; направо отъ двери тонкая перегородка, у которой, между дверью и горкой, мягкій ситцевый диванъ, служащій постелью Корпѣлову; надъ диваномъ на стѣнѣ виситъ гитара; налѣво отъ двери до угла бокъ выбѣленной русской печи; у печи деревянная скамейка; на ней: желѣзное ведро, самоваръ и мѣдный подсвѣчникъ. По срединѣ комнаты обѣденный столъ и нѣсколько стульевъ.

Явленіе первое.

Корпѣловъ (входитъ усталый, снимаетъ измятую широкополую шляпу и садится у письменнаго стола.)

Корпѣловъ (со вздохомъ).

Вотще! (Помолчавъ.) Напрасно, такъ сказать, всуе! И безъ денегъ и тощь вспять возвратися. Но мудрый унывать не долженъ, — мудрый всегда найдетъ себѣ усладу въ горести. Обращусь къ живительной влагѣ! ... (Подходитъ къ шкафу и отворяетъ его.) Сей источникъ радостей ... (осматривая графинъ) ... изсякъ. (Громко.) Аглая, Аглая! (Входитъ Маланья.)

Явленіе второе.

Корпѣловъ, Маланья.

Корпѣловъ (показывая графинъ).

Воззри!

Маланья.

Чего тутъ зрить-то!

Корпѣловъ.

Пусто.

Маланья.

Да чему-жь и быть-то, коли выпито.

Корпѣловъ.

Самъ Сократъ глаголетъ твоими устами. Выпито! Вижу, что выпито; но кѣмъ?

Маланья.

Да кому-жь, окромя что самъ. Умереть на мѣстѣ! Пошлешь на пятачекъ, да хочешь, чтобы недѣлю велось, что̀-ли? Кабы ты могъ разсудить правильно, такъ тутъ и на одинъ-то разъ чего! Да мое бабье дѣло, да я . . .

Корпѣловъ.

Довольно!

Маланья.

Стало быть, отъ тебя только одна обида, больше ничего не будетъ?

Корпѣловъ.

Аглая, довольно!

Маланья.

Что̀-жь напрасно-то! Вотъ лопни утроба . . .

Корпѣловъ.

Аглая, Аглая!

Маланья.

Боже мой!

Корпѣловъ (громко и затыкая уши).

Satis!

Маланья.

Только что безпокойство. Тоже хозяева! Чтобъ васъ ... (Уходитъ).

Явленіе третье.

Корпѣловъ

(одинъ, ставитъ графинъ въ шкафъ).

Сего утѣшенія лишенъ. Развѣ возбряцать на сей бандурѣ! (Указывая на гитару.) Но персты мои и сладкій гласъ мой исполнены дрожанія отъ многаго хожденья. Остается усладительница душъ, поэзія. Приди и утоли скорбный духъ мой! (Беретъ со стола книгу и читаетъ про себя нѣсколько времени.) „Бѣгутъ быстротечные годы!“ говоритъ Горацій. Да, дѣйствительно, бѣгутъ проворно; но еще проворнѣй бѣгутъ мѣсяцы, особенно если нечѣмъ платить за квартиру. Горацій этой заботы не зналъ, отъ того и духъ его парѝлъ такъ высоко. А если-бъ онъ и зналъ, если-бъ и задолжалъ мѣсяца за два, то не безъ основанія можно полагать, что Меценатъ заплатилъ-бы за него. А я вотъ нонѣшній день, будучи обязанъ имѣть семь съ полтиной, обѣжалъ всѣхъ учениковъ своихъ, пѣшествуя по стогнамъ столицы сѣмо и овамо, отъ сего конца и до онаго и даже до послѣднихъ предѣловъ, сирѣчь до вала камеркалежскаго ... Семи съ полтиной не обрѣлъ, ибо ученики мои бѣднѣе учителя, и се жду со смиреннымъ сердцемъ отъ хозяина поношенія и поруганія. (Ложится на диванъ и складываетъ руки на груди. Входитъ Грунцовъ, запыхавшись, садится у стола, бросаетъ фуражку и отираетъ со лба потъ.)

Явленіе четвертое.

Корпѣловъ, Грунцовъ.

Грунцовъ (едва переводя духъ).

Здравствуй, domine!

Корпѣловъ.

Здравствуй, юноша! Шагалъ?

Грунцовъ.

Шагалъ.

Корпѣловъ.

Много стадій?

Грунцовъ.

Шесть верстъ за заставу, на дачу. Барчёнокъ одинъ за лекціи двадцать рублей долженъ ...

Корпѣловъ.

Результатъ?

Грунцовъ.

Nihil. Пристяжную новую покупаетъ, самому нужны. Показывалъ, въ кольцо вьется. Велѣлъ послѣ приходить.

Корпѣловъ.

Male, сирѣчь, не хорошо. Динаріи, юноша, имѣешь?

Грунцовъ.

Нѣтъ, отче!

Корпѣловъ.

Зѣло потребны.

Грунцовъ.

Ты-бы, domine, прежде сказалъ. Утру глубоку я забѣгалъ къ ростовщику, къ Мурину, понавѣдаться, что̀ онъ за мой хронометръ дастъ.

Корпѣловъ.

И тебѣ, юноша, сребренники понадобились?

Грунцовъ.

Барышнѣ конфекты проспорилъ, остальныя тебѣ, domine, отдалъ-бы, вотъ и квитъ.

Корпѣловъ.

Ты, видно, какъ я-же: завелись деньги, такъ аешься, маешься съ ними, тоска возьметъ, точно кандалы тяготятъ, — ходишь, ходишь, по трактирамъ-то газеты читаешь, пока выдутъ всѣ. Ну, тогда полегче станетъ, опять повеселѣешь. А вотъ нужны динаріи, такъ ихъ и нѣтъ.

Грунцовъ.

Какая у насъ нужда, domine! Вотъ я нынче видѣлъ нужду-то! Прихожу я къ Мурину, отъ него выходитъ молоденькій франтикъ, въ коляску хочетъ садиться ... пара рысаковъ тысячи полторы стоятъ ... вышелъ отъ Мурина-то, шатается: прислонился у двери, едва духъ переводитъ, — блѣдный, какъ полотно, губы трясутся, а самъ шепчетъ: „душитъ онъ меня, душитъ, кровь пьетъ; зарѣжу я его“. — Вотъ она нужда-то! Въ колескѣ на рысакахъ ѣздитъ, а мы что! (Входитъ Евгенія.)

Явленіе пятое.

Корпѣловъ, Грунцовъ, Евгенія, нотомъ Маланья.

Евгенія (Грунцову).

Вы опять пришли?

Грунцовъ.

Да вамъ-то что за дѣло? Я не къ вамъ, я къ отцу.

Евгенія.

Конечно, мнѣ все равно, есть-ли вы на свѣтѣ, нѣтъ-ли васъ; только, пожалуйста, не разговаривайте со мной.

Грунцовъ.

Извольте.

Евгенія.

А когда-жь конфекты? (Грунцовъ молчитъ.) Что-жь вы молчите? Какъ это учтиво съ вашей стороны!

Грунцовъ.

Да вѣдь вы сами не велѣли съ вами говорить.

Евгенія.

У васъ на все отговорки есть. Только надо вамъ знать, что благородные люди всегда свое слово держатъ. Да и я-то глупа, — жду отъ васъ. Вамъ либо жаль рубля, либо у васъ нѣтъ его.

Грунцовъ.

Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Евгенія.

Когда это?

Грунцовъ.

А вотъ поѣду въ Уфу, такъ вамъ пять фунтовъ куплю.

Евгенія.

Вы давно собираетесь, а все ни съ мѣста.

Грунцовъ.

Не заплачьте, барышня.

Евгенія.

Я-то? Ахъ, какъ вы много о себѣ думаете. Маланья, ставь самоваръ! Скоро Наташа придетъ. (Выходитъ изъ кухни Маланья и беретъ со скамейки самоваръ.)

Маланья.

А вы прежде спросили-бы, вода-то есть-ли у насъ, а то самоваръ!

Корпѣловъ.

Аглая, не груби! (Грунцовъ вынимаетъ изъ кармана двѣ копѣйки, показываетъ Маланьѣ, надѣваетъ фуражку, беретъ со скамейки ведро и уходитъ. Маланья съ самоваромъ за нимъ.)

Евгенія.

Грунцовъ такой спорщикъ, такой спорщикъ! Просто силъ никакихъ нѣтъ.

Корпѣловъ.

Вотъ онъ не заспорилъ, а взялъ ведро, да за водой пошелъ.

Евгенія.

Ну, что-жь изъ этого?

Корпѣловъ.

Я у него денегъ попросилъ, онъ тоже не заспорилъ; а хотѣлъ часы заложить да заплатить за насъ хозяину за квартиру. Ergo, онъ не спорщикъ.

Евгенія.

Можетъ-быть, онъ хорошій и добрый человѣкъ, только а его не люблю и видѣть не могу. (Взглянувъ въ окно.) Хозяинъ идетъ. Какъ чай, такъ и онъ тутъ, и всегда за себя намъ гривенникъ заплатитъ. Онъ въ кого-нибудь влюбленъ, либо въ меня, либо въ Наташу. (Входитъ Грунцовъ.)

Грунцовъ.

Domine, къ тебѣ хозяинъ. (Евгеніи.) Позвольте къ вамъ въ комнату войти, барышня, поспорить о чемъ-нибудь.

Евгенія.

Войдите, пожалуй; только спорить съ вами я ни за что не буду; говорите, что хотите, а я буду молчать.

Грунцовъ.

Предметъ спора: есть у женщинъ умъ, или нѣтъ?

Евгенія.

Ну, ужь извините! Разумѣется, есть.

Грунцовъ.

А я утверждаю, что нѣтъ. У нихъ только капризъ, а его-то онѣ за умъ и считаютъ. (Евгенія и Грунцовъ уходятъ. Входитъ Чепуринъ.)

Явленіе шестое.

Корпѣловъ, Чепуринъ.

Чепуринъ (кланяясь).

Асафу Наумычу ... почтеніе-съ. (Подаетъ руку.)

Корпѣловъ.

За деньгами? О! тиранъ души моей!

Чепуринъ.

Больше по знакомству-съ, а ужь кстати и за деньгами, потому срокъ-съ.

Корпѣловъ (нагибаясь).

Ты зри главу мою, лишенную волосъ.

Чепуринъ.

Вижу-съ. Отъ ума, говорятъ, это приключается, у кого ежели лишняго много.

Корпѣловъ.

Не трогаетъ тебя?

Чепуринъ.

Не рѣдкость какая! Бываютъ и еще пространнѣе.

Корпѣловъ.

Ну, хочешь, я тебѣ, вмѣсто денегъ, пѣсенку спою и на гитарѣ сыграю?

Чепуринъ.

Ужь очень дорого мнѣ ваша музыка обойдется-съ, не по капиталу.

Корпѣловъ.

Ну, хочешь, латинскую или французскую книжку тебѣ почитаю?

Чепуринъ.

Интересно-бы послушать, да только у меня къ этимъ языкамъ какъ-то понятливости нѣтъ-съ.

Корпѣловъ.

Ну, нечего съ тобой дѣлать, надо отдать.

Чепуринъ.

Пожалуйте-съ.

Корпѣловъ.

Постой! Я говорю, что надо отдать, а не говорю, что отдамъ сейчасъ. Денегъ ни одного абàза [1] нѣтъ. Приходи завтра.

Чепуринъ.

Я только удивляюсь на васъ: какъ это вы, при всей вашей учености, всякіе вы языки знаете, и никакого себѣ профиту не имѣете.

Корпѣловъ.

А отъ того я профиту не имѣю, что отъ самой юности паче всего возлюбилъ шатаніе. Какъ кончилъ курсъ, такъ и пошелъ бродить по лицу земному: гдѣ у товарищей погостишь, гдѣ на дешевенькомъ учительскомъ мѣстѣ поживешь. Юношей въ гимназіи

[1] Абазъ—мелкая персидская монета.

да въ университеты готовилъ рубликовъ за шесть-десятъ въ годъ, да изъ нихъ еще бѣдной сестренкѣ удѣлялъ. Въ Тамбовѣ годъ, въ Ростовѣ полгода, въ Кашинѣ три мѣсяца, а въ Ветлугу на недѣльку погостить хаживалъ; и прожилъ я такъ лѣтъ семнадцать, какъ единъ день. Товарищи мои до генеральства дослужились, а я выучился только на гитарѣ играть. Съ какой котомкой вышелъ изъ Москвы, съ такой-же и вернулся.

Чепуринъ.

Да, тоже, видно, жизнь-то никому не легка, горя-то про всякаго довольно.

Корпѣловъ.

Ты какое видѣлъ?

Чепуринъ.

Лыкомъ подпоясано-съ. Я недавно и человѣкомъ-то сталъ, а жить-то началъ въ лошадиной запряжкѣ. Прежде на этомъ самомъ мѣстѣ пустырь былъ, заборомъ обнесенный, и калитка на тычкѣ: нанялъ я подлѣ калитки сажень земли за шесть гривенъ въ годъ, разбилъ на тычкѣ лавочку изъ стараго тесу; а товару было у меня: три фунта баранокъ, десятокъ селедокъ двухкопеечныхъ, да привозилъ я на себѣ по двѣ бочки воды въ день, по копейкѣ ведро продавалъ-съ. Вотъ какой я негоціантъ былъ-съ. Потомъ, мало-по-малу, купилъ всю эту землю, домикъ выстроилъ,—имѣю въ немъ овощный магазинъ, съ квартиръ доходъ получаю: бель-этажъ двѣсти рублей въ годъ ходитъ-съ.

Корпѣловъ.

Что-жь ты самъ въ бель-этажѣ не живешь?

Чепуринъ.

Кабы у меня супруга была-съ, такъ съумѣлъ-бы

и я жить въ бель-этажѣ; а какъ я холостой, такъ съ меня и темнаго чулана довольно достаточно-съ.

Корпѣловъ.

Друже, заведи супругу, сдѣлай милость, заведи!

Чепуринъ.

За этимъ дѣло не станетъ, да надо, чтобъ у нея капиталъ былъ, хоть небольшой-съ; — вотъ какъ у Натальи Петровны.

Корпѣловъ.

А ты почемъ знаешь, какой у Натальи Петровны капиталъ?

Чепуринъ.

Слухомъ земля полнится. У нихъ отъ маменьки.

Корпѣловъ.

Да, да. Вотъ была женщина-то!

Чепуринъ.

Коли умѣла деньги оставить, значитъ умъ въ себѣ имѣла-съ.

Корпѣловъ.

Оставить! Мало-ль кто оставляетъ?.. Дѣло въ томъ, какъ оставить. Вотъ слушай! Да нѣтъ, уйди лучше,—я плакать буду.

Чепуринъ.

Да, можетъ, и я заплачу-съ; это ничего-съ.

Корпѣловъ.

Ужь не помню, гдѣ я скитался, кажется, въ Харьковѣ: только помню, что дѣло было на святкахъ; загуляли мы у градскаго головы, — разный народъ былъ: учителя, чиновники изъ семинаристовъ, пѣвчіе,—ужь третій день мы пѣли душеполезные канты, хозяинъ сидѣлъ на креслѣ посреди залы, а мы всѣ

на стульяхъ у стѣнъ,—мы пѣли, а онъ дерижировалъ и плакалъ. Только что мы затянули: „Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ“ ... тенора залились въ верху, хозяинъ чуть не навзрыдъ; вдругъ приносятъ мнѣ отъ сестры письмо. Читаю: „милый братецъ, пріѣзжай скорѣй, умираю“. Хмель съ меня соскочилъ, поплелся я въ Москву пѣшкомъ ... Одежонка плохая, денегъ всего три рубля; попадется обозъ, подсяду; замерзъ, было. Дотащился кой-какъ, сестра при послѣднемъ издыханіи. „Вотъ тебѣ, говоритъ, дочь! Береги ее, смотри, чтобъ она трудилась, работала; честнѣе труда ничего на свѣтѣ нѣтъ; коли найдешь хорошаго человѣка, выдай ее замужъ. Вотъ тебѣ деньги, не тратьте ихъ, это мои трудовыя; живите трудомъ, работайте, а денегъ не трогать ни подъ какимъ видомъ,—это я сберегла ей на приданое. Выйдетъ замужъ, тогда отдай мужу; а не выйдетъ, пусть бережетъ подъ старость, на черный день“. Да такой это строгій былъ приказъ, такъ строго она на меня посмотрѣла своими умирающими глазами, что у меня и теперь мурашки по спинѣ ползаютъ и слеза меня прошибаетъ.

Чепуринъ.

Надо вамъ исполнить-съ! Ужь это святое дѣло-съ! Только я наслышанъ, что, окромя этихъ, еще должны быть деньги.

Корпѣловъ.

Развѣ гдѣ-нибудь пятакъ завалился; а больше нѣтъ.

Чепуринъ.

Потому какъ ваша сестрица жили у богатаго барина въ экономкахъ ...

Корпѣловъ.

Ну, бросайся въ окно!

Чепуринъ.

Зачѣмъ-же съ?

Корпѣловъ.

У меня силы нѣтъ тебя выкинуть, а ты стòишь.

Чепуринъ.

Да я не въ осужденіе-съ.

Корпѣловъ.

Вотъ какъ это было, stultissime! Сестра моя была красавица, выдали ее замужъ за горькаго, безсчастнаго чиновника Сизакова. Маялась съ нимъ, маялась она; года черезъ два и овдовѣла; осталась съ дочерью безъ копейки, хоть пò-міру идти. Тутъ одинъ баринъ, старый знакомый, и пригласилъ ее къ себѣ въ экономки. Ну, и жила она, точно, покойно; только не нравилась ей эта жизнь. „Скучно, говоритъ, дѣла мало,—да безъ заботы и безъ горя жить не хорошо, Бога забудешь. Жила я съ мужемъ, говоритъ, выработала себѣ денегъ на шерстяной салопчикъ и сама его сшила, такъ вѣришь-ли, какъ онъ мнѣ былъ милъ; а потомъ, говоритъ, какъ жила у барина, и очень хорошо одѣвалась, да все нѐмило, только людей стыдно“. Потомъ сталъ этотъ баринъ въ старость приходить, оступила его родня, начали на сестру косо посматривать: не могла она этого перенести, ушла, даже и своего много оставила. Послѣ баринъ не разъ звалъ ее опять къ себѣ—не пошла; денегъ посылалъ—не брала.

Чепуринъ.

Теперь вамъ, значитъ, только человѣка найти.

Корпѣловъ.

Въ томъ вся и задача.

Чепуринъ.

А я полагаю: если вы и найдете, такъ ничего

толку не будетъ. Получитъ вашъ женихъ эти деньги, нашьетъ себѣ брючекъ, да жилетовъ, а Наталья Петровна должны изъ его рукъ каждую копейку смотрѣть. Охотниковъ-то на деньги много, да притомъ-же Наталья Петровна въ себѣ красоту имѣютъ.

Корпѣловъ.

Какъ-же быть-то? Научи!

Чепуринъ.

Прикажете?

Корпѣловъ.

Прикажу.

Чепуринъ.

Отдайте Наталью Петровну за меня, тогда и деньгамъ мѣсто найдется.

Корпѣловъ.

Ты ... asinus.

Чепуринъ.

Мы-бы въ бель-этажъ перешли и завели тамъ мастерскую, и во весь домъ надъ окнами вывѣску: „Моды и уборы. Мадамъ Чепурина". А внизу надъ окнами тоже во весь домъ вывѣску: „Индо-европейскій магазинъ китайскихъ чаевъ и прочихъ колоніальныхъ товаровъ купца Чепурина".

Корпѣловъ.

Ты когда-нибудь на себя глядѣлъ въ зеркало-то?

Чепуринъ.

Глядѣлъ-съ,—ничего такого чрезвычайнаго ...

Корпѣловъ.

Какъ ничего чрезвычайнаго? Да вѣдь ты Рожеръ, ужаснѣйшій Рожеръ; вѣдь ты мнѣ грубости гово-

ришь,—тебя за это къ мировому. Ну, кланяйся въ ноги!

Чепуринъ.

За что̀-же съ?

Корпѣловъ.

А чтобъ я Наташѣ не сказывалъ.

Чепуринъ.

Онѣ знаютъ-съ, я имъ даже на письмѣ выражалъ.

Корпѣловъ.

Что-жь, она тебя больно?..

Чипуринъ.

Чего-съ?

Корпѣловъ.

По физіономіи-то больно?

Чепуринъ.

Совсѣмъ напротивъ-съ. Очень даже деликатно ...

Корпѣловъ.

Что̀ деликатно?

Чепуринъ.

Дали понять-съ.

Корпѣловъ.

Да что̀?

Чепуринъ.

Что, будто, я глупъ-съ. (Входятъ: Грунцовъ и Евгенія).

Явленіе седьмое

Корпѣловъ, Чепуринъ, Грунцовъ и Евгенія.

Евгенія (въ кухню).

Маланья, что̀-жь ты самоваръ? Скоро-ль тамъ у тебя?..

Маланья (изъ кухни).

А какъ поспѣетъ, такъ и готово. Всѣ вы тамъ что̀-ли? Много-ли посуды-то сбирать?

Евгенія.

Сбирай больше. (Грунцову.) Вы будете чай пить?

Грунцовъ.

Непремѣнно, и прошу васъ налить мнѣ какъ можно послаще,—да еще краюху чернаго хлѣба у Маланьи выпрошу.

Евгенія.

За что̀-же вамъ такія особенныя милости?

Грунцовъ.

За конфекты.

Евгенія.

Которыхъ нѣтъ.

Грунцовъ.

Которыя будутъ.

Чепуринъ.

Плесните чашечку и мнѣ-съ. (Вынимаетъ изъ портмонэ гривенникъ.) Извольте получить-съ!

Евгенія.

Не надо вашего гривенника, не разбогатѣешь отъ него.

Чепуринъ.

Вы не разбогатѣете, да и я не обѣднѣю; а что̀ чего сто̀итъ, я заплатить обязанъ. Кабы счеты, я-бы вамъ какъ по пальцамъ разложилъ. Чай у васъ хорошій, на мое рыло ползолотника мало-съ, кладите на̀ кости полторы копейки, два куска сахару, — два золотника, — рафинадъ нынче въ цѣнѣ, голову купить — двадцать одна съ денежкой за фунтъ, а

по фунтамъ дороже; извольте класть воду, теперича уголья, услуга, посуда, вы отъ дѣла отрываетесь; въ разсчетѣ, — лишняго ничего нѣтъ-съ. Окромя всего-съ, умный разговоръ отъ ученыхъ людей и пріятная компанія. (Садится у письменнаго стола. Корпѣловъ лежитъ на диванѣ съ книгой въ рукахъ).

Грунцовъ (садясь у средняго стола).

Пока до чаю, объ чемъ-же мы спорить будемъ съ вами, барышня?

Евгенія

(садясь къ столу съ другой стороны).

Ни объ чемъ и никогда. Я рта не разину.

Грунцовъ.

Я утверждаю, что вы меня завтра поцалуете.

Евгенія.

Что вы, съ ума сошли? Съ чего вы выдумали?

Грунцовъ.

На фунтъ конфектъ!

Евгенія.

Вы проигранныя-то отдайте прежде!

Грунцовъ.

На фунтъ конфектъ!

Евгенія.

Утѣшайте, утѣшайте себя! Такъ въ вашемъ воображеніи и останется.

Грунцовъ.

На фунтъ конфектъ.

Чепуринъ.

Пари интересное.

Евгенія.

Ты-то что? Ты не хочешь-ли пари подержать?

Чепуринъ.

Нѣтъ-съ, я проиграю, потому что отъ васъ не смѣю надѣяться.

Евгенія.

Да, я знаю, отъ кого ты надѣешься; ты вѣдь въ Наташу влюбленъ. *(Наташа входитъ и останавливается у двери.)*

Чепуринъ.

А отъ нихъ тѣмъ болѣе не ожидаю.

Евгенія.

Почему-же тѣмъ болѣе?

Чепуринъ.

Сказать-съ?

Евгенія.

Скажи.

Чепуринъ.

Потому что у нихъ есть любовникъ.

Корпѣловъ.

Чепуринъ, быть тебѣ нынче битому.

Евгенія.

Молчи, безобразный! Что ты говоришь? (Наташа входитъ.)

Явленіе восьмое.

Корпѣловъ, Чепуринъ, Грунцовъ, Евгенія и Наташа.

Наташа.

Онъ правду говоритъ. Здравствуйте, господа! (Садится у стола между Грунцовымъ и Евгеніей.)

Евгенія.

Да какъ-же онъ смѣетъ любовникомъ называть?

Наташа.

А какъ-же назвать-то? Конечно, любовникъ. Чайку-бы поскорѣй, устала; а денегъ не принесла, дяденька, подождать велѣли.

Корпѣловъ.

Не печалься, денегъ добудемъ; у меня есть въ запасѣ старый товарищъ, Матвѣй Потроховъ. Богатъ, какъ Крезъ, а, главное, самъ навязался: „приходи, говоритъ, когда нужно будетъ, мой бумажникъ всегда открытъ для тебя". Надо ему сдѣлать честь, занять у него! А вотъ ты насъ словечкомъ-то ушибла немножко.

Наташа.

Какимъ словечкомъ? Любовникъ? Что-жь, дѣло очень обыкновенное. Кабы мы были барышни, какъ слѣдуетъ, такъ объ насъ и честнѣй-бы говорили. Барышни-то какъ замужъ выходятъ? Придетъ въ домъ сваха, запрется съ маменькой и шепчутся, потомъ маменька съ папенькой запрутся и шепчутся, потомъ по всему кварталу шепотъ пойдетъ. Всѣ шепчутся, а барышня ничего не знаетъ, сидитъ въ залѣ и на фортепіанахъ играетъ.

Чепуринъ.

Все это такъ точно-съ.

Наташа.

Потомъ снарядятъ старухъ разузнавать, каковъ человѣкъ; тѣ всю подноготную вывѣдаютъ. Потомъ женихъ станетъ ѣздить въ домъ, благословятъ образомъ; а барышнѣ останется только ходить обнявшись съ женихомъ, да поминутно цаловаться. И чѣмъ больше народу смотритъ на нихъ съ улицы, тѣмъ лучше.

Чепуринъ.

Все это вѣрно-съ. Еще у оконъ-то сосѣди подмостки сдѣлаютъ, скамеекъ изъ своихъ домовъ натаскаютъ, да считаютъ, сколько разъ поцаловались: „нынче, говорятъ, столько, а вчерась столько-то“; да споръ изъ этого подымутъ.

Наташа.

А мы съ тобой, Женичка, должны сами жениховъ выбирать; а вѣдь для этого нужно познакомиться, видаться почаще, говорить по душѣ. Ну, вотъ и пошелъ разговоръ, что любовникъ. А все дяденька виноватъ.

Корпѣловъ.

Коли не кто другой, такъ, должно-быть, я; надобно-же кому-нибудь быть виноватымъ.

Наташа.

Плохо за нами смотрите, никогда не побраните насъ, коли мы лѣнимся работать, — позволяете изъ дому уходить, куда намъ угодно.

Чепуринъ.

Это, дѣйствительно, съ вашей стороны упущеніе, и никакъ нельзя вамъ за это чести приписать, потому какъ вы въ домѣ живете за мѣсто старшаго.

Корпѣловъ.

То-то и есть, что не старшій, а за мѣсто старшаго, я и на свѣтѣ-то живу не человѣкомъ, а за мѣсто человѣка. Я и на службѣ-то былъ за мѣсто кого-то, потому что служилъ исправляющимъ должность помощника младшаго сверхштатнаго учителя приходскаго училища. Прослужилъ я цѣлыхъ три мѣсяца, вышелъ въ отставку и аттестатъ два раза терялъ, и живу теперь по копіи съ явочнаго прошенія о пропавшемъ

документѣ. Признаться вамъ сказать, друзья мои и сродники, ужь начинаю я сомнѣваться, самъ-то я не копія-ли съ какого-нибудь пропавшаго человѣка.

Наташа.

Вотъ отъ вашей оплошности, дяденька, могла-бы бѣда случиться; да на мое счастье человѣкъ-то вышелъ хорошій. Увидала я его у знакомыхъ у своихъ и полюбила. Ужь, видно, безъ этого не обойдешься. Такъ-ли, Женичка, милая? (Цалуетъ ее.) Ну, да важность-то бы не большая: вздыхала-бъ я издали, а дома когда и поплакала... А вышло то, чего я и не ожидала, вижу, что и онъ меня любитъ. Я, по простотѣ, сразу: „любишь, такъ женись", говорю. А онъ говоритъ: изволь. Да такъ, вдругъ, не задумавшись. Какъ хотите, господа, а вѣдь это очень пріятно. Онъ красивый молодой человѣкъ, очень богатъ, щеголь, а я что? Бѣдная дѣвочка, больше ничего.

Евгенія.

Да это можно умереть отъ счастья.

Наташа.

Ну, я не умерла. Зачѣмъ умирать, коли впереди жизнь такая хорошая! Я какъ въ раю теперь живу. Видѣлась я съ нимъ почти каждый день, потомъ онъ въ Саратовъ по своимъ дѣламъ уѣхалъ; а вотъ пріѣдетъ, ну, и милости прошу на свадьбу. (Кланяется всѣмъ.) Вотъ онъ какой хорошій у меня! (Вынимаетъ изъ портмонэ карточку и показываетъ Грунцову, потомъ Корпѣлову и Чепурину)

Чепуринъ

(чуть взглянувъ на карточку).

Что-жь такое за важность! Знаемъ-съ. Копровъ, Егоръ Николаевъ. Вы говорите, что онъ въ Саратовъ уѣхалъ, а онъ и сейчасъ здѣсь-съ.

Наташа (съ радостью).

Какъ? Развѣ вернулся?

Чепуринъ.

И не ѣздилъ никуда-съ.

Наташа.

Шутки въ сторону, Иванъ Ѳедулычъ! Я дѣвушка серьёзная, и дѣло мое серьёзное.

Чепуринъ.

Какъ я смѣю шутить-съ! Вотъ накажи меня Богъ.

Наташа.

Да какъ-же! Онъ простился со мной, и знакомые его говорятъ, что онъ уѣхалъ!

Чепуринъ.

Многіе думаютъ, что его нѣтъ въ Москвѣ, потому какъ онъ скрывается; а все-таки его встрѣтить можно, онъ каждый день въ Таганку къ купцу къ одному богатому ѣздитъ. Да вотъ извольте посмотрѣть, не онъ-ли въ коляскѣ мимо ѣдетъ. (Показываетъ въ окно.) Остановился, съ какимъ-то бариномъ разговариваетъ.

Наташа (у окна).

Егоръ Николаичъ! Егоръ Николаичъ! Подождите!

Грунцовъ (взглянувъ въ окно).

Domine, да вѣдь это онъ!

Корпѣловъ.

Кто онъ-то?

Грунцовъ.

Тотъ франтъ, котораго я у Мурина видѣлъ.

(Наташа надѣваетъ платокъ на голову и хочетъ идти.)

Чепуринъ.

Не бѣгите-съ. Это вамъ довольно даже стыдно. Ничего изъ этого хорошаго не будетъ.

Евгенія.

Не твое дѣло, безобразный!

Наташа.

Что̀ за стыдъ? Я и въ огонь и въ воду. (Хочетъ идти.)

Чепуринъ.

Да онъ-то васъ не желаетъ видѣть, закрылся воротникомъ и укатилъ.

Наташа.

Какъ? Неужели? (Взглянувъ въ окно.) Бѣдная я, несчастная дѣвушка!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Комната въ домѣ Потрохова. — Много изящной и удобной мебели, три двери: одна въ глубинѣ — въ пріемную и двѣ по сторонамъ. — Съ правой стороны, ближе къ авансценѣ, окно.

Явленіе первое.

Потроховъ (спитъ, сидя въ креслѣ; передъ нимъ маленькій столикъ). **Поликсена** (стоитъ посреди комнаты и смотритъ на мужа съ презрительнымъ сожалѣніемъ). **Копровъ** (входитъ изъ пріемной).

Поликсена.

Жоржъ! Какой блѣдный! Что̀ случилось?

Копровъ (указывая на Потрохова).

Спитъ?

Поликсена.

Сномъ праведника, какъ всегда. Хоть въ трубы труби, не проснется.

Копровъ.

Деньги — вотъ! . . (Показывая на горло.)

Поликсена.

Ахъ, бѣдненькій!

Копровъ.

Хочу у этого моржа попросить. Скоро онъ проснется?

Поликсена.

Не знаю. А вотъ его фаворитка идетъ съ зельтерской водой.

Копровъ.

Я пойду въ садъ, подожду, пока онъ разгуляется, а то онъ съ просонковъ золъ бываетъ. (Уходя.) Какъ спитъ-то, тюлень этакій! (Уходитъ въ дверь направо. Поликсена идетъ за нимъ и останавливается въ дверяхъ. Входитъ Ариша съ большой кружкой.)

Явленіе второе.

Потроховъ, Ариша, Поликсена (въ дверяхъ).

Ариша

(трогая за рукавъ Потрохова).

Баринъ, баринъ!... Матвѣй Петровичъ, вставайте. (Улыбаясь.) Что это, стыдъ какой!

Потроховъ (бормочетъ въ просонкахъ).

Который часъ, который часъ который часъ?

Ариша.

Девятый ... девять часовъ скоро ... добрые люди поужинали. Что въ самомъ дѣлѣ? Барыня сердится, чай кушать пора.

Потроховъ (въ просонкахъ).

Зельтерской, зельтерской, зельтерской!

Ариша

(насильно даетъ ему въ руку кружку).

Да извольте! Не уроните! Ужь вторую подаю.

Потроховъ (пьетъ воду).

Фу, славно! (Опять приваливается къ креслу и засыпаетъ.)

Ариша.

Да вѣдь ужь нечего дѣлать, ужь какъ угодно, а вставать надо.

Потроховъ (въ просонкахъ).

Ты думаешь?

Ариша.

Да непремѣнно. Что, право, словно маленькіе!

Потроховъ (открывъ глаза).

Ахъ, ты, жизненочекъ! жизненочекъ ты мой! (Беретъ Аришу за подбородокъ.) Такъ, маленькій жизненочекъ!... Вотъ сейчасъ я тебя за это поцалую.

Поликсена.

Превосходно! Чудо! Браво! Продолжайте! Вы при мнѣ-то хоть-бы посовѣстились! (Потроховъ притворяется спящимъ и громко храпитъ.) До чего вы дошли, до чего вы дошли, Боже мой! Ариша, поди сейчасъ отсюда!

Ариша.

Сударыня, я не только что ... а даже всегда стараюсь быть какъ можно дальше отъ всего этого.

Поликсена.

Подите, моя милая, говорятъ вамъ! За то жалованье, которое вы получаете, отъ васъ требуется только исполнительность; а ласки барину — это ужь лишнее, это роскошь съ вашей стороны.

Ариша (Потрохову съ укоромъ).

Какъ вамъ не стыдно, сударь! Изъ за васъ дѣвушка должна такія слова переносить. (Уходитъ.)

Поликсена.

Ужь довольно притворяться. Кого вы обманываете? Жалкій! Какъ вы струсили!

Потроховъ (открывая глаза).

Что̀ такое? Что̀ вамъ нужно отъ меня?

Поликсена.

Что мнѣ нужно? Очень мало: мнѣ нужно, чтобъ вы были хоть немного поблагороднѣе и почестнѣе. Цаловать горничныхъ при женѣ — это такъ низко ...

Потроховъ.

У васъ изъ всякой малости выходитъ важное дѣло. Это скучно. Что̀ такое особенное произошло? Невольный жестъ съ просонковъ и жестъ весьма естественный.

Поликсена.

Естественный? Скажите, пожалуйста! Хороша естественность!

Потроховъ.

Ну да, конечно. Вы не можете утверждать, что я хотѣлъ приласкать непремѣнно Аришу; можетъ быть, мнѣ съ просонковъ показалось, что вы подлѣ меня.

Поликсена.

Ахъ, ахъ! Вы меня до обморока доведете. Оскорбленіе, насмѣшки ...

Потроховъ.

Я не понимаю, чѣмъ оскорбляться. Простой жестъ, естественный ...

Поликсена.

Не говорите вздору! Я не глупѣй васъ и не хуже знаю, что̀ естественно, что̀ неестественно. Впрочемъ, можетъ-быть, вы занимаетесь естественными науками, выбрали для изученія особый отдѣлъ —

горничныхъ, вамъ нужно войти во всѣ подробности; въ такомъ случаѣ я съ вами спорить не стану. Прекрасно, прекрасно. Теперь я знаю вашу спеціальность и гнушаюсь вами. (Язвительно.) Ес-те-ство-испытатель. (Уходитъ.)

Явленіе третье.

Потроховъ, (потомъ) **Копровъ.**

Потроховъ.

Фу ты, какая бѣшеная баба! (Смотритъ на часы.) Экъ я ... до которыхъ поръ ... вотъ угораздило! А впрочемъ, что̀ и дѣлать-то больше! Тоска ... хоть-бы зашелъ кто ... Какой нынче день? Да, пятница ... Я сегодня Корпѣлова звалъ, кажется. Вотъ еще нужно очень! И зачѣмъ это я? Что̀ дѣлаю, что̀ говорю, — себя не помню (махнувъ рукой), нить въ жизни потерялъ ... Придетъ Корпѣловъ, съ нимъ еще скучнѣй будетъ. Нѣтъ ничего тоскливѣе этихъ бѣдныхъ добродѣтельныхъ людей, этихъ Діогеновъ ... А еще, пожалуй, денегъ запроситъ... Хоть-бы въ пикетъ съ кѣмъ поиграть. Съ удовольствіемъ-бы проигралъ пятьдесятъ рублей, только-бы время провесть. (Подходитъ къ окну.) Кто это въ саду? Егоръ Копровъ? (Машетъ рукой и отходитъ.) Эка тяжесть, эка тяжесть! (Входитъ Копровъ.)

Копровъ.

Здравствуй!

Потроховъ.

Здравствуй, Жоржъ!

Копровъ (вглядываясь въ Потрохова).

Ты бы зельтерской.

Потроховъ.

Двѣ выпилъ; да что, братецъ ... (Останавливаясь передъ Копровымъ). Тоска! Вѣришь-ли, какая тоска!

Копровъ.

Дурное пищевареніе, спишь много.

Потроховъ.

Знаю.

Копровъ.

Особенно послѣ обѣда тебѣ не годится.

Потроховъ.

Знаю, что не годится. Толкуй еще! Все это я знаю; но главная причина тоски моей не въ томъ. (Копровъ смотритъ вопросительно.) Что̀ ты смотришь?

Копровъ.

Да странно мнѣ ...

Потроховъ.

Ничего нѣтъ страннаго. Тутъ, Жоржъ, не пищевареніе, тутъ другое: въ характерѣ у меня кой-что̀ ...

Копровъ.

Нѣтъ, что̀-жь, у тебя характеръ ничего ...

Потроховъ.

Вообще-то говоря, характеръ у меня хорошій, даже очень хорошій; но есть, братецъ, и важные недостатки: иногда дѣлаю чортъ знаетъ что̀; говорю, чего не слѣдуетъ; вру много лишняго.

Копровъ.

Нельзя сказать, чтобъ очень...

Потроховъ.

Чтобъ очень вралъ-то? Нѣтъ, очень, очень ... лгу безъ конца. Не возражай, пожалуйста; видишь, какъ я разстроенъ.

Копровъ.

Ну, какъ хочешь, и спорить не буду.

Потроховъ.

И не надо мнѣ, и никто меня не заставляетъ, а болтаю, особенно вотъ если выпью и рюмочку вина, — одну только рюмочку. Кажется, что̀ за важность, а никакого удержу на меня нѣтъ ... И пошелъ, и пошелъ, и вру, какъ сивый меринъ. (Копровъ улыбается.) Что̀ ты смѣешься? Что̀ тутъ веселаго? Ты долженъ войти въ мое положеніе, вѣдь я, братецъ, страдаю. Эка тоска!

Копровъ.

Что̀ твоя тоска! Вотъ у меня тоска-то!

Потроховъ (чуть не плача).

Раскаяніе, Жоржъ.

Копровъ.

Ну, я этого грѣха не знаю. Да и у тебя что̀ за раскаяніе, понять не могу. Скажешь ты, напримѣръ, что у тебя овесъ родится самъ-пятнадцать, а онъ всего самъ-другъ ...

Потроховъ.

Ну, не самъ-другъ; ты ужь тоже ...

Копровъ.

Ну, извини! Самъ-другъ съ половиной. Такъ что̀-жь это за прегупленіе? Въ чемъ тутъ раскаяваться?

Потроховъ.

Хорошо, кабы только, а то хуже гораздо. Вотъ третьяго-дня былъ я у одного стараго товарища, выпили шампанскаго вдоволь, ужь чего я тамъ ни городилъ! Ахъ, вспомнить гадко.

Копровъ.

Всѣ были выпивши; что̀ говорено, забудется, — такъ и пройдетъ.

Потроховъ.

Былъ тамъ одинъ, тоже старый товарищъ, лѣтъ двадцать мы съ нимъ не видались, учителишко жалкій, Корпѣловъ, — въ какомъ-то засаленномъ пальто

Копровъ.

Ну, такъ что-же?

Потроховъ.

Физіономія въ родѣ тѣхъ, что въ погребкахъ на гитарѣ играютъ. Встрѣться онъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, я-бы отворотился отъ него, а ужь руки ни за что бы не подалъ; а тутъ что я ему говорилъ, что я ему говорилъ!

Копровъ.

Стоитъ сокрушаться.

Потроховъ.

Да ужь очень досадно на себя: съ чего было мнѣ такъ унижаться передъ нимъ, зачѣмъ было мнѣ себя ругать? Вѣдь я что говорилъ-то! Что онъ честнѣй насъ всѣхъ, что намъ совѣстно смотрѣть ему въ глаза, что мы разбогатѣли не безъ ущерба для совѣсти. Предлагалъ за него тосты: „господа, выпьемъ за честнаго человѣка!“ Говорилъ ему, чтобъ онъ обращался ко мнѣ за деньгами, какъ въ свой карманъ; звалъ его въ гости, кланялся; просилъ его даже жить у меня. Скотина я — больше ничего.

Копровъ.

Не бойся, не пойдетъ, посовѣстится; я его знаю.

Потроховъ.

Да онъ и то отказывался, говорилъ, что боится моей жены, что онъ человѣкъ дикій; такъ я къ нему присталъ, какъ съ ножомъ къ горлу, честное слово взялъ.

Копровъ.

А придетъ, такъ можно и выпроводить поучтивѣе.

Потроховъ.

Да, разумѣется, можно; только все какъ-то скверно на душѣ. А вотъ сейчасъ, съ просонковъ, съ чего-то пришло мнѣ въ голову Аришу поцаловать, а тутъ жена ...

Копровъ.

А, такъ вотъ что! Вотъ отчего тоска-то!

Потроховъ.

Не одно это, а все вмѣстѣ. Конечно, все вздоры; а накопится, знаешь, этихъ мелочей въ душѣ, ну и вздыхаешь, точно преступникъ какой, право, точно душу загубилъ. А вотъ поговорилъ я съ тобой, Жоржъ, по пріятельски, излилъ тебѣ свою душу, ну и легче мнѣ. (Запѣваетъ): „Не уѣзжай“ ... Разумѣется, я не со всякимъ такъ откровененъ. И отъ чего-бы мнѣ сокрушаться, кажется?... Положеніе мое блестящее ... Это ты правъ, желудокъ тутъ во всемъ виноватъ. Вѣдь я еще наслѣдство получаю, умеръ дядя.

Копровъ.

Слышалъ.

Потроховъ.

Я единственный наслѣдникъ, завѣщанія не осталось ... Всѣ бумаги его я самъ перебиралъ и запечатывалъ; да вотъ ужь цѣлыхъ два года при немъ никого и не было, кромѣ меня да старой старухи ключницы. Она теперь у насъ живетъ.

Копровъ.

А дѣвушка, Наташа?

Потроховъ.

Дочь экономки? Какія-же она права имѣетъ?

Ее жалѣть нечего! Мать-то, живя у старика, наэкономничала деньжонокъ, да и послѣ старикъ посылалъ, я знаю. У этой дѣвушки тысченокъ пять-шесть навѣрное есть.

Копровъ.

Ты думаешь?

Потроховъ.

Какъ-же иначе! Всегда такъ бываетъ.

Копровъ.

Она живетъ бѣдно.

Потроховъ.

Вѣрь ты имъ! Припрятаны, чтобъ разговору не было.

Копровъ.

А я не зналъ, что у ней есть деньги.

Потроховъ.

Ну, такъ знай.

Копровъ.

Привлекательная дѣвушка, она мнѣ очень нравится.

Потроховъ.

Это до меня не касается; твое счастье ... Да ... кушъ возьму хорошій, — однихъ денегъ 45 тысячъ.

Копровъ (жметъ ему руку).

Очень радъ, любезный другъ.

Потроховъ.

Чему-жь ты радъ?

Копровъ.

Ты и со мной подѣлишься ... мнѣ, братъ, крайность ... до-зарѣзу.

Потроховъ.

Нѣтъ ужь, кончено.

Копровъ.

Не говори такъ рѣшительно! Меня въ холодный потъ бросаетъ.

Потроховъ.

Не дамъ. (Запѣваетъ). „Не уѣзжай"...

Копровъ.

Смотри, жалѣть будешь ... У меня дѣло вѣрное, два рубля за рубль отдамъ.

Потроховъ.

Нельзя тебѣ давать. Ты и кирпичи машиной дѣлалъ, тоже говорилъ, дѣло вѣрное; и селедокъ ловилъ на Волгѣ, и въ провинціяхъ театры содержалъ, и крахмаломъ картофельнымъ торговалъ, и гальванопластику какую-то отливалъ,—все у тебя дѣло вѣрное; а что вышло? Гдѣ наши деньги?

Копровъ.

Помоги теперь, всѣ долги выплачу, тебѣ первому.

Потроховъ.

Ни одного гульдена.

Копровъ.

Ты меня топишь; мнѣ хоть въ петлю лѣзть ... Эта афера дастъ мнѣ 300 тысячъ; мнѣ онѣ нужны...

Потроховъ.

Кому не нужны!

Копровъ.

Ты человѣкъ развитой, современный, ты понимаешь, я думаю, что людямъ съ нашими потребно-

стями меньше 300 тысячъ имѣть нельзя. Это, что̀ называется, въ обрѣзъ; разочти самъ. Иначе жить порядочно нельзя, — жить какъ-нибудь я не соглашусь ни за что̀ ... Ты пожалѣй меня, мнѣ жить хочется.

Потроховъ.

Дать тебѣ денегъ, такъ вѣдь ты, прежде всего, новую коляску и новую пару лошадей заведешь.

Копровъ.

Заведу: во-первыхъ, у меня изящный вкусъ, я воспитанъ хорошо, а во-вторыхъ, такъ нужно для моего дѣла.

Потроховъ.

Для какого?

Копровъ.

Покуда не скажу.

Потроховъ.

Ну, я подумаю.

Копровъ.

Благодарю тебя. (Входитъ Поликсена съ книгой и садится въ кресло.)

Явленіе четвертое.

Потроховъ, Копровъ и Поликсена.

Потроховъ.

Мнѣ самому теперь чистыя деньги пришлись очень кстати. Я хочу переѣхать на житье въ рязанское имѣніе.

Поликсена.

Я ужь сказала, что не поѣду съ вами.

Потроховъ.

Какъ вамъ угодно. Заведу машины, все хозяй-

ство въ широкихъ размѣрахъ, стану самъ заниматься агрономіей. У меня вѣдь съ дѣтства страсть къ агрономіи. Отъ того я и скучаю, что мнѣ здѣсь не къ чему приложить моихъ рукъ и способностей.

Поликсена.

А какъ вы думаете? Вѣдь порядочной женщинѣ съ вами жить никакъ невозможно.

Потроховъ.

Слышалъ ужь я это.

Поликсена.

Мало этого, что слышали.

Потроховъ.

Что-жь мнѣ, руки, что-ль, на себя наложить прикажете? Я прочелъ всѣ сочиненія, русскія и иностранныя, объ сельскомъ хозяйствѣ, о химіи, былъ въ перепискѣ ...

Поликсена.

Не слушайте его, Жоржъ! Ничего онъ, кромѣ „Руководства къ куроводству“ не читаетъ, да и то на половину не разрѣзано; ему только хочется меня разстроить. Подите сюда! (Копровъ подходитъ.) Посмотрите! (Указываетъ на одно мѣсто въ книгѣ.)

Копровъ (читаетъ).

„Вся жизнь ея была непрерывная цѣпь страданій“...

Поликсена.

Это про меня сказано, Жоржъ, про меня; и моя жизнь есть непрерывная цѣпь страданій.

Потроховъ.

А моя жизнь непрерывная цѣпь скуки. Пойдемъ, Жоржъ, въ пикетъ играть!

Поликсена (Копрову).

Я сяду подлѣ васъ и принесу вамъ счастье. (Уходятъ въ боковую дверь налѣво. Сакердонъ и Корпѣловъ показываются изъ пріемной и останавливаются у двери.)

Явленіе пятое.

Сакердонъ, Корпѣловъ.

Сакердонъ.

Какъ объ васъ сказать-то? По-видимости, и такъ полагаю, вы блаженный.

Корпѣловъ.

Ошибся ты, друже, я только ищу блаженства.

Сакердонъ.

Ну, само собой. Только вы здѣсь не найдете.

Корпѣловъ.

А гдѣ-жь искать блаженства? Будь другъ, скажи!

Сакердонъ.

И скажу; отъ чего-жь не сказать! У купцовъ ищите! Вотъ ужь тамъ для вашего сословія дѣйствительно рай земной.

Корпѣловъ.

Вотъ спасибо, что сказалъ; такъ и знать будемъ. А теперь доложи, поди!

Сакердонъ.

Ужь я такъ и доложу.

Корпѣловъ.

Какъ тебѣ угодно. Только не забудь, Корпѣловъ.

Сакердонъ.

Ужь коли принимать такихъ, такъ все одно примутъ, какъ васъ ни звать. (Корпѣловъ хочетъ сѣсть.) Что-же это вы?

Корпѣловъ.

Усталъ, братецъ, изъ Сокольниковъ пѣшкомъ шелъ.

Сакердонъ.

Но однако позвольте! На это есть пріемная. Здѣсь господскій домъ, такъ нельзя; здѣсь недозволено по всѣмъ комнатамъ славить. Пожалуйте! (Провожаетъ Корпѣлова въ пріемную, потомъ подходитъ къ боковой двери и берется за ручку. Изъ двери выходитъ Поликсена.)

Явленіе шестое.

Поликсена, Сакердонъ, потомъ **Корпѣловъ.**

Поликсена.

Что тебѣ нужно?

Сакердонъ.

Сударыня, блаженъ мужъ пришелъ.

Поликсена.

Какой „блаженъ мужъ“?

Сакердонъ.

Которые скитающіе.

Поликсена.

Не понимаю. Позови!

Сакердонъ (у двери.)

Пожалуйте! (Уходитъ. Входитъ Корпѣловъ).

Поликсена.

Кто вы такой?

Корпѣловъ.

Homo sum.

Поликсена.

Я вашего жаргона не понимаю.

Корпѣловъ.

Азъ есмь человѣкъ: человѣкъ Божій, на прочихъ смертныхъ не похожій.

Поликсена.

Да, вижу, что непохожій. Но что-же вамъ угодно?

Корпѣловъ.

Въ гости пришелъ.

Поликсена.

Не ожидала.

Корпѣловъ.

Не удивляюсь; потому что не вы меня звали, а stultus.

Поликсена.

Какой стультусъ?

Корпѣловъ.

Бывшій мой collega, Матвѣй Потроховъ.

Поликсена.

Это мой мужъ.

Корпѣловъ.

Охотно вамъ вѣрю, сударыня.

Поликсена.

Еще бы вы не повѣрили! Что же значитъ „стультусъ“?

Корпѣловъ.

Дуракъ; такъ мы его величали въ гимназіи.

Поликсена.

Но вѣдь онъ теперь ужь не въ гимназіи; онъ статскій совѣтникъ; вы не забывайте этого!

Корпѣловъ.

А, можетъ-быть, онъ, не взирая на чины, остался вѣренъ самъ себѣ.

Поликсена.

Ну, ужь извините! Разговаривайте съ мужемъ, а я такъ разговаривать не умѣю. Матвѣй Петровичъ! Къ вамъ пріятель пришелъ ... (Входитъ Потроховъ.)

Явленіе седьмое.

Корпѣловъ, Поликсена, Потроховъ, потомъ Сакердонъ.

Потроховъ.

А, любезнѣйшій другъ мой, здравствуй! (Въ двери:) Хересу намъ, мадеры! (Корпѣлову.) Рому не хочешь-ли?

Корпѣловъ.

Мнѣ все равно. Что къ цѣли ближе, то и давай.

Потроховъ (громко).

Хересу, намъ, хересу! Да скорѣй! Стаканчики подайте.

Поликсена (Потрохову).

Не дѣлайте таверны изъ нашего дома! Да вамъ и нездорово, поберегитесь!

Потроховъ.

Не расточайте нравоученій, не расточайте напрасно! Вотъ рекомендую вамъ: бѣдный, но благородный другъ мой!

Поликсена.

Благородный! Вы благородный?

Корпѣловъ.

Непремѣнно. Только ужь, я думаю, у меня четверть благородія вымерзло.

Поликсена.

Вотъ новости! Какимъ это образомъ?

Корпѣловъ.

Во время моихъ зимнихъ, но пѣшихъ путешествій между Бѣжецкомъ, Кашиномъ, Весьегонскомъ и другими городами Россійской имперіи. (Сакердонъ вноситъ бутылку и два стаканчика и уходитъ.)

Потроховъ

(наливая стаканы себѣ и Корпѣлову).

Выпей-ко, любезный другъ! (Корпѣловъ пьетъ.) Дай-ко, я тебѣ еще ухну. Вѣдь любишь, что̀ грѣха таить? (Наливаетъ Корпѣлову.)

Поликсена.

А гдѣ Жоржъ?

Потроховъ.

Онъ уѣхалъ.

Поликсена.

А денегъ вы дали?

Потроховъ.

Далъ, чортъ его возьми! Ему-бы только попрочуять, гдѣ деньги; а то ужь выпроситъ. Онъ даже у просвиренъ ухитряется занимать.

Поликсена.

Такимъ людямъ нельзя ни въ чемъ отказать, поймите вы!

Потроховъ.

Ужь будто? (Наливая Корпѣлову.) Пей, бѣднѣйшій другъ мой! Вспомнимъ студенческіе годы.

Корпѣловъ.

А самъ-то что̀ отстаешь?

Потроховъ.

Я догоню. Ахъ, какъ онъ бѣденъ! Боже мой, какъ онъ бѣденъ!

Корпѣловъ.

Всякому свое, милый stultus: намъ умъ, а тебѣ деньги; къ намъ люди ходятъ ума занять, а къ тебѣ денегъ. Вотъ и я пришелъ тоже за деньгами.

Поликсена.

Я такъ и ожидала.

Корпѣловъ.

Нѣтъ, кромѣ шутокъ; видишь-ли: квартирку я нанимаю за семь съ полтиной въ мѣсяцъ: такъ по первымъ числамъ затрудняюсь и скорблю.

Потроховъ.

Ну, послѣ, послѣ потолкуемъ.

Корпѣловъ.

Я, братъ stultus, долги всегда плачу; я, бывало, въ трактирѣ половому рубликъ задолжаю, такъ при деньгахъ рубль-то ему заплачу, да рубль на водку дамъ. Мнѣ вѣрить можно, ты, пожалуйста, не подумай ...

Потроховъ.

Что̀ за разговоръ, collega? Велики-ль деньги! Ты меня обижаешь. (Поликсенѣ.) А какъ онъ поетъ русскія пѣсни, простонародныя. Вотъ гдѣ натура! Удивленіе!

Поликсена.

Вы поете? Любопытно.

Корпѣловъ.

А вы любите русскія пѣсни, барыня?

Поликсена.

Я люблю все хорошее.

Потроховъ.

Ну-ко, дружище! Да ты встань, пройдись!

Корпѣловъ (поетъ съ проходкой).

„Пойду-ли я по городу гулять".

Поликсена.

Что это? Что за балаганъ? Ахъ, нѣтъ, увольте! (Уходитъ.)

Корпѣловъ (продолжаетъ).

„Пойду-ли я по Бѣжецкому".

Потроховъ.

Погоди немного! Вотъ что, другъ любезный: у тебя время-то свободно, такъ тебѣ можно плясать, а у меня есть дѣло: такъ ужь ты меня извини, я займусь немножко. Пляши, пожалуй, вино я тебѣ оставлю. (Уходитъ.)

Явленіе восьмое.

Корпѣловъ, потомъ ключница.

Корпѣловъ.

Что-жь это значитъ? Ушли. Вотъ такъ любезные хозяева! Ну, я подожду; вѣдь, можетъ-быть, и въ правду, дѣло есть. (Наливаетъ себѣ вина и пьетъ. Входитъ ключница).

Ключница (у двери).

Охъ, охъ! Блаженненькій, можно съ тобой поговорить-то?

Корпѣловъ.

Со мной-то? Можно, разговаривай, сколько тебѣ угодно!

Ключница.

Грѣшница я, великая грѣшница!

Корпѣловъ.

А мнѣ-то что̀ за дѣло?

Ключница.

Какъ, что̀ за дѣло? Я къ тебѣ каяться пришла, а ты говоришь: что̀ за дѣло?

Корпѣловъ.

Каяться? Много тебѣ лѣтъ?

Ключница.

Полсема десятка.

Корпѣловъ.

А грѣховъ много?

Ключница.

Да такъ тебѣ сказать, что̀ больше песку морского.

Корпѣловъ.

И все это ты будешь мнѣ разсказывать?

Ключница.

Все, все, ничего не потаю.

Корпѣловъ.

Вѣдь этакъ тебя до завтра не переслушаешь, особенно коли ты молодость свою вспомнишь.

Ключница.

Охъ, вспомню, вспомню.

Корпѣловъ.

Нѣтъ ужь, кайся ты, поди, кому-нибудь другому!

Ключница.

Да благо ты здѣсь, чего-жь мнѣ, малоумный ты человѣкъ! Все-жь таки мнѣ легче будетъ, блаженный ты человѣкъ, малоразумный ты человѣкъ!

Корпѣловъ.

Фу! Дай духъ перевести! Ну, говори!

Ключница.

Вотъ тото-же, благоразумный ты человѣкъ. Алчная я, жадная, до всего завистная, до всякой малости завистная.

Корпѣловъ.

Потомъ?

Ключница.

Глаза-то мои никогда сыты не бываютъ, никогда.

Корпѣловъ.

А далѣе?

Ключница.

Всю жизнь собирала-собирала,—ничего не собрала; копила-копила,—ничего не накопила.

Корпѣловъ.

Очень жаль.

Ключница.

Да чего и нажить-то, все дрянь подбирала: огарочки, да гвоздики, да кусочки сахару. А тутъ вдругъ разбогатѣть захотѣла, грѣхъ попуталъ,—покорыстовалась. (Плачетъ.) Какъ сталъ онъ умирать-то...

Корпѣловъ.

Кто, онъ-то?

Ключница.

Да извѣстно, кто, старый баринъ.

Корпѣловъ.

Жалость какая!

Ключница.

Жалость-то жалостью; а позвалъ онъ меня и приказываетъ: „отдай ты эту коробочку дѣвушкѣ".

Корпѣловъ.

Какой дѣвушкѣ?

Ключница.

Извѣстно, какой. Да что ты, развѣ я тебѣ не сказывала?

Корпѣловъ.

Ну, все равно, разговаривай дальше!

Ключница.

Вотъ я и согрѣшила, грѣшная, задумала ее утаить. Алчная я, до всего на свѣтѣ завистная; а Богъ-то и покаралъ. Думала вещи тамъ, золото; разломала я, на мѣсто того, бумаги. Можетъ есть тутъ и денежныя бумаги, да коли именныя, такъ за это, говорятъ, великъ судъ бываетъ; значитъ, все мнѣ не на пользу. (Показываетъ пакетъ и коробочку). Вотъ они: и бумаги, и коробочка.

Корпѣловъ.

Вижу.

Ключница.

Такъ сними ты съ меня этотъ грѣхъ, сними!

Корпѣловъ.

Многаго ты захотѣла. Какъ я сниму? Этого и не умѣю.

Ключница.

А ты на свою душу возьми! Вамъ, малоумнымъ, всякій грѣхъ прощается. Вотъ, на-ко тебѣ бумаги-то, на! А то умру вѣдь я скоро. Возьми!

Корпѣловъ.

Да на что мнѣ ихъ?

Ключница.

Возьми, возьми! Коли увидишь дѣвушку, такъ отдай ей.

Корпѣловъ.

Какую дѣвушку?

Ключница.

Да все ту-же. А коли не увидишь, куда хочешь дѣнь! Ты только возьми, а тамъ ужь твое дѣло, хоть брось. На, на!

Корпѣловъ

(беретъ бумаги и кладетъ въ карманъ).

Ну, давай! Отвяжись только!

Ключница.

Вотъ мнѣ теперь и легче; ровно камень ты съ моей души снялъ. А коробочку не отнимай у меня! Хороша коробочка-то. Сдѣлай милость не отнимай.

Корпѣловъ.

Провались ты и съ коробочкой! Надоѣла ты мнѣ.

Ключница.

Ну, вотъ спасибо! Надо-бъ тебѣ гривенничекъ дать, да не взыщи ужь! (Кланяется и уходитъ. Входитъ Сакердонъ.)

Явленіе девятое.

Корпѣловъ, Сакердонъ, потомъ **Потроховъ.**

Сакердонъ.

Держи руку! (Беретъ за руку Корпѣлова и сверху опускаетъ въ нее трехрублевую бумажку)

Корпѣловъ.

Quid agis, amicissime? Что дѣлаешь, друже?

Сакердонъ.

Лепта ... и чтобъ за родителей и за всѣхъ сродниковъ ...

Корпѣловъ.

За какихъ сродниковъ?

Сакердонъ.

Разумѣется, господа этого не сказали; а ужь такой порядокъ. Выслали деньги, значитъ маршъ! Сами не могутъ, заняты.

Корпѣловъ.

Зачѣмъ мнѣ три рубля выслали? И чѣмъ занятъ онъ?

Сакердонъ.

Извѣстно, не дрова-же ему колоть, умственное занятіе; гранпасье раскладываетъ.

Корпѣловъ.

Что? Самъ карты раскладываетъ, а товарищу милостыньку высылаетъ! Да я двери выломаю, всѣ окна перебью.

Сакердонъ.

Не шуми! Ты, коли юродствовать, такъ пойдемъ въ людскую!

Корпѣловъ.

Брось ему эти деньги! Я не нищій. (Бросаетъ деньги.) Покажись онъ мнѣ только ... (Потроховъ отворяетъ дверь.)

Потроховъ.

Что̀ за шумъ?

Корпѣловъ.

А! Тебя-то мнѣ и нужно.

Потроховъ.

Ты здѣсь еще, мой милый? Шелъ-бы ты домой спать.

Корпѣловъ.

Пойду, пойду ... Что̀ это ты выдумалъ, stultissime? Мнѣ милостыньку высылать, гнать меня! Али ты не знаешь, кто я? Вѣдь я Корпѣловъ: честный, благородный труженикъ, а не нищій, не шутъ. Тыбы за честь долженъ считать, что старый товарищъ, трудящійся человѣкъ, не погнушался тобой, глупымъ лежебокомъ. Ты за честь долженъ считать, что я обращался съ тобой какъ съ равнымъ по образованію, что я попросилъ у тебя одолженія.

Потроховъ.

Что̀ такое, что̀ такое?

Корпѣловъ.

Да, конечно, за честь ... потому что я человѣкъ, homo sapiens, а ты опоекъ, полувалъ, юфть.

Потроховъ.

Ты захмелѣлъ, любезный!

Корпѣловъ.

Нѣтъ, ты захмелѣлъ отъ глупости и отъ денегъ, которыя тебѣ даромъ достались. Ты думаешь, что,

кто бѣденъ, тотъ и попрошайка, что всякому можно подавать милостыню. Ошибся, милый ... Да я ... я . я не хочу быть богатымъ, мнѣ такъ лучше. Ты вотъ и съ деньгами, да не умѣлъ сберечь благородства; а я мерзъ, зябъ, голодалъ, а все-таки джентльменъ передъ тобой. Приди ко мнѣ, я и приму тебя учтивѣе, и угощу честнѣй своимъ трудовымъ хлѣбомъ! А если тебѣ нужда будетъ, такъ послѣднимъ подѣлюсь. Прощай. (Уходитъ.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

(Декорація перваго дѣйствія).

Явленіе первое.

Наташа (стоитъ у окна, закрывъ глаза платкомъ), **Евгенія** (подлѣ нея) **Корпѣловъ** (спитъ на диванѣ).

Евгенія.

Какъ ты страдаешь, бѣдная! Наташа, Наташа, голубушка, не плачь!

Наташа.

Не утѣшай меня, Женичка, мое горе очень велико. Оставь, пусть я плачу; хуже, какъ слезъ не будетъ.

Евгенія.

Сядемъ работать.

Наташа.

Да, я стану работать, я много ... дни и ночи буду работать; за работой скорѣй ... позабудешь... Мнѣ-бы только дня два перемаяться, потомъ мнѣ легче будетъ ... я себя знаю. Вотъ нынче мнѣ очень ужь трудно.

Евгенія.

Да ты не думай, Наташа, не думай!

Наташа.

Ты оставь меня!... Милая, я ничего, я одна лучше. (Взглянувъ въ окно.) Что это такое? Не кажется-ли мнѣ? Посмотри!

Евгенія.

Это онъ.

Наташа.

Остановился ... кланяется. (Кланяется въ окно.) Съ Маланьей разговариваетъ ... опять кланяется ... уѣхалъ. Ужь не сонъ-ли я вижу? Что она тамъ? Что она не идетъ? (Маланья входитъ.)

Явленіе второе.

Корпѣловъ, Наташа, Евгенія, Маланья.

Наташа (Маланьѣ).

Ну что, что?

Маланья (таинственно).

Проѣхалъ.

Наташа.

Видѣли, видѣли. Что говорилъ?

Маланья.

Ты, говоритъ, здѣшняя? Здѣшняя, говорю. — Знаешь Наталью Петровну? — Какъ-же, молъ, — въ услуженіи у нихъ. — Скажи, говоритъ ... (Оглядывается по сторонамъ.)

Наташа.

Да ну, ну!

Маланья.

Скажи, говоритъ, — чрезъ полчаса мѣста заѣду.

Наташа.

Еще что?

Маланья.

Онъ-бы и еще, можетъ, поговорилъ, да этотъ косоглазый хозяинъ подошелъ, — такъ и уѣхалъ.

Наташа.

Что̀ это значитъ? Какъ понять? Пойдемъ, пойдемъ, надо мнѣ хорошенько подумать.

Евгенія.

Теперь объ чемъ думать?

Наташа.

Нѣтъ, Женичка, надо обдумать хорошенько каждое слово; когда любишь, такъ долго-ли ошибиться, увлечься. (Уходитъ.)

Маланья.

Вонъ онъ, хозяинъ-то, ужь здѣсь: должно, опять за деньгами. (Входитъ Чепуринъ.)

Явленіе третье.

Корпѣловъ, Маланья, Чепуринъ, потомъ **Грунцовъ.**

Маланья.

Асафъ Наумычъ, Асафъ Наумычъ, проснись! Хозяинъ пришелъ.

Чепуринъ.

Не трожь! Я подожду.

Маланья.

Что̀-жь ему валяться-то? Онъ ужь это второй разъ ложится. Асафъ Наумычъ, вставай! Онъ вчера на пирушкѣ былъ въ хорошемъ домѣ. Ты не смотри, что онъ такой забвенный; а съ нимъ хорошіе люди знакомы. Должно быть, переложилъ лишнее, вотъ теперь сномъ и отходитъ. Нѣтъ-то ничего милѣе на свѣтѣ, какъ этотъ сонъ. Асафъ Наумычъ!

Корпѣловъ.

А! Что? Аглая, пощади!

Маланья.

Хозяинъ ...

Корпѣловъ.

Хозяинъ? Ну, такъ я сплю, крѣпко сплю, — такъ и скажи ему.

Чепуринъ.

Извольте почивать, я подожду. (Входитъ Грунцовъ.)

Корпѣловъ.

А, онъ здѣсь! Ну, такъ скажи ему, что денегъ нѣтъ и я умеръ. (Закрываетъ глаза.) Видишь? (Маланья уходитъ.)

Чепуринъ.

Сохрани Богъ-съ. Плакать заставите!

Грунцовъ.

Деньги есть.

Корпѣловъ.

Деньги есть, такъ я ожилъ; не плачь, Чепуринъ.

Грунцовъ (вынувъ деньги).

Лишнее украшеніе и съ цѣпочкой у Мурина гостить оставилъ, цѣлѣй будутъ. Принялъ часы въ десяти рубляхъ, а выдалъ только восемь съ полтиной, полтора рубля за сбереженье вычелъ. Вотъ тебѣ, domine, семь съ полтиной!

Корпѣловъ.

Получай, дому сему владыка!

Чепуринъ.

Въ разсчетѣ-съ.

Грунцовъ.

Рубль остался и шевелится, не даетъ мнѣ покоя. Была у меня мечта угостить тебя, domine, селянкой; а и конфекты еще за мной. (Входитъ Евгенія.)

Явленіе четвертое.

Корпѣловъ, Чепуринъ, Грунцовъ, Евгенія.

Евгенія.

Принесли конфекты?

Грунцовъ.

Конфекты будутъ. (Показывая рублевую бумажку.) Вотъ онъ, видите? Трепещетъ въ моей рукѣ, ждетъ своей участи.

Евгенія.

Насилу-то. Гдѣ это вамъ Богъ послалъ?

Грунцовъ.

Часы еврейскому языку учиться отдалъ.

Корпѣловъ.

Юноша, а ты мечталъ о селянкѣ. Мнѣ-бы теперь сія снѣдь была зѣло полезна: и вчера хересомъ ошибся. Ужъ этотъ хересъ! Врагъ онъ мнѣ: я еще въ университетѣ два раза за него въ карцерѣ сидѣлъ, да и память отшибаетъ совсѣмъ.

Грунцовъ (трагически).

Драма въ душѣ моей!

Корпѣловъ.

Юноша! Изобрази себѣ въ мечтахъ блестящій чертогъ Гурина, музыки громъ, бѣжитъ половой, несетъ графинчикъ листовочки, паръ отъ селянки.

Грунцовъ.

Два чувства борются во мнѣ.

Евгенія.

Какія это?

Грунцовъ.

Любовь и дружба.

Евгенія.

Какъ вы смѣете говорить: любовь? Кто вамъ позволилъ любить меня?

Грунцовъ.

Я самъ себѣ позволилъ. Но когда человѣкъ обуреваемъ страстями, онъ долженъ призвать на помощь разсудокъ. Разсудокъ вотъ что говоритъ: у насъ съ вами есть еще пари на другой фунтъ конфектъ, что вы меня сегодня поцалуете; а такъ какъ я это пари непремѣнно выиграю, то мы съ вами поквитаемся.

Евгенія.

Какъ вы смѣете? Ахъ, силъ моихъ нѣтъ! Какая увѣренность!

Грунцовъ.

Съ вами мы поквитаемся.

Евгенія.

Никогда, никогда!

Грунцовъ.

А пока (беретъ ведро) не сбѣгать-ли за водой для чаю?

Чепуринъ.

И съ меня гривенничекъ получите! (Вынимаетъ портмонэ.)

Евгенія.

Нѣтъ, господа, извините, мы теперь чай пить не будемъ, мы ждемъ гостя. (Корпѣлову.) Дяденька, Наташа проситъ васъ, чтобъ вы ушли куда-нибудь на полчасика. Она-бы и сама вамъ сказала, да очень разстроена и конфузится.

Корпѣловъ.

Хорошо, хорошо, мы сейчасъ, мы мигомъ. Пойдемъ, юноша, селянку ѣсть! (Евгенія уходитъ.)

Чепуринъ (Корпѣлову).

Теперича я васъ понялъ-съ.

Корпѣловъ.

Ну, что-жь я по твоему?

Чепуринъ.

Самый ничтожный человѣкъ-съ!

Корпѣловъ.

Что же ты, благодѣтель мой, ругаешься?

Чепуринъ.

Я васъ принималъ за ученаго человѣка и всякое уваженіе и снисхожденіе вамъ дѣлалъ; а теперь вижу, что ни ума, ни образованія въ васъ нѣтъ, одно балагурство и даже ко вреду себѣ и людямъ.

Корпѣловъ.

Ахъ ты, циклопъ одноглазый!

Чепуринъ.

Васъ гонятъ изъ дому, а вы и рады. Да вы кто-же? Хозяинъ въ семействѣ, или нахлѣбникъ? Коли васъ изъ-за хлѣба, ради шутовства, держатъ, такъ вамъ и цѣна такая отъ людей!

Корпѣловъ.

Засыпалъ онъ меня!

Чепуринъ.

Какой такой гость пріѣдетъ? Извѣстны вы о немъ, или нѣтъ? Не складнѣй-ли будетъ его гнать, чѣмъ самому бѣжать?

Корпѣловъ.

Милый ты мой чухонецъ, какъ-же я въ чужое дѣло полѣзу?

Чепуринъ.

Да нѣшто она вамъ чужая? Да если и чужой у меня передъ глазами тонетъ, я все-таки за нимъ въ воду полѣзу.

Корпѣловъ.

А коли онъ лучше насъ съ тобой?

Чепуринъ.

Такъ узнайте про него все доподлинно! Я-то его хорошо знаю. Всю Москву обѣгайте! Да проклажаться-то нечего, сейчасъ надо за это приняться. Если онъ точно хорошій человѣкъ, такъ пущай ѣздитъ, только чтобъ не украдкой, а при васъ — это гораздо пристойнѣе. А если онъ не стоющій вниманія, такъ возьмите орясину ...

Корпѣловъ.

Я-то орясину? Да ты погляди на меня!

Чепуринъ.

На своемъ гнѣздѣ всякій силенъ. А если вы чувствуете себя, что такъ малодушны, такъ на то есть хозяинъ въ домѣ; позовите меня, я изъ него отбивныхъ котлетъ изготовлю.

Корпѣловъ.

Юноша! обижаютъ меня!

Грунцовъ.

Нѣтъ, онъ правъ; онъ скиѳъ, но правъ.

Чепуринъ.

Чѣмъ по трактирамъ-то бражничать, пойдемте лучше со мной, я вамъ всѣ пути укажу.

Грунцовъ.

Domine, иди! А я въ Сокольники сбѣгаю, мнѣ богатое мѣсто обѣщали въ отъѣздъ. (Уходятъ. Входятъ Наташа и Евгенія.)

Явленіе пятое.

Наташа, Евгенія, потомъ Маланья.

Наташа.

Ушли?

Евгенія.

Ушли.

Наташа.

Кажется, здѣсь все въ порядкѣ, все чисто. Бѣдненько немного, ну, да что-же дѣлать, пусть въ чемъ застанетъ, въ томъ и судитъ.

Евгенія.

Ведро, самоваръ ... конфузно какъ-то.

Наташа.

Нѣтъ, зачѣмъ конфузиться? Это глупо. Чисто-опрятно, чего-жь еще? Мы живемъ по средствамъ, трудами; намъ и жить лучше нельзя. Онъ пойметъ, если у него умъ есть. Ну, на какія деньги, на какіе доходы мы съ тобой можемъ имѣть квартиру хорошую и разодѣться по модѣ? Странно отъ насъ и требовать этого. Бѣдно, дѣйствительно, да откуда-жь, Женичка, богатства-то намъ взять? Кто по-

смѣетъ отъ насъ требовать, чтобъ у насъ богато было? Чисто, опрятно — и довольно. Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бѣдность — гордость наша! Мы ею гордиться должны. Милая Женичка, мы съ тобой хорошія, добрыя дѣвушки: что мы бѣдны, — мы не виноваты; забудь эти стѣны и представь себѣ, что мы королевны во дворцѣ.

Маланья (таинственно).

Ѣдетъ, ѣдетъ!

Евгенія.

Ахъ, милушка! Наташа!

Наташа.

Ну, ты уйди, сначала я съ нимъ одна поговорю.

(Евгенія уходитъ. Входитъ Копровъ.)

Явленіе шестое.

Наташа и Копровъ.

Наташа.

Здравствуйте!

Копровъ (оглянувъ комнату).

Здравствуйте!

Наташа.

Садитесь пожалуйста. (Копровъ садится.) Давно возвратились?

Копровъ.

Нѣтъ, не очень, а, впрочемъ, когда я ... (Стараясь вспомнить.)

Наташа.

Забыли? Да вы ѣздили-ль куда?

Копровъ.

Нѣтъ, не ѣздилъ.

Наташа.

Разумѣется, признаться лучше. Такъ вы меня обманули?

Копровъ.

Обманулъ. Много я народу въ это время обманулъ.

Наташа.

Вы меня обманули ... Что-жь васъ привело теперь ко мнѣ, я не понимаю.

Копровъ.

Да будетъ комедію-то играть, Наташа.

Наташа (привставъ).

Извините меня, я вамъ прежняго обращенія позволить не могу. Вы меня разъ обманули, такъ ужь прежнее все кончено. Что-же вамъ угодно?

Копровъ.

Ничего не угодно. Захотѣлъ посмотрѣть на васъ, вотъ и все.

Наташа.

Захотѣли посмотрѣть? Это не понятно. Не знаю, какъ вамъ, а всѣмъ вообще порядочнымъ людямъ обыкновенно бываетъ совѣстно смотрѣть на тѣхъ, кого они обманываютъ.

Копровъ.

Вы-бы лучше меня не принимали; а ужь отъ упрековъ и наставленій увольте.

Наташа.

Да это странно!

Копровъ.

Ничего страннаго нѣтъ. Цѣлый мѣсяцъ я прятался отъ людей, отъ ближнихъ, отъ васъ, ну, даже отъ свѣта Божьяго, былъ какъ въ тюрьмѣ; вотъ вы-

рвался на волю, и радъ радехонекъ, что могу опять всѣхъ видѣть. Все такъ естественно и просто.

Наташа.

Зачѣмъ-же вы прятались?

Копровъ.

Долженъ былъ много.

Наташа.

А отъ меня зачѣмъ?

Копровъ.

Чтобъ вы не узнали правды. Объяснять вамъ, какъ я ошибся въ разсчетахъ, какъ запутались дѣла мои, какъ я влѣзъ по уши въ долги, — это было-бы и скучно и едва-ли понятно для васъ. Вы-бы увидали только, что человѣкъ, который говорилъ вамъ о своемъ богатствѣ и обѣщалъ вамъ пріятную жизнь, вдругъ попался въ чемъ-то, что не нынче, завтра у него все опишутъ, и самого посадятъ въ долговое отдѣленіе: ну, значитъ, онъ виноватъ, онъ обманщикъ. Такъ обыкновенно судятъ у насъ. Не лучше-ль было рѣшиться на разлуку съ вами, а тѣмъ временемъ устраивать свои дѣла, платить долги. Такъ я и поступилъ; а ужь вы судите меня, какъ хотите.

Наташа.

Вы всѣ долги заплатили?

Копровъ.

Нѣтъ, еще не всѣ; но ужь остались пустяки, которые меня не тяготятъ. Кромѣ того, у меня въ виду выгодное дѣло. Ну, что-жь, вы сердитесь на меня, или нѣтъ?

Наташа.

Сержусь. Сами согласитесь, нельзя не сердиться, когда обманываютъ. Я не ангелъ.

Копровъ.

Да сердиться-то, пожалуй, сердитесь, только не переставайте любить!

Наташа.

Любить? Любить можно и не уважая человѣка и не вѣря ему ... да вѣдь такая любовь — обида.

Копровъ.

Ну, такъ жалѣйте меня!

Наташа.

Я все еще не могу убѣдиться, дѣйствительно-ли вы стóите сожалѣнія.

Копровъ.

Конечно, стóю. Чтó я перенесъ въ этотъ мѣсяцъ, и не могу вспомнить безъ ужаса. Доставать деньги, когда онѣ нужны до зарѣзу, это значитъ прямо обречь себя на всевозможныя адскія мученія. Не говорю ужь, что я платилъ процентовъ два рубля за рубль, я долженъ былъ дрожать, трепетать, унижаться, плакать, чуть не въ ноги кланяться передъ самыми гнусными личностями.

Наташа.

Да, это ужасно.

Копровъ.

Я изломался, изуродовалъ себя нравственно, я готовъ былъ на всякія средства, чтобъ только достать денегъ.

Наташа.

Вы прежде имѣли состояніе, имѣли деньги?

Копровъ.

Имѣлъ очень много.

Наташа.

Отъ чего-жь вы запутались?

Копровъ.

Отъ того, что захотѣлъ имѣть больше?

Наташа.

Зачѣмъ-же вамъ больше?

Копровъ.

Затѣмъ, что больше — лучше.

Наташа.

А потомъ опять больше, и такъ далѣе, гдѣ-же конецъ?

Копровъ.

Конца нѣтъ. Вѣдь совершенства тоже нѣтъ на землѣ, а все-таки всякій стремится къ нему: умный желаетъ быть умнѣе, ученый — ученѣе, добродѣтельный — добродѣтельнѣе; ну, а богатый желаетъ быть еще богаче.

Наташа.

Зачѣмъ-же такъ ужь очень много денегъ?

Копровъ.

Чтобъ имѣть возможность удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Потребности неудовлетворенныя причиняютъ страданіе, а кто страдаетъ, того нельзя назвать счастливымъ. Напримѣръ: у меня синяя коляска и сѣрыя лошади, вдругъ мнѣ понравится зеленая коляска и вороныя лошади ... Конечно, я не умру, если не куплю ихъ сейчасъ-же, но все-таки это причинитъ мнѣ нѣкоторое страданіе. И я тогда только сочту себя покойнымъ и счастливымъ, когда получу возможность имѣть во всякое время всякую коляску, какая только мнѣ понравится.

Наташа.

Значитъ, по вашему, счастливъ только очень богатый? Я съ вами несогласна; можно быть счастливымъ и на небольшія, трудовыя деньги.

Копровъ.

Ну, я, признаюсь, въ трудовомъ хлѣбѣ особенной прелести не вижу. Либо я во вкусъ не вошелъ, либо вовсе не рожденъ быть ремесленникомъ. Конечно, человѣкъ можетъ до крайности умалить свои потребности, можетъ пріучить себя ко всякимъ лишеніямъ, — довольствоваться только одной коркой хлѣба; но для кого-жь тогда будутъ расти ананасы? Потребности животныхъ однообразны: вода, сѣно, овесъ и никакого платья; а у людей разнообразны, и чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ разнообразнѣе.

Наташа.

Такія разсужденія безнравственны.

Копровъ.

Постойте! Когда я вамъ обѣщалъ обезпеченное состояніе, удовольствія и даже роскошь, вы не отказывались, не называли такую жизнь безнравственной; такъ не судите-же и другихъ. Трудиться хорошо, но вѣдь тяжело?

Наташа.

Да, не легко.

Копровъ.

Обезпеченная жизнь пріятнѣе?

Наташа.

Да, но потому только, что въ насъ мало ...

Копровъ.

Почему бы то ни было, а вѣдь пріятнѣе?

Наташа.

Конечно, пріятнѣе.

Копровъ.

Ну, и довольно. Ваши мнѣнія о трудовомъ хлѣбѣ я уважаю, ихъ нельзя и не уважать, и, пожалуйста, не судите обо мнѣ по моимъ словамъ; я очень скроменъ въ моихъ желаніяхъ. Дня черезъ два — три всѣ мои волненія и хлопоты кончатся, я буду имѣть ровно столько, сколько мнѣ нужно и ограничусь этимъ. Теперь, чтобъ мое предпріятіе удалось вполнѣ, мнѣ нужна очень небольшая сумма.

Наташа.

Опять занимать?

Копровъ.

А какъ-же иначе? На улицѣ не найдешь.

Наташа.

И платить огромные проценты?

Копровъ.

Да ужь не помилуютъ; ростовщики мягкостью сердца не отличаются.

Наташа.

Зачѣмъ-же у ростовщиковъ занимать?

Копровъ.

Да у кого-же больше? Кто даетъ деньги, тотъ и ростовщикъ. Съ удовольствіемъ-бы я занялъ у васъ, напримѣръ, да вѣдь у васъ денегъ нѣтъ.

Наташа.

Нѣтъ, у меня есть деньги.

Копровъ.

Ну, какія деньги! Рублей сто — полтораста.

Наташа.

Гораздо больше.

Копровъ.

Ужь и гораздо. А если и есть, такъ онѣ вамъ самимъ нужны.

Наташа.

Да, эти деньги завѣтныя.

Копровъ.

Всякія деньги бываютъ, а завѣтныхъ я не видалъ. Покажите, пожалуйста, что̀ за диковина такая?

Наташа.

Пожалуй, извольте! (подходя къ двери.) Женичка, поди сюда! (Выходитъ Евгенія.) Вотъ сестра моя Евгенія Львовна. (Уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Копровъ, Евгенія.

Копровъ.

Вы любите вашу сестру?

Евгенія.

Ахъ, очень, очень, больше всѣхъ.

Копровъ.

Не можетъ быть.

Евгенія.

Какъ, не можетъ быть? Я васъ увѣряю.

Копровъ.

Да что̀ значитъ: больше всѣхъ? То-есть вы ее любите больше, чѣмъ всѣ другіе?

Евгенія.

Да.

Копровъ.

Или то, что вы ее любите больше, чѣмъ кого-нибудь другаго?

Евгенія.

Тоже да.

Копровъ.

А я думаю, что ни то, ни другое.

Евгенія.

Почему-же такъ?

Копровъ.

Во-первыхъ, потому, что я люблю ее больше, чѣмъ вы.

Евгенія.

Ну, ужь сомнѣваюсь.

Копровъ.

А, во-вторыхъ, потому, что вы любите кого-нибудь больше, чѣмъ ее.

Евгенія.

Это невозможно.

Копровъ.

Много-ль вамъ лѣтъ?

Евгенія.

Двадцать.

Копровъ.

Ну, нечего и толковать. Какой онъ: брюнетъ или блондинъ?

Евгенія.

Ахъ, что вы, что вы?

Копровъ.

Баринъ, чиновникъ, студентъ?

Евгенія.

Да какъ вы можете? ...

Копровъ.

Ну, студентъ, непремѣнно студентъ. Какъ зовутъ? Аркадій, Валеріанъ, Викторъ?

Евгенія.

Какой Викторъ? Никакого Виктора нѣтъ.

Копровъ.

А, такъ проще: Карпъ, Сидоръ?

Евгенія.

Ужь будто непремѣнно каждая дѣвушка ...

Копровъ.

Да, непремѣнно.

Евгенія.

Съ вами говорить нѣтъ никакой возможности.

Копровъ.

Очень можно говорить со мной, надо только быть откровеннѣй. (Входитъ Наташа.)

Явленіе восьмое.

Копровъ, Евгенія и Наташа.

Наташа (подавая деньги).

Вотъ какія деньги у меня!

Копровъ.

Хорошія деньги, отличныя, но почему-же онѣ завѣтныя?

Наташа.

Ихъ нельзя тратить.

Копровъ.

Какъ нельзя? Вы ошибаетесь. Кто вамъ сказалъ? Очень можно.

Наташа.

Я не имѣю права.

Копровъ.

Да вѣдь это жалость, это неблагоразумно: держать деньги безъ всякой пользы. Хотите, я вамъ дамъ за нихъ двадцать процентовъ въ годъ?

Наташа.

Нельзя, я не могу отдавать ихъ за проценты.

Евгенія.

Она можетъ отдать ихъ даромъ.

Наташа.

Ахъ, Женичка, молчи, пожалуйста!

Копровъ.

Что̀ за секреты у васъ?

Евгенія.

Да никакихъ секретовъ. Вы сейчасъ сказали, что любите Наташу.

Наташа.

Женичка!

Копровъ.

Да, люблю.

Евгенія.

Такъ она можетъ отдать вамъ эти деньги.

Копровъ.

Объясните, пожалуйста, эту тайну?

Евгенія.

Да скажи, Наташа, чего ты конфузишься! А то я скажу.

Наташа.

Нѣтъ, ужь, оставь. Вотъ видите-ли, это деньги моей маменьки.

Копровъ.

Значитъ, теперь ваши.

Наташа.

Только съ условіемъ: я ихъ не могу тратить, а должна отдать ...

Евгенія.

Жениху. Вотъ вамъ и все.

Наташа.

Да ... Вмѣстѣ съ рукой моей.

Копровъ.

Только-то? (Кладетъ деньги въ карманъ.) Ну, такъ получите съ меня росписку.

Наташа (съ изумленіемъ).

Какъ ... росписку? ...

Копровъ.

Да, росписку, потому что и жениху глупо отдавать безъ росписки деньги: мало-ль что можетъ случиться.

Наташа.

Но, Егоръ Николаичъ, говорите яснѣй! ... вѣдь жизнь моя ... вся жизнь отъ этого зависитъ ... Мнѣ нужно подумать.

Копровъ.

Думать не нужно, я денегъ назадъ не отдамъ.

Наташа.

Я бы желала говорить о такомъ дѣлѣ серьезно, мнѣ больно отъ вашихъ шутокъ.

Копровъ (взглянувъ на часы).

Послѣ успѣемъ поговорить и серьезно, время отъ насъ не уйдетъ.

Наташа.

Но прежде, нежели рѣшиться, я бы желала знать все ...

Копровъ.

Что все-то? Ну, вотъ вамъ все: я опять богатъ по-прежнему, жизнь васъ ожидаетъ пріятная, безъ трудовъ, съ человѣкомъ, который васъ любитъ. Ну, что еще? Наташа, не приводи меня въ отчаяніе!

Евгенія.

Душечка, Наташа, не думай!

Наташа.

И ужь этихъ ... обмановъ не будетъ болыше? ...

Копровъ.

Ты меня обижаешь! На, возьми, пожалуй. (Хочетъ вынуть изъ кармана деньги.)

Наташа (беретъ Копрова за руку).

Не надо (Подумавъ.) Оставь у себя.

Копровъ (цалуя ея руку).

Благодарю, моя милая. Росписку я пришлю, а завтра заѣду, — мы поговоримъ хорошенько. Ахъ, да, забылъ. Вотъ тебѣ впередъ проценты. (Вынимаетъ изъ бумажника и даетъ сторублевую бумажку.) Деньги тебѣ, я думаю, нужны. Ну, прощай, до завтра! (Цалуетъ руку.) Прощайте, барышня, поклонитесь отъ меня своему студенту!

Евгенія.

Какой студентъ? Никакого нѣтъ студента. (Копровъ уходитъ, Наташа его провожаетъ и возвращается.)

Наташа (садясь).

Не могу перевести духъ.

Евгенія.

Ахъ, Наташа, какъ это неожиданно!

Наташа.

Погоди, у меня кружится голова. Мнѣ кажется, мы сдѣлали что̀-то не то ...

Евгенія.

Ахъ, Наташа, да развѣ это не счастіе? Вѣдь ужь кончено.

Наташа.

Кончено-ли?..

Евгенія.

Да вѣдь ужь деньги отданы, онъ взялъ.

Наташа.

Да, взялъ ... Что̀-жь я думаю!.. Неужели-же ...

Евгенія.

Вотъ объ чемъ думать-то: надо сшить поскорѣй платье, или два, хорошенькихъ.

Наташа.

Да, да ... надо, непремѣнно надо. Я сейчасъ иду въ городъ, такъ ужь куплю себѣ и тебѣ. Дайко шляпу и бурнусъ!

Евгенія.

Благодарю, милая. (Приноситъ шляпу и бурнусъ. Наташа уходитъ. Входитъ Маланья.)

Явленіе девятое.

Евгенія, Маланья.

Маланья.

Вотъ барина-то сейчасъ видно, по всему знать. Я и ручку у него поцаловала.

Евгенія.

Объ чемъ ты говоришь?

Маланья.

Да какъ-же, помилуй скажи, три рубля ... Что̀ я? Я и жалованья-то полтора рубля ... Ну-ко! Вотъ вамъ давно-бы такъ.

Евгенія.

Ничего у тебя понять нельзя.

Маланья.

Какъ не понять? Пріучили студента; что̀ въ немъ? А это ... одна коляска чего сто̀итъ!

Евгенія.

Онъ женится на сестрѣ.

Маланья.

Ужь я знаю, какъ сосѣдямъ-то сказать! Что̀ меня учить!

Евгенія,

Не сосѣдямъ только, а въ самомъ дѣлѣ женится.

Маланья.

Разводи бобы-то!

Евгенія.

Ну, будетъ;—поговорила и будетъ.

Маланья.

Ужь вы кому другому очки-то вставляйте, а мы и такъ, слава Богу, хорошо видимъ.

Евгенія.

Да довольно, довольно. (Входятъ: Корпѣловъ и Чепуринъ. Маланья уходитъ.)

Явленіе десятое.

Евгенія, Корпѣловъ, Чепуринъ.

Корпѣловъ.

Проводили гостя?

Евгенія.

Проводили, дяденька; вы немножко не застали его.

Корпѣловъ.

Жалко. (Громко.) Наташа! Гдѣ Наташа?

Евгенія.

Она ушла платья покупать себѣ (съ радостью) и мнѣ.

Чепуринъ.

Защеголяли? На какой радости?

Евгенія.

Деньги есть, вотъ и защеголяли. И радость есть.

Корпѣловъ.

Ты легковѣрна, ибо ты женскаго рода, feminini generis.

Евгенія.

Да вѣдь Егоръ Николаичъ женится.

Корпѣловъ.

А, Чепуринъ! Онъ женится, а имъ радость! Какая вамъ радость, virgines, дѣвицы?

Евгенія.

Дяденька, что̀ съ вами? Поймите хорошенько: вѣдь Наташа выходитъ за него замужъ. Ужь это рѣшено, кончено.

Корпѣловъ.

Чепуринъ, понимай ты за меня! Я теменъ, obscurus sum.

Чепуринъ (Евгеніи).

Однако ловко онъ петли-то мечетъ.

Евгенія.

Да что вы не вѣрите! Ну, такъ я вамъ докажу сейчасъ.

Чепуринъ.

Докажете-съ? Очень пріятно, мы будемъ слушать.

Евгенія.

Ахъ, это смѣшно. Да Наташа сама долго отказывалась, я даже удивлялась на нее. Потомъ ужь, когда онъ объяснилъ всѣ свои дѣла, она и согласилась; онъ и руку у нея цаловалъ, благодарилъ; ну, и все покончили. Онъ ужь теперь женихъ, какъ слѣдуетъ, совсѣмъ, совсѣмъ ужь женихъ; вы кого увидите, всѣмъ такъ и говорите. Ужь свадьба скоро, онъ и деньги взялъ.

Корпѣловъ.

Какія деньги?

Евгенія.

Ея деньги, которыя ей оставлены, которыя жениху ...

Чепуринъ (Корпѣлову).

Дождались! Сберегли приданое! Ужь лучше-бъ вамъ пропить его; по вашей слабости, оно простительнѣе было-бы.

Корпѣловъ.

А!! Вотъ онъ какъ! Ну такъ я съ нимъ, съ дружкомъ ... Я его! Я его!

Чепуринъ.

Поздно хватились.

Корпѣловъ.

Нѣтъ, вырву, вырву: какъ орелъ налечу ...

Чепуринъ.

И ничего этого не будетъ отъ васъ.

Корпѣловъ.

Молчи, мужикъ! Ты думаешь, что взять можно только медвѣжьей силой; я его силой слова, убѣжденіемъ, я плакать его заставлю.

Чепуринъ.

Не выдетъ-съ.

Корпѣловъ.

Я самъ заплàчу. Я ему нарисую эту картину-то, какъ умирающая сестра поручала мнѣ дочь свою ... Я Бога призову во свидѣтели ... Что? Мало ему этого? Мало?.. Ну, такъ я ... я ... я самъ буду умирать передъ нимъ ... Я умру ... умру ... и пусть онъ смотритъ на меня, на мое мертвое лицо, на мои мертвыя губы, на которыхъ такъ и застынетъ проклятіе. (Шатается.)

Чепуринъ (поддерживая Корпѣлова).

Ахъ, братъ, Асафъ Наумычъ!

Корпѣловъ (отталкивая Чепурина).

Поди, оставь! Или ты думаешь, что у меня силъ нѣтъ? (Выпрямляясь.) Такъ знай-же, что страсть, что отчаяніе даютъ силу. Я левъ теперь ... левъ ... Я его!.. (Идетъ къ двери.)

Евгенія (подавая шляпу).

Возьмите, дяденька!

Корпѣловъ (вырвавъ шляпу).

Прочь! Прочь! Сторонитесь! Всѣ сторонитесь! Я его! Я его!.. (Убѣгаетъ.)

(Занавѣсъ)

Дѣйствіе четвертое.

Комната Наташи. Двѣ двери: слѣва отъ зрителей въ ея спальню; справа въ комнату Корпѣлова. Швейная машина, пяльцы, круглый столъ и нѣсколько стульевъ.

Явленіе первое.

Евгенія (одна).

Евгенія (взглянувъ въ дверь направо).

Противный хозяинъ! Усѣлся тутъ и сидитъ. Это онъ дяденьку разстроилъ. Дяденька слабый человѣкъ, всякому вѣритъ. Я боюсь, придетъ Наташа, онъ и ей наговоритъ всякаго вздору. (Прислушиваясь.) Кто-то пришелъ, должно-быть, она. (Отворивъ дверь.) Она, она, Наташа. Наташа, иди сюда скорѣй! (Входитъ Наташа.)

Явленіе второе.

Евгенія, Наташа.

Наташа (снимая шляпку).

Ну, что̀ тебѣ нужно такъ скоро? (Весело.) Я ужь отдала шить, самимъ некогда.

Евгенія.

Ахъ, Наташа, у насъ что̀-то не ладно.

Наташа.

Что̀ еще?

Евгенія.

Дяденька точно съ ума сошелъ, онъ побѣжалъ къ Егору Николаичу деньги отнимать. Его хозяинъ разстроилъ.

Наташа.

Быть не можетъ. Что̀-нибудь не такъ. Дядя не имѣетъ права, да и не посмѣетъ распоряжаться моей судьбой. Позови сюда Ивана Ѳедулыча!

Евгенія.

Я боюсь.

Наташа.

Чего?

Евгенія.

Онъ скажетъ тебѣ что̀-нибудь непріятное.

Наташа.

Ну, ну, не бойся, я не маленькая. Позови.

Евгенія (у двери).

Иванъ Ѳедулычъ, подите сюда! (Уходитъ въ спальню, входитъ Чепуринъ.)

Явленіе третье.

Наташа, Чепуринъ.

Наташа.

Что̀ у васъ тутъ случилось? Что̀ дядя выдумалъ? Мало горя, что̀-ль у меня было, такъ онъ прибавить хочетъ? Куда дядя пошелъ? Ну, говорите! Что̀-жь вы молчите!

Чепуринъ.

По вашему собственно дѣлу-съ.

Наташа.

Я его не просила. Прежде, прежде, Иванъ Ѳедулычъ, надо было учить меня разбирать, понимать людей, — остерегать меня отъ дурныхъ; да только раньше, раньше, а теперь я выбрала, полюбила человѣка и не промѣняю его ни на кого.

Чепуринъ.

Да помилуйте, разбой-съ.

Наташа.

Иванъ Ѳедулычъ, постойте! Выражайтесь осторожнѣе, имѣйте побольше деликатности: не говорите при мнѣ дурно о человѣкѣ, котораго я люблю. Иначе я васъ слушать не стану.

Чепуринъ.

Что-жь мнѣ хвалить прикажете его?

Наташа.

Ни хвалить, ни бранить; а говорить съ уваженіемъ.

Чепуринъ.

Извольте!

Наташа.

Ну, говорите. Дядя узналъ про него что-нибудь? Ну, онъ мотъ, долженъ много, игрокъ, что-ли? (Съ сердцемъ.) Да ну, говорите скорѣй!

Чепуринъ

Всего довольно-съ.

Наташа.

Ну, такъ поймите, что дѣло кончено: хорошъ-ли онъ, дуренъ-ли, разлучить насъ нельзя. Хорошо буду жить, — слава Богу; дурно, — жаловаться не стану, сама выбрала. Мнѣ съ нимъ жить—моя и забота. И горе мое и радости мои, все мое, все вотъ здѣсь, у сердца будетъ; ни съ горемъ, ни съ ра-

достью я къ людямъ не пойду. Слышите! Никому дѣла нѣтъ, мнѣ съ нимъ жить.

Чепуринъ.

Да не вамъ-съ!

Наташа.

Ну, довольно, Иванъ Ѳедулычъ! Вы думаете, что если вы будете бранить, чернить человѣка, такъ я его разлюблю, и полюблю васъ. Ха, ха, ха! Это дурная политика. Онъ дурной человѣкъ, всѣ бранятъ его: ну, браните его и вы, браните! а я еще больше буду любить его. Надо-жь, чтобъ и его кто-нибудь любилъ. Вотъ вы и хорошій человѣкъ; вы стоите любви, вы хотите моей любви, да не умѣли ее заслужить, и я васъ ... презираю.

Чепуринъ.

Стою-ль я вашей любви, нѣтъ-ли-съ; только мнѣ ее не надо-съ. И все-жь я человѣкъ съ душой-съ, и чужія слезы мнѣ не на радость.

Наташа.

Вы ихъ не увидите.

Чепуринъ.

Минуты не пройдетъ, какъ увижу, да еще какія слезы-то увижу. Вотъ вамъ Богъ-съ!

Наташа (съ испугомъ).

Вотъ какъ! (Послѣ нѣкоторой борьбы, съ притворнымъ спокойствіемъ.) Ну, что тамъ еще?

Чепуринъ.

Лучше-бъ кто другой, а не я говорилъ вамъ; кажется-бы, Богъ знаетъ, что далъ

Наташа.

Пожалуйста, поскорѣй!

Чепуринъ.

Что я за каторжный такой, что не могъ вамъ никогда сказать ничего пріятнаго, и теперь долженъ убивать васъ, все одно, что ножемъ рѣзать.

Наташа.

Говорите, Иванъ Ѳедулычъ!

Чепуринъ.

Теперича Копровъ какую штуку гнетъ! Онъ, все одно, какъ бѣшеный мечется ...

Наташа.

Ну!

Чепуринъ.

Чтобъ только денегъ нахватать больше. А деньги бросаетъ зря. Одинъ кабинетъ, сказываютъ, безъ малаго десять тысячъ ему стоитъ. Въ спальнѣ зеркало поставилъ сажень слишкомъ, въ серебряной рамкѣ, все кружевами увѣшано.

Наташа.

Только?

Чепуринъ.

Какъ только-съ? Арапъ теперича на крыльцѣ торчитъ, бѣлками ворочаетъ, точно у него глаза-то выскочить хотятъ. Къ чему пристало?

Наташа.

Вамъ завидно?

Чепуринъ.

Завидуютъ-то чему основательному, а тутъ нечему завидовать: вѣтеръ такъ вѣтромъ и останется. Утромъ выѣдетъ въ эгоисткѣ, — жеребецъ сѣрый, — кучеръ страсть посмотрѣть; потомъ пару вороныхъ въ какую-то корзинку заложатъ, самъ править сядетъ и арапа съ собой посадитъ. А вечеромъ въ коляскѣ либо въ каретѣ развалится, а лошади опять

другія. Да вѣдь какое баловство задумалъ! Подлѣ кабинета контору отдѣлалъ дубовую, рѣзную, книги велѣлъ желтыя замшевыя разложить; на стѣнахъ какіе-то счеты въ рамкахъ, точно въ банкѣ въ какомъ.

Наташа.

Пожалѣйте меня! Я жду отъ васъ дѣла, а вы мнѣ какія-то глупости разсказываете.

Чепуринъ.

Да помилуйте! Балансы подводятъ, милліоны на счетахъ выводятъ, а дѣла на грошъ нѣтъ. Помилуйте, скажите, дутыхъ документовъ цѣлый ворохъ навалили, да на конторкѣ на шпилькахъ натыкали; а и людей-то такихъ нѣтъ, на кого они писаны. Иностранецъ какой-то съ нѣмецкой конторы сбѣжалъ, такъ всѣ книги ему наобумъ писалъ на аглицкомъ языкѣ, чтобъ больше туману было, и все это фальшь, все на показъ.

Наташа.

Кому на показъ?

Чепуринъ.

А купцу этому изъ Таганки. Его нынче Копровъ къ себѣ на обѣдъ зазвалъ, напоитъ его шампанскимъ и будетъ ему все это показывать. Выгоритъ дѣло, Копровъ съ долгами разочтется; а не выгоритъ, — ну, вѣшай петлю, да полѣзай въ нее, больше некуда дѣться.

Наташа.

Я не понимаю васъ. На что̀ ему купецъ? Чего ждетъ онъ отъ купца?

Чепуринъ.

А вотъ, видите-ли, тутъ политика какая! Онъ ужь къ этому купцу давно ѣздитъ, потому у этого

купца есть племянница, сиротка, вида суроваго, брови пальца въ три ширины, ужасно даже, если нечаянно вдругъ увидишь, и совсѣмъ круглая, какъ тунба.

Наташа.

Ну, ну!

Чепуринъ.

Тутъ расчетъ видимый съ его стороны: кабы дочь, — такъ зря-бы не отдали, разузнали, что̀ за человѣкъ; а то племянница, видѣть ее всѣ ужасаются, значитъ, только-бы съ рукъ сбыть, да капиталъ сдать. А у этой сиротки, у бѣдной, окромя имѣніевъ, чистыми деньгами триста тысячъ оставлено на избранника, кто изберется взять за себя такую красоту. Нынче-жь и по рукамъ ударятъ, коли удастся старика опоить, да обмануть.

Наташа

(слабымъ голосомъ и опуская голову).

Да? ... Такъ? ... Правда это?

Чепуринъ

(ударяя себя въ грудь и поднимая руку къ небу).

Вотъ-съ! Передъ Истиннымъ!

Наташа.

Подите! Оставьте меня! (Чепуринъ уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Наташа (одна).

Наташа

(вынимаетъ портретъ Копрова).

На что̀ онъ мнѣ теперь? (Задумывается.) Пожалуй, можно носить его, всю жизнь носить да смотрѣть на него; да ужь очень обидно будетъ. (Ставитъ портретъ на столъ.) Прощай, Егоръ Николаичъ! Прощай, голубчикъ! Не мой ты, а жаль мнѣ тебя; вдругъ

тебѣ не удастся, что̀ съ тобой будетъ? Да нѣтъ ... удастся ... отъ чего-же! А надо будетъ посмотрѣть свадьбу-то. Въ церковь не нужно ходить — нехорошо, можно у церкви подождать ихъ ... что̀ въ церковь! ... Тамъ извѣстно, что̀ ... Пѣвчіе поютъ ... Сводятъ ихъ, онъ ей подастъ руку въ бѣлой перчаткѣ ... вотъ вѣнцы на головахъ ... вотъ все кончено. Всѣ цалуются, всѣ родные стали, чужихъ нѣтъ ... Чужая только я ... только здѣсь я одна ... Экипажи ... экипажи задвигались, блонды все, блонды ... разъѣздъ. Уѣдутъ, уѣдутъ! Не бѣжать-ли мнѣ, не броситься-ли подъ колеса кареты? (Взглянувъ на портретъ.) Прощай, Егоръ Николаичъ, прощай! Живи съ молодой женой! Совѣтъ вамъ да любовь! ... Жива я или нѣтъ, тебѣ все равно. Чай, какъ не жива-то буду, тебѣ легче будетъ. (Глядя на портретъ.) Буйная ты головушка, хорошій ты мой, не встрѣтимся тогда съ тобой, не кольнетъ тебя въ сердце-то. Аль ничего тебѣ? Встрѣтишь меня, такъ не поклонишься, къ женѣ отворотишься, будто поговорить съ ней нужно? „Что̀, молъ, милая, не проѣхать-ли намъ куда подальше?“ Да кучеру мигнешь, чтобъ умчали тебя кони вороные отъ моихъ глазъ ... Ой, смерть моя! (Разрываетъ портретъ.) Не разлучишь васъ ... да и не родилась я на свѣтъ разлучницей. Легче самой умереть ... Носить горе, носить горе, пока износится! Какъ темно, какъ скучно въ этой лачужкѣ. Куда дѣться? Куда мнѣ дѣться съ тоской! (Уходитъ въ спальню. Входитъ Корпѣловъ.)

Явленіе пятое.

Корпѣловъ (одинъ).

Корпѣловъ.

Я ворочу, я ворочу эти деньги ... Вотъ побѣгу завтра на толкучку, да продамъ пальтишко,

вотъ и положу Наташѣ въ комодъ на убылое мѣсто рублика полтора. Я по гривенничку наношу, по утрамъ у церквей буду съ нищими становиться. Развѣ я не похожъ на нищаго? Мнѣ подадутъ ... Чѣмъ я не нищій?

Дрожанье рукъ, поблеклыя ланиты,
И тусклыхъ глазъ распухшія орбиты...

(Входитъ Маланья.)

Явленіе шестое.

Корпѣловъ, Маланья.

Маланья.

Асафъ Наумычъ, нужны тебѣ бумаги-то, что ли, такъ говори!

Корпѣловъ.

Ничего мнѣ не нужно. Какія бумаги?

Маланья.

А вчера ты хмельненекъ пришелъ, такъ изъ пальта выронилъ.

Корпѣловъ.

Лжесвидѣтельствуешь.

Маланья.

Толкуй съ тобой! Бросилъ пальто, онѣ и выскочили, я давеча печку растопить хотѣла, да думаю: можетъ, молъ, нужны.

Корпѣловъ.

Постой, женщина! Вспоминаю ... Старуха каялась мнѣ во грѣхахъ ...

Маланья.

Ну, загородилъ.

Корпѣловъ.

Да, да ... и бумаги отдала ... Подай сюда!

Маланья.

Не трожь, лучше у меня останутся. Право, другой разъ ищешь, ищешь растопки-то ...

Корпѣловъ.

О, Аглая, не возражай!

Маланья.

Небось, жалко стало? Да нà! Не велико сокровище-то.

(Отдаетъ пакетъ и уходитъ.)

Явленіе седьмое.

Корпѣловъ, потомъ Евгенія и Маланья.

Корпѣловъ

(развертываетъ верхнюю обертку и вынимаетъ незапечатанный пакетъ. Читаетъ надпись).

„Сей пакетъ и все, что̀ въ немъ находится, принадлежитъ дочери Губернскаго Секретаря, Натальѣ Петровой Сизаковой". Находка, въ первый разъ въ жизни находка! (Вынимаетъ изъ пакета одно письмо, читаетъ его, руки трясутся, утираетъ слезы. Кладетъ письмо и пакетъ на пяльцы.) Вотъ оно, вотъ приданое-то! Наташа! Наташа! (Выходитъ Евгенія.)

Евгенія.

Тс ... тише! Что̀ вы, что̀ вы! Уморить ее хотите?

Корпѣловъ.

Какъ? Развѣ?.. Наташа моя, Наташа!..

Евгенія.

Да, тише, говорю вамъ! Дайте ей успокоиться. Она совсѣмъ убита, она умираетъ.

Корпѣловъ.

Развѣ ей сказали?

Евгенія.

Хозяинъ все разсказалъ.

Корпѣловъ.

Нѣтъ, не все еще.

Евгенія.

Ну, будетъ съ нея и этого.

Корпѣловъ.

Что-жь она? Плачетъ?

Евгенія.

Нѣтъ, лежитъ въ бѣломъ платьѣ безъ движенія, какъ мертвая, и въ бреду все какая-то ей свадьба представляется.

Корпѣловъ.

Въ бѣломъ платьѣ?

Евгенія.

Да, надѣла.

Корпѣловъ.

Словно она тебя кличетъ ... Поди, поди къ ней!

(Евгенія уходитъ въ спальню, Корпѣловъ подходитъ къ двери и прислушивается. Евгенія выходитъ.)

Корпѣловъ.

Ну, что, что?

Евгенія.

Велѣла послать къ ней Ивана Ѳедулыча и Маланью.

Корпѣловъ.

Зачѣмъ?

Евгенія.

Не знаю.

Корпѣловъ.

Такъ позови ихъ скорѣе!

Евгенія (у двери).

Иванъ Ѳедулычъ! Васъ Наташа зоветъ. Маланья, иди и ты! (Чепуринъ и Маланья проходятъ въ комнату Наташи. Маланья сейчасъ-же возвращается.)

Маланья (въ дверяхъ).

Хорошо! Я мигомъ, далеко-ль тутъ, лавочка-то внизу.

Корпѣловъ.

Куда ты?

Маланья.

Не твое дѣло. Не до тебя намъ. (Уходитъ.)

Евгенія.

Должно быть, чайку захотѣла.

Корпѣловъ.

Видно, ей полегче.

Евгенія.

Не знаю. Встала, сидитъ. Вотъ только бѣлое платье меня очень пугаетъ. Зачѣмъ это оно?

Корпѣловъ.

А что-жь бѣлое платье?

Евгенія.

Есть у нея бѣлое кисейное платье. Никогда она его не надѣвала; а вотъ, если болѣзнь какая ходитъ по Москвѣ, такъ она его вынетъ и гладитъ. Коли, говоритъ, умру, такъ положите меня въ немъ. Мы хоть бѣдныя дѣвушки, а все-жь нужно, чтобы было прилично; чтобъ, если кто войдетъ въ церковь, видѣлъ бы, что дѣвушку хоронятъ. А сама гладитъ, да всѣ бантики, всѣ оборочки раздуваетъ, чтобъ

пышнѣй было. Складки расправитъ, да и говоритъ: „ты вотъ тогда на мнѣ такъ же складочки расправь“.

Корпѣловъ.

У меня есть радость для нея; но я боюсь: эта радость можетъ и оживить и убить ее. (Входитъ Маланья и накрываетъ столъ салфеткой.)

Евгенія.

Что ты дѣлаешь?

Маланья.

Приказали, такъ и дѣлаю. (Выноситъ сначала на подносѣ хлѣбъ и закуску, потомъ вино и рюмки. Корпѣлову.) Вотъ попотчуютъ тебя, такъ ты пить будешь, небось, не откажешься. (Въ дверяхъ спальни.) Готово; а за батюшкой сейчасъ схожу. (Уходитъ. Входитъ Грунцовъ.)

Явленіе восьмое.

Корпѣловъ, Евгенія, Грунцовъ, потомъ Наташа и Чепуринъ.

Грунцовъ.

Что у васъ тутъ такое?

Корпѣловъ.

Не знаю, юноша; что-то на похороны похоже. (Выходитъ Наташа, она едва держится на ногахъ, ее поддерживаетъ за руку Чепуринъ.)

Наташа (становясь на колѣни).

Дяденька, благословите насъ на трудовую жизнь!

Корпѣловъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не мнѣ, не этимъ рукамъ благословлять тебя, дитя мое (поднимаетъ Наташу). Вотъ, вотъ тебѣ вмѣсто благословенія; находка, золотая находка. (Беретъ съ пялецъ письмо и отдаетъ Наташѣ.) Прочти, что писала твоя мать одному богатому барину!

Наташа (читаетъ).

„Благодарю васъ за участіе, но вы меня оскорбляете, присылая мнѣ деньги. Посылаю вамъ ихъ обратно. Пока я жива, я не приму отъ васъ денегъ. Дочери моей останется немного, но ей и не надо многаго; она привыкла жить трудомъ и должна жить трудомъ, если захочетъ исполнить завѣтъ умирающей матери. Я умираю, вы меня переживете, прошу васъ уважить мою волю, не помогайте Наташѣ, пусть она даровыхъ денегъ не знаетъ. Развѣ ужь (простите меня, матери *слабы*) вы узнаете, что она въ своей честной, трудовой жизни мало знаетъ радостей, не видитъ свѣтлыхъ дней, такъ пошлите ей какую-нибудь бездѣлицу на обновку, на сладкій кусочекъ, на дешевенькія удовольствія. Пошлите потихоньку и напишите, что это мать посылаетъ ей вмѣстѣ съ благословеніемъ изъ-за гроба". (Обнимая Корпѣлова.) Благодарю васъ, благодарю васъ. Я думала, что мнѣ и не пережить горя; а вотъ слышу слова матери, и у меня въ душѣ радость и счастье. Вотъ я и богата.

Корпѣловъ.

Вотъ и деньжонки есть, только немного, какъ завѣщано,—сторублевый билетецъ. (Отдавая пакетъ Наташѣ.)

Наташа.

Отдайте Ивану Ѳедулычу. (Читаетъ про себя письмо и плачетъ.)

Чепуринъ.

Что̀ ни есть, все наше будетъ-съ.

Корпѣловъ.

Получай братъ! (Отдаетъ пакетъ.)

Чепуринъ.

Покорнѣйше благодарю-съ. Невелики деньги, а все на черный день годятся. Такъ мы ихъ и беречи

будемъ. (Замѣтивъ плачущую Наташу, береть у нея письмо.) Не читайте, не утруждайте себя! На все время будетъ. Извольте сѣсть, успокоиться.

Грунцовъ.

Поздравляю, Иванъ Ѳедулычъ!

Чепуринъ.

Еще погодите поздравлять, вотъ батюшка благословитъ, тогда честь честью-съ.

Грунцовъ.

Да я тебя съ деньгами поздравляю, ты ужь ихъ въ карманъ положилъ. Я самъ разбогатѣлъ. (Вынимая деньги и показывая.) Сроду столько денегъ не видывалъ.

Корпѣловъ.

Запродался?

Грунцовъ.

Закабалился.

Корпѣловъ.

Далеко-ли?

Грунцовъ.

Въ Уфу. Задатокъ взялъ, завтра ѣхать.

Евгенія (подбѣгая).

Что̀ вы говорите? Завтра ѣхать?

Грунцовъ.

Да, барышня, въ Уфу. Прощаться пришелъ съ милыми друзьями.

Евгенія (съ испугомъ).

Да какъ же это можно? Что̀ вы дѣлаете?

Грунцовъ.

А что̀-жь, барышня, не съ кѣмъ вамъ спорить будетъ?

Евгенія.

Да нѣтъ, нѣтъ, что̀ за споры? Развѣ я серьезно!

Грунцовъ.

Долженъ-то я вамъ, такъ заплачу.

Евгенія.

Какой долгъ, что̀ вы?

Грунцовъ.

А два фунта конфектъ ... Первое пари проигралъ и второе ...

Евгенія.

А второе выиграли.

Грунцовъ.

Какъ выигралъ?

Евгенія.

А вотъ какъ. (Цалуетъ его.) Ну, и квиты.

Корпѣловъ.

Ого, барышня! Optime!

Евгенія.

Только это не хорошо ... Такъ не дѣлаютъ. Богъ съ вами. (Плачетъ.) Ну, на что̀ похоже, скажите, пожалуйста ... завтра ... вдругъ завтра ... (Беретъ Грунцова за руку.) Я васъ не пущу.

Грунцовъ.

Ну, такъ вотъ что̀, барышня! Я поѣду въ Уфу, тамъ мнѣ обѣщали мѣсто въ гимназіи; если прочно устроюсь, такъ пріѣду въ Москву на святки, а изъ Москвы-то назадъ, пожалуй, ужь вмѣстѣ поѣдемъ. По рукамъ?

Евгенія.

Ужь теперь не заспорю.

Корпѣловъ.

Юноша! ты Крезъ теперь,—значитъ кутимъ.

Грунцовъ.

Всенепремѣнно. Мнѣ чтобъ только на дорогу въ обрѣзъ осталось. Я фунтовъ пять конфектъ принесъ, да три бутылки шампанскаго, все это у Маланьи находится.

Чепуринъ.

Это оченно кстати-съ. Мы сейчасъ вытребуемъ. (Корпѣлову.) Только позвольте спросить ... конечно, само собой, я отчета требовать не смѣю; а все-таки интересно, какъ насчетъ тѣхъ денегъ-съ.

Корпѣловъ (указывая на Наташу).

Молчи, молчи, что ты!

Наташа.

Не бойтесь, говорите, я ужь теперь покойна.

Корпѣловъ.

Вѣдь какой глупый человѣкъ-то! Плутовалъ, плутовалъ, да концовъ-то схоронить и не умѣлъ. Зазвалъ купца обѣдать, а тутъ и незваные гости явились. Документики какіе-то фальшивые состряпалъ, его и накрыли. Ну, ужь попался, такъ и терпи. А онъ, глупый, что̀ же выдумалъ: побѣжалъ въ кабинетъ, дверь на ключъ, да хлопъ изъ револьвера. Хвать похвать, денегъ никакихъ, одна только записка на конторкѣ: „Безъ денегъ, молъ, мнѣ жить на свѣтѣ не зачѣмъ.“ Какой глупый-то! Да развѣ жизнь-то мила только деньгами, развѣ только и радости, что въ деньгахъ? А птичка-то поетъ, чему она рада, деньгамъ что̀ ли? Нѣтъ, тому она рада, что на свѣтѣ живетъ. Сама жизнь-то есть радость, всякая жизнь и бѣдная, и горькая, — все радость. Озябъ, да согрѣлся,—вотъ и радость! Голоденъ, да накормили,— вотъ и радость. Вотъ я теперь бѣдную племянницу замужъ отдаю, на бѣдной свадьбѣ пировать буду,— развѣ это не радость? Потомъ пойду по бѣлу свѣту

бродить, отъ города до города, по морозцу, по курнымъ избамъ ночевать ... (Поетъ и пляшетъ.)

Пойду-ли я по городу гулять,
Пойду-ли я по Бѣжецкому.
Куплю-ли я покупку себѣ.

Чепуринъ (наливъ въ рюмки вина).

Пожалуйте-съ.

Корпѣловъ.

Давай выпьемъ. Юноша, иди! (Грунцовъ подходитъ.) Погодите! Чепуринъ, становись съ нами въ рядъ! (Чепуринъ подходитъ.) Вотъ такъ! (Запѣваетъ.)

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!

Богатыя невѣсты.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Лица:

Анна Аѳанасьевна Цыплунова, пожилая дама.

Юрій Михайловичъ Цыплуновъ, ея сынъ, лѣтъ 30-ти.

Всеволодъ Вячеславичъ Гнѣвышевъ, важный баринъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ въ отставкѣ, лѣтъ подъ 60.

Валентина Васильевна Бѣлесова, дѣвица, лѣтъ 23-хъ.

Антонина Власьевна Бѣдонѣгова, богатая вдова, купчиха, лѣтъ подъ 40.

Виталій Петровичъ Пирамидаловъ, мелкій чиновникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной мѣстности, занятой дачами.

Дѣйствіе первое.

Съ правой стороны (отъ зрителей) садовая рѣшетка и калитка, за рѣшеткой садъ; съ лѣвой стороны дача Бѣдонѣговой; на сцену выходитъ деревянная терраса, покрытая парусиной; въ глубинѣ роща.

Явленіе первое.

Бѣдонѣгова (сидитъ на террасѣ), **Пирамидаловъ** (выходитъ изъ садовой калитки).

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Честь имѣю кланяться, Антонина Власьевна. Что вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Да подойдите поближе, не укушу я васъ.

Пирамидаловъ.

Ахъ, Антонина Власьевна, я съ ногъ сбился. Ихъ превосходительство ... на дачѣ ихъ нѣтъ ... Вы не видали Всеволода Вячеславича?

Бѣдонѣгова.

Да я и не знаю совсѣмъ, какой онъ такой вашъ Всеволодъ Вячеславичъ

Пирамидаловъ.

Какъ? Вы не знаете генерала Гнѣвышева, Всеволода Вячеславича?

Бѣдонѣгова.

Да онъ холостой?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, женатый.

Бѣдонѣгова.

Такъ зачѣмъ мнѣ и знать-то его? Идите ко мнѣ чай пить.

Пирамидаловъ.

Да помилуйте, какой чай! Мнѣ Всеволода Вячеславича нужно видѣть; приказали встрѣтить ихъ здѣсь въ 6-ть часовъ. Боюсь, не опоздалъ-ли. (Смотритъ по сторонамъ.)

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что вамъ угодно?

Бѣдонѣгова.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, я себѣ никакого удовольствія не вижу.

Пирамидаловъ.

Ахъ, очень жалѣю, очень жалѣю.

Бѣдонѣгова.

Переѣхала на дачу, думала себѣ удовольствіе имѣть; а никакого не вижу.

Пирамидаловъ.

Да ужь я-то не виноватъ, Антонина Власьевна.

Бѣдонѣгова.

Прошлое лѣто здѣсь жила, много удовольствія

себѣ видѣла ... (Нѣжно.) И вы здѣсь жили. (Печально.) Гдѣ вы теперь живете?

Пирамидаловъ.

Въ Москвѣ, Антонина Власьевна.

Бѣдонѣгова.

А вотъ нынче живу, такъ никакого ... (Съ сердцемъ.) Куда вы это все смотрите?

Пирамидаловъ.

Я ужь сказалъ вамъ, что Всеволода Вячеславича дожидаюсь.

Бѣдонѣгова.

Вы фальшивите,—вы какую-нибудь дѣвушку посматриваете.

Пирамидаловъ.

Ну, вотъ еще нужно очень. До того-ли мнѣ?

Бѣдонѣгова.

Да право такъ. Какіе эти мужчины! Увидятъ молоденькую дѣвушку,—такъ ужь какъ глаза-то таращатъ. А развѣ не все равно вообще весь женскій полъ?

Пирамидаловъ (посмотрѣвъ на часы).

Какъ мнѣ приказано, такъ я и явился, теперь ровно 6-ть часовъ.

Бѣдонѣгова.

Вы не сосѣдку-ли высматриваете?

Пирамидаловъ.

Я вамъ сказалъ, что генерала жду. Какую еще сосѣдку?

Бѣдонѣгова.

А вотъ, что дачу-то напротивъ наняла; она вчера переѣхала.

Пирамидаловъ.

Такъ это моя знакомая, что̀ мнѣ ее смотрѣть-то! Я и такъ каждый день ее вижу, да и всегда, когда мнѣ угодно.

Бѣдонѣгова.

Какого она роду?

Пирамидаловъ.

Роду-то? Роду хорошаго.

Бѣдонѣгова.

Дѣвица?

Пирамидаловъ.

Дѣвица.

Бѣдонѣгова.

А знакомство какое у ней?

Пирамидаловъ.

И знакомство хорошее.

Бѣдонѣгова.

Что̀-жь она замужъ нейдетъ?

Пирамидаловъ.

Да почемъ-же я знаю, помилуйте!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, вы знаете, да только сказать не хотите. Да вѣдь я все вызнаю, все доподлинно: я ея прислугу выспрошу, вы отъ меня своихъ подлостевъ не скроете. Я вотъ позову къ себѣ ея горничную дѣвушку чай пить, вотъ все и узнаю. Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ! (Пирамидаловъ оглядывается.) Приданое есть за ней?

Пирамидаловъ.

Будетъ приданое богатое.

Бѣдонѣгова.

А будетъ приданое, будутъ и женихи,—гдѣ медъ,

тамъ и мухи. Виталій Петровичъ, я говорю, что женихи у ней будутъ.

Пирамидаловъ.

А будутъ, такъ будутъ, — до меня это не касается.

Бѣдонѣгова.

Ну, какъ чай не касаться? Деньги всегда до людей касаются.

Пирамидаловъ (про себя).

Не бѣжать-ли въ рощу? (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, и потомъ останавливается.) Пожалуй, еще разойдемся;—ужь лучше здѣсь подожду.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Что прикажете?

Бѣдонѣгова.

Я сама замужъ хочу идти.

Пирамидаловъ.

Сдѣлайте одолженіе! На здоровье!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, что же вы такъ? Вы не подумайте ...

Пирамидаловъ.

Я ничего и не думаю.

Бѣдонѣгова (печально).

Я отъ скуки.

Пирамидаловъ.

Да отъ скуки-ли, отъ веселья-ли, мнѣ рѣшительно все равно.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Извольте говорить, я слушаю.

Бѣдонѣгова.

У меня вѣдь деньги есть и даже очень много.

Пирамидаловъ.

Ну, и слава Богу.

Бѣдонѣгова.

И вотчина есть.

Пирамидаловъ.

Какая вотчина?

Бѣдонѣгова.

Домъ каменный съ лавками.

Пирамидаловъ.

Все это прекрасно, Антонина Власьевна. А вотъ, кажется, Всеволодъ Вячеславичъ идутъ.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, какъ отпуститъ васъ генералъ, заходите ко мнѣ закусить, мадерцы выпьемъ.

Пирамидаловъ.

Пожалуй, поздно будетъ.

Бѣдонѣгова.

Да ничего, хоть и запоздаете.

Пирамидаловъ.

Извощика не найдешь; мнѣ въ Москву надо.

Бѣдонѣгова.

Я вамъ лошадь дамъ; такъ-же у меня стоятъ. (Уходитъ. Гнѣвышевъ и Бѣлесова входятъ, разговаривая. Пирамидаловъ почтительно кланяется.)

———

Явленіе второе.

Пирамидаловъ, Гнѣвышевъ и Бѣлесова.

Гнѣвышевъ (Пирамидалову).

А! Вы?

Пирамидаловъ.

Я-съ, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ.

Подождите, мой милый! (Бѣлесовой.) Н ... да-съ, что же далѣе?

Бѣлесова.

Это меня начинаетъ безпокоить.

Гнѣвышевъ.

Ахъ, мой другъ, ну, стоитъ-ли безпокоиться?.. Пусть его смотритъ. Не обращать вниманія, только и всего.

Бѣлесова.

Я стараюсь не обращать на него вниманія, но не могу. Онъ не преслѣдуетъ меня; онъ смотритъ всегда издали, изъ-за угла, изъ-за куста: гдѣ-бъ я ни была, я впередъ знаю, что эти неподвижные глаза откуда-нибудь смотрятъ на меня, — и я сама невольно оглядываюсь и ищу ихъ.

Гнѣвышевъ.

Странно, очень странно. Кто онъ такой, вы не знаете?

Бѣлесова.

Не знаю. Въ лицѣ есть что-то знакомое, но никакъ не могу припомнить.

Гнѣвышевъ.

И порядочный человѣкъ?

Бѣлесова.

Что̀ за вопросъ? Развѣ другіе люди существуютъ для меня? Очень порядочный, иначе я не стала бы и говорить.

Гнѣвышевъ.

А давно это?

Бѣлесова.

Не болѣе шести, или семи дней.

Гнѣвышевъ.

Гдѣ-же вы его видѣли?

Бѣлесова.

Вездѣ. Я его встрѣчала и въ Москвѣ ... а вчера и сегодня здѣсь. Этотъ инквизиторскій взглядъ мнѣ становится страшенъ; мнѣ кажется, что онъ устремленъ не на лицо мое, а прямо ко мнѣ въ душу и требуетъ отъ меня какого-то отвѣта, какого-то отчета.

Гнѣвышевъ.

Вы даете значеніе самой пустой, обыкновенной вещи. Вы преувеличиваете, мой другъ.

Бѣлесова.

Я ничего не преувеличиваю. Конечно, я не знаю съ какими мыслями онъ смотритъ на меня; я вамъ говорю только о томъ, какое дѣйствіе производитъ на меня его взглядъ. Есть положенія, въ которыхъ долгій и серьезный взглядъ непереносимъ: въ немъ укоръ, въ немъ обида, онъ будитъ совѣсть. (Съ упрекомъ.) А вы сами знаете, что мнѣ, для моего спокойствія, надо усыплять совѣсть, а не будить её.

Гнѣвышевъ.

Вы стали очень нервны. Успокойтесь; все это объясняется очень просто: этотъ молодой человѣкъ влюбленъ въ васъ.

Бѣлесова.

Странная любовь! Зачѣмъ-же онъ въ такомъ случаѣ бѣгаетъ отъ меня? Сегодня утромъ мы встрѣтились въ рощѣ довольно близко; онъ бросился въ кусты и убѣжалъ. Мнѣ иногда приходитъ въ голову, не сумасшедшій-ли онъ.

Гнѣвышевъ.

Очень можетъ-быть. Вотъ вамъ новое доказательство того, какое могущество, какую силу имѣетъ ваша красота: отъ васъ ужь буквально люди сходятъ съ ума.

Бѣлесова.

Ну, довольно. Пора чай пить, пойдемте!

Гнѣвышевъ.

Идите, идите, я себя ждать не заставлю. Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ Пирамидалову. (Бѣлесова уходитъ въ калитку.)

Явленіе третье.

Гнѣвышевъ и Пирамидаловъ.

Гнѣвышевъ.

Я надѣюсь, мой милый, что вы аккуратно исполнили то, что̀ я вамъ говорилъ?

Пирамидаловъ.

Все исполнилъ, ваше превосходительство̀.

Гнѣвышевъ.

Вы должны помнить, что для знакомства съ Валентиной Васильевной я желаю людей солидныхъ, семейныхъ, то что̀ называется людьми вполнѣ почтенными. Нужды нѣтъ, если они будутъ немного стараго покроя, это даже лучше: такіе люди учтивѣе въ обращеніи и почтительнѣе. Гдѣ-же и взять

другихъ? Въ этой мѣстности люди свѣтскіе не живутъ; а хорошія семейства средней руки иногда попадаются.

Пирамидаловъ.

Совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ.

Валентина Васильевна желала имѣть дачу въ мѣстности здоровой, и подальше отъ города, нисколько не заботясь о томъ, каковы будутъ ея сосѣди; но это совсѣмъ не значитъ, чтобъ она обрекла себя на одиночество и скуку. Хорошо-бы познакомить съ ней какую-нибудь пожилую даму, съ которой она бы могла и гулять, и быть постоянно вмѣстѣ. Ну, говорите, что̀ вы узнали о здѣшнихъ дачникахъ.

Пирамидаловъ.

Вотъ напротивъ, ваше превосходительство, живетъ одна дама, богатая вдова, купчиха Бѣдонѣгова.

Гнѣвышевъ.

Вы съ ней знакомы?

Пирамидаловъ.

Прошлое лѣто познакомился.

Гнѣвышевъ.

Ну что̀-жь, какъ она?

Пирамидаловъ.

Я полагаю, ваше превосходительство, что для Валентины Васильевны ...

Гнѣвышевъ.

Прошу не полагать и заключеній не выводить. Вы только докладывайте по порядку, — а это ужь мое дѣло знать, что̀ нужно и чего не нужно для

Валентины Васильевны. Ну, что же, эта вдова, эта дама, какъ вы её называете ... она бѣлится, румянится, пьетъ мадеру?

Пирамидаловъ.

Такъ точно, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ.

Далѣе?

Пирамидаловъ.

Госпожа Цыплунова.

Гнѣвышевъ.

Я, кажется, что-то слышалъ о Цып ... Цып ... Какъ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова-съ.

Гнѣвышевъ.

Нѣтъ, то молодой человѣкъ. Онъ былъ мнѣ представленъ; его мнѣ очень хвалили, какъ отлично образованнаго и примѣрно способнаго чиновника. Онъ вашихъ лѣтъ и ужь, кажется, надворный совѣтникъ.

Пирамидаловъ.

Коллежскій, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ (строго).

Ну, вотъ видите.

Пирамидаловъ.

Это вы про ея сына изволили слышать. Госпожа Цыплунова дама очень почтенная-съ.

Гнѣвышевъ.

Да ... дама ... ну, что-жь эта дама ... какое у ней знакомство?

Пирамидаловъ.

Никакого-съ. Она ведетъ уединенную жизнь, не знаетъ ни удовольствій, ни развлеченій, живетъ только для сына; а онъ человѣкъ дикій.

Гнѣвышевъ.

Какъ дикій? Обдумывайте выраженія! Вы всегда прежде подумайте, а потомъ и говорите. Почему онъ дикій?

Пирамидаловъ.

Сидитъ все дома за бумагами да за книгами, не бываетъ нигдѣ въ обществѣ, даже и у товарищей; бѣгаетъ отъ женщинъ. А если съ нимъ женщина заговоритъ, онъ краснѣетъ и конфузится. Онъ все молчитъ-съ.

Гнѣвышевъ.

Неправда, онъ говоритъ прекрасно и даже краснорѣчиво.

Пирамидаловъ.

Да, если о дѣлахъ-съ; а съ женщинами ужь не можетъ.

Гнѣвышевъ.

Такъ это скромный, а не дикій. Ко всѣмъ его прекраснымъ качествамъ это еще новое и очень ... очень дорогое, и еще болѣе располагаетъ въ его пользу. Вы не знаете названія вещей. Я вамъ говорю, дикій это ... это sauvage ... это разрисованный, tatoué ... это совсѣмъ другое.

Пирамидаловъ.

Виноватъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ.

Ваша развязность можетъ нравиться только такимъ дамамъ, какъ ваша вдова Бѣдонѣгова; а его скромность пріобрѣтаетъ ему расположеніе начальства и вообще лицъ высокопоставленныхъ. Ну, до-

вольно, другихъ сосѣдей я знать не желаю. Вотъ вамъ, мой милый, еще порученіе, постарайтесь исполнить его хорошенько!

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ.

Познакомьте меня съ мадамъ Цып ... Цып ... Какъ?

Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Гнѣвышевъ.

Да, Цыплунова. Вы её сначала предупредите, скажите, что я, генералъ Гнѣвышевъ, желаю съ ней познакомиться и познакомить съ ней тоже мою родственницу, которая переѣхала сюда на дачу и будетъ жить все лѣто. Слышите, родственницу ...

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ.

Вы сдѣлайте это сегодня-же! Сейчасъ-же! Постарайтесь, чтобъ я встрѣтилъ васъ съ ней во время прогулки!

Пирамидаловъ.

Вы, ваше превосходительство, вѣроятно пойдете въ рощу?

Гнѣвышевъ.

Совсѣмъ не вѣроятно. Вы слушайте и дѣлайте, что̀ вамъ приказываютъ. Чтобы соображать вѣроятности, надо имѣть гораздо больше ума, чѣмъ вы имѣете. Гуляйте здѣсь, мимо дачъ! Въ рощу я вечеромъ не пойду, потому что тамъ будетъ сыро.

Пирамидаловъ.

Я сейчасъ же и отправлюсь прямо къ нимъ на дачу.

Гнѣвышевъ.

Ступайте! (Уходитъ въ калитку. Пирамидаловъ уходитъ въ лѣсъ. На террасѣ показывается Бѣдонѣгова.)

Явленіе четвертое.

Бѣдонѣгова, потомъ Цыплуновъ и Цыплунова.

Бѣдонѣгова (громко).

Виталій Петровичъ, Виталій Петровичъ! Куда же вы? Подождите немножко! Ушелъ. Зачѣмъ онъ бѣгаетъ по дачамъ, чего онъ тамъ еще ищетъ? У меня ему ужь чего бы лучше, кажется. Какъ трудно понимать мужчинъ! А, вотъ Анна Аѳанасьевна съ сыномъ! Ахъ, какъ онъ милъ! Ахъ, какой интересный молодой человѣкъ! (Входятъ: Цыплунова и Цыплуновъ.) Здравствуйте, Анна Аѳанасьевна; здравствуйте, Юрій Михайловичъ! (Цыплуновы молча раскланиваются.) Сдѣлайте одолженіе, зайдите хоть на минуточку чайку напиться!

Цыплунова.

Благодарю васъ, мы ужь пили.

Бѣдонѣгова.

Юрій Михайловичъ, когда же, когда же? Долго-ли мнѣ ждать-то? Ахъ, обманщикъ! Сколько разъ вы обѣщали! Ну, хоть на одну минуту ... ну, рюмочку мадеры.

Цыплуновъ.

Извините. Я занятъ дѣломъ весь день, и только вечеромъ имѣю немного свободнаго времени, чтобы отдохнуть, чтобы воспользоваться прогулкой и по-

дышать чистымъ воздухомъ. Я зайду къ вамъ завтра.

Бѣдонѣгова.

Это я каждый день слышу отъ васъ. И вамъ не жалко обманывать женщину, которая ... съ такимъ чувствительнымъ сердцемъ?..

Цыплуновъ.

Что̀ дѣлать! Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что не могу своей особой доставить много практики для вашего чувствительнаго сердца.

Бѣдонѣгова.

Ахъ, какая скука! Нынѣшнее лѣто я такъ мало вижу удовольствія для себя. Такъ не забудьте же, завтра я буду ждать васъ. (Цыплуновъ кланяется, Бѣдонѣгова уходитъ съ террасы.)

Цыплунова.

Это грубо, мой другъ. Такъ не говорятъ съ женщинами.

Цыплуновъ.

Какъ-же можно съ ней говорить иначе, коли она чуть не бросается на шею каждому мужчинѣ.

Цыплунова.

Она богатая вдова, — ужь въ лѣтахъ; нельзя же требовать отъ нея, чтобы она вела себя, какъ институтка. Ей скучно жить одной, она хочетъ выдти замужъ, и употребляетъ для этого средства, какія знаетъ. Впрочемъ, я никогда не слыхала, чтобы про нее говорили что̀-нибудь дурное; напротивъ, всѣ ее считаютъ доброй и хорошей женщиной. Да и просто, какъ женщина, она имѣетъ право требовать, если не уваженія, такъ, по крайней мѣрѣ, учтивости съ твоей стороны.

Цыплуновъ.

Ахъ, Боже мой, я готовъ уважать женщинъ, готовъ благоговѣть передъ ними; но зачѣмъ же онѣ мелочны, зачѣмъ смѣшны? Вотъ чего имъ простить нельзя, не говоря ужь о проступкахъ.

Цыплунова.

А за проступки ты бы казнилъ ихъ смертной казнью? Ахъ, предоставь ты женщинамъ жить, какъ онѣ хотятъ. Ты слишкомъ тяжелую опеку берешь на себя: вѣдь ихъ такъ много, мой другъ.

Цыплуновъ.

Чего я не вижу, до того мнѣ и дѣла нѣтъ. Но когда въ моихъ глазахъ унижается тотъ высокій идеалъ, который я себѣ создалъ, когда женщины съ какой-то навязчивой откровенностью обнаруживаютъ свои самыя непривлекательныя стороны; не могу-же я не замѣчать этого. Вотъ отчего я и избѣгаю общества, и предпочитаю уединеніе.

Цыплунова.

Но развѣ ты не замѣчаешь, что уединеніе губительно дѣйствуетъ на твое здоровье? Ты человѣкъ дѣловой; постоянно занятъ умственной работой, — тебѣ непремѣнно нужно хоть какое-нибудь развлеченіе. Юша, твое здоровье начинаетъ меня безпокоить.

Цыплуновъ.

Развѣ я перемѣнился?

Цыплунова.

Да, очень, особенно въ послѣдніе два-три дня. Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь такого, о чемъ бы нужно было поговорить со мной?

Цыплуновъ.

Нѣтъ, рѣшительно ничего.

Цыплунова.

Ну, не хочешь-ли ты послушать, что̀ я тебѣ скажу?

Цыплуновъ.

Я готовъ, извольте.

Цыплунова.

Ты скучаешь, Юша?

Цыплуновъ.

Да, я не скрою отъ васъ, я скучаю.

Цыплунова.

Въ твои года любятъ.

Цыплуновъ (со вздохомъ).

Да любятъ, это правда, любятъ.

Цыплунова.

Въ твои года женятся.

Цыплуновъ.

Да, и женятся.

Цыплунова.

И женатые не скучаютъ, имъ некогда скучать: у нихъ заботы, хлопоты, семейныя радости, дѣти. Кто любитъ свою жену и дѣтей, тотъ ужь не можетъ скучать.

Цыплуновъ.

Все это правда, совершенная правда.

Цыплунова.

Такъ женись!

Цыплуновъ.

Что̀ вы, что̀ вы? На комъ? Развѣ это возможно?

Цыплунова.

Отчего-жь невозможно? Значитъ, пары тебѣ

нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, достойныхъ тебя нѣтъ? Бѣдныя женщины!

Цыплуновъ.

Можетъ-быть, и есть, но гдѣ искать ихъ? Я любилъ не одинъ разъ въ моей жизни; но вы сами знаете, почему я не женился. Всякій разъ моя любовь оканчивалась или горькимъ разочарованіемъ, или еще хуже: меня просто обманывали.

Цыплунова.

И всегда виноватъ ты самъ, потому что ты никогда не даешь себѣ труда разглядѣть хорошенько женщинъ, которыхъ ты удостоиваешь своей любви, — предполагаешь въ нихъ какія-то небывалыя добродѣтели и требуешь отъ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ.

Цыплуновъ.

Можетъ-быть ... но есть еще и другія причины.

Цыплунова.

Какія?

Цыплуновъ.

Изъ уваженія къ вамъ, къ вашему полу, я бы не желалъ говорить о нихъ.

Цыплунова.

Ахъ, говори, сдѣлай милость!

Цыплуновъ.

То, что̀ я скажу, очень не хорошо.

Цыплунова.

Да говори, говори!

Цыплуновъ.

Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ всегда казалось, что женщины отдаютъ явное и очень обидное

предпочтеніе людямъ не строгой нравственности, и даже иногда порочнымъ передъ людьми чистыми. Мало того, къ людямъ совершенно чистымъ онѣ показываютъ какую-то ненависть. Извините, мнѣ такъ кажется.

Цыплунова.

И ты думаешь, что сказалъ что̀-нибудь очень ужасное про женщинъ, что̀-нибудь очень обидное для насъ? Такъ знай же, что женщины совершенно правы въ этомъ случаѣ; потому что нѣтъ болѣе несносныхъ деспотовъ, какъ вы, люди чистые. Вы создаете въ своемъ воображеніи какихъ-то небывалыхъ богинь, да потомъ и сердитесь, что не находите ихъ въ дѣйствительности. Вы, чистыя натуры, не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на тѣ блѣдные, безжизненные шаблоны, которые созданы вашимъ досужимъ воображеніемъ.

Цыплуновъ.

Какъ трудно жить на свѣтѣ!

Цыплунова.

Да, для тѣхъ, кому досадно, что свѣтъ идетъ такъ, какъ надо, а не такъ, камъ имъ хочется, должно-быть, дѣйствительно трудно. Но что̀-жь дѣлать, этого поправить нельзя. Ну, а теперь ты въ кого влюбленъ?

Цыплуновъ.

Вы думаете, что я влюбленъ?

Цыплунова.

Очень похоже на то.

Цыплуновъ.

Да, похоже.

Цыплунова.

Ну, въ кого же?

Цыплуновъ.

Помните вы, лѣтъ десять тому назадъ у насъ часто бывала одна дѣвочка.

Цыплунова.

Мало-ли дѣвочекъ я видала на своемъ вѣку?

Цыплуновъ.

Эту забыть нельзя. Ей было лѣтъ тринадцать или четырнадцать, но она была совершенный ребенокъ, вся прозрачная, тоненькіе пальчики ... Сколько въ ней было дѣтскаго кокетства, какъ она граціозно встряхивала и закидывала за уши свои пепельные волосы!

Цыплунова.

А, помню, это Бѣлесова Валентиночка, сирота.

Цыплуновъ (задумчиво).

Да, Валентиночка.

Цыплунова.

Какъ это ты объ ней вспомнилъ и зачѣмъ? Неужели въ мечтахъ-то у тебя она все еще дѣвочка?

Цыплуновъ.

Да, ангелъ-дѣвочка.

Цыплунова.

И ты не подумалъ, что она ужь теперь большая, перемѣнилась, вѣроятно подурнѣла, какъ это часто бываетъ, пожалуй, и замужемъ. Да кто знаетъ, жива-ли она.

Цыплуновъ.

Я её встрѣтилъ недавно, я её вчера и сегодня видѣлъ.

Цыплунова.

Узнала она тебя? Говорилъ ты съ нею?

Цыплуновъ.

Ахъ, нѣтъ, я испуганъ, ошеломленъ.

Цыплунова.

Чѣмъ?

Цыплуновъ.

Красотой ея.

Цыплунова.

Вотъ какъ.

Цыплуновъ.

Она, вѣроятно, замужемъ за богатымъ человѣкомъ. Какой экипажъ, какой костюмъ, какой гордый взглядъ!

Цыплунова.

Если ты её видѣлъ здѣсь, значитъ, она живетъ неподалеку на дачѣ. Надо справиться о ней.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ! Мнѣ хотѣлось только вглядѣться хорошенько въ нее; а то теперь въ моемъ воображеніи ея дѣтскій образъ и женскій сливаются въ какомъ-то странномъ сочетаніи: дѣтская чистота какъ-то сквозится изъ-подъ роскошной женской красоты. (Опускаетъ голову въ задумчивости.)

Цыплунова.

Нѣтъ, Юша, ты или возобнови знакомство съ ней и узнай ее хорошенько, или выкинь вздоръ изъ головы и ужь не мечтай о ея дѣтской чистотѣ, а то эта мечта мѣшаетъ тебѣ видѣть другихъ женщинъ, которыя, можетъ-быть, гораздо лучше ея и болѣе достойны твоей любви.

Цыплуновъ.

Да, да, можетъ быть ... это все можетъ быть. Но, я пойду, ... мнѣ нужно разсѣяться, ... я пойду поброжу ... я одинъ ... (Уходитъ).

Цыплунова.

Какъ это некстати! Зимой Юша былъ боленъ и много работалъ; я думала, что онъ отдохнетъ и поправится на дачѣ; а теперь эта встрѣча, эта страсть! Что она можетъ доставить ему, кромѣ страданія? У кого бы узнать про Бѣлесову? А вотъ, кажется, бѣжитъ Пирамидаловъ; онъ кругомъ Москвы всѣ дачи и всѣхъ дачниковъ знаетъ, да и въ Москвѣ-то отъ него ничто не скроется. (Входитъ Пирамидаловъ; Бѣдонѣгова показывается на террасѣ.)

Явленіе пятое.

Цыплунова, Пирамидаловъ, Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ (отирая потъ).

Вотъ усталъ, такъ ужь усталъ.

Бѣдонѣгова.

Зашли бы закусить чего-нибудь, мадерцы ...

Пирамидаловъ.

Некогда, Антонина Власьевна, некогда. Здравствуйте, Анна Аѳанасьевна! А я васъ искалъ, къ вамъ на дачу бѣгалъ.

Бѣдонѣгова.

Ну, что, право, не зайдете! Зовешь, зовешь, не дозовешься.

Пирамидаловъ.

Какъ всѣ дѣла кончу, такъ непремѣнно зайду.

Бѣдонѣгова.

Ну, хорошо. Смотрите-же, я ждать буду. Я вѣдь со всѣмъ расположеніемъ ... (Уходитъ.)

Пирамидаловъ (Цыплуновой).

Анна Аѳанасьевна, я къ вамъ по порученію отъ генерала Гнѣвышева, отъ Всеволода Вячеславича.

Цыплунова.

Я, Виталій Петровичъ, не имѣю счастія знать никакого генерала Гнѣвышева.

Пирамидаловъ.

Это все равно. Онъ слышалъ объ васъ и знаетъ вашего сына.

Цыплунова.

Ну, такъ что̀-же?

Пирамидаловъ.

Онъ просилъ меня предупредить васъ, что желаетъ съ вами познакомиться.

Цыплунова.

Да что̀ за церемоніи! И зачѣмъ я ему? Мы съ сыномъ люди скромные и знакомствъ не только не ищемъ, а даже бѣгаемъ отъ нихъ. Такъ вы и скажите вашему генералу.

Пирамидаловъ.

Да позвольте! Вы, Анна Аѳанасьевна, выслушайте сначала! Родственница Всеволода Вячеславича, дѣвушка хорошей фамиліи, переѣхала сюда на дачу, такъ ихъ превосходительство желаютъ ...

Цыплунова.

Что̀ мнѣ за дѣло до того, чего они желаютъ

Пирамидаловъ.

Желаютъ имѣть общество для своей родственницы, компанію.

Цыплунова.

Что̀ вы, что̀ вы, Виталій Петровичъ! Вы, кажется, меня въ компаньонки приглашаете?

Пирамидаловъ.

Вы не такъ меня поняли. Помилуйте! Вѣдь нельзя-же дѣвушкѣ одной на дачѣ ... и погулять не съ кѣмъ ...

Цыплунова.

Я и въ провожатые тоже не пойду. Нѣтъ, вы заговорились. Вы лучше оставьте.

Пирамидаловъ.

Такъ неужели вы отказываетесь?

Цыплунова.

Конечно. Что̀-жь тутъ удивительнаго?

Пирамидаловъ.

Въ какое-же вы меня положеніе ставите? Я хотѣлъ услужить ихъ превосходительству; я ужь обѣщалъ за васъ.

Цыплунова.

Напрасно. Вы услуживайте чѣмъ-нибудь другимъ, а меня ужь оставьте въ покоѣ. Мнѣ не до чужихъ; я, на сына глядя, измучилась.

Пирамидаловъ.

Анна Аѳанасьевна, вѣдь вы меня губите, голову съ меня снимаете. Вѣдь мнѣ провалиться сквозь землю только и осталось.

Цыплунова.

Ужь какъ вамъ угодно.

Пирамидаловъ.

Вы хоть поговорите съ генераломъ.

Цыплунова.

Да не стану я. Объ чемъ мнѣ съ нимъ говорить?

Пирамидаловъ.

Такъ я убѣгу, право убѣгу. И нужно было мнѣ услуги предлагать! Гакъ вотъ .. слабость. Прощайте! Убѣгу и ужь сюда ни ногой, встрѣчаться съ нимъ не стану.

Цыплунова.

Погодите бѣжать-то! Не знали-ли вы Бѣлесову, Валентину?

Пирамидаловъ.

Бѣлесову? Да это она самая и есть.

Цыплунова.

Какъ? Что вы? Такъ она ...

Пирамидаловъ.

Родственница Всеволода Вячеславича, о которой я вамъ говорилъ.

Цыплунова.

Ахъ, такъ погодите. Я очень рада. Вы-бы давно сказали.

Пирамидаловъ.

Ну, ожилъ. Какъ гора съ плечъ. А вотъ и ихъ превосходительство. (Гнѣвышевъ выходитъ изъ калитки Пирамидаловъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу.)

Явленіе шестое.

Цыплунова, Пирамидаловъ, Гнѣвышевъ.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, Анна Аѳанасьевна Цыплунова очень-съ ...

Гнѣвышевъ (тихо).

Это она?

Пирамидаловъ.

Она-съ. Она очень счастлива, что можетъ сдѣлать угодное вашему превосходительству. (Гнѣвышевъ, не слушая, снимаетъ шляпу и кланяется Цыплуновой. Дѣлаетъ знакъ рукою, чтобы Пирамидаловъ отошелъ назадъ. Пирамидаловъ, взглянувъ на Цыплунову, пожимаетъ плечами и отходитъ.)

Гнѣвышевъ

(подходя къ Цыплуновой).

Рекомендуюсь, Всеволодъ Вячеславичъ Гнѣвышевъ.

Цыплунова.

Очень пріятно.

Гнѣвышевъ.

Мы ужь нѣсколько знакомы: я знаю вашего сына. Для васъ, вѣроятно, не рѣдкость слышать похвалы ему; но я, съ своей стороны, долженъ сказать вамъ, что его начальство имѣетъ о немъ самое лестное мнѣніе.

Цыплунова.

Благодарю васъ.

Гнѣвышевъ.

Вы живете на дачѣ?

Цыплунова.

Да, здѣсь на дачѣ. Я для сына больше: онъ не совсѣмъ здоровъ.

Гнѣвышевъ.

Да, здѣшняя мѣстность въ санитарномъ отношеніи лучшая изъ подмосковныхъ. Вотъ тоже родственница моя, она дальняя, Валентина Васильевна Бѣлесова ...

Цыплунова.

Я знала ее, когда она была еще ребенкомъ.

Гнѣвышевъ.

Да? Ну, вотъ и прекрасно. Ей будетъ очень пріятно, да и вы, вѣроятно, нисколько не прочь отъ того, чтобы возобновить знакомство.

Цыплунова.

Съ удовольствіемъ.

Гнѣвышевъ.

И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, разумѣется?

Цыплунова.

Конечно.

Гнѣвышевъ.

Валентина Васильевна взяла вотъ эту дачу. Дача такъ себѣ, не изъ важныхъ.

Цыплунова.

Здѣсь особенно роскошныхъ дачъ нѣтъ.

Гнѣвышевъ.

Роскоши и не нужно, это лишнее. Для людей порядочныхъ если что необходимо, такъ это комфортъ, удобства, безъ этого ужь обойтись нельзя. (Бѣлесова показывается у дверей дачи). А вотъ и хозяйка этой дачи!

Явленіе седьмое.

Цыплунова, Гнѣвышевъ, Бѣлесова и Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Какъ она похорошѣла!

Гнѣвышевъ.

Да, она красавица положительно. Красота дѣло хорошее; но нравственныя качества въ человѣкѣ должны стоять выше; и вы увидите ...

Цыплунова.

Я пойду къ ней прямо. (Подходя къ Бѣлесовой.) Здравствуйте, Валентина Васильевна!

Бѣлесова.

Извините, пожалуйста ...

Гнѣвышевъ.

Не узнаете старыхъ знакомыхъ,—это не хорошо.

Бѣлесова.

Право, я не помню.

Цыплунова.

Не мудрено и забыть; и я бы васъ не узнала: вы тогда были ребенкомъ. Помните, на Арбатѣ мы жили съ вами въ одномъ домѣ. Цыплунова.

Бѣлесова.

Теперь припоминаю. У васъ былъ сынъ, молодой человѣкъ, Юрій ... Юрій.

Цыплунова.

Юрій Михайлычъ. Ну, ужь теперь онъ не очень молодой ... (Входитъ Цыплуновъ и издали смотритъ на мать и Бѣлесову.)

Явленіе восьмое.

Гнѣвышевъ, Цыплунова, Бѣлесова, Пирамидаловъ и Цыплуновъ; потомъ Бѣдонѣгова.

Цыплунова (увидавъ сына).

Да вотъ, посмотрите сами, онъ очень перемѣнился съ тѣхъ поръ.

Бѣлесова
(взглянувъ на Цыплунова, Гнѣвышеву).

Это онъ, это тѣ самые глаза.

Гнѣвышевъ.

Очень радъ; тѣмъ лучше, мой другъ. (Цыплунова знакомъ подзываетъ сына.)

Бѣлесова (Гнѣвышеву).

Почему-же?

Гнѣвышевъ.

Я вамъ послѣ объясню. Занимайтесь съ ними!

Цыплунова (сыну).

Юша, я встрѣтила старую знакомую. (Цыплуновъ молча кланяется Гнѣвышеву и Бѣлесовой.)

Гнѣвышевъ (подавая руку Цыплунову).

Здравствуйте, молодой человѣкъ. Очень радъ васъ видѣть.

Бѣлесова (Цыплунову).

Вы меня узнаете?

Цыплуновъ.

Узналъ съ перваго взгляда.

Бѣлесова.

Вотъ мы будемъ сосѣдями, можемъ, если вамъ угодно, возобновить старую дружбу.

Цыплуновъ.

О! Что касается меня ... (Взглянувъ на мать со вздохомъ.) Ахъ, маменька!

Гнѣвышевъ (Бѣлесовой).

Пригласите ихъ къ себѣ.

Бѣлесова (Цыплунову).

Вы помните, какъ вы меня звали?

Цыплуновъ.

Вы мнѣ казались ангеломъ.

Бѣлесова.

Вы звали меня „ангельской душкой“; а теперь какъ я кажусь вамъ?

Цыплуновъ.

Вы и теперь мнѣ кажетесь тѣмъ-же.

Бѣлесова.

Пойдемте ко мнѣ на новоселье! Намъ есть о чемъ поговорить, вспомнимъ старое . . . (Цыплуновой.) Милости прошу. (Подаетъ руку Цыплунову. Цыплунова, Цыплуновъ и Бѣлесова входятъ въ калитку.)

Гнѣвышевъ (Пирамидалову).

Идите за мной! Вы мнѣ будете нужны. (Идетъ въ калитку, Пирамидаловъ за нимъ. На террасѣ показывается Бѣдонѣгова.)

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ! (Пирамидаловъ, махнувъ рукой, уходитъ.) Вотъ опять его увели отъ меня. (Громко.) Виталій Петровичъ! Виталій Петровичъ!

Занавѣсъ.

Дѣйствіе второе.

Комната на дачѣ Бѣлесовой, изящно убранная и меблированная. Двѣ двери: одна съ правой стороны (отъ актеровъ), другая въ глубинѣ на террасу, растворена; съ правой стороны трюмо.

Явленіе первое.

Гнѣвышевъ и Цыплунова (входятъ).

Гнѣвышевъ.

Хорошо молодымъ людямъ; они могутъ, безъ вреда для своего здоровья, быть на воздухѣ, наслаждаться красотой майскаго вечера, а для насъ съ вами въ комнатѣ безопаснѣе. Почти всѣ пожилые люди въ нашемъ климатѣ не свободны отъ ревматизма; вотъ и я тоже иногда чувствую припадки этой болѣзни, хотя весьма легкіе, но тѣмъ не менѣе очень непріятные ...

Цыплунова.

Всякая болѣзнь непріятна ...

Гнѣвышевъ.

Я лѣчусь гомеопатіей; совѣтую и вамъ, помогаетъ удивительно ...

Цыплунова.

Да, говорятъ ... У Валентины Васильевны, кромѣ васъ, никого родственниковъ нѣтъ? ...

Гнѣвышевъ.

Ея мать умерла давно, и она осталась круглой

сиротой. Моя жена приняла въ ней участіе; полюбила ее, какъ родную дочь; но потомъ стала хворать и уѣхала за границу ...

Цыплунова.

Она и теперь тамъ?..

Гнѣвышевъ.

Она на дняхъ пріѣдетъ. Безъ нея Валентина Васильевна оставалась на моемъ попеченіи и, признаюсь вамъ, эта опека для меня нѣсколько тяжела ...

Цыплунова.

Въ какомъ отношеніи?..

Гнѣвышевъ.

Хлопотно, лишнія заботы; не мужское дѣло ...

Цыплунова.

А вотъ, пріѣдетъ ваша супруга ...

Гнѣвышевъ.

Ну, гдѣ ужь ей! Она совсѣмъ больная женщина ... и притомъ выростить дѣвушку до извѣстныхъ лѣтъ, вѣдь, это еще не все, главное-то дѣло, главная забота впереди ...

Цыплунова.

Конечно ...

Гнѣвышевъ.

Въ концѣ концовъ, надо ей найти приличную партію; а развѣ легко?..

Цыплунова.

Я съ вами согласна ...

Гнѣвышевъ.

Надо изыскать, выбрать человѣка, проникнуть, такъ сказать, въ его душу и совершенно убѣдиться въ его хорошихъ качествахъ; чтобы потомъ не при-

нять на себя тяжелой отвѣтственности. Потому, почтеннѣйшая Анна Аѳанасьевна, какъ я ни люблю Валентину Васильевну, а еслибъ мнѣ удалось поскорѣе сдать ее съ рукъ на руки человѣку, вполнѣ ея достойному, я бы перекрестился обѣими руками...

Цыплунова.

Я васъ понимаю ...

Гнѣвышевъ.

Разумѣется, все, что̀ отъ насъ зависитъ, и что̀ намъ повелѣваетъ долгъ, мы исполнимъ, т. е. дадимъ богатое приданое. У насъ дѣтей нѣтъ.

Цыплунова.

Такъ объ чемъ-же вамъ безпокоиться? Для невѣсты съ богатымъ приданымъ всегда женихи найдутся ...

Гнѣвышевъ.

Какъ не найтись!.. Да какіе?.. Вотъ въ чемъ вопросъ ... Вонъ, и Пирамидаловъ, пожалуй, женихъ ...

Цыплунова.

Подождите, найдутся и лучше Пирамидалова ...

Гнѣвышевъ.

Въ томъ-то и дѣло, что ждать неудобно. Какъ только пріѣдетъ жена, мы уѣдемъ въ деревню; надо будетъ или оставить Валентину Васильевну здѣсь безъ надзора и попеченій, на произволъ судьбы, или взять съ собой и засадить въ глуши.

Цыплунова.

Да, я вижу, что вамъ дѣйствительно много заботы съ Валентиной Васильевной ...

Гнѣвышевъ.

Много, почтеннѣйшая Анна Аѳанасьевна, много. Хотя уже приданое ея опредѣлено, но еслибъ на-

шелся человѣкъ очень хорошій, т. е. добрый, не глупый и съ карьерой, я-бы увеличилъ и даже удвоилъ ... Вотъ что, почтенная Анна Аѳанасьевна ... вы не удивляйтесь, пожалуйста, тому, что я вамъ скажу.

Цыплунова.

Сдѣлайте одолженіе, говорите!

Гнѣвышевъ.

Оно, конечно, странно ... что, видя васъ въ первый разъ, я начинаю съ вами очень важный рѣшительный разговоръ ... Положимъ, что я васъ-то не знаю; но я давно знаю вашего сына, давно собираю о немъ справки, и ужь намѣтилъ его. Я знаю даже, что вашъ сынъ любитъ Валентину Васильевну ...

Цыплунова.

Да, кажется ...

Гнѣвышевъ.

Ну, вотъ видите ...

Цыплунова.

Но, вѣдь, этого мало, Всеволодъ Вячеславичъ...

Гнѣвышевъ.

Какъ мало? Чего-жь еще нужно?..

Цыплунова.

Можетъ-быть, съ него этого и довольно, но мнѣ мало. Онъ самъ стоитъ любви, и я бы хотѣла, чтобы и его любили такъ-же ...

Гнѣвышевъ.

Да, вы правы.

Цыплунова.

Онъ любитъ Валентину Васильевну, безумно лю-

битъ; но, если онъ женится и не найдетъ взаимности, онъ умретъ отъ горя, отъ отчаянія. Я его знаю и берегу ... онъ нѣженъ, какъ ребенокъ; равнодушіе жены убьетъ его.

Гнѣвышевъ.

У насъ, вѣдь, не Италія ... Страстной любви негдѣ взять, да и искать ее даже неразумно ...

Цыплунова.

Страстной любви и не нужно; я бы хотѣла только, чтобы жена цѣнила его, уважала, и такъ-же, какъ мать, считала его лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Только мнѣ и нужно, и онъ стоитъ этого...

Гнѣвышевъ.

Нельзя сказать, чтобъ ваши требованія были очень умѣренны, и я поручиться не могу ... Но скажу вамъ, по секрету, что Валентина Васильевна не равнодушна къ вашему сыну ...

Цыплунова.

Неужели?..

Гнѣвышевъ.

Сколько я могъ замѣтить, разумѣется. Дѣвушка порядочнаго воспитанія своихъ чувствъ не выкажетъ; но я знаю, что она встрѣтилась съ нимъ сегодня не въ первый разъ; что она видѣла его и вчера, и раньше, и не безъ удовольствія, и что она его отличаетъ. Дайте руку, почтенная Анна Аѳанасьевна! Вы поговорите съ сыномъ, а я поговорю съ Валентиной Васильевной. Я васъ уполномочиваю даже объяснить ему, что онъ намъ нравится, мнѣ и Валентинѣ Васильевнѣ. А тамъ, ужь какъ ему угодно.

Цыплунова.

Какъ я ни рада за сына, но, извините меня, я вамъ пока рѣшительнаго ничего сказать не могу.

Гнѣвышевъ.

Если вамъ угодно знать подробности о приданомъ, пойдемте въ эту комнату, мы тамъ можемъ говорить безъ помѣхи. Васъ, какъ женщину, долженъ интересовать этотъ предметъ; а я, какъ мужчина дѣловой, люблю дѣлать дѣло аккуратно. Я слышу движеніе на террасѣ, вѣроятно, наши молодые люди хотятъ войти въ домъ ... Пойдемте ... (Уходятъ. Входятъ: Цыплуновъ и Бѣлесова.)

Явленіе второе.

Бѣлесова, Цыплуновъ, потомъ **Пирамидаловъ.**

Бѣлесова

(съ улыбкой мало скрытаго неудовольствія).

Очень вамъ благодарна. Я выслушала цѣлую лекцію о нравственности и обязанностяхъ человѣка. Я узнала, что̀ такое серьезные люди, что̀ значитъ серьезный взглядъ на жизнь. Все, что̀ вы говорили, вѣроятно, очень умно,—все это очень полезно знать; и если я, къ сожалѣнію, мало поняла и мало воспользуюсь,—это ужь моя вина.

Цыплуновъ.

Ахъ, нѣтъ, въ такомъ случаѣ виноватъ я; кто хочетъ, чтобъ его понимали, тотъ долженъ прежде выучиться ясно говорить.

Бѣлесова.

Да, я согласна; но и себя не оправдываю. Надо умѣть говорить обо всемъ и со всѣми. Это не очень мудрено. Изъ безчисленнаго множества красивыхъ моральныхъ фразъ надо выучить нѣсколько, чтобы умѣть кстати вставить въ разговоръ и свое слово. Хоть и очень рѣдко, но можетъ представиться такой случай, какъ теперь, напримѣръ.

Цыплуновъ.

Ахъ, извините меня, сдѣлайте одолженіе! Будемъ говорить, о чемъ вамъ угодно, о чемъ вы привыкли. Говорить съ вами для меня большое удовольствіе; но я рѣдко бываю въ обществѣ, я не знаю, какіе вопросы въ ходу, и объ чемъ говорятъ теперь.

Бѣлесова (съ раздраженіемъ).

И теперь, какъ и всегда, говорятъ о томъ, что̀ интересно и занимательно, и избѣгаютъ того, что̀ скучно, напримѣръ: всякихъ проповѣдей и поученій. И притомъ предполагается, что каждый это самъ знаетъ, что каждый учился всему этому ... если онъ совершеннолѣтній. У всѣхъ были наемные учителя и строгіе наставники, которые такъ успѣли надоѣсть, что потомъ слушать даровыхъ учителей не представляетъ ужь особеннаго удовольствія. — Въ разговорѣ вообще стараются не показывать слишкомъ явно своего умственнаго или нравственнаго превосходства надъ прочими. Надо щадить людей. Когда кто-нибудь, съ увѣренностью полнаго мастера, говоритъ объ обязанностяхъ человѣка, простые смертные, люди легкомысленные, такіе, какъ я, должны думать, что этотъ урокъ относится къ нимъ, что эта филиппика есть косвенное порицаніе ихъ легкомысленнаго поведенія. Ну, и конфузишься ... торжествовать надъ нами легко. Но, мнѣ кажется, и мы имѣемъ право сказать учителю: да, мы легкомысленны; но мы не мѣшаемъ вамъ быть святымъ, не мѣшайте и намъ быть грѣшными! Научить вы насъ не научите, а оскорбить можете.

Цыплуновъ.

О, сохрани меня Богъ оскорбить кого-нибудь.

Бѣлесова.

Ну, теперь позвольте васъ послушать, я много говорила.

Цыплуновъ.

И говорили очень хорошо. Прекрасныя правила у васъ.

Бѣлесова.

Я живу не по правиламъ, безъ программы; для меня, кромѣ моей воли, нѣтъ правилъ.

Цыплуновъ.

О, конечно, для такой богато-одаренной натуры къ чему правила?

Бѣлесова.

Вы, мнѣ кажется, немножко экзальтированы, вы любите преувеличивать. Я самая обыкновенная дѣвушка, ничѣмъ не лучше другихъ. Что особенно хорошаго и такъ скоро вы могли замѣтить во мнѣ?

Цыплуновъ.

Я васъ давно знаю, вы ничего не измѣнились,—вы такъ же искренны, какъ и прежде, когда были ребенкомъ. А искренность такое рѣдкое и дорогое качество.

Бѣлесова.

Быть искренной, если я не ошибаюсь, значитъ—не лгать; а это еще не очень высокая добродѣтель.

Цыплуновъ.

А между тѣмъ женщины лгутъ постоянно. Что онѣ подкрашиваютъ себя, чтобы казаться лучше и моложе, это-бы еще не бѣда; онѣ притворяются наивными, довѣрчивыми и простосердечными, тогда какъ, въ сущности, очень ловки, разсчетливы и сухи сердцемъ.

Бѣлесова.

Ахъ, не вините бѣдныхъ женщинъ! Все ихъ притворство, по большей части, не злой умыселъ; это простое, врожденное желаніе нравиться, это скорѣй малодушіе, чѣмъ порокъ. Да и кого-же онѣ могутъ

обмануть теперь, когда мужчины стали такъ умны? Только людей глупыхъ или аскетовъ. А вы искренны?

Цыплуновъ.

Можетъ-быть, больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Бѣлесова.

Если такъ, то скажите мнѣ, зачѣмъ вы такъ странно глядѣли на меня, когда встрѣчались со мной?

Цыплуновъ.

Вы приказываете мнѣ отвѣчать?

Бѣлесова.

Да. Вы любите искренность, слѣдовательно, даете право требовать ее и отъ васъ. Говорите, что̀ было въ вашемъ взглядѣ?

Цыплуновъ.

Робкое обожаніе.

Бѣлесова.

Только?

Цыплуновъ.

Я не смѣлъ мечтать о счастіи возобновить знакомство съ вами; я думалъ, что опять потеряю васъ изъ виду и хотѣлъ наглядѣться на васъ, чтобы яснѣй и дольше удерживать вашъ очаровательный образъ въ своей памяти.

Бѣлесова.

Я не мечтала о счастіи получить такой отвѣтъ отъ васъ. Лучше бы мнѣ не спрашивать.

Цыплуновъ.

Почему-же?

Бѣлесова.

Я не умѣю слушать ни похвалы въ глаза, ни лести. При этомъ, обыкновенно, какъ-то глупо и

самодовольно улыбаются; а я предпочитаю спокойное выраженіе лица и не люблю гримасъ.

Цыплуновъ.

Я не хвалю васъ, не льщу вамъ; меньше того, что̀ я сказалъ, сказать было нельзя: вы требовали искренности. Если я виноватъ, то развѣ въ томъ только, что сказалъ вамъ мало, не все.

Бѣлесова.

Это ужь похоже на признаніе ... Надо вамъ замѣтить, что это тоже не совсѣмъ обыкновенный разговоръ; намъ не каждый день приходится отвѣчать на признанія; а потому слушать ихъ во всякомъ случаѣ неловко, а въ иныхъ—непріятно.

Цыплуновъ.

Это признаніе вырвалось невольно. Прошу васъ, не обращайте на него вниманія: оно васъ ни къ чему не обязываетъ. Я только объ одномъ прошу васъ ...

Бѣлесова.

Объ чемъ-же?..

Цыплуновъ.

Позвольте мнѣ иногда, хоть изрѣдка, глядѣть на васъ такъ близко, какъ я теперь гляжу ...

Бѣлесова.

То есть, по просту сказать, бывать у меня? Сдѣлайте одолженіе, я ни отъ кого не прячусь.

Цыплуновъ.

Благодарю васъ!.. (Молчаніе.)

Бѣлесова.

Позвольте сдѣлать вамъ еще вопросъ! Гдѣ эти серьезные, высоконравственные люди находятъ по себѣ женщинъ ... ну, женъ, что-ли?

Цыплуновъ.

Тамъ-же, гдѣ и всѣ. Почти всякая женщина имѣетъ что̀-нибудь хорошее, за что̀ можно ее полюбить.

Бѣлесова.

Но вѣдь имъ нужно добродѣтельныхъ, серьезныхъ, то есть безстрастныхъ ... такихъ, по крайней мѣрѣ, которыя-бы не скучали съ ними?

Цыплуновъ.

Можетъ-быть, имъ нужно такихъ; но мы видимъ, что они увлекаются всякими.

Бѣлесова.

То есть могутъ увлечься красотой, напримѣръ?

Цыплуновъ.

Какъ-же не увлечься, какъ не полюбить красавицу?

Бѣлесова.

Да всякую-ли красавицу?..

Цыплуновъ.

Я васъ не понимаю ...

Бѣлесова

Напримѣръ, красавицу порочную, падшую?..

Цыплуновъ.

Если она высоко держитъ голову, не стыдится своего порока, а гордится имъ, такая женщина, въ глазахъ каждаго порядочнаго человѣка, заслуживаетъ презрѣнія; но если она сокрушается, раскаивается (Бѣлесова садится въ кресло), то она болѣе всякой имѣетъ право на любовь и состраданіе: потому что только любовь можетъ уврачевать ея сердце, растерзанное угрызеніями; одна любовь можетъ спасти ее отъ отчаянія, одна только всепрощающая любовь можетъ

помирить ее съ жизнью ... Что̀ съ вами?.. Вы плачете? О, ангелъ! И мнѣ не благоговѣть передъ вами? Вы, съ высоты своей непорочности, своей дѣтской чистоты, роняете свои алмазныя слезы на этихъ несчастныхъ. Вамъ мало того, что васъ обожаютъ, вы хотите знать, имѣютъ-ли и эти бѣдныя надежду быть любимыми, не отнято-ли у нихъ это благо, безъ котораго жизнь безотрадна, какъ мертвая пустыня ...

Бѣлесова (утирая глаза).

Да, да, правда ... но довольно, довольно ... прошу васъ. (Погружается въ глубокую задумчивость.)

Цыплуновъ.

О, если-бъ я смѣлъ, я-бъ упалъ въ прахъ передъ вами, чтобъ цаловать ваши ноги ...

Бѣлесова (разсѣянно).

Что̀ вы?.. Цаловать ... что̀ цаловать? (Подаетъ руку, Цыплуновъ съ нѣмымъ восторгомъ цалуетъ руку Бѣлесовой. Входитъ Пирамидаловъ и останавливается у двери.)

Пирамидаловъ (про себя).

А, вотъ что̀!.

Бѣлесова

(задумчиво и подъ вліяніемъ невольной искренности).

Вы удостоиваете? (Быстро оправившись.) Ахъ, я не знаю, что̀ я говорю. (Встаетъ.) Вы не обращайте вниманія на мои слезы! У меня очень слабы нервы; я за тѣмъ и переѣхала на дачу, чтобы полѣчиться ...

Пирамидаловъ (про себя).

Перемѣняютъ разговоръ!.. (Входятъ: Гнѣвышевъ и Цыплунова.)

Явленіе третье.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Цыплунова, Гнѣвышевъ, Пирамидаловъ.

Цыплунова.

Я сбираюсь домой, Юша!..

Бѣлесова (Цыплуновой).

Я провожу васъ до вашей дачи; мнѣ пришла охота погулять ... (Цыплунову.) А вы меня обратно проводите ...

Цыплуновъ (Гнѣвышеву).

Честь имѣю кланяться ...

Гнѣвышевъ.

Прощайте! Навѣщайте почаще Валентину Васильевну!.. Постарайтесь, молодой человѣкъ, чтобъ она не скучала на дачѣ!.. (Бѣлесова, Цыплуновъ и Цыплунова уходятъ.)

Явленіе четвертое.

Гнѣвышевъ и Пирамидаловъ.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, Цыплуновъ ...

Гнѣвышевъ.

Что Цыплуновъ?..

Пирамидаловъ.

Очень ужь явно ухаживаетъ за Валентиной Васильевной ...

Гнѣвышевъ.

Ну, такъ что-же? Вамъ что за дѣло?..

Пирамидаловъ.

Я считалъ своею обязанностію доложить объ этомъ вашему превосходительству ...

Гнѣвышевъ.

Благодарю васъ за извѣстіе! Я очень доволенъ, что Валентина Васильевна нравится Цыплунову ...

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна нравится не одному Цыплунову ...

Гнѣвышевъ.

Ну да, конечно; но что-жь изъ этого?..

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна нравится и мнѣ, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ Цыплунову; но я увѣряю ваше превосходительство, я даже самому себѣ не смѣлъ признаться въ этомъ ...

Гнѣвышевъ.

И прекрасно сдѣлали ...

Пирамидаловъ.

Какъ-же-бы я смѣлъ, зная ваши отношенія къ Валентинѣ Васильевнѣ ...

Гнѣвышевъ.

А вотъ Цыплуновъ смѣлѣе васъ ...

Пирамидаловъ.

На что-же онъ можетъ надѣяться?

Гнѣвышевъ.

Онъ можетъ надѣяться быть мужемъ Валентины, что не только не противно моимъ намѣреніямъ, но даже очень желательно ...

Пирамидаловъ.

Я всегда зналъ, что рано-ли, поздно-ли, вы захотите, чтобъ Валентина Васильевна имѣла прочное и солидное положеніе ...

Гнѣвышевъ.

Да, именно, прочное и солидное.

Пирамидаловъ.

Я зналъ, что это должно случиться; но я думалъ и надѣялся ...

Гнѣвышевъ.

Что̀ вы думали, мой любезный, и на что̀ надѣялись?..

Пирамидаловъ.

Что Валентина Васильевна будетъ мнѣ наградою за мою преданность къ вашему превосходительству ...

Гнѣвышевъ.

Вы ошибались ...

Пирамидаловъ.

Такое усердіе, такое неусыпное, можно сказать, стараніе ... я могъ надѣяться, что ваше превосходительство оцѣните.

Гнѣвышевъ.

Я васъ цѣню. Вы имѣете мою протекцію, ваши услуги не пропадутъ даромъ. Я готовъ вамъ заплатить, но не такой цѣной. Счастіе милаго существа для меня дорого.— (Строго.) Ея судьбу, милостивый государь, я не могу вручить всякому ...

Пирамидаловъ.

Я умоляю, ваше превосходительство! Ваше превосходительство, не заставьте плакать и просить на колѣняхъ!..

Гнѣвышевъ.

Не трудитесь, мой милый, не трудитесь напрасно ...

Пирамидаловъ.

Цѣль моей жизни, ваше превосходительство, цѣль моей жизни ...

Гнѣвышевъ.

Цѣль вашей жизни: взять большое приданое и получить протекцію черезъ жену?.. Да, нынче многіе молодые люди имѣютъ эту цѣль ...

Пирамидаловъ.

Но вѣдь я служилъ, не жалѣя себя ...

Гнѣвышевъ.

Я вамъ повторяю, что вы не годитесь въ мужья Валентинѣ Васильевнѣ. Намъ нуженъ человѣкъ, такъ сказать, избранный ...

Пирамидаловъ.

Но чѣмъ-же Цыплуновъ лучше меня?..

Гнѣвышевъ.

Тутъ и сравненій быть не можетъ: у Цыплунова блестящая будущность, онъ скоро займетъ очень выгодное мѣсто въ московскомъ обществѣ, а съ нимъ и жена, разумѣется; а вы хоть и хорошій, исполнительный чиновникъ, но вы далеко не пойдете ...

Пирамидаловъ.

Съ вашей протекціей ...

Гнѣвышевъ.

Даже и съ моей протекціей! Ужь самая наружность ваша ...

Пирамидаловъ.

Помилуйте, ваше превосходительство, Цыплуновъ и одѣться порядочно не умѣетъ; а я на портныхъ да на куаферовъ трачу даже болѣе, чѣмъ мои средства позволяютъ ...

Гнѣвышевъ.

Я про лицо говорю, про выраженіе!..

Пирамидаловъ.

Очень почтительное, ваше превосходительство, всегда очень почтительное ...

Гнѣвышевъ.

Да, ужь слишкомъ даже. Вы не обижайтесь, въ васъ есть что-то такое, немножко лакейское. Ну, а ужь тутъ никакіе куаферы не помогутъ ...

Пирамидаловъ.

Очень жалѣю, ваше превосходительство, что не могъ, или не умѣлъ ...

Гнѣвышевъ.

Нѣтъ, вы оставьте этотъ разговоръ. Я сдѣлаю для васъ все, что могу... Я въ долгу не останусь...

Пирамидаловъ.

Я сегодня болѣе не нуженъ вашему превосходительству?..

Гнѣвышевъ.

Нѣтъ, прощайте! — Да, постойте! Не будете-ли вы здѣсь завтра?

Пирамидаловъ.

Если прикажете.

Гнѣвышевъ.

Побывайте! Мнѣ самому едва-ли удастся, такъ вы понавѣдайтесь о здоровьи Валентины Васильевны, и вообще, какъ идутъ дѣла съ Цыплуновыми, и сообщите мнѣ.

Пирамидаловъ.

Слушаю, ваше превосходительство! Честь имѣю кланяться.

Гнѣвышевъ.

Проіцайте!.. (Пирамидаловъ уходитъ.) Золотой человѣкъ; а нельзя ... лакей! Говорятъ, что я важенъ

очень, повелителенъ... но поневолѣ будешь важенъ, когда окружаютъ такіе люди, съ которыми нельзя и говорить иначе, какъ начальническимъ тономъ. Заговори съ ними по-человѣчески, такъ они удивятся, растеряются ... (Входитъ Бѣлесова.)

Явленіе пятое.

Гнѣвышевъ, Бѣлесова.

Бѣлесова (садясь въ кресло).

Ну, вы довольны мной? Я, кажется, въ точности исполняю все, что̀ вамъ угодно.

Гнѣвышевъ.

Очень доволенъ, Валентина, очень доволенъ.

Бѣлесова.

Теперь позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы завезли меня въ эту глушь, зачѣмъ вы навязываете мнѣ какихъ-то чудаковъ, которыхъ мнѣ видѣть странно? Я не хочу ихъ обижать, а то-бы я сказала другое слово ...

Гнѣвышевъ.

Все это дѣлается для вашей пользы, мой другъ.

Бѣлесова.

Для моей пользы? Это любопытно.

Гнѣвышевъ.

Наши прежнія отношенія продолжаться не могутъ.

Бѣлесова (встаетъ).

Какъ?.. Что̀ такое?.. Почему?

Гнѣвышевъ.

Сядьте и выслушайте меня спокойно и внимательно ...

Бѣлесова (садясь).

Ну-съ, я слушаю. Только, пожалуйста, не мучьте меня, говорите короче! Я устала...

Гнѣвышевъ.

Для того, чтобъ я рѣшился оставить васъ, причины должны быть очень важныя, иначе, конечно...

Бѣлесова.

Знаю! Говорите, что̀ за причины?

Гнѣвышевъ.

Моя жена ѣдетъ въ Москву!..

Бѣлесова.

Ну?

Гнѣвышевъ.

Она пріѣдетъ завтра ... она знаетъ все!..

Бѣлесова.

Ну, и пусть ее знаетъ ...

Гнѣвышевъ.

Она ставитъ непремѣнное условіе, чтобъ наша связь была разорвана; въ противномъ случаѣ она не сойдется со мной.

Бѣлесова.

Да зачѣмъ вамъ сходиться?..

Гнѣвышевъ.

Теперь это необходимо; она получила большое, громадное наслѣдство ...

Бѣлесова.

А!.. Вотъ что̀!..

Гнѣвышевъ.

Мои финансовыя дѣла въ большомъ разстройствѣ.

Бѣлесова.

Дя, я понимаю: если васъ заставили выбирать что̀-нибудь одно: меня или деньги, такъ дѣло кончено, вы мной пожертвуете, — вы и не задумаетесь даже.

Гнѣвышевъ.

Но, вѣдь, она жена ...

Бѣлесова.

Ахъ, молчи, пожалуйста! Очень много ты безпокоился о женѣ, когда у ней денегъ не было. Ну да что̀-же дѣлать! Рано или поздно, это должно было случиться... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!.. (Утирая слезы.) Страстной любви нѣтъ, и слезъ будетъ немного... (Съ разстановкой.) Любить тебя было бы глупо, но я все-таки тебя считаю человѣкомъ порядочнымъ, и не могу предположить, чтобъ ты меня бросилъ совершенно, обрекъ меня на погибель ... Ты, вѣроятно, позаботился о моей будущности ...

Гнѣвышевъ.

Да, конечно, можешь-ли ты сомнѣваться!

Бѣлесова (задумчиво).

Чего я могу ждать отъ тебя?.. Чего?.. Ты, вѣроятно, предложилъ меня какому-нибудь своему старому другу, богатому человѣку ... и, конечно, разнѣжился при этомъ случаѣ, и, сквозь слезы, просилъ его любить меня и лелѣять ... (Утираетъ слезы.)

Гнѣвышевъ.

Ошибаешься, Валентина, ошибаешься ...

Бѣлесова.

Развѣ хуже что̀-нибудь?

Гнѣвышевъ.

Нѣтъ, лучше! Я хочу, чтобъ ты вышла замужъ.

Бѣлесова (съ испугомъ).

Замужъ?!

Гнѣвышевъ.

Да, замужъ. Я хочу, чтобъ ты занимала положеніе въ обществѣ, какое слѣдуетъ тебѣ по твоему рожденію, по твоей красотѣ, по твоимъ способностямъ. Я считаю своей обязанностью возвратить тебя на ту дорогу, съ которой ты, по моей винѣ, уклонилась.

Бѣлесова.

Замужъ! Но что-же у меня есть для того, чтобъ идти замужъ?

Гнѣвышевъ.

Все есть! Хотя я въ настоящее время стѣсненъ въ деньгахъ; но я не забылъ своей обязанности, и у меня 15 тысячъ готовы для васъ. Моя жена... она такъ великодушна, что предлагаетъ столько-же, чтобъ ...

Бѣлесова.

Чтобъ избавиться отъ меня?

Гнѣвышевъ (строго).

Чтобъ устроить судьбу вашу, другъ мой.

Бѣлесова.

Денегъ вы дадите, я знаю, — я въ этомъ не сомнѣваюсь: но гдѣ-жь у меня тѣ качества, которыя нужны, чтобъ быть хорошей женой? Какъ я буду исполнять обязанности, о которыхъ я понятія не имѣю? Вы какъ меня воспитали? Вы взяли въ свой домъ и баловали, и окружали роскошью бѣднаго ребенка, сироту. Все, что нужно для внѣшности, для умѣнья держать себя, я узнала въ подробности, а что честно и безчестно для женщины, вы отъ меня скрыли. Замужъ!.. Замужъ!.. А что такое: мужъ, домъ, семья — развѣ я знаю, развѣ вы мнѣ сказали? Ваша глупая жена всѣми силами старалась развивать

во мнѣ гордость, мотовство, суетность; и какъ она радовалась своимъ успѣхамъ, нисколько не подозрѣвая, что она старается для васъ, что она дѣйствуетъ въ пользу вашихъ сластолюбивыхъ замысловъ. Послѣ такого воспитанія вамъ не трудно было обольстить меня; вамъ стоило только сказать: „хочешь ты жить въ бѣдности, или въ богатствѣ“, и кончено ... и я ваша!

Гнѣвышевъ.

Къ чему эти слова, эти упреки, мой другъ?

Бѣлесова.

Ахъ, какъ я только подумаю, что у меня будетъ мужъ!..

Гнѣвышевъ.

Не бойся! Для такой красавицы, какъ ты, мужъ ничто иное, какъ покорный слуга.

Бѣлесова.

Ну, кого-жь вы нашли, кто этотъ покорный слуга? Ужь не тотъ-ли жалкій, полусумасшедшій господинъ, котораго я видѣла сегодня?

Гнѣвышевъ.

Да, Цыплуновъ. Это лучшій человѣкъ, какого только можно желать для васъ. Вы ошибаетесь, мой другъ!

Бѣлесова.

Нѣтъ, не ошибаюсь! Именно лучшій-то мнѣ и не годится. Вы не дали мнѣ никакого понятія о нравственности, когда я была ребенкомъ, а что было во мнѣ хорошаго отъ природы, вы погубили, лишь только я успѣла выдти изъ дѣтства, и теперь торжественно вручаете меня мужу, серьезному человѣку, пропитанному какими-то строгими правилами, какими-то мѣщанскими добродѣтелями.

Гнѣвыщевъ.

Зачѣмъ придавать такое большое значеніе? ...

Бѣлесова.

Хорошо вамъ говорить, вы уѣдете съ спокойной совѣстью, вы исполнили свою обязанность, а я останусь лицомъ къ лицу съ нимъ, съ этимъ мужемъ. Вѣдь, это ужасъ, ужасъ!

Гнѣвышевъ.

Но, если вамъ непріятенъ Цыплуновъ, есть другой: Пирамидаловъ готовъ предложить вамъ свою руку.

Бѣлесова.

Фи!.. Что вы! Не оскорбляйте меня, по крайней мѣрѣ! (Задумывается.)

Гнѣвышевъ.

Нечего думать, нечего колебаться! Года черезъ три-четыре Цыплуновъ займетъ видное мѣсто, и, вспомните мои слова, очень многія дамы будутъ завидовать вашему положенію.

Бѣлесова.

Но, вѣдь, надо будетъ съ нимъ объясниться, надо открыть ему все. Ахъ, мученіе!

Гнѣвышевъ.

Зачѣмъ, зачѣмъ? Ни-ни!

Бѣлесова.

Какъ-же можно обманывать? Это не честно!

Гнѣвышевъ.

Нѣтъ, послѣ, послѣ. Ваше признаніе можетъ затянуть дѣло ... Что еще скажетъ его мать!

Бѣлесова.

Тебѣ хочется только сбыть меня; а какъ я буду развѣдываться съ мужемъ, тебѣ и дѣла нѣтъ.

Гнѣвышевъ.

Нѣтъ-съ! Я даю вамъ такой совѣтъ, потому что глубоко знаю натуру человѣческую. Такіе люди, какъ Цыплуновъ, только на то и созданы, чтобы прощать. Развѣ вы не видите, его привязанность къ вамъ собачья, вы его можете гнать отъ себя, обижать, какъ вамъ угодно, онъ все больше и больше будетъ любить васъ.

Бѣлесова.

Ну ... я подумаю. Прощайте!

Гнѣвышевъ.

Думать некогда. Завтра пріѣзжаетъ моя жена, и мы скоро отправляемся въ деревню; а я хочу, чтобы все это кончилось при мнѣ, иначе я не буду покоенъ. Прощайте! Завтра я не буду у васъ... Черезъ день или два я привезу вамъ деньги. Не думайте, мой другъ, не думайте!

Бѣлесова.

Не думать! Да развѣ это въ моей власти? Какую ночь я проведу! Мнѣ кажется, я посѣдѣю къ утру.— Уѣзжайте! (Подходитъ къ трюмо.)

Гнѣвышевъ.

До свиданія, мой другъ.

Бѣлесова

(глядя въ зеркало и поправляя волосы).

Вы разбили меня всю; я въ эти полчаса постарѣла на 5 лѣтъ! Прощайте! (Подаетъ руку назадъ, не оборачиваясь. Гнѣвышевъ сначала жметъ ей руку, потомъ цалуетъ и уходитъ.)

Явленіе шестое.

Бѣлесова (одна).

Не покончить-ли съ жизнію? (Подумавъ.) Нѣтъ, что за малодушіе! Это средство всегда въ моихъ

рукахъ, и я всегда имъ могу воспользоваться ... Да, еще успѣю... успѣю, когда нужно будетъ. Я вѣдь женщина, я любопытна; и страшно мнѣ, и женское любопытство тянетъ меня заглянуть въ этотъ невѣдомый для меня міръ супружества. Какъ ничтоженъ казался мнѣ этотъ человѣкъ, какъ малъ передо мною; и вотъ теперь, когда я думаю о немъ, мнѣ кажется, что умаляюсь я; а этотъ пигмей растетъ, принимаетъ грозный видъ... и вотъ, въ моемъ воображеніи рисуется холодное и строгое лицо мужа передъ недостойной женой. Ахъ, страшно, страшно!.. (Садится.) Но что это со мной? (Хватается за грудь.) Мнѣ тѣснитъ грудь, я умираю ... А! Нѣтъ ... это ... я знаю, это изъ глубины души идутъ благодатныя слезы. Что это за слезы? Слезы обиды, стыда, отчаянія? Но какія-бы слезы ни были, только-бы слезы... слезы.—Рыдай, рыдай, несчастная.—И если эти слезы не облегчатъ тебя, лучше не живи! (Рыдаетъ.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Садикъ при дачѣ Цыплуновыхъ; налѣво — крыльцо дома; направо — нѣсколько деревье въ и кустовъ, круглый столъ и садовая мебель; въ глубинѣ — досчатый заборъ и въ немъ калитка.

Явленіе первое.

Цыплуновъ и **Цыплунова** (сходятъ съ крыльца); потомъ **Пирамидаловъ**.

Цыплуновъ.

Повторите мнѣ, маменька, все, что̀ она вамъ сказала, только, прошу васъ, слово въ слово, не измѣняйте и не прибавляйте ничего.

Цыплунова.

Она сказала мнѣ: „любовь вашего сына меня трогаетъ; еслибъ я была увѣрена, что достойна его и могу составить его счастіе, я-бъ ни минуты не задумалась".

Цыплуновъ.

Вы не клялись ей, что она была мечтой всей моей жизни, что даже видѣть ее для меня блаженство невыразимое?

Цыплунова.

Ужь это твое дѣло.

Цыплуновъ.

Что-же вы ей сказали?

Цыплунова.

Я поблагодарила ее за расположеніе къ намъ и сказала, что очень рада назвать ее своей дочерью и что пришлю тебя къ ней.

Цыплуновъ.

Ну, я иду, иду.

Цыплунова.

Только ты будь посмѣлѣе. Она говоритъ: „скажите ему, чтобъ не дичился меня, чтобъ онъ шелъ ко мнѣ, какъ къ невѣстѣ“.

Цыплуновъ.

Я иду къ невѣстѣ, маменька! (Обнимаетъ мать и прилегаетъ къ ней на плечо.) Я иду къ невѣстѣ. Дождались вы?

Цыплунова.

Дождалась, мой другъ, дождалась радости. Ты повеселѣешь, и я повеселѣю, а то ты ходишь, тоскуешь, неизвѣстно о чемъ, и я тоскую, на тебя глядя.

Цыплуновъ.

Ну, прощайте!

Цыплунова.

Приходите вмѣстѣ, приводи и ее съ собой. Она обѣщала къ намъ чай пить.

Цыплуновъ.

Да, вмѣстѣ придемъ, теперь ужь все вмѣстѣ. Зачѣмъ намъ разлучаться, и что можетъ разлучить насъ! (Идетъ; на встрѣчу ему изъ калитки выходитъ Пирамидаловъ.)

Пирамидаловъ.

А, Юрій Михайловичъ, здравствуйте!

Цыплуновъ.

Здравствуйте, здравствуйте! Вотъ маменька, а мнѣ некогда. (Уходитъ.)

Явленіе второе.

Цыплунова и Пирамидаловъ.

Цыплунова.

А, это вы, Виталій Петровичъ!

Пирамидаловъ.

Честь имѣю кланяться, Анна Афанасьевна! Куда это Юрій Михайловичъ такъ торопится?

Цыплунова.

Онъ пошелъ къ Валентинѣ Васильевнѣ.

Пирамидаловъ.

Что-жь онъ не сказалъ? Чудакъ, право чудакъ. Такъ и я туда-же. Прощайте!

Цыплунова.

Нѣтъ, ужь повремените немножко здѣсь!

Пирамидаловъ.

Какъ повременить, зачѣмъ?

Цыплунова.

Такъ ужь, я васъ прошу покорно.

Пирамидаловъ.

Да мнѣ нужно, Анна Афанасьевна, увѣряю васъ.

Цыплунова.

Ну, ужь полчасика куда ни шло. Вы ее увидите, она сама придетъ сюда съ Юшей.

Пирамидаловъ.

Всеволодъ Вячеславичъ очень занятъ сегодня и не можетъ сюда пріѣхать, такъ вчера онъ просилъ меня, чтобъ я навѣстилъ Валентину Васильевну, ну, и къ вамъ просилъ забѣжать, нѣтъ-ли чего новаго.

Цыплунова.

Какія-жь у насъ могутъ быть новости, я не понимаю васъ.

Пирамидаловъ.

Сватовство не началось-ли?

Цыплунова.

Такъ вы знаете?

Пирамидаловъ.

Еще-бы. Развѣ генералъ отъ меня скрываетъ что-нибудь?

Цыплунова.

А вы когда увидите Всеволода Вячеславича?

Пирамидаловъ.

Завтра утромъ явлюсь къ нему.

Цыплунова.

Такъ скажите ему, что у насъ дѣло кончено.

Пирамидаловъ.

Вотъ какъ! Скоренько, Анна Афанасьевна, скоренько.

Цыплунова.

Да чего-жь намъ ждать-то?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, все-таки ... Но я удивляюсь, какъ Юрій Михайловичъ со мной не посовѣтовался.

Цыплунова.

До совѣтовъ-ли ему? Онъ такъ счастливъ, что себя не помнитъ.

Пирамидаловъ.

А не мѣшало-бъ меня спросить, я Валентину Васильевну довольно хорошо знаю.

Цыплунова.

Что̀-жь вы знаете?

Пирамидаловъ.

Прежде надо было спрашивать, Анна Афанасьевна, прежде. А теперь, хоть спрашивайте, ничего не скажу. Одно только скажу: не мое дѣло. Я, Анна Афанасьевна, умѣю молчать, когда нужно.

Цыплунова.

Ну, какъ вамъ угодно: хоть молчите, хоть говорите, намъ все равно.

Пирамидаловъ.

Генералу угодно, вы не прочь, а я что̀? Я мелко плаваю, слѣдовательно, я долженъ молчать.

Цыплунова.

Ну, такъ ужь и молчите, я васъ покорно прошу.

Пирамидаловъ.

Вы думаете, что такіе высокіе люди, какъ Всеволодъ Вячеславичъ, и ошибаться не могутъ? Нѣтъ, могутъ и очень могутъ.

Цыплунова.

Ничего я не думаю, и думать мнѣ не зачѣмъ.

Пирамидаловъ.

Былъ у него человѣкъ и человѣкъ достойный, дѣло-то безъ хлопотъ-бы обошлось; такъ не захотѣлъ Всеволодъ Вячеславичъ, не захотѣлъ-съ. (Про себя.) Лакейское лицо, изволите-ли видѣть. (Громко.) Ну, а теперь мы еще посмотримъ.

Цыплунова.

Оставимте этотъ разговоръ.

Пирамидаловъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. Что̀ ужь тутъ. Вѣдь и я тоже влюбленъ въ Валентину Васильевну и надѣялся . . .

Цыплунова.

А, понимаю теперь. (Бѣдонѣгова показывается въ калиткѣ.)

Явленіе третье.

Цыплунова, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Виталій Петровичъ, вотъ вы гдѣ, а я васъ ищу. Какъ это идете мимо дачи, а нѣтъ чтобы . . .

Цыплунова.

Зайдите, Антонина Власьевна, отдохните!

Бѣдонѣгова.

Да, ужь позвольте посидѣть у васъ. Вотъ далеко-ли прошла, а устала. Я вѣдь на дачѣ живу, никогда не гуляю, а выйду за ворота, посижу на лавочкѣ и довольно. Я больше для воздуху; потому на воздухѣ мнѣ легче, а въ комнатѣ словно на меня тягость какая нападаетъ.

Цыплунова.

Такъ посидите въ садикѣ, а я пойду объ чаѣ похлопочу. Вотъ вамъ и кавалеръ. (Уходитъ.)

Явленіе четвертое.

Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Бѣдонѣгова.

Что̀-жь вы это къ прочимъ людямъ ходите, а ко мнѣ не загляните?

Пирамидаловъ.

Къ вамъ я послѣ, вотъ всѣхъ обойду, тогда и къ вамъ мадеры выпить.

Бѣдонѣгова.

Да, на минуточку-то; некогда ни разговориться, ни что̀, да все домой торопитесь. А вы-бы ко мнѣ на весь день когда, такъ съ утра-бы, чтобы ужь какъ слѣдуетъ, не торопясь.

Пирамидаловъ.

Какъ можно на весь день? Вы еще на недѣлю скажете! Вѣдь я человѣкъ служащій.

Бѣдонѣгова.

Да что̀ ваша служба! Выгоды отъ нея, какъ я посмотрю, большой нѣтъ. Вы, коли захотите, такъ и безъ службы можете себѣ хорошую выгоду имѣть. А вы сами не хотите, бѣгаете по всѣмъ дачамъ, а зачѣмъ, неизвѣстно. Если-бы вы могли имѣть любовь ...

Пирамидаловъ.

Вотъ еще, любовь, какъ-же, нужно очень!

Бѣдонѣгова.

Нѣтъ, вы не говорите! Любовь, коли кто можетъ чувствовать, такъ это даже очень хорошо.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, ужь, ну ее! До любви-ли бѣдному чиновнику!

Бѣдонѣгова.

Но васъ можетъ полюбить богатая женщина, и вы тогда можете имѣть себѣ удовольствіе въ жизни и во всемъ достатокъ.

Пирамидаловъ.

Да нѣтъ, я разочарованъ.

Бѣдонѣгова.

А вы-бы попытались, можетъ, и выйдетъ счастье.

Пирамидаловъ.

Я потому въ жизни разочарованъ, что ничто на свѣтѣ не вѣчно.

Бѣдонѣгова.

Ну, ужь это что̀-жь дѣлать!

Пирамидаловъ.

Жизнь наша скоротечна, а любовь еще скоротечнѣе, особенно у богатыхъ женщинъ. Полюбитъ, ну, и блаженъ, во всемъ довольствѣ; а вдругъ увидитъ офицера, и разлюбила, и опять въ бѣдность.

Бѣдонѣгова.

Да, это бываетъ. Но и мужчины много фалышивятъ и неглижируютъ, а для женщины дороже всего, чтобъ ужь это постоянно ...

Пирамидаловъ.

Вотъ отчего я и не могу любить, и не вѣрю въ любовь, и разочарованъ. Кабы жениться, это другое дѣло.

Бѣдонѣгова.

А что̀-жь? Коли вами будутъ довольны ...

Пирамидаловъ.

Скажите, Антонина Власьевна, лакейское-ли у меня лицо, или нѣтъ?

Бѣдонѣгова.

Ахъ, что̀ вы, что̀ вы! Самое милое и благородное.

Пирамидаловъ.

У васъ какая вотчина-то?

Бѣдонѣгова.

Домъ съ лавками.

Пирамидаловъ

А много-ль доходу съ нихъ?

Бѣдонѣгова.

Тысячъ 15, чай, да у меня и окромя ... А вы вотъ все отъ меня бѣгаете, къ сосѣдкѣ моей, къ Бѣлесовой, ходите. Зачѣмъ вы къ ней ходите?

Пирамидаловъ.

Приказываютъ, такъ, поневолѣ, пойдешь.

Бѣдонѣгова.

А я про эту сосѣдку все доподлинно узнала.

Пирамидаловъ.

Что̀-жь вы узнали?

Бѣдонѣгова.

Генералъ этотъ ей не дяденька.

Пирамидаловъ.

А кто-же?

Бѣдонѣгова.

А такъ, въ родѣ какъ благодѣтель.

Пирамидаловъ.

Ну, такъ что̀-жь за важность! Кому какое дѣло?

Бѣдонѣгова.

Ну ужь не та честь, что генеральской племянницѣ. Нѣтъ ужь, далеко, цѣна другая. Генеральскую племянницу взять всякому лестно, а эту кому нужно!

Пирамидаловъ.

Не тотъ свѣтъ, не забракуютъ, было-бы только приданое.

Бѣдонѣгова.

Само собой, генералъ для нея не пожалѣетъ, если человѣкъ состоятельный, только много не дастъ; не дочь вѣдь, что̀ за крайность изъяниться! А коли и дастъ, такъ приданое будетъ дворянское.

Пирамидаловъ.

Что̀ такое за дворянское?

Бѣдонѣгова.

Дворянское извѣстно какое, однѣ только моды, а денегъ много не спрашивайте.

Пирамидаловъ.

А протекція, развѣ этого мало?

Бѣдонѣгова.

И съ протекціей тоже вѣдь служить надо, голову свою утруждать, изнурять себя, а настоящаго спокойствія и прохлажденія нѣтъ. А съ деньгами-то самъ себѣ господинъ; захотѣлъ,—ну, и ходи цѣлую недѣлю дома въ халатѣ. Что̀ можетъ быть пріятнѣе? И безъ нея есть невѣсты: и дѣвушки изъ хорошихъ семей, и вдовы; а на такой жениться и отъ людей совѣстно.

Пирамидаловъ.

Кому совѣстно, а кому нѣтъ.

Бѣдонѣгова.

Само собой, мало-ль оглашенныхъ-то!

Пирамидаловъ.

Не про оглашенныхъ рѣчь. Вотъ Юрій Михайлычъ Цыплуновъ и не оглашенный, а людей не совѣстится.

Бѣдонѣгова.

А что̀-жь онъ?

Пирамидаловъ.

Женится на Бѣлесовой.

Бѣдонѣгова.

Да изъ чего-же?

Пирамидаловъ.

Изъ приданаго да изъ протекціи.

Бѣдонѣгова.

Такой гордый-то! Да онъ и на людей не смотрѣлъ. Батюшки, никакъ свѣтъ перевернуться хочетъ!

Пирамидаловъ.

Вотъ на кого у меня злоба-то кипитъ. Ну, какъ не скажешь? А скажешь, такъ не нравится. Теперь и въ люди выдетъ, и носъ подыметъ, вотъ что обидно-то. А ты пресмыкайся всю жизнь.

Бѣдонѣгова.

Да зачѣмъ, зачѣмъ? И вы можете себѣ линію найти.

Пирамидаловъ.

Какая ужь тутъ линія!

Бѣдонѣгова.

Черезъ женщину, черезъ богатую.

(Въ калитку входятъ: Цыплуновъ и Бѣлесова.)

Явленіе пятое.

Пирамидаловъ, Бѣдонѣгова, Цыплуновъ и Бѣлесова.

Пирамидаловъ (Бѣдонѣговой).

Вотъ извольте полюбоваться! Ужь и прогуливаются вмѣстѣ.

Бѣдонѣгова.

Да что̀ вы, какъ будто, сердитесь? Аль завидки берутъ? Вотъ и вѣрь мужчинамъ. (Цыплуновъ, проходя съ Бѣлесовой къ крыльцу, кланяется Бѣдонѣговой.)

Бѣлесова (Цыплунову).

Кто эта дама, такая расписанная?

Цыплуновъ.

Сосѣдка наша.

Бѣлесова.

Купчиха, должно-быть, лавочница какая-нибудь. Что̀ за знакомство!

Цыплуновъ.

Какъ отъ нихъ избавишься? Насильно врываются.

Бѣлесова.

Я къ вашей маменькѣ пойду, подождите меня здѣсь! (Уходитъ на крыльцо. Цыплуновъ долго смотритъ ей вслѣдъ.)

Явленіе шестое.

Цыплуновъ, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова.

Пирамидаловъ.

Какъ смотритъ-то, какъ смотритъ! Скажите, пожалуйста!

Бѣдонѣгова.

И то. Ахъ, это смѣху подобно! (Смѣется; Пирамидаловъ смѣется искусственно. Цыплуновъ садится на скамейку поодаль.)

Пирамидаловъ (громко).

И меня ловили, да нѣтъ; я мелко плаваю, а честь берегу.

Бѣдонѣгова.

Потому что она всякому нужная.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, говорю, ваше превосходительство, ищите другого! Не безпокойтесь, говорю, найдутся избранники.

Бѣдонѣгова.

Да какъ не найтись! Вотъ и нашлись.

Пирамидаловъ.

Я, говоритъ, дамъ за ней хорошее приданое, буду оказывать вамъ покровительство по службѣ,

Нѣтъ, говорю, ваше превосходительство, я вамъ очень благодаренъ, а, извините, рѣшиться не могу. Да почему-же? Потому что я себѣ цѣну знаю. А вы обо мнѣ какъ бы думали, Антонина Власьевна? Нѣтъ, я за словомъ въ карманъ не полѣзу. Потому, говорю, ваше превосходительство, что у меня много знакомыхъ, товарищей, что̀ они скажутъ? Какъ будутъ смотрѣть на меня? Другому это ни почемъ, а мнѣ дорого, я молодой человѣкъ, я только жить начинаю.

Бѣдонѣгова.

Да ему, чай, за обиду показалось, что вы такъ говорите?

Пирамидаловъ.

Я говорю: „Ваше превосходительство, я ее не обижаю"; ну, то есть эту женщину, понимаете? „Я къ ней со всѣмъ уваженіемъ, а жениться, нѣтъ, не могу. Можетъ-быть, чрезъ это, говорю, я ваше расположеніе теряю; а ужь нѣтъ, не могу".

Цыплуновъ.

Вы про какую это женщину говорите?

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, мы такъ, свой разговоръ ведемъ.

Цыплуновъ.

Да, вы говорите между собой, но вы нарочно говорите громко, съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы ваши слова доходили до меня.

Пирамидаловъ.

Нѣтъ, право, мы такъ вообще.

Цыплуновъ.

Вы нарочно ударяли на тѣ слова, которыя должны меня затрогивать въ моемъ настоящемъ положе-

ніи. Я эту манеру знаю. Это манера мелкихъ завистливыхъ людишекъ. Извольте мнѣ сказать, про какую женщину, про какого генерала вы говорили?

Бѣдонѣгова.

Что̀ это вы такъ пристаете?

Цыплуновъ.

Что̀-жь вы молчите? Отвѣчайте! Вы говорили про Валентину Васильевну?

Бѣдонѣгова.

Да хоть бы и про нее, такъ вѣдь не принцесса.

Пирамидаловъ.

Развѣ я не могу говорить, про что̀ мнѣ угодно?

Цыплуновъ.

Можете. Теперь или вы идите сейчасъ-же извиняться передъ ней, или скажите мнѣ прямо, почему нельзя жениться на ней честному человѣку?

Бѣдонѣгова.

Да сто̀итъ-ли она еще того, чтобы изъ-за нея вамъ ссориться? Все-таки вы товарищи, а она что̀?

Цыплуновъ.

Вы это слышите? Говорите сейчасъ, почему не честно жениться на Валентинѣ Васильевнѣ, иначе я . . .

Пирамидаловъ.

Ну, что̀-жь иначе? Что̀ иначе?

Цыплуновъ.

Иначе я просто васъ убью!

Пирамидаловъ.

Я говорилъ только про себя, а другимъ какъ угодно. Я не могу жениться.

Цыплуновъ (горячо).

Почему? Говори, почему?

Пирамидаловъ (сердясь).

Почему да почему! Ну, потому что не желаю утѣшать покинутыхъ фаворитокъ, не желаю подбирать того, что̀ другіе бросаютъ. Я могу найти лучше.

Бѣдонѣгова.

Еще бы не найти!

Цыплуновъ.

Она покинутая фаворитка? Правда это?

Пирамидаловъ.

Конечно, правда. На дняхъ пріѣдетъ изъ заграницы жена Всеволода Вячеславича, вотъ ему и хочется поскорѣй пристроить Валентину Васильевну.

Бѣдонѣгова.

Да весь свѣтъ про это знаетъ.

Цыплуновъ.

Ну! (Тяжело вздохнувъ и хватаясь за голову.) Извините меня! (Идетъ къ крыльцу, съ крыльца сходятъ: Цыплунова и Бѣлесова.)

Явленіе седьмое.

Бѣлесова, Цыплунова, Цыплуновъ, Пирамидаловъ и Бѣдонѣгова

Цыплуновъ (Бѣлесовой).

Вы не родственница Всеволоду Вячеславичу?

Бѣлесова.

Что̀ за вопросъ? Зачѣмъ вамъ?

Цыплуновъ.

Мнѣ нужно знать.

Бѣлесова.

Да развѣ для васъ не все равно? Развѣ вамъ нужно родство?

Цыплуновъ.

Нѣтъ, не все равно. Мнѣ родства не нужно, но знать правду необходимо.

Бѣлесова.

А если необходимо, я вамъ скажу. Нѣтъ, не родственница, я его воспитанница.

Цыплуновъ.

Да, я знаю, были воспитанницей, а теперь?

Бѣлесова.

Что̀ за допросы?

Цыплунова.

Юша, Юша, что̀ съ тобой?

Цыплуновъ (Бѣлесовой).

А теперь?

Бѣлесова (съ волненіемъ).

Если вы думаете, что я все тотъ-же невинный ребенокъ, котораго вы знали прежде ...

Цыплуновъ (хватаясь за голову).

Да, я думалъ, что вы такъ-же чисты.

Бѣлесова.

Такъ вы ошибаетесь ... Я должна признаться, что я ужь не ... дитя.

Цыплуновъ.

Зачѣмъ-же вы отъ меня скрыли, что вы утратили, погубили этотъ чистый дѣтскій образъ? Вѣдь я его только и любилъ въ васъ.

Бѣлесова.

Вы меня ни о чемъ не спрашивали, вы мнѣ го-

ворили только, что любите меня. И вы должны быть мнѣ благодарны; я сдѣлала вамъ угодное: я позволила вамъ быть близко и любить меня.

Цыплуновъ.

Да вѣдь въ моихъ мечтахъ вы были чисты, кругомъ васъ были лучи, сіяніе непорочности.

Бѣлесова.

Вы должны были знать, на комъ вы женитесь.

Цыплуновъ.

Вы меня обманули.

Бѣлесова.

Скажите лучше, что вы сами обманулись.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, вы меня обманули.

Бѣлесова.

Чѣмъ?

Цыплуновъ.

Вашимъ ангельскимъ лицомъ, оно у васъ то-же, прежнее.

Бѣлесова.

Я очень рада, что оно не измѣнилось.

Цыплуновъ.

Но вѣдь оно лжетъ. Замажьте его бѣлилами, румянами, чтобъ оно не обманывало.

Бѣлесова.

Фи! Что̀ вы, что̀ вы! Опомнитесь!

Цыплуновъ.

Вамъ жалко его, неправда-ли? Да, жалко, жалко. Оно прекрасно, оно такое свѣтлое, чарующее. Такъ оставьте его ... но вывѣску, вывѣску, какую-нибудь вывѣску! Длинный хвостъ, особую прическу.

Мало-ли этихъ примѣтъ, по которымъ любители продажной красоты узнаютъ свой товаръ!

Бѣлесова.

Ахъ! Какое оскорбленіе! Какъ вы злы, ничтожный человѣкъ! Пирамидаловъ, заступитесь хоть вы за меня!

Пирамидаловъ (подходя къ Бѣлесовой).

Можно-ли такъ оскорблять женщину? Что̀ вы?

Цыплунова.

Юша, Юша, что̀ ты дѣлаешь? Пожалѣй ты хоть самаго-то себя!

Цыплуновъ.

Вы уничтожили мечту всей моей жизни, опустошили мою душу.

Бѣлесова (презрительно).

Да довольно. Пощадите!

Цыплуновъ.

А вы меня щадили? Вы убили, вы утопили въ грязи самую чистую любовь. Я ее лелѣялъ въ груди десять лѣтъ, я ее считалъ своимъ благомъ, своимъ счастіемъ, даромъ небеснымъ. Я благодарилъ судьбу за этотъ даръ.

Бѣлесова (Пирамидалову).

Пойдемте. Проводите меня! Убѣжимте изъ этого дома сумасшедшихъ!

Цыплуновъ.

Нѣтъ, это не домъ сумасшедшихъ, но вы уходите! Это домъ честныхъ людей, и вамъ здѣсь не мѣсто. (Обнимая мать). Посмотрите, какъ все здѣсь свято какой здѣсь рай, и признайтесь передъ собой и передъ нами, что вамъ нѣтъ мѣста между мной и моею матерью.

Бѣлесова.

Если-бы у меня былъ мужъ или братъ, или хоть молодой преданный любовникъ, я бы не успокоилась до тѣхъ поръ, пока бы васъ не убили.

Цыплуновъ.

Зачѣмъ еще убивать меня? Я ужь убитъ, убитъ вами ... Вашъ ударъ прямо въ сердце! Вы убили любовь мою; она была для меня дороже жизни, и ея нѣтъ ... (Хватается за грудь). Ея здѣсь нѣтъ ... нѣтъ и жизни! (Падаетъ безъ чувствъ въ кресло.)

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Комната 2-го дѣйствія.

Явленіе первое.

Пирамидаловъ; съ террасы входитъ **Гнѣвышевъ.**

Гнѣвышевъ.

Ну, что?

Пирамидаловъ.

Валентина Васильевна меня видѣть не желаетъ ваше превосходительство. (Гнѣвышевъ, тихо подходя къ двери направо, дѣлаетъ знакъ Пирамидалову, чтобы онъ отошелъ къ сторонѣ.) А я, по вашему приказанію ...

Гнѣвышевъ.

Молчите! (Стучится въ дверь.) Валентина, Валентина Васильевна, можно войти? (Голосъ Бѣлесовой: „Подождите". Отходитъ отъ двери.) Ну, она, кажется, ничего, а какъ вы меня испугали.

Пирамидаловъ.

Я счелъ своею обязанностію сегодня утромъ доложить подробно вашему превосходительству все, что вчера происходило, какъ вы сами изволили мнѣ приказать.

Гнѣвышевъ.

И поспѣшили сюда?

Пирамидаловъ.

Такъ точно, ваше превосходительство, и передалъ Валентинѣ Васильевнѣ, что вы изволите прибыть вслѣдъ за мною.

Гнѣвышевъ.

Ну, и что-же?

Пирамидаловъ.

Я и понять не могу, ваше превосходительство ...

Гнѣвышевъ.

Да гдѣ-же вамъ!

Пирамидаловъ.

Слушать меня не стали, а приказали мнѣ сейчасъ-же позвать къ нимъ Цыплунова.

Гнѣвышевъ.

Какъ, Цыплунова, этого самаго? Не понимаю, не понимаю.

Пирамидаловъ.

Я говорю: Валентина Васильевна, кого вы приглашаете? Гдѣ-же у васъ самолюбіе? Я васъ не узнаю! Такъ вѣдь я говорилъ, ваше превосходительство?

Гнѣвышевъ.

Ну, ну, далѣе?

Пирамидаловъ

Да онъ, говорю, не пойдетъ. „Не ваше, говоритъ, дѣло. Прикажите ему отъ меня, чтобъ онъ пришелъ, ну, просите его, ну, умоляйте его“. И больше ничего разговаривать не стали, и ушли отъ меня.

Гнѣвышевъ.

Вы ходили?

Пирамидаловъ.

Ходилъ, ваше превосходительство.

Гнѣвышевъ.

Что-жь онъ?

Пирамидаловъ.

Ломается: „да зачѣмъ я пойду, да съ какой стати, да что мнѣ тамъ дѣлать?“

Гнѣвышевъ.

Да придетъ онъ, или нѣтъ, я васъ спрашиваю?

Пирамидаловъ.

Хотѣлъ придти.

Гнѣвышевъ.

Странно, очень странно.

Пирамидаловъ.

Я вамъ говорилъ, ваше превосходительство, что онъ дикій; вы мнѣ не изволили вѣрить.

Гнѣвышевъ.

О, мой милый, кто-жь не ошибается? Человѣку свойственно ошибаться. Но я въ винѣ, я и въ отвѣтѣ, я постараюсь поправить эту ошибку.

Пирамидаловъ.

Если что нужно будетъ вашему превосходительству, я буду здѣсь въ саду.

Гнѣвышевъ.

Да, хорошо, ступайте, я слышу шелестъ платья.

(Пирамидаловъ уходитъ въ садъ. Изъ боковой двери выходитъ Бѣлѣсова.)

Явленіе второе.

Гнѣвышевъ и Бѣлесова.

Гнѣвышевъ.

Здравствуй, Валентина!

Бѣлесова.

Ну, что̀ вы? Зачѣмъ вы?

Гнѣвышевъ.

Мой другъ, такой случай ... не могъ-же я ...

Бѣлесова.

Вы знаете?

Гнѣвышевъ.

Пирамидаловъ мнѣ передалъ.

Бѣлесова.

Поймите-же вы, въ какомъ я положеніи, если вы способны понимать что-нибудь.

Гнѣвышевъ.

О, мой другъ, всякій можетъ подвергнуться оскорбленію, никто отъ этого не застрахованъ. Ну, представьте себѣ: я пошелъ прогуляться, и вдругъ на меня изъ подворотни лаетъ собака; неужели-же мнѣ этотъ грубый лай принять за оскорбленіе и обидѣться? А эти глупые упреки, эта мѣщанская брань чѣмъ-же лучше собачьяго лая? И тебѣ, Валентина, не только обижаться, но даже и думать объ этомъ не сто̀итъ.

Бѣлесова.

Сто̀итъ думать, или не сто̀итъ, это ужь мое дѣло. Это для меня теперь самый важный жизненный вопросъ. (Задумчиво.) Но это не лай ... Какая энергія, какое благородство! Я ничего подобнаго въ жизни не видывала. И вмѣстѣ какая обида, какая обида!

Гнѣвышевъ.

Ну, оставь-же! Отнесись къ этому факту съ презрѣніемъ, котораго онъ заслуживаетъ. Презрительность ко всему мелкому и вульгарному въ твоей натурѣ, и она такъ мило выходитъ у тебя.

Бѣлесова.

Вы знаете все, все, знаете и человѣческую натуру. Я себѣ никогда не прощу, что имѣла глупость вамъ повѣрить.

Гнѣвышевъ.

Я дѣйствительно хорошо знаю сердце человѣческое, но могу иногда и ошибаться.

Бѣлесова.

Вотъ то-то-же. Нѣтъ, въ дѣлахъ важныхъ никогда не нужно слушать мудрецовъ и знатоковъ сердца человѣческаго, а надо слѣдовать собственному внутреннему побужденію. Въ молодомъ сердцѣ, какъ-бы оно испорчено не было, все-таки говорятъ еще свѣжіе природные инстинкты. По вашимъ словамъ я думала, что Цыплуновъ вѣчно будетъ моимъ покорнымъ рабомъ, и что я, разумѣется, ничего не обязана чувствовать къ нему, кромѣ презрѣнія. А вышло напротивъ: онъ меня презираетъ.

Гнѣвышевъ.

И это тебя безпокоитъ? Какое ты дитя!

Бѣлесова.

Безпокоитъ, мало сказать. Мучаетъ меня, и вся дрожу, и не спала всю ночь. Я хочу его видѣть.

Гнѣвышевъ.

Ну, зачѣмъ это, зачѣмъ? Ты должна выкинуть изъ головы всякое помышленіе о немъ. Онъ человѣкъ грубый, для твоей деликатной натуры не годится; ну, значитъ, съ нимъ и о немъ всякіе разговоры кончены. Я привезъ тебѣ деньги, сколько могъ собрать. На первое время съ тебя будетъ достаточно.

Бѣлесова.

Зачѣмъ ты привезъ именно нынче? Почему ты такъ поторопился?

Гнѣвышевъ.

Надо-жь когда-нибудь, такъ не все-ли равно, нынче или завтра ... Я обѣщалъ, я долженъ.

Бѣлесова (съ горечью).

Нѣтъ, не правда. Ты узналъ, что я оскорблена и хотѣлъ меня утѣшить. Признайся! Дѣтей утѣшаютъ игрушками, конфектами, а женщинъ деньгами. Ты думалъ, что всякую тоску, всякое горе, всякое душевное страданіе женщина забудетъ, какъ только увидитъ деньги. Ты думалъ, она огорчена, оскорблена, она плачетъ, бѣдная, словами её теперь не утѣшишь, это трудно и долго, привезу ей побольше денегъ, вотъ она и запрыгаетъ отъ радости.

Гнѣвышевъ.

Ну, это не совсѣмъ такъ!

Бѣлесова (настойчиво со слезами).

Нѣтъ, такъ, такъ!

Гнѣвышевъ.

Ты ко мнѣ придираешься.

Бѣлесова.

Ахъ, мнѣ хочется плакать ... Подите прочь!

Гнѣвышевъ.

Скажи мнѣ наконецъ, что̀ тебѣ нужно?

Бѣлесова.

Отъ васъ ничего. Мнѣ нужно видѣть Цыплунова.

Гнѣвышевъ.

Но зачѣмъ?

Бѣлесова.

Я не знаю. Мнѣ хочется и убить его, и оправдываться передъ нимъ, просить у него прощенія.

Гнѣвышевъ.

Какія фантазіи! Ну, видишь, ты сама не знаешь, что̀ ты хочешь.

Бѣлесова.

Не знаю, не знаю. Но я знаю только одно, что если онъ не сниметъ съ меня этихъ упрековъ, этого позора, я могу дойти до отчаянія и сойти съ ума.

Гнѣвышевъ.

Вы въ ажитаціи, мой другъ, вамъ надо успокоиться. Очень жаль, что вы поторопились послать за Цыплуновымъ; какъ бы это не разстроило васъ еще болѣе. Возьмите-же деньги, уберите ихъ. Съ этими деньгами ты можешь жить самостоятельно, не нуждаясь ни въ комъ. (Подаетъ Бѣлесовой большой конвертъ)

Бѣлесова

(съ болѣзненнымъ отвращеніемъ).

Ахъ! (Беретъ деньги и бросаетъ ихъ на столъ). Если-бъ можно было не брать ихъ!

Гнѣвышевъ.

Вы не оскорбляйтесь! Дѣти берутъ-же отъ отцовъ ... Оскорбляться тутъ нечѣмъ. Деньги вещь необходимая. Я къ вамъ какъ-нибудь заѣду на этой недѣлѣ. Часто я у васъ бывать не могу; вчера пріѣхала жена. Впрочемъ, когда она узнала отъ меня, что вы выходите замужъ, гнѣвъ ея разсѣялся, и она шлетъ вамъ цѣлую дюжину поцалуевъ. (Прислушивается). Онъ здѣсь, онъ здѣсь, я слышу его голосъ. Я подожду, чѣмъ кончится ваше объясненіе.

Бѣлесова.

Только не здѣсь. Подите въ садъ и пошлите его ко мнѣ, сами вы можете войти послѣ. (Гнѣвышевъ уходитъ. Бѣлесова взволнованная ходитъ по комнатѣ. Входитъ Цыплуновъ.)

Явленіе третье.

Бѣлесова и Цыплуновъ.

Цыплуновъ.

Что̀ вамъ угодно?

Бѣлесова.

А, вы пришли, вы здѣсь, у меня; значитъ, вы признаёте себя виноватымъ?

Цыплуновъ.

Нисколько не признаю. Вы меня звали, и я пришелъ.

Бѣлесова.

Вы вчера меня оскорбили, вы думаете, что это такъ пройдетъ вамъ? Вы думаете, что всѣ ваши упреки, всю вашу брань, я должна принять какъ должное, какъ заслуженное и склонить голову передъ вами? Нѣтъ, вы ошибаетесь. Вы не знаете моего прошедшаго, вы не выслушали моихъ оправданій, и вы осудили, осыпали публично оскорбленіями бѣдную, беззащитную женщину. За упреки вы услышите отъ меня упреки, за брань вы услышите брань.

Цыплуновъ.

Извольте, я выслушаю.

Бѣлесова.

Вы грубый, вы дурно воспитанный человѣкъ! У кого вы учились обращаться съ женщинами? Боже мой! И этотъ человѣкъ могъ быть моимъ мужемъ! Теперь я вѣрю вашей матери, что вы чуждались, бѣгали общества, это видно по всему. Нравы, пріемы, обращеніе съ женщинами порядочныхъ людей вамъ совершенно не знакомы. Въ васъ нѣтъ ни приличія, ни чувства деликатности. Какихъ вы женщинъ видѣли? Любопытно знать то общество, то знаком

ство, въ которомъ вы усвоили себѣ такія изящныя манеры и такую отборную фразеологію.

Цыплуновъ.

Я съ младенчества знаю одну женщину, лучше и выше которой не представитъ никакое общество.

Бѣлесова.

Да, это ваша матушка, объ ней рѣчи нѣтъ. Ну, а кромѣ нея? Кромѣ нея вы видѣли женскій полъ только въ прислугѣ, то-есть горничныхъ, нянекъ, кухарокъ; между ними вы выросли, между ними вы находитесь теперь и никакъ не можете подняться выше нравственнаго уровня этого общества. Къ вашей нянькѣ, которую вы, по своей нелѣпой, неуклюжей и смѣшной страстности, конечно, обожаете, вѣроятно ходилъ пьяный мужъ; бранилъ, а, можетъ, и билъ её. Отъ частаго повторенія вамъ это казалось естественнымъ и законнымъ, и вы подумали, что со всякой женщиной можно такъ-же обращаться. Теперь вы видите, какимъ ничтожествомъ считаю я васъ и могу-ли я обижаться вашими словами. Если я васъ позвала, то затѣмъ только, чтобы увѣрить васъ, что вчера ваша риторика не произвела того эффекта, на который вы разсчитывали, что брань ваша для меня совсѣмъ не оскорбительна, что она даже не задѣваетъ, не царапаетъ, а только свидѣтельствуетъ о вашей невоспитанности, о пошлости вашего ума и грубости сердца. Ступайте! (Цыплуновъ кланяется.) Постойте! Вы хотите казаться неуязвимымъ, вы разыгрываете роль святого. Какъ это смѣшно!

Цыплуновъ.

Смѣйтесь, если вамъ смѣшно! Ну, все теперь?

Бѣлесова.

Нѣтъ, для меня этого мало.

Цыплуновъ.

Да, я думаю.

Бѣлесова.

Позовите Всеволода Вячеславича и Пирамидалова и при нихъ просите у меня извиненія!

Цыплуновъ.

Пожалуй. Только это ничему не поможетъ и ничего не исправитъ.

Бѣлесова.

Почему вы такъ думаете?

Цыплуновъ.

Потому, что въ словахъ моихъ была правда.

Бѣлесова (горячо).

Какъ! Оскорбленная вами женщина ждетъ отъ васъ извиненія, а вы опять съ своей школьной моралью.

Цыплуновъ.

Извольте, я буду просить у васъ извиненія, буду просить униженно, коли вы хотите, даже на колѣняхъ; но это не поможетъ вамъ, вы ошибаетесь. Извиненіе мое можетъ успокоить васъ только на нѣсколько минутъ; горькія слова мои, сказанныя вамъ вчера, всегда останутся съ вами. Никакимъ развлеченіемъ, никакими забавами вы ихъ не заглушите, они будутъ васъ преслѣдовать вездѣ и вызывать краску стыда на лицо ваше; вы будете съ ужасомъ просыпаться ночью и повторять ихъ.

Бѣлесова.

Уйдите, уйдите съ глазъ моихъ!

Цыплуновъ (поклонясь).

Прощайте! (Идетъ къ двери.)

Бѣлесова.

Ахъ, нѣтъ, постойте, постойте!

Цыплуновъ (возвращаясь).

Что̀ вамъ угодно?

Бѣлесова.

Молчите, не говорите ни слова. Слушайте меня!

Цыплуновъ.

Извольте.

Бѣлесова.

Я была дурно воспитана, избалована, я ничему не училась хорошему, ничего не знала, меня занимали только мелочами. Человѣкъ безъ сердца воспользовался моей вѣтренностію, моей пустотой ... обманъ. обольщеніе ...

Цыплуновъ.

Позвольте!

Бѣлесова.

Дайте мнѣ высказаться!

Цыплуновъ.

Не нужно, не нужно. Вы хотите оправдываться?

Бѣлесова.

Да, я хочу оправдаться передъ вами, я хочу, чтобъ вы знали, какъ мало было моей вины ... Я скажу вамъ все, все, и потомъ подамъ вамъ камень и посмотрю, подымется-ли у васъ рука убить меня.

Цыплуновъ.

Да не трудитесь, не трудитесь! Скажите только два слова, что вы жертва обмана и обольщенія, и я вамъ повѣрю.

Бѣлесова.

И не будете судить меня?

Цыплуновъ.

Какое я имѣю право теперь судить васъ, когда вы для меня чужая. Живите, какъ знаете, и дѣлайте, что̀ знаете!

Бѣлесова.

Однако я не совсѣмъ посторонняя для васъ.

Цыплуновъ.

Потому-то я и прощаюсь съ вами не совершенно равнодушно; я чувствую, что долженъ пожалѣть васъ и пожелать вамъ возможнаго для васъ счастья.

Бѣлесова.

Вчера вы не жалѣли меня.

Цыплуновъ.

Да вѣдь жалѣютъ только тѣхъ, которые страдаютъ, плачутъ. Какъ можно догадаться, что женщина, которая высоко держитъ голову, у которой гордая и презрительная улыбка на лицѣ, заслуживаетъ сожалѣнія? Вотъ теперь я васъ жалѣю.

Бѣлесова.

И прощаете?

Цыплуновъ.

За что̀?

Бѣлесова.

За то, что я васъ оскорбила сейчасъ.

Цыплуновъ.

О, вздоръ какой! Можно-ли сердиться на женщину, когда она взволнована и не владѣетъ собой! Но если хотите считаться, такъ обида за обиду, мы квиты. Мнѣ кажется, вы должны быть довольны нашимъ объясненіемъ и можете теперь успокоиться. Прощайте!

Бѣлесова.

Прощайте! Ахъ, нѣтъ, погодите! Еще не все ... не все.

Цыплуновъ.

Я слушаю.

Бѣлесова.

Останьтесь хоть на нѣсколько минутъ!

Цыплуновъ.

Зачѣмъ?

Бѣлесова.

Говорите что̀-нибудь ... хоть браните меня, да только говорите ... Ну, вотъ что̀ скажите мнѣ! Отъ чего это, когда я подумаю, что̀ вы уходите и уходите отъ меня навсегда, у меня какъ-будто, что̀ отрывается отъ сердца, и остается въ душѣ какая-то пустота? Точно меня бросили, кинули одну между чужими ... Скажите, отчего это?

Цыплуновъ (подумавъ).

Не знаю. Скажите яснѣе!

Бѣлесова.

Мнѣ кажется, что если-бы вы, или кто-нибудь изъ подобныхъ вамъ людей, навѣщали меня хоть изрѣдка, мнѣ было бы лучше, теплѣе на душѣ.

Цыплуновъ.

А, понимаю. Вы начинаете скучать; жизнь безъ всякаго содержанія вамъ надоѣла, и вы почувствовали ея пустоту.

Бѣлесова.

Да, кажется, такъ.

Цыплуновъ.

Это хорошее дѣло.

Бѣлесова.

Какъ-же помочь моему горю? Я прошу вашего совѣта, не откажите мнѣ!

Цыплуновъ.

Извольте! Это очень просто. Найдите себѣ занятіе, поищите хорошихъ, дѣльныхъ людей для знакомства, больше думайте, читайте; а лучше всего, познакомьтесь съ какой-нибудь доброй, умной женщиной: она васъ научитъ, что̀ дѣлать, чтобы избѣжать скуки и тоски.

Бѣлесова.

Мнѣ этого мало.

Цыплуновъ.

Ужь извините, больше я ничего не имѣю предложить вамъ. Прощайте. (Идетъ на террасу).

Бѣлесова (догоняя Цыплунова).

Постойте! Подождите! Юрій Михайловичъ! Юрій Михайловичъ! Одну минуту!

Цыплуновъ (возвращаясь).

Что̀ прикажете?

Бѣлесова

(садясь въ кресло и закрывая лицо руками).

Я люблю васъ!

Цыплуновъ.

Что̀ вы говорите? Такими словами не шутятъ. Посмотрите на меня, я такъ убитъ, такъ жалокъ, что шутить надо мной вамъ непростительно.

Бѣлесова (плача).

Да нѣтъ, нѣтъ, правда, правда, я не шучу нисколько,

Цыплуновъ.

Да какъ это могло случиться? Когда?

Бѣлесова.

Вчера, и сегодня особенно.

Цыплуновъ.

Если это правда, то ужь я не могу, не смѣю васъ такъ оставить; я долженъ позаботиться о васъ, долженъ что̀-нибудь сдѣлать для васъ.

Бѣлесова (печально).

„Что̀-нибудь“ — только что̀-нибудь.

Цыплуновъ.

Нѣтъ, все ... (Одумавшись.) Все, что̀ могу, что̀ я долженъ. (Входятъ: Гнѣвышевъ и Пирамидаловъ и останавливаются у двери.)

Явленіе четвертое.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Гнѣвышевъ и Пирамидаловъ.

Бѣлесова.

Конечно, я не въ правѣ не только требовать отъ васъ ... но даже и надѣяться ... Но ужь вы сдѣлали для меня много, вы заставили меня полюбить васъ ... Я вижу, чувствую, что эта любовь для меня спасительна; умоляю васъ, не покидайте меня! Мнѣ нужна помощь, нужно участіе ...

Цыплуновъ.

Что̀ я могу, что̀ я въ силахъ ...

Бѣлесова.

Ахъ, я знаю, я буду много, много тосковать ... о погибшей молодости, о своемъ безумствѣ ... Мнѣ нужна будетъ поддержка, душевное участіе и утѣшеніе, которое шло бы отъ сердца ... А то вѣдь насъ утѣшаютъ обыкновенно вотъ чѣмъ! (Указываетъ на конвертъ съ деньгами.)

Цыплуновъ.

Что̀ это?

Бѣлесова.

Это деньги; мнѣ привезъ ихъ сегодня Всеволодъ Вячеславичъ.

Цыплуновъ.

Развѣ у васъ своего ничего нѣтъ? Вы живете на счетъ Всеволода Вячеславича?

Гнѣвышевъ.

Нѣтъ, у нея есть и свои, но не много; а она должна жить прилично.

Цыплуновъ.

Валентина Васильевна, если васъ не оскорбляютъ эти деньги, тогда мнѣ говорить нечего.

Бѣлесова.

Нѣтъ, оскорбляютъ. Я иногда пла́чу; но что̀-жь дѣлать, я признаюсь вамъ, не имѣю столько силы воли, чтобъ ...

Цыплуновъ.

Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ помочь вамъ. Вѣдь вы меня просили?

Бѣлесова.

Да, просила и прошу.

Цыплуновъ.

Вотъ первое доброе дѣло, которое я могу сдѣлать для васъ. Дайте мнѣ эти деньги!

Бѣлесова.

Извольте!

Цыплуновъ.

Вамъ ихъ не жаль?

Бѣлесова.

Ахъ, нѣтъ, дѣлайте съ ними, что̀ хотите; вы лучше меня знаете, что̀ мнѣ нужно.

Цыплуновъ (Гнѣвышеву).

Всеволодъ Вячеславичъ, Валентина Васильевна отказывается отъ вашего подарка.

Гнѣвышевъ.

Что̀ я дарю, я того не беру назадъ.

Цыплуновъ.

Вы, ваше превосходительство, человѣкъ извѣстный своей благотворительностью; Валентина Васильевна проситъ васъ раздать эти деньги, отъ ея имени, бѣднымъ, которые дѣйствительно нуждаются.

Гнѣвышевъ (взявъ деньги).

Да, если дѣло принимаетъ такой оборотъ ... (Одобрительно шепчетъ Цыплунову). Хорошо, молодой человѣкъ, хорошо.

Цыплуновъ.

Потомъ, потомъ ... что̀ еще потомъ я обязанъ сдѣлать для васъ? (Входитъ Цыплунова.)

Явленіе пятое.

Бѣлесова, Цыплуновъ, Гнѣвышевъ, Пирамидаловъ и Цыплунова.

Цыплунова.

Юша, Юша! Онъ и такъ боленъ бѣдный; зачѣмъ привели его сюда? Извините меня, Валентина Васильевна! Юша, пойдемъ домой!

Цыплуновъ.

Маменька, вы такъ меня любите, въ васъ такъ много любви, такое обиліе чувства, что вы можете удѣлить другимъ часть его, не обижая меня. Ма-

менька, есть женщина, которая нуждается въ сочувствіи, въ поддержкѣ ...

Цыплунова.

Про кого ты говоришь, другъ мой?

Бѣлесова.

Это я, Анна Аѳанасьевна!...

Цыплунова.

Ахъ, Юша, пойдемъ лучше!

Цыплуновъ.

Маменька, погодите! Эта женщина очень несчастна. Ни одно высокое чувство въ ней не было затронуто. Ей никто никогда не говорилъ о состраданіи, о любви, она не знала даже, что порока нужно стыдиться, а не гордиться имъ.

Цыплунова.

Юша, ты можешь обидѣть ее ...

Цыплуновъ.

Нѣтъ, она теперь не обидится; она любитъ меня, и вы, я знаю, сами ее полюбите за это и сдѣлаете для нея все, что̀ можетъ сдѣлать умная, любящая женщина для молодой души.

Цыплунова (подходя къ Бѣлесовой).

Вы полюбили моего сына?... Это правда?

Бѣлесова.

Да, я полюбила его, и люблю его все больше и больше: моя любовь растетъ вмѣстѣ съ уваженіемъ, которое и начинаю чувствовать къ вамъ обоимъ. Да развѣ мнѣ трудно полюбить его, — васъ? Мнѣ стóитъ только вспомнить мое дѣтство и забыть все, что̀ было потомъ. Юрій Михайлычъ, помните, какъ мы съ вами оба вмѣстѣ, съ двухъ сторонъ, бросались обнимать и цаловать вашу матушку? Вы

и теперь ее часто обнимаете ... Какъ я вамъ завидую. Нѣтъ, вы ей не все сказали про меня. (Беретъ за руку Цыплунову.) Вы забыли ей сказать, что я сирота, совершенно одинокая; но что если-бы я нашла руку, которую могла бы поцаловать съ любовью ... (Хочетъ поцаловать руку Цыплуновой.)

Цыплуновъ.

Что вы, что вы, Валентина Васильевна!

Бѣлесова.

Прошу васъ, пойдемте ко мнѣ въ комнату, на два слова только, на два слова! (Уходятъ.)

Цыплуновъ (про себя).

Какъ мнѣ досадно на себя; мои слова всегда такъ жестки! Но маменька ее утѣшитъ, она умѣетъ, да, умѣетъ ... Какое положеніе! Но нѣтъ, не теперь, послѣ, послѣ ... Я долженъ покойно и серьезно разсудить, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Гнѣвышевъ (Цыплунову).

Молодой человѣкъ, прогоните меня, прогоните насъ! Я очень хорошо понимаю, что мы здѣсь непрошеные гости, что мы здѣсь лишніе ...

Цыплуновъ.

Это какъ вамъ угодно. Я здѣсь не хозяинъ.

Гнѣвышевъ

(крѣпко жметъ руку Цыплунова и, ударяя себя въ грудь, говоритъ торжественно).

Но, молодой человѣкъ, позвольте мнѣ гордиться, что, выбравъ васъ для нея, я не ошибся! Да-съ, не ошибся. (Дѣлаетъ знакъ Пирамидалову и отходитъ съ нимъ на лѣвую сторону).

Пирамидаловъ (Гнѣвышеву).

Ваше превосходительство, вы всегда были моимъ отцомъ, не откажите мнѣ и теперь въ вашемъ расположеніи, въ вашей милости!

Гнѣвышевъ.

Просите, я сегодня въ хорошемъ расположеніи духа.

Пирамидаловъ.

Ваше превосходительство, я женюсь на Антонинѣ Власьевнѣ Бѣдонѣговой; позвольте мнѣ просить васъ быть моимъ посаженымъ отцомъ. И для меня это честь выше всякой мѣры, да и по купечеству, вы знаете, ваше превосходительство, какъ важно ...

Гнѣвышевъ.

Когда генералъ на свадьбѣ ... знаю, знаю! Ну, изволь, мой милый, я сдѣлаю для тебя это удовольствіе ... (Входятъ: Цыплунова и Бѣлесова, одѣтая просто.)

Явленіе шестое.

Цыплуновъ, Гнѣвышевъ, Пирамидаловъ, Цыплунова и Бѣлесова.

Цыплуновъ

(пораженный простымъ нарядомъ Бѣлесовой).

Маменька, я думалъ о томъ, что̀ мы должны сдѣлать для Валентины Васильевны.

Цыплунова (съ улыбкой).

Погоди, мой другъ! Съ тобой мы поговорить успѣемъ. Хотя намъ всегда пріятно слушать тебя, но теперь у насъ важное дѣло, которое надо кончить поскорѣй. (Гнѣвышеву.) Валентина оставляетъ эту дачу; вы можете сдать ее довольно выгодно, желающихъ много, лѣто еще только начинается.

Гнѣвышевъ.

Пирамидаловъ, устройте это дѣло! Но я не понимаю, зачѣмъ это?

Цыплунова.

Эта дача велика и дорога для Валентины ... (Бѣлесовой.) Впрочемъ, говори ты сама!

Бѣлесова (указываетъ на Цыплунову).

Маменька обѣщала мнѣ найти, по сосѣдству съ ними, одну или двѣ комнаты, больше мнѣ не нужно. Завтра-же я велю продать мебель и всѣ свои лишнія вещи; я возьму только цвѣты. Мы теперь идемъ смотрѣть новую квартиру.

Цыплуновъ.

Маменька, какъ я вамъ благодаренъ! Мы весело будемъ жить на дачѣ. Мнѣ кажется, я могу сказать, что рай, о которомъ я мечталъ, открывается для меня. Такъ-ли это? Вы согласны со мной?

Цыплунова.

Думай самъ о себѣ! Я знаю только одно, что я нашла то, чего мнѣ недоставало и чего я такъ желала, — я нашла дочь себѣ.

Цыплуновъ.

Объ чемъ-же мнѣ думать! И я нашелъ то, чего искалъ. Въ этихъ прекрасныхъ чертахъ опять я вижу дѣтскую чистоту и ясность и то же ангельское выраженіе ... Это она, наша прежняя Валентина.

Приложенія.

Застольное слово А. Н. Островскаго о Пушкинѣ [1].

Мм. гг. Памятникъ Пушкину поставленъ: память великаго народнаго поэта увѣковѣчена, заслуги его засвидѣтельствованы. Всѣ обрадованы. Мы видѣли вчера восторгъ публики; такъ радуются только тогда, когда заслугамъ отдается должное, когда справедливость торжествуетъ. О радости литераторовъ говорить едва ли нужно. Отъ полноты обрадованной души, мм. гг., и я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ великомъ поэтѣ, его значеніи и заслугахъ, какъ я ихъ понимаю. Строгой послѣдовательности и сильныхъ доводовъ я обѣщать не могу: я буду говорить не какъ человѣкъ ученый, а какъ человѣкъ убѣжденный. Мои убѣжденія слагались не для обнародованія, а только про себя, такъ сказать, для собственнаго употребленія; при мнѣ бы онѣ и остались, если-бъ не подошелъ этотъ радостный праздникъ. На этомъ праздникѣ каждый литераторъ обязанъ быть ораторомъ, обязанъ громко благодарить поэта за тѣ сокровища, которыя онъ завѣщалъ намъ.

Сокровища, дарованныя намъ Пушкинымъ, дѣйствительно велики и неоцѣненны. Первая заслуга великаго поэта въ томъ, что черезъ него умнѣетъ все, что можетъ поумнѣть. Кромѣ наслажденія, кромѣ формъ для выраженія мыслей и чувствъ, поэтъ даетъ и самыя формулы мыслей и чувствъ. Богатые результаты совершеннѣйшей умственной лабораторіи дѣлаются общимъ достояніемъ. Высшая творческая натура влечетъ и подравниваетъ къ себѣ всѣхъ. Поэтъ ведетъ за собой публику въ незнакомую ей

---

1 Произнесено за обѣдомъ Московскаго Общества любителей россійской словесности, въ Благородномъ собраніи, 7-го іюня 1880 г.

страну изящнаго, въ какой-то рай, въ тонкой и благоуханной атмосферѣ котораго возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства. Отчего съ такимъ нетерпѣніемъ ждется каждое новое произведеніе отъ великаго поэта? Оттого, что всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ; всякій ждетъ, что вотъ онъ скажетъ мнѣ что-то прекрасное, новое, чего нѣтъ у меня, чего недостаетъ мнѣ; но онъ скажетъ, и это сейчасъ-же сдѣлается моимъ. Вотъ отчего и любовь, и поклоненіе великимъ поэтамъ; вотъ отчего и великая скорбь при ихъ утратѣ; образуется пустота, умственное сиротство: не кѣмъ думать, не кѣмъ чувствовать.

Но легко сознать чувство удовольствія и восторга отъ изящнаго произведенія; а подмѣтить и прослѣдить свое умственное обогащеніе отъ того-же произведенія — довольно трудно. Всякій говоритъ, что ему то или другое произведеніе нравится; но рѣдкій сознаетъ и признается, что онъ поумнѣлъ отъ него. Многіе полагаютъ, что поэты и художники не даютъ ничего новаго, что все, ими созданное, было и прежде гдѣ-то, у кого-то,—но оставалось подъ спудомъ, потому что не находило выраженія. Это — неправда. Ошибка происходитъ оттого, что всѣ вообще великія научныя, художественныя и нравственныя истины очень просты и легко усвояются. Но, какъ онѣ ни просты, все-таки предлагаются только творческими умами; а обыкновенными умами только усвоиваются, и то не вдругъ и не во всей полнотѣ, а по мѣрѣ силъ каждаго.

Пушкинымъ восхищались и умнѣли, восхищаются и умнѣютъ. Наша литература обязана ему своимъ умственнымъ ростомъ. И этотъ ростъ былъ такъ великъ, такъ быстръ, что историческая послѣдовательность въ развитіи литературы и общественнаго вкуса была, какъ будто, разрушена и связь съ прошедшимъ разорвана. Этотъ прыжокъ былъ не такъ замѣтенъ при жизни Пушкина; современники хотя и считали его великимъ поэтомъ, считали своимъ учителемъ; но настоящими учителями ихъ были люди предшествовавшаго поколѣнія, съ которыми они были очень крѣпко связаны чувствомъ безграничнаго уваженія и благодарности. Какъ ни любили они Пушкина, но, все-таки, въ сравненіи съ старшими писателями, онъ казался имъ еще молодъ и не довольно солиденъ; признать его

одного виновникомъ быстраго поступательнаго движенія русской литературы значило для нихъ: обидѣть солидныхъ и во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно весьма почтенныхъ людей. Все это понятно, и иначе не могло быть. Зато слѣдующее поколѣніе, воспитанное исключительно Пушкинымъ, когда сознательно оглянулось назадъ, увидало, что предшественники его и многіе его современники для нихъ ужъ даже не прошедшее, а далекое давно прошедшее. Вотъ, когда замѣтно стало, что русская литература въ одномъ человѣкѣ выросла на цѣлое столѣтіе. Пушкинъ засталъ русскую литературу въ періодъ ея молодости, когда она еще жила чужими образцами и по нимъ выработывала формы, лишенныя живого, реальнаго содержанія, — и что же? Его произведенія — ужъ не историческія оды, не плоды досуга, уединенія, или меланхоліи; онъ кончилъ тѣмъ, что оставилъ самъ образцы, равные образцамъ литературъ зрѣлыхъ, образцы, совершенные по формѣ и по самобытному, чисто-народному содержанію. Онъ далъ серьёзность, поднялъ тонъ и значеніе литературы, воспиталъ вкусъ въ публикѣ, завоевалъ ее и подготовилъ для будущихъ литераторовъ, читателей и цѣнителей.

Другое благодѣяніе, оказанное намъ Пушкинымъ, по моему мнѣнію, еще важнѣе и еще значительнѣе. До Пушкина у насъ литература была подражательная, — вмѣстѣ съ формами, она принимала отъ Европы и разныя, исторически сложившіяся тамъ направленія, которыя въ нашей жизни корней не имѣли, но могли приняться, какъ принялось и укоренилось многое пересаженное. Отношенія писателей къ дѣйствительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный уголъ зрѣнія. Каждый изъ нихъ, вмѣсто того, чтобъ быть самимъ собой, долженъ былъ настроиться на какой-нибудь ладъ. Тогда еще проповѣдывалась самая беззастѣнчивая реторика; твердо стоялъ и грозно озирался ложный классицизмъ; на смѣну ему шелъ романтизмъ, но не свой, не самобытный, а наскоро посаженный съ оттѣнкомъ чуждой намъ сантиментальности; не сошла еще со сцены никому ненужная пастораль. Внѣ этихъ условныхъ направленій, поэзія не признавалась, самобытность сочласьбы или невѣжествомъ, или вольнодумствомъ. Высвобожденіе мысли изъ-подъ гнета условныхъ пріемовъ — дѣло не

легкое, оно требуетъ громадныхъ силъ. Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что въ самыхъ богатыхъ и самыхъ сильныхъ литературахъ и по сей часъ высокопарное направленіе имѣетъ представителей и горячо отстаивается, а реальность пропагандируется какъ что-то новое, небывалое.

Прочное начало освобожденію нашей мысли положено Пушкинымъ, — онъ первый сталъ относиться къ темамъ своихъ произведеній прямо, непосредственно, онъ захотѣлъ быть оригинальнымъ и былъ, — былъ самимъ собой. Всякій великій писатель оставляетъ за собой школу, оставляетъ послѣдователей, — и Пушкинъ оставилъ школу, и послѣдователей. Что за школа, что онъ далъ своимъ послѣдователямъ? Онъ завѣщалъ имъ искренность, самобытность, онъ завѣщалъ каждому быть самимъ собой, онъ далъ всякой оригинальности смѣлость, далъ смѣлость русскому писателю быть русскимъ. Вѣдь это только легко сказать! Вѣдь это значитъ, что онъ, Пушкинъ, раскрылъ русскую душу. Конечно, для послѣдователей путь его труденъ: не всякая оригинальность настолько интересна, чтобъ ей показываться и ею занимать. Но зато если литература наша проигрываетъ въ количествѣ, такъ выигрываетъ въ качественномъ отношеніи. Немного нашихъ произведеній идетъ на оцѣнку Европы, но и въ этомъ немногомъ оригинальность русской наблюдательности, самобытный складъ мысли уже замѣчены и оцѣнены по достоинству. Теперь намъ остается только желать, чтобы Россія производила поболѣе талантовъ, пожелать русскому уму поболѣе развитія и простора; а путь, по которому идти талантамъ, указанъ нашимъ великимъ поэтомъ. Мм. гг., я предлагаю тостъ за русскую литературу, которая пошла и идетъ по пути, указанному Пушкинымъ. Выпьемъ весело за вѣчное искусство, за литературную семью Пушкина, за русскихъ литераторовъ! Мы выпьемъ очень весело этотъ тостъ: нынче на нашей улицѣ праздникъ.

Записка А. Н. Островскаго объ устройствѣ русскаго національнаго театра въ Москвѣ [1].

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ Москвѣ театры существуютъ только *номинально*. Цивилизующее вліяніе драматическаго искусства въ столицѣ не только ничтожно, но его положительно не существуетъ для огромнаго большинства публики.

До 1853 г. драматическія представленія въ Москвѣ давались въ Большомъ театрѣ, но и тотъ уже былъ тѣсенъ для публики.

Съ тѣхъ поръ населеніе Москвы увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а численность публики въ нѣсколько разъ, такъ какъ число лицъ, составляющихъ публику, увеличиваясь вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія, возрастаетъ еще и независимо отъ этой причины, съ постепеннымъ развитіемъ среднихъ и низшихъ классовъ общества. Въ народѣ, начинающемъ цивилизоваться, публика прибываетъ не единичными лицами, а цѣлыми поколѣніями. Кромѣ того, нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, каждое утро, доставляютъ въ Москву изъ 14—15 губерній иногороднюю публику, для которой намѣреніе побывать въ столичномъ драматическомъ театрѣ составляетъ одно изъ главныхъ побужденій поѣздки въ Москву. Теперь въ Москвѣ для драматическихъ представленій нужно уже три или четыре такихъ театра, каковъ

---

1 Много лѣтъ занимала Островскаго мысль объ устройствѣ національнаго театра въ Москвѣ. Наконецъ, въ 1882 г. онъ, въ качествѣ предсѣдателя Общества Русскихъ Драматическихъ писателей, представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ „Записку“ по этому поводу, получившую затѣмъ Высочайшее одобреніе. Текстъ этой „Записки“ приводится здѣсь полностью.

былъ Большой театръ до 1853 г. Но, къ несчастью Москвы, дѣло вышло наоборотъ: драматическія представленія переведены изъ Большого театра въ Малый. Этотъ Малый, или, такъ называемый, Маленькій театръ, вдвое меньше Большого, въ немъ прежде давались французскіе спектакли, онъ устроенъ для публики достаточной и дешевыхъ мѣстъ въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ. Огромное большинство публики въ Москвѣ осталось безъ театра, и именно той публики для которой русскія драматическія представленія стали насущною потребностью.

Остались безъ театра: во 1-хъ многія тысячи богатыхъ и среднихъ торговцевъ. Такой публики въ Москвѣ въ 30 лѣтъ прибыло очень много: въ 1862 г. купеческихъ капиталовъ по 1-й гильдіи было 134, по 2-й—375, приказчиковъ 1-го и 2-го класса 555; въ 1880 г. по 1-й гильдіи 770, по 2-й—6154, приказчиковъ обоихъ классовъ 12423.

Во 2-хъ, пріѣзжее купечество. Въ Москвѣ, какъ въ центрѣ, сошлись шесть желѣзныхъ дорогъ со всѣхъ сторонъ, и она стала постоянной ярмаркой, желѣзныя дороги доставляютъ среднимъ числомъ ежедневно до 4500 пассажировъ. Половина изъ нихъ, если не болѣе, различные торговцы губернскихъ и уѣздныхъ городовъ изъ всей Россіи и даже изъ Сибири и съ Кавказа.

Въ 3-хъ, лишены театра мелкіе торговцы и хозяева ремесленныхъ заведеній (часовщики, мебельщики, драпировщики, слесаря, портные, сапожники и пр.).

Въ настоящее время въ умственномъ развитіи среднихъ и низшихъ классовъ общества наступила пора, когда эстетическія удовольствія и преимущественно драматическія представленія, дѣлаются насущной потребностью. Эта потребность уже достигла значительной степени напряженности и неудовлетвореніе ея можетъ имѣть вредное вліяніе на общественную нравственность.

Что такая серьезная потребность подлежитъ удовлетворенію, не можетъ быть сомнѣнія; но при этомъ является весьма важный и существенный для этого дѣла вопросъ: какъ и чѣмъ удовлетворить эту потребность, т. е. какіе именно нужны театры для Москвы?

Населеніе Москвы преимущественно купеческое и промышленное, Москва есть торговый центръ Россіи, въ ней сходятся шесть желѣзныхъ дорогъ, которыя ежедневно до-

ставляютъ огромное количество людей, принадлежащихъ къ торговому сословію. Москва ужь теперь не ограничивается Камер-коллежскимъ валомъ, за нимъ идутъ непрерывной цѣпью, отъ Московскихъ заставъ вплоть до Волги, промышленные фабричные села, посады, города и составляютъ продолженіе Москвы. Все это пространство, въ 60 т. слишкомъ квадр. верстъ составляетъ какъ бы предмѣстье Москвы и тяготѣетъ къ ней всѣми своими торговыми и житейскими интересами; обыватели этой стороны не гости въ Москвѣ, а свои люди.

Кромѣ того, Москва патріотическій центръ государства, она не даромъ зовется сердцемъ Россіи. Тамъ древняя святыня, тамъ историческіе памятники, тамъ короновались Русскіе Цари и коронуются Русскіе Императоры, тамъ, въ виду торговыхъ рядовъ, на высокомъ пьедесталѣ, какъ образецъ русскаго патріотизма, стоитъ великій русскій купецъ Мининъ. Въ Москвѣ всякій пріѣзжій, помолясь въ Кремлѣ русской святынѣ и посмотрѣвъ историческія достопамятности, невольно проникается русскимъ духомъ. Въ Москвѣ все русское становится понятнѣе и дороже.

Принимая въ соображеніе вышесказанное, нельзя не придти къ заключенію, что въ Москвѣ нуженъ прежде всего Русскій театръ, національный, всероссійскій. Это дѣло неотложное,—вопросъ о Русскомъ театрѣ въ Москвѣ стоитъ прежде вопроса о свободѣ театровъ и независимо отъ него. Русскій театръ въ Москвѣ—дѣло важное, патріотическое.

Москва — городъ вѣчно обновляющійся, вѣчно юный; черезъ Москву волнами вливается въ Россію великорусская, народная сила.

Въ Москвѣ могучая, но грубая крестьянская сила очеловѣчивается. Очеловѣчиваться этой новой публикѣ прежде всего помогаетъ театръ, котораго она и жаждетъ. Искусство безсильно только надъ душами изжившимися; но надъ ними и все безсильно. Свѣжую душу театръ захватываетъ властною рукой.

Бытовой репертуаръ, если художественъ, т. е. если правдивъ, великое дѣло для новой, воспріимчивой публики: онъ покажетъ, что есть хорошаго, добраго въ русскомъ человѣкѣ, что онъ долженъ въ себѣ беречь и воспитывать и что есть въ немъ дикаго и грубаго, съ чѣмъ онъ долженъ бороться. Еще сильнѣе дѣйствуютъ на свѣжую публику

историческія драмы и хроники: онѣ развиваютъ народное самопознаніе и воспитываютъ сознательную любовь къ отечеству. Театръ съ честнымъ, художественнымъ, здоровымъ народнымъ репертуаромъ необходимъ для Москвы. Такой театръ былъ бы поистинѣ наукой и для русскаго драматическаго искусства. Мы должны начинать съ начала, должны начинать свою родную русскую школу, а не слѣпо идти за французскими образцами и писать по ихъ шаблонамъ разныя тонкости, интересныя только уже пресыщенному вкусу. Русская нація еще складывается, въ нее вступаютъ свѣжія силы; зачѣмъ-же намъ успокаиваться на пошлостяхъ, тѣшащихъ буржуазное безвкусіе.

Русскіе драматическіе писатели давно сѣтуютъ, что въ Москвѣ нѣтъ русскаго театра, что для русскаго искусства нѣтъ поля, простора, гдѣ-бы оно могло развиваться. Стѣны существующихъ театровъ узки для національнаго искусства: въ нихъ нѣтъ хорошо сформированной труппы для бытового и историческаго репертуара, въ нихъ нѣтъ мѣста для той публики, для которой хотятъ писать и обязаны писать народные писатели. Русскіе авторы желаютъ пробовать свои силы передъ свѣжей публикой, у которой нервы не очень податливы, для которой требуется сильный драматизмъ, крупный комизмъ, горячія искреннія чувства, живые и сильные характеры. Драматическая поэзія ближе къ народу, чѣмъ всѣ другія отрасли литературы; всякія другія произведенія пишутся для образованныхъ людей, а драмы и комедіи для всего народа. Эта близость къ народу нисколько не унижаетъ драматической поэзіи, а напротивъ, удваиваетъ ея силы и не даетъ ей опошлиться и измельчать; и только тѣ произведенія пережили вѣка, которыя были истинно народными у себя дома; такія произведенія современемъ дѣлаются понятными и цѣнными для другихъ народовъ, а, наконецъ, и для всего свѣта.

У насъ есть русская школа живописи, есть русская музыка, позволительно намъ желать и русской школы драматическаго искусства.

Національный театръ, помимо даже репертуара, т. е. самое зданіе, возбуждаетъ уже народный патріотизмъ. Національный театръ — есть признакъ совершеннолѣтія націи, такъ-же какъ академіи, университеты, музеи. Имѣть свой родной театръ и гордиться имъ желаетъ всякій народъ,

всякое племя, всякій языкъ, значительный и незначительный, самостоятельный и несамостоятельный. Сколько радости, сколько гордости было у чеховъ при открытіи національнаго театра и сколько горя, когда онъ сгорѣлъ. Такой образцовый театръ Москва должна имѣть прежде, чѣмъ будетъ дозволена полная свобода театровъ. Спекуляція образцоваго Русскаго театра не выстроитъ, онъ на первыхъ порахъ не сулитъ большихъ выгодъ, а спекуляція ищетъ скорой наживы, быстраго обогащенія и скромными сборами довольствоваться не станетъ. Чтобъ имѣть чрезвычайные сборы, надо чѣмъ-нибудь удивлять Москву, показывать зрителямъ диковинное, невиданное. Для привлеченія публики потребуются нѣкоторые особенные пріемы и тутъ уже недалеко до осквернения храма музъ разными посторонними искусству приманками.

Безъ Русскаго образцоваго театра искусство достанется на жертву спекуляціи; простая публика можетъ принять представленія, раздражающія любопытство или чувственность, за настоящее, подлинное искусство. Но все острое и раздражающее не оставляетъ въ душѣ ничего, кромѣ утомленія и пресыщенія. Только вѣчное искусство, производя полное, пріятное, удовлетворяющее ощущеніе, т. е. художественный восторгъ, — оставляетъ въ душѣ потребность повторенія этого-же чувства — душевную жажду. Это ощущеніе — есть начало перестройки души, т е. начало благоустройства, — введеніе новаго элемента, умиряющаго, уравновѣшивающаго, — введеніе въ душу чувства красоты, ощущенія изящества.

Театры спекулянтовъ низведутъ искусство на степень праздной забавы и лишатъ его кредита и уваженія въ людяхъ, только начинающихъ жить умственной жизнью.

Выстроить въ Москвѣ Русскій театръ приличнѣе всего было-бы городу, т. е. Думѣ, но она въ настоящее время не имѣетъ на такое употребленіе свободныхъ суммъ; такой театръ могутъ выстроить патріоты, почтенные представители богатаго московскаго купечества. Русскій театръ въ Москвѣ, главнымъ образомъ, нуженъ для купечества, купцы его и выстроятъ; они будутъ въ немъ хозяевами, они знаютъ, что имъ нужно, и поведутъ свое дѣло, руководясь единственно патріотическимъ желаніемъ видѣть процвѣтаніе роднаго искусства въ своемъ отечествѣ. При помощи спе-

ціалистовъ драматическаго искусства и знатоковъ сценическаго дѣла, Русскій театръ, въ рукахъ образованнаго купечества, оснуется въ Москвѣ прочно и будетъ постепенно совершенствоваться. Если я буду такъ счастливъ, что мои соображенія заслужатъ вниманія правительства и удостоятся одобренія, я охотно возьму починъ этого дѣла на себя. Если когда-нибудь такой театръ возникнетъ въ Москвѣ, онъ будетъ дорогимъ, любимымъ, постояннымъ, вѣчнымъ театромъ для москвичей. Всѣ другіе частные театры будутъ временные: подъ вліяніемъ того или другого направленія, идущаго изъ Парижа, эти временные театры то будутъ возвышаться, то падать, то богатѣть, то бѣднѣть, а онъ будетъ стоять незыблемо и будетъ всегдашней школой для русскихъ артистовъ и народныхъ писателей и истинной отрадой для простой, свѣжей русской публики.

Примѣчанія.

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. Напечатана въ журналѣ „Отечественныя Записки“ 1872 г. № 1 (январь).

Въ первый разъ представлена, въ Петербургѣ, на сценѣ Александринскаго театра въ 1872 г. 20 сентября, въ бенефисъ г. Малышева.

Распредѣленіе ролей слѣдующее:

Крутицкій	г. Васильевъ 2.
Анна Тихоновна	г-жа Читау.
Настя	г-жа Хлѣбникова.
Разновѣсовъ	г. Зубовъ.
Мигачева	г-жа Стрѣльская.
Елеся	г. Сазоновъ.
Кубышкинъ	г. Виноградовъ.
Фетинья	г-жа Громова.
Лариса	г-жа Левкѣева 2.
Баклушинъ	г. Малышевъ.
Петровичъ	г. Бурдинъ.
Лютовъ	г. Васильевъ 1.

Въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ, въ первый разъ шла въ томъ-же году 10 декабря, въ бенефисъ г. Музиля.

Играли роли:

Крутицкаго	г. Шумскій.
Анны Тихоновны	г-жа Васильева. (Е. Н.)
Насти	г-жа Никулина.
Разновѣсова	г. Самаринъ.
Мигачевой	г-жа Таланова.
Елеси	г. Музиль.
Кубышкина	г. Живокини 2.
Фетиньи	г-жа Акимова.
Ларисы	г-жа Нелюбова.
Баклушина	г. Вильде.
Петровича	г. Петровъ.
Лютова	г. Колосовъ.

Снѣгурочка. Напечатана въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1873 г. № 9 (сентябрь).

Въ первый разъ поставлена въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, 11 мая 1873 г. въ бенефисъ Живокини.

Распредѣленіе ролей:

Весна	г-жа Ермолова.
Дѣдъ Морозъ	г. Додоновъ.
Снѣгурочка	г-жа Ѳедотова.
Лѣшій	г. Никифоровъ 2.
Масляница	г. Миленскій.
Бобыль	г. Бергъ.
Его жена	г-жа Акимова.
Лель	г-жа Кадмина.
Купава	г-жа Никулина.
Мизгирь	г. Рѣшимовъ.
Брусило	г. Музиль.
Малышъ	г. Охотинъ.
Курилко	г. М. Садовскій.
Царь Берендѣй	г. Самаринъ.
Бермята	г. Живокини (В. И.)
Елена Прекрасная	г-жа Васильева (Е. Н.)

Въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, поставлена въ первый разъ 27 декабря 1900 года, въ бенефисъ г. Варламова.

Распредѣленіе ролей:

Весна	г-жа Мичурина.
Дѣдъ Морозъ	г. Писаревъ.
Снѣгурочка	г-жа Коммиссаржевская.
Лѣшій	г. Пантелѣевъ.
Масляница	г. Крюковъ.
Бобыль	г. Давыдовъ.
Его жена	г-жа Стрѣльская.
Лель	г. Ходотовъ.
Купава	г-жа Потоцкая.
Мизгирь	г. Юрьевъ.
Брусило	г. Панчинъ.
Малышъ	г. Шеинъ.
Курилко	г. Израилевъ.
Царь Берендѣй	г. Варламовъ.
Бермята	г. Петровъ.
Мурашъ	г. Медвѣдевъ.
Елена Прекрасная	г-жа Немирова-Ральфъ.

Поздняя любовь. Напечатана въ журналѣ „Отечественныя Записки“ 1874 г. № 1 (январь).

Въ первый разъ представлена въ Москвѣ, въ Маломъ театрѣ въ 1873 г. 22 ноября, въ бенефисъ г. Музиля.

Играли:

Шаблову	г-жа Акимова.
Маргаритова	г. Шумскій
Дороднаго.	г. Бергъ.
Людмилу	г-жа Ѳедотова.
Дормидонта	г. Музиль.
Николая	г. Вильде.
Лебедкину.	г-жа Никулина.

Въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, въ первый разъ шла въ томъ-же году 28 ноября, въ бенефисъ г. Бурдина.

Играли:

Шаблову	г-жа Громова.
Маргаритова	г. Бурдинъ.
Людмилу	г-жа Струйская 1.
Дормидонта	г. Сазоновъ.
Дороднаго	г. Васильевъ 2.
Николая.	г. Нильскій.
Лебедкину.	г-жа Лядова-Саріотти.

Трудовой хлѣбъ. Напечатана въ журналѣ „Отечественныя Записки“. 1874 г. № 11 (ноябрь).

Представлена, въ первый разъ, въ Маломъ московскомъ театрѣ 1874 г. 28 ноября, въ бенефисъ г. Музиля.

Играли:

Корпѣлова.	г. Шумскій.
Наталью Петровну. . .	г-жа Ѳедотова.
Евгенію Львовну . . .	г-жа Никулина.
Грунцова	г. М. Садовскій.
Чепурина	г. Музиль.
Маланью	г-жа Таланова.
Потрохова.	г. Самаринъ.
Потрохову	г-жа Васильева (Е. Н.)
Капрова	г. Вильде.
Ключницу.	г-жа Акимова.

Въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, пред-

ставлена, въ первый разъ, въ 1874 г. 18 декабря въ бенефисъ г. Горбунова.

Играли:

Корпѣлова	г. Самойловъ.
Наталью Петровну . . .	г-жа Савина.
Евгенію Львовну . . .	г-жа Хлѣбникова 2.
Грунцова	г. Сазоновъ.
Чепурина	г. Горбуновъ.
Маланью	г-жа Натарова 1.
Потрохова	г. Бурдинъ.
Потрохову	г-жа Читау.
Копрова	г. Нильскій.
Ключницу	г-жа Громова.

Богатыя невѣсты. Напечатана въ журналѣ „Отечественныя записки“ 1876 г. № 2 (февраль). (Написана въ 1874 г.).

Журнальный текстъ (точную копію котораго представляетъ и рукописный экземпляръ центральной библіотеки Императорскихъ театровъ), вскорѣ послѣ представленія пьесы, авторъ подвергъ весьма основательному пересмотру: нѣкоторые діалоги цѣлыми страницами были совершенно устранены, нѣкоторые — сокращены или замѣнены новыми. Переработка коснулась въ значительной степени двухъ первыхъ дѣйствій и заключительной сцены послѣдняго акта, получившей поэтому болѣе опредѣленности, законченности и яркости: въ ней не осталось ничего недоговореннаго, и зрителю здѣсь уже не о чемъ догадываться — знакъ вопроса исчезъ. Блѣдная, туманная фигура прежняго Цыплунова пріобрѣла теперь надлежащую колоритность, которой ей недоставало, и воплотилась въ живой, реальный образъ. Словомъ — вся пьеса выиграла необычайно, какъ въ литературно-художественномъ, такъ и въ сценическомъ отношеніяхъ.

Въ этомъ новомъ видѣ она была напечатана Островскимъ въ 1878 г. въ вышедшемъ тогда IX-мъ томѣ его сочиненій, а съ тѣхъ поръ всѣ послѣдующія изданія, до настоящаго включительно, не повторяли уже прежняго текста, какъ совершенно отвергнутаго авторомъ.

Къ сожалѣнію, слабый успѣхъ на сценѣ „Богатыхъ невѣстъ“ старой редакціи, въ 1875 году, послужилъ очевиднымъ препятствіемъ возобновленію представленій вновь передѣланной комедіи, и *исправленная* авторомъ, она до сихъ поръ не видала еще сцены.

Въ первый разъ представлена въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, 28 ноября 1875, въ бенефисъ г-жи Левкѣевой.

Играли роли:

Цыплуновой. . . . . г-жа Жулева.
Цыплунова . . . . . г. Сазоновъ.
Гнѣвышева . . . . . г. Нильскій.
Бѣлесовой. . . . . г-жа Савина.
Бѣдонѣговой . . . . . г-жа Левкѣева 1.
Пирамидалова . . . . г. Монаховъ.

Въ Маломъ театрѣ, въ Москвѣ, шла въ первый разъ въ томъ-же году 30 ноября, въ бенефисъ г. Музиля.

Играли роли:

Цыплуновой . . . . . г-жа Васильева (Е. Н.)
Цыплунова . . . . . г. Вильде.
Гнѣвышева . . . . . г. Шумскій.
Бѣлесовой. . . . . г-жа Ѳедотова.
Бѣдонѣговой. . . . . г-жа Акимова.
Пирамидалова . . . . г. Музиль.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть
3	7 св.	свободый	свободный
12	2 сн.	боиться	боится
67	15 св.	погонитъ	прогонитъ
312	2 „	таже	та же
341	11 „	въ розь	врозь
361	15—16 сн.	Горацй	Горацій
561	3—2 „	чедовѣкѣ	человѣкѣ

~~Харченко~~

Гарщик

Duke University Libraries
D02782093V